Звездный шлюз

Звездная сеть - 2

Вадим Геннадьевич Проскурин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Противостояние с инопланетными агрессорами закончилось победой. Казалось бы, битва закончена, враги повержены и теперь можно передохнуть. Конечно, никто не обещает, что отдых будет долгим, но все-таки…

Однако жизнь вносит свои коррективы в наши планы. По интернету стали рассылать подробную инструкцию как собрать терминал и куда можно для начала отправиться. Казалось бы, кто обратит внимание на такие письма? Но обязательно найдутся люди, которые захотят проверить полученную информацию.

И теперь нужно думать как остановить этот снежный ком подключений к межзвездной Сети. И думать быстро, иначе будет поздно.

- Вадим Проскурин
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ЭПИЛОГ

Вадим Проскурин
Звездный шлюз

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Остаток вчерашнего дня прошел у нас с Дашей в радостном настроении, можно даже сказать, в эйфории. Ничего удивительного в этом не было — нам было чему радоваться. Конец света не состоялся, Москва не сгорела в ядерном пламени, а всего лишь получила немного острых ощущений плюс большой бесплатный фейерверк на полнеба. Моя отчаянная и почти что самоубийственная вылазка на Нисле увенчалась полным и безоговорочным успехом. Я не только продемонстрировал чужим, что к земным спецслужбам не следует относиться как к варварам, но и сумел ликвидировать одного из главных организаторов неудачного нападения на Землю. А заодно получил немного полезной информации из сознания чужого спецагента, в теле которого провел несколько минут. Габов теперь заставит отчет писать… А я ведь и не запомнил почти ничего, я тогда о другом думал…

Впрочем, написание отчета — не самая большая проблема из тех, что надо срочно решать. Я попытался окинуть одним мысленным взглядом все первоочередные задачи, но сразу понял, что это бессмысленно. Слишком уж много этих задач. Придется список составлять…

Начнем с наиболее глобальных вопросов. Во-первых, остается загадкой реакция чужих на мои подвиги. Чужой спецагент, называвший себя Джеймсом Бондом, говорил, что они не настроены воевать, но когда это было…

Если мы с Габовым правильно оцениваем ситуацию, чужие сейчас пребывают в шоке и смятении. Но что они будут делать, когда шок пройдет? Оставят Землю в покое? На этот исход вчерашняя операция и была рассчитана, но что если мы ошиблись, что если яхры воспримут мои действия как оскорбление, которое нельзя оставить без ответа? Вроде бы не должны они так подумать, я ведь был в сознании этого, как его звали-то… Солсвиве. Когда я находился в его сознании, мне показалось, что у яхров Нисле примерно такие же культурные установки, как у яхров Шотфепки, а яхры Шотфепки отличаются крайним цинизмом и не склонны к безрассудным поступкам. Но кто их знает, что им в голову придет…

Вдруг они решат продолжить наступление не из мести, а из чисто прагматических соображений? Вдруг моя атака настолько

их испугала, что они просто побоятся оставить Землю в покое? Но у нас все равно не было другого выхода. Интересно, дипломатические переговоры с Нисле уже идут или яхры считают, что вступать с нами в дипломатические переговоры — слишком много чести для нас? Надо будет Габова спросить… Впрочем, и так ясно, что он ответит — вежливо выслушает, а потом скажет, что очень занят.

Еще более интересно, что происходит сейчас в большой политике у нас, на Земле. Надо будет посмотреть новости по телевизору, а еще лучше в интернете почитать. Ситуация сложилась редкостно дебильная. Из всего человечества о контакте с чужими знает только несколько сот человек, причем исключительно у нас в России. Американцы и прочие нации свято уверены, что тот адмирал действительно сошел с ума и, находясь во временном умопомрачении, приказал дать ракетный залп по Москве. Интересно, что Путин потребует у Буша в качестве моральной компенсации? И что Буш подумает потом, когда правда в конце концов выплывет наружу? Непонятно, как лучше действовать нашим властям — то ли продолжать пудрить мозги своим заокеанским коллегам, то ли, наоборот, поиграть в великодушие и поделиться информацией о контакте, а может, еще и чужими технологиями поделиться… Хорошо, что я не политик, а то от этих вопросов и так уже голова пухнет.

А от оружия массового поражения человечеству придется избавляться, причем срочно. Никто не в силах защитить ядерные арсеналы от диверсионной вылазки вроде той, какую я вчера провел на Нисле… Вот будет праздник у пацифистов…

И вообще, само понятие армии скоро уйдет в прошлое. В мире, подключенном к Сети, армия не нужна — все, для чего раньше требовалась сотня тысяч солдат и офицеров, теперь может сделать маленькая диверсионная группа, составленная из агентов вроде меня. Нехорошо, конечно, думать о себе так нескромно, но против правды не попрешь, я действительно вполне могу решать задачи, для которых раньше была нужна целая армия. А если еще пройти на Вудстоке несколько дополнительных курсов обучения, да получить в распоряжение десяток-другой технических прибамбасов для лучшей работы с Сетью…

Однако что-то слишком я увлекся отвлеченными размышлениями. Надо подумать и о локальных проблемах, стоящих лично передо мной. Во-первых, я до сих пор числюсь сотрудником охранного предприятия «Эзоп». Не знаю, существует эта фирма до сих пор или нет, да и наплевать мне на нее, честно говоря, но трудовую книжку получить все-таки надо. Или не надо? Для начала надо с Габовым поговорить, может, его ребята

сами все организуют. В конце концов, я теперь не кто-нибудь, а специальный агент особого назначения. После того, что я сделал для их конторы на Нисле, они вполне могут расщедриться на ответную услугу.

Кстати, насчет «расщедриться». Я уже месяц работаю на ФСБ, а зарплату до сих пор не получил. В принципе, денег в заначке достаточно, чтобы мы с Дашей могли безбедно прожить года полтора… нет, на полтора, она же женщина… ну, на полгода точно хватит. Но это по любому непорядок, зарплату надо все-таки получить.

Кстати о Даше. Наши с ней отношения надо как-то узаконить. Не обязательно жениться, но она ведь гражданка Украины, да еще несовершеннолетняя, ее любой мент с радостью упечет в кутузку за отсутствие регистрации, а когда выяснится, что на Украине она в розыске… В принципе, ничего страшного с ней не случится, она просто уйдет в Сеть, но что подумают менты… И с ее мамой тоже нехорошо получилось, волнуется, бедная. Надо ей обязательно позвонить, только сначала надо обсудить этот вопрос с Габовым — как бы не испортить его ведомству какую-нибудь очередную игру.

Как ни крути, все упирается в Габова. Чувствую, нам с ним предстоит долгий разговор. Впрочем, сомнений по этому поводу с самого начала не было, мне же еще отчет писать о вчерашних приключениях…

Я умылся, почистил зубы, побрился, позавтракал и включил компьютер. Даша куда-то подевалась, не оставив никакой записки, но я был спокоен за нее. Во-первых, она девушка умненькая, а во-вторых, если с ней что-нибудь случится, она всегда сможет вызвать меня по Сети. Теоретически, можно предположить, что ее могут похитить чужие… На Земле? Нет, батенька, это уже паранойя, вам лечиться надо.

Перед тем, как открыть ворд и начать подробно описывать свои вчерашние приключения, я решил слазить в интернет, проверить почту и почитать новости. В почте меня ждал сюрприз.

На первый взгляд это было обычное рекламное письмо, спам-фильтр правильно определил его как спам и поместил в соответствующую папку. Спам-фильтр у меня работает в максимально параноическом режиме, время от времени он пытается фильтровать нормальные письма, пришедшие от моих знакомых, и после нескольких неприятных случаев у меня вошло в привычку ежедневно просматривать папку с нежелательными письмами. Сегодня в ней не было ничего примечательного, кроме одного письма, которое сразу зацепило мой взгляд.

Вначале я не поверил своим глазам. Только перечитав тему

письма еще раз, я убедился, что глаза меня не обманули. Тема действительно гласила: Incredible journey to alien worlds.

Обычно я удаляю спам, не заглядывая внутрь, но для этого письма я сделал исключение. Я открыл его, начал читать и мне сразу поплохело.

В письме простым и понятным английским языком описывалась электрическая схема простейшего терминала Сети. Схема была снабжена иллюстрациями, точным списком требуемых деталей и пошаговым описанием процедуры сборки. Любой идиот, внимательно прочитавший этот текст, сможет за пару часов собрать нормальный работающий терминал. Конструкция, описанная в письме, немного отличалась от той, с которой начались мои космические приключения, но отличия были незначительны. Пожалуй, эта схема даже чуть-чуть лучше.

Во второй части письма кратко описывались основные приемы работы с Сетью: поисковая система, межпланетный телефон, физические перемещения. Особо отмечалось, что при физическом посещении цивилизованных планет, оснащенных планетарными узлами, необходимо заранее ознакомиться с законами планеты и строго их соблюдать. О порядке пребывания в варварских мирах не говорилось ничего.

Дочитав до этого места, я представил себе, что подумает на моем месте какой-нибудь отмороженный киберпанк, в достаточной степени обкуренный, чтобы всерьез воспринять эти бредни. Да наплюет он с высокой колокольни на все законы всех цивилизованных планет, вместе взятых! А потом комитет защиты порядка планеты Нисле примет решение… Нет, ерунда. Такое решение они уже приняли один раз, а в результате получили обгорелые развалины на месте собственного центрального офиса. Если инициатива спама исходит от братьев по разуму, то цель они преследуют какую-то другую. Но какую? И от них ли исходит этот спам или это наше земное творчество? Какое-то кулхацкерское сообщество решило претворить в жизнь манифест киберпанка и поделиться жизненно важной информацией со всем человечеством? Ни за что не поверю! Будь так, эти олухи в первую очередь устроили бы себе нескончаемое путешествие по иным мирам, а через месяц-другой родная планета стала бы им по барабану. Хотя кто знает? Может, какой-нибудь заокеанский киберпанк уже пресытился сетевыми странствиями и решил облагодетельствовать Родину? Но тогда он обязательно приложил бы к письму увлекательный рассказ о собственных приключениях в Сети. А может, он и приложил? Надо дочитать до конца.

Я дочитал до конца и не обнаружил никаких сведений о приключениях автора в иных мирах. Зато в письме был приведен

список из примерно пятидесяти планет, для каждой из которых указывались абсолютные координаты в человеческой системе понятий и краткая справка, как бы цитата из туристического справочника. Из знакомых мне планет в списке присутствовали Нисле и Шотфепка. В принципе, ничего удивительного в этом нет, яхры весьма близки к людям по культуре, но… Интересно, откуда автор письма получил данные о Шотфепке? Как он сумел туда пробраться? Впрочем, что я несу! Все данные он получил из туристических справочников, которых в Сети навалом.

Я посмотрел на часы и увидел, что прошло больше часа. К счастью, модем давно отрубился, так что денег я потерял не так уж и много. Да и вообще, разве это деньги?

Я начал машинально озираться по сторонам в поисках терминала и только потом сообразил, что терминал мне больше не нужен, теперь терминал находится у меня прямо в голове. Долго придется к этому привыкать.

Я попытался связаться с Габовым, но Сеть сообщила, что линия занята. Странно, на Вудстоке Сеть позволяла устраивать конференц-связь без всяких ограничений и, более того, делала это по умолчанию.

«Сообщение исключительной важности!», мысленно произнес я и услышал в своем сознании усталый голос Габова.

«Ну что у тебя там?»

«Я получил спам…»

«Уже знаю», оборвал меня Габов. «Звонишь только из-за этого?»

«Да».

«Спасибо. Ты меня извини, но забот и без тебя невпроворот. Пиши пока отчет про свой поход на Нисле и особенно не торопись, все равно главная проблема у нас сейчас другая, с тобой не связанная».

«Какая проблема?», удивился я. «Неужели этот спам? Да что в нем такого?»

«А ты подумай», устало произнес Габов. «Когда додумаешься, звонить мне не надо. Тебе покажется, что эта информация исключительно важна, так оно и есть, но мы уже и без тебя все поняли».

Договорив эту фразу, он оборвал связь.

Я почесал голову, открыл ворд и стал писать отчет.

2

Даша появилась ближе к вечеру. Она не вошла в дверь, а

материализовалась прямо на кровати.

— В Сети была? — спросил я и сразу почувствовал себя Штирлицем из анекдотов.

— Ага, — сказала Даша, потянулась и зевнула. — Что на Земле творится? Что в газетах пишут про вчерашнее?

— Не знаю, — сказал я. — Ни одной газеты не выписываю. Зачем мне газеты, если есть телевизор и интернет?

— В сортир с клавиатурой ходишь? — спросила Даша и засмеялась собственной дурацкой шутке. — Неужто и вправду новости не смотрел? Погоди… Что-то случилось?

Я пожал плечами.

— У меня — нет. Я тут письмо получил, смотри.

Даша бегло заглянула мне через плечо и раздраженно заявила:

— Я по-английски не читаю. О чем пишут?

— Как построить терминал Сети, как пользоваться Сетью, какие планеты есть в нашем секторе.

Даша сдвинула брови домиком, закатила глаза и некоторое время напряженно размышляла. А потом вдруг озадаченно присвистнула.

— Неожиданный ход, — сказала она. — Неожиданный и очень сильный. Даже не знаю, что ему можно противопоставить. И вообще что теперь можно сделать.

— Да в чем дело-то?! — воскликнул я. — Габов тоже говорит, что этот спам очень важен, я его спросил, почему, а он ничего не сказал, говорит, сам думай. А я думаю-думаю…

— Тут сразу и не объяснишь, — сказала Даша. — Очень многоплановый ход, с труднопредсказуемыми последствиями. Наверное, так и задумано.

— Да не тяни ты кота за хвост!

Даша недовольно посмотрела на меня и надула губки.

— Извини, — сказал я. — Не обижайся на старого дурака. Просто все вокруг меня все понимают, а я как дурак…

— Не такой уж ты и старый, — улыбнулась Даша и начала говорить уже серьезно: — По-моему, основная идея очевидна. Это письмо получили несколько миллионов людей, большинство удалили его, не открывая, но кое-кто открыл и прочитал. Большинство из прочитавших удалят его и забудут, но кто-то подумает, что это смешно, сохранит его у себя, выложит как прикол на какой-нибудь форум, разошлет друзьям… А некоторые люди начнут строить терминалы. Психов на Земле хватает, а если у психа имеется под рукой старый радиоприемник, он запросто может спаять эту конструкцию просто ради прикола. Думаю, прямо сейчас этим занимаются человек сто… ну, может, не сто,

но человек десять точно занимается. Возможно, кто-то из них уже собрал свой терминал. А когда этот кто-то поймет, что устройство работает…

Я не удержался и вставил свою реплику:

— Он отправится в другие миры и будет там бродить, пока не обалдеет окончательно.

— Скорее всего, — согласилась Даша. — Но кто-то из них наверняка захочет поделиться открытием с друзьями.

— Это вряд ли, — возразил я. — Нормальный человек захочет сохранить это знание в тайне. Вот я, например, или ты…

— Мы с тобой — совсем другое дело, — заявила Даша. — И ты, и я были уверены, что на Земле о Сети не знает никто, кроме нас. А человек, который узнал о Сети из земного интернета, подумает совсем другое. Он подумает, что скоро это станет мировой новостью номер один, и захочет поделиться ею со всеми, пока не поделился кто-то другой. Знаешь, сколько в интернете таких придурков? Заводят себе ЖЖ…

— Что заводят? — не понял я.

— ЖЖ, журнал жизни. Дневник в интернете, этакая личная лента новостей. Владелец в нее пишет всякие бредовые мысли, заметки о том, сколько когда выпил, какой фильм — отстой, а какой рулез… ну и так далее.

— А кто это читает?

— Другие такие же идиоты. Я одно время тоже вела ЖЖ, только забросила быстро. Если бы мне было что сказать… А некоторых не волнует, есть им что сказать или нет, пишут в свои журналы всякую ерунду, комментируют друг друга с умным видом, ругаются между собой. У них такие флеймы иногда идут… Не буду читать твою ленту! А я твою не буду читать! Дебилы.

— Хорошо, понял, — сказал я. — Некоторые дебилы заводят себе ЖЖ. И что?

Даша недовольно поморщилась:

— Я еще самое главное не рассказала. Иногда ЖЖ заводят известные люди — писатели, актеры… Интернетовские идиоты очень любят читать журналы известных людей и писать туда свои бредовые комментарии. Самое любимое развлечение у них такое — напишет человек что-нибудь умное, а эти придурки соревнуются, кто первым ответит. Допустим, написал ты какую-нибудь умную мысль, думаешь: «Интересно, что люди скажут?», смотришь — через минуту десять комментариев. Читаешь и видишь: «Первыйнах», «Первыйнах», «Соси! Это я первый»… Тьфу!

Я все еще не понимал, к чему она клонит.

— Ну и что? — спросил я.

— А то, что когда первый из этих дебилов соберет терминал,

он так заорет «первыйнах», что все оглохнут. А через несколько дней процесс выйдет из-под контроля, это письмо будет читать весь интернет, это будет такая же мода, как голосовать на сайте конкурса «Мисс Россия» за самую толстую участницу.

— Все подумают, что это розыгрыш.

— Только поначалу. Чем больше будет шума, тем больше людей захочет проверить, что же произойдет, если собрать-таки эту штуковину. А потом этот спам прочитает какой-нибудь журналист и тогда начнется такое…

— А что такого начнется? Ну, станет всем известно о Сети. Ну, не достанется Абрамовичу лишний миллиард, ну и что с того?

Даша вздохнула.

— Ты не понимаешь, — сказала она. — Дело не в том, что все узнают о Сети, дело в том, что все полезут в Сеть. Сейчас на всей Земле абонентов Сети меньше тысячи, каждый на виду, каждого можно достать в любой момент. Ни один инопланетный шпион к нам не проберется, его в первую же минуту засекут и отследят. А когда абонентов станет миллион? Чтобы отслеживать этот поток в реальном времени, придется ставить детектор в каждом городе, а в Москве — в каждом квартале. Наш узел не справится с такой нагрузкой. И тогда диверсанты ломанутся к нам целой толпой. Хотя нет, вряд ли ломанутся, к нам уже не нужно будет посылать никаких диверсантов. Надо будет всего лишь подарить терминал Усаме бен Ладену.

— Бен Ладен в Матросской Тишине, — уточнил я.

— Тогда Басаеву.

— Басаев тоже скорее всего сидит.

— Ну, я не знаю… Мало ли на Земле террористов? Да даже не террористов, для этой цели лимоновцы тоже замечательно подойдут. Вселится какой-нибудь балбес в тело Путина, да и выступит по телевизору.

— В Путина никто не вселится, его нормально охраняют.

— Тогда вселится в кого-нибудь, кого охраняют ненормально. Ох, что сейчас начнется…

— Не начнется, — решительно заявил я. — Если вовремя принять меры, ничего не начнется.

Я мысленно обратился к Сети и потребовал сообщить количество абонентов Сети, впервые подключившихся к ней с Земли.

«636 человек», ответила Сеть.

«Когда подключился последний?»

«Двенадцать минут назад».

«Где он сейчас?»

«Планета Шотфепка, таможенный терминал № 15».

«Он прошел таможенный контроль?»

«Не понимаю вопроса».

«Неважно. Где он находился непосредственно перед перемещением на Шотфепку?»

«Земля, Великобритания, город Эдинбург».

«Перемести меня в тело… гм… удовлетворяющее следующим условиям. Взрослый мужчина, умеренно здоровый, не старый. Находится как можно ближе к тому месту, где тело того человека ушло в стасис. Условие понятно?»

«Понятно».

«Выполняй».

«Подтверди».

«Подтверждаю».

3

Первая мысль, пришедшая в мою голову после того, как перемещение состоялось, была про Бивиса и Батхеда. И еще вспомнилась частушка «Сидит Коля у ворот, он не пляшет, не поет…» и далее по тексту.

Я находился в теле юного оболтуса семнадцати лет отроду. Тело было заметно пьяным и, кажется, под кайфом. Немного покопавшись в памяти тела, я обнаружил, что да, действительно, около четверти часа назад оно выкурило травку. Точнее, поучаствовало в выкуривании большого косяка на троих.

Юношу, в чьем теле я сейчас пребывал, звали Арни. Ему было семнадцать лет, он учился в колледже и подрабатывал в местном «Макдональдсе», потому что денег, которые давал ему отец (миллионер, кстати) на выпивку, травку и девочек не хватало. В отличие от Арнольда Шварцнеггера мой Арнольд был хоть и высок, но худощав и не отличался развитой мускулатурой. Его тело не имело никаких интересных особенностей, а его подсознание удивило меня тем, что мыслило исключительно матом. В памяти сразу всплыл образ поручика Ржевского.

Вторым участником группового потребления наркотиков был Ричи, который сейчас сидел на потертом диванчике напротив меня и нервно вертел в ладонях бокал с джин-тоником. На лице Ричи отображалась наивысшая степень озабоченности, какая только возможна под кайфом. Ричи был смугл, черноволос и весьма похож на Фредди Меркьюри, особенно усиливали сходство маленькие черные усики. Если бы я не знал, что его полное имя — Ричард Даглас Макферсон, я бы подумал, что он индус. Память

услужливо подсказала, что он бисексуален и что они с Арни однажды, закосев больше обычного… фу…

Неожиданно Ричи выдал потрясающе глубокую и неожиданную мысль.

— Надо что-то делать, Арни, — сказал он. — Олли уже полчаса не может вернуться…

— Не полчаса, а тринадцать минут, — уточнил я.

И удивился тому, как легко мои мысли складываются в правильную английскую речь. Говорил я, правда, с сильным акцентом, скорее всего, шотландским, но это все равно круто. Интересно, когда я вернусь в родное тело, я смогу так же хорошо говорить по-английски? Вряд ли.

— Арни, ты спишь? — спросил Ричи.

— Не бойся, — сказал я. — Олли скоро вернется. На Шотфепку не так-то легко попасть, там очень строгий таможенный контроль. Если ты не можешь внятно объяснить, зачем туда приперся, тебя вначале просто попросят отвалить, а если ты начнешь упрямиться — будут подвергать пыткам, пока не уберешься с планеты.

— Каким пыткам? — испуганно переспросил Ричи. — Откуда ты все это знаешь?

Я состроил на лице демоническую улыбку.

— Еще бы мне не знать, — сказал я. — Вы, ребята, думали, что во всей вселенной вы одни такие умные, но вы не правы. В том письме не было сказано самое главное — как только ты входишь в Сеть, ты сразу становишься уязвим для демонов.

— К-каких демонов?

— Вроде меня, — я снова демонически улыбнулся. — Или ты думаешь, что я — Арни?

В астральном пространстве что-то зашевелилось и мгновением спустя посреди комнаты материализовался Олли. Он был невысок, худощав, черноволос и внешне представлял собой нечто среднее между хоббитом Фродо в исполнении Элайджи Вуда и молодым Лениным. Выглядел он возбужденным и растерянным, но, вместе с тем, довольным.

— Эта штука работает! — провозгласил он.

— Работает, — согласился я и ласково спросил: — Скажи-ка мне, Олли, пожалуйста, кто звал тебя на Шотфепку?

— Чего? — переспросил Олли. — Ну, мы же вместе решили…

— Это не Арни, — сообщил Ричи. — Это…

Ричи растерянно умолк, он не мог описать понятными словами то, что произошло в комнате за время отсутствия Олли. Я пришел ему на помощь.

— Ричи прав, — сказал я. — Это не Арни. Смотри.

Я выскочил из кресла, одним прыжком преодолел расстояние, отделяющее меня от Олли, и смачно влепил ему кулаком под глаз. Олли отшатнулся, влетел в низкий столик, на котором стояла выпивка, и чудом ничего не опрокинул. Я схватил Олли за волосы и резко дернул на себя.

Он попытался вырваться и одновременно дать мне в морду, но ни то, ни другое ему не удалось. Все, чего он добился — хорошего фингала под другим глазом. Третий удар пришелся в нос, после чего я решил, что с него достаточно.

В момент нанесения первого удара, Ричи вскочил с дивана, обозначив намерение разнять дерущихся, но дальше этого не пошел.

— Струсил? — спросил я его. — Правильно струсил.

Мой взгляд наткнулся на свежесобранный терминал, лежащий на краю столика. Я протянул руку (Олли испуганно отшатнулся), схватил терминал и попытался разбить его об голову Олли. Безуспешно. Не потому, что Олли сильно сопротивлялся, а потому, что самодельная конструкция оказалась прочнее, чем я рассчитывал.

Ричи попытался выбежать из комнаты. Не знаю, что он собирался делать — позвать полицию или просто убежать, я не стал это выяснять, я поставил ему подножку и он растянулся на полу. Я несильно пнул его в плечо и вдруг почувствовал, что мне это противно. Чтобы получать удовольствие, избивая этих придурков, надо быть садистом. Эти дятлы ни в чем не виноваты, они просто оказались не в том месте не в то время. Тем не менее, профилактическое мероприятие надо довести до конца.

Я размахнулся и метнул терминал в окно. Стекло звякнуло и разбилось, терминал, однако, не выпал наружу, а упал обратно в комнату, ударился о край столика и закатился под батарею.

Я схватил столик за ножку и сильно дернул, бутылки и стаканы посыпались на пол. Олли корчился на полу, пытаясь остановить кровотечение из разбитого носа. Ричи стоял на карачках и смотрел на меня через плечо, его лицо выражало ужас.

Столик отправился в окно, а следом за ним — бутылка и два стакана. Третий стакан куда-то подевался и тем самым избежал общей участи. Я оглядел комнату, увидел телевизор, вспомнил фильм «Стена» и отправил телевизор в окно следом за столиком и бутылками. Это удалось не сразу — пришлось повозиться, выдергивая провода.

Незадачливые космические туристы наблюдали за моими действиями, разинув рты, и больше не пытались ни во что вмешиваться. Они были полностью деморализованы. Я решил, что с них достаточно.

— А теперь слушайте меня внимательно! — провозгласил я. — Если вы еще раз сунетесь в Сеть, возможно, вам повезет и ни один демон не обратит на вас внимания. Но скорее всего вам не повезет. Если хотите, можете еще раз испытать свою удачу, я буду рад снова прийти к вам в гости. А пока подумайте, что будете говорить полицейским. Да, кстати, чуть не забыл.

Я наклонился к сумке, стоявшей рядом с креслом, в котором я только что сидел, покопался внутри, извлек маленький целлофановый пакетик с марихуаной, разорвал его и разбросал содержимое по комнате.

— Не забудьте рассказать полицейским, где купили травку, — посоветовал я. — Чистосердечное признание является смягчающим обстоятельством. Все, счастливо оставаться. С нетерпением буду ждать следующей встречи с вами.

Произнеся эти слова, я выдал команду на возвращение.

4

— Где был? — спросила Даша.

— Подожди, — отмахнулся я. — Сейчас одну вещь посмотрю…

— Шестьсот сорок два, — сообщила Даша. — Число абонентов растет, медленно, но неуклонно. Твоя деятельность бессмысленна.

— Ну почему же бессмысленна! — воскликнул я. — Если взять десяток ФСБшников, то они в реальном времени смогут…

— Ничего они не смогут, — перебила меня Даша. — Это ведь только начало, дальше число абонентов Сети будет расти в геометрической прогрессии и мы ничего не сможем с этим поделать. Ты где был — в Эдинбурге?

— Откуда ты знаешь?

— Звонил один человек от Габова, спрашивал, где ты. Я сказала, что ты ушел в Сеть. Он попросил, чтобы ты ему позвонил, когда вернешься из Эдинбурга. Его зовут Андрей Кожухов.

Я подошел к телефону, снял трубку и спросил:

— Номер у него какой?

Даша хихикнула и сказала:

— Не тормози. По Сети позвони.

Я положил трубку, мысленно обратился к Сети и потребовал соединить меня с Андреем Кожуховым.

«Привет, тезка!» прозвучал в моей голове незнакомый голос. «Решил нам помочь?»

«Да. А что?»

«Тогда лови следующее целеуказание. Точка отправления — Китай, город Циндао. Точка назначения — Муравейник. Таможенный контроль там чисто символический, так что перемещайся сразу в портал».

«На этом Муравейнике есть планетарный узел?»

«Есть».

«У них есть какие-нибудь законы, о которых надо заранее знать?»

«Вроде нет».

«Сколько у меня времени?»

«Нисколько. Перемещайся, профилактируй клиента и возвращайся назад. Мы едва-едва справляемся».

«Но все-таки справляетесь?»

«Пока да. Давай, действуй, удачи тебе».

«И тебе тоже удачи», сказал я и отключился.

— Пойду, поучаствую во всеобщем веселье, — сказал я. — Возможно, есть еще шанс остановить это безобразие.

— Нет у тебя шанса, — покачала головой Даша.

Наверное, она права, но я не стал ее слушать. Даже если шанса нет, я все равно должен попытаться. Лучше уж так, чем сидеть и смотреть, как наши земные придурки по воле чужих превращают Землю в истинно варварскую планету.

Я обратился к Сети:

«Недавно произошло перемещение человека с Земли на планету Муравейник. Я хочу переместиться в ближайший туристический портал к тому месту, в котором сейчас находится тот человек».

«Подтверди».

«Подтверждаю».

5

На этот раз я очутился в теле большого темно-коричневого насекомого, отдаленно напоминающего муравья. Нижние две пары конечностей служили ногами, верхняя пара — руками. Глаза были фасеточными, от этого зрение существа было не очень четким, но зато я видел не только перед собой, но и по бокам и даже чуть-чуть сзади. Что интересно, острота зрения не зависела от того, куда направлен взгляд — предметы, расположенные по бокам, я видел так же четко, как и предметы перед собой. В системе рефлексов моего временного тела нет понятия «сфокусировать взгляд», ему все равно куда смотреть, главное,

чтобы рассматриваемый предмет находился в поле зрения.

Мое новое тело сидело на дне большого шестиугольного пластмассового контейнера. Приподнявшись на задние ноги, я высунул голову наружу и увидел, что это не просто отдельно стоящий контейнер, а одна из многих ячеек, образующих сот, простирающийся метров на пятьдесят во все стороны. В других ячейках сидели такие же муравьи, как я.

Я уцепился руками за край и выбрался на пластмассовую стенку, разделяющую ячейки. Встал на четыре ноги и пошел в ту сторону, где на стене светился знак, который, как подсказала память тела, означает «выход». Идти на четырех ногах было непривычно, на Шотфепке и на Нисле я уже ходил на четырех ногах, но там это было совсем по-другому. Здесь же казалось, что воздух какой-то другой, притяжение планеты какое-то другое и вообще все другое. И еще раздражало, что я не дышал — это тело снабжается кислородом через систему трахей, как у земных насекомых.

Дорога к выходу заняла минут десять. За это время я успел узнать у памяти тела, что в воздухе Муравейника нет кислорода, обмен веществ у местных аборигенов построен по схеме кремний-фтор. А то, что координация движений показалась мне странной, объясняется очень просто. Во-первых, гравитация на Муравейнике в три с лишним раза сильнее, чем на Земле, а во-вторых, мое тело очень маленькое, его длина не превышает тридцати сантиметров. Я был не прав, думая, что помещение, в котором я нахожусь, имеет диаметр около ста метров, на самом деле оно гораздо меньше.

Выйдя из сота, я попал в длинный и узкий темный коридор, который вел куда-то наверх. Время от времени от него ответвлялись боковые коридоры, в которых смутно угадывалось какое-то свечение. Память тела подсказала, что там размещаются другие соты с гостевыми телами.

Минут через пять из стены раздался голос, а точнее, не совсем голос, а последовательность щелкающих и скрипящих звуков, образующих звуковую речь обитателей Муравейника.

— Приветствую тебя в Муравейнике! — перевело подсознание обращенные ко мне трески и пощелкивания. — Какова цель твоего визита?

— Я являюсь сотрудником комитета защиты порядка планеты Земля, — ответил я. — Я преследую человека, нарушившего закон и скрывающегося на вашей планете.

— Какой закон он нарушил? — заинтересовался голос.

Я замялся.

— Довольно трудно объяснить, — сказал я. — Это наш

местный закон, у вас, скорее всего, нет ничего аналогичного.

— Нарушители местных законов не преследуются в Муравейнике, — сообщил голос. — Ты не можешь применять насилие к этому существу, в противном случае ты будешь наказан.

— Могу я хотя бы поговорить с ним? — спросил я.

— Конечно. Если найдешь.

— Ты поможешь мне найти его?

— Нет.

Ну и не надо. Я обратился к Сети и попросил выдать информацию о местонахождении последнего существа, прибывшего на эту планету из того мира, из которого пришел я.

«Оно здесь», ответила Сеть.

Никого кроме меня в коридоре не было. На всякий случай я остановился и огляделся по сторонам. Точно, никого нет.

«Ты имеешь ввиду, что оно еще не успело покинуть портал?», спросил я.

«Да».

«В каком соте оно находится? Ты можешь подсказать мне дорогу?»

«Оно не находится ни в каком соте. Оно находится в коридоре, ведущем к выходу из портала».

«Где этот коридор?»

«Вокруг тебя».

Я еще раз огляделся по сторонам и снова никого не увидел.

«Оно рядом со мной?», спросил я.

«Да».

«Как далеко оно от меня?»

«Никак. Оно — это ты».

Если бы это тело умело ругаться, я бы, несомненно, выругался. Давно уже пора привыкнуть, что когда обращаешься к Сети, запрос надо формулировать абсолютно корректно, иначе услышишь совсем не то, что ожидал. Вот и сейчас Сеть все поняла буквально и рассказала мне про меня самого.

«Поправка», мысленно произнес я. «Мне нужно знать местонахождение предпоследнего существа, прибывшего в этот мир с моей планеты».

«Информация не может быть предоставлена», заявила Сеть.

«Почему?»

«Тайна личности».

«Могу я хотя бы поговорить с ним?»

«Пожалуйста. Установить связь?»

«Устанавливай».

«Слушаю», раздался в моем сознании новый голос. «Кто вы?»

«Привет с Родины», сказал я. «Комитет защиты порядка Земли. Слышали про такой?»

«Нет», ответил голос. «А что это такое?»

«Давно в Сети?»

«Примерно час. А что?»

«Информация о Сети является строго секретной и не должна разглашаться в пределах Земли. Вы не должны ничего сообщать о Сети своим друзьям, родственникам и знакомым. В противном случае вы будете уничтожены».

Мой собеседник некоторое время молчал, а потом вдруг спросил:

«ЦРУ?»

«Моссад», саркастически ответил я. «Суть вы уловили правильно, а детали роли не играют. Ситуация очень серьезная. Мы не возражаем против того, чтобы люди путешествовали в другие миры, но Сеть позволяет перемещать сознание и в пределах Земли. Достаточно Бен Ладену получить терминал…»

Я сделал многозначительную паузу. Собеседник немного помолчал, а потом сказал:

«Да, действительно… Об этом я не подумал. Честно говоря, я и не ожидал, что эта штука сработает. Просто интересно стало… Да, вы правы, для Земли эта технология очень опасна. Но мы ведь не можем просто сделать вид, что ничего нет? Во вселенной есть очень высокоразвитые миры, из которых мы можем получить много новых знаний…»

«Процесс уже идет», сказал я. «В газетах об этом ничего не пишут, но процесс идет. К концу года земные ученые сделают много революционных открытий. Но сам факт существования Сети должен оставаться втайне».

Собеседник иронически хмыкнул.

«Думаете, это возможно?», спросил он. «Даже если вы отследите каждого, кто построил эту штуку, и убедите никому ничего не говорить, как вы проследите за выполнением этих обещаний?»

И действительно, как? Я, конечно, чуть-чуть эмпат, я чувствую, что мой собеседник — человек порядочный, что он не врет, он действительно не собирается разглашать эту информацию, но как я могу гарантировать, что он не передумает? Надо было спросить у Кожухова, как правильно проводить профилактику таких людей. Но скорее всего, он ответил бы «действуй по обстановке». Ладно, будем действовать по обстановке.

«Очень просто», сказал я. «В точке возвращения будет установлена мина. Детонатор будет подключен к объемному

датчику движения».

«Это невозможно!» закричал голос в моем сознании. «Вы что! Это же школа!»

Голос вдруг осекся и снова заговорил с обычной интонацией.

«На пушку берете», констатировал он. «Вы не знаете, откуда я вошел в Сеть».

«Пока не знаю», согласился я. «Но это нетрудно выяснить. Когда я разговаривал с предыдущим человеком вроде вас, я переместился в исходную точку его перемещения. Сеть позволяет вычислить местонахождение любого абонента, это требует определенной подготовки…»

«Откуда я вошел в Сеть?», резко спросил мой собеседник.

«Китай, город Циндао», ответил я. «Чтобы узнать точнее, я должен… Это несложно, просто займет некоторое время».

«Раз несложно», заявил мой собеседник, «тогда сделайте это и скажите точный адрес, по которому я вернусь на Землю, когда мне надоест здесь бродить. Тогда я отнесусь к вашим словам серьезно. А до тех пор не приставайте ко мне».

С этими словами он оборвал связь.

Я мысленно выругался. Совершать еще одно путешествие на Землю и обратно не хотелось. Я связался с Кожуховым. Он отозвался мгновенно.

«Слушаю», сказал он. «Уже справился?»

«Не совсем», сказал я. «Есть маленькая проблема. Как узнать точку входа абонента в Сеть, не давая Сети команду на физическое перемещение?»

«Никак», ответил Андрей. «Это невозможно по определению. Сеть может выдать тебе гиперпространственные координаты точки перехода, может перевести их в привычные географические координаты, может даже выполнить привязку к местным ориентирам, но она не никогда не сообщит тебе название улицы и номер дома. Она просто не понимает, что это такое. Тебе надо перейти в тело, ближайшее к точке перемещения, осмотреться, потом вернуться обратно и выдать клиенту ответ. Кстати, у нас вот-вот допишут официальную инструкцию о технике профилактирования лиц, незаконно воспользовавшихся Сетью. Как только допишут, дам тебе почитать».

«Так это стандартная процедура?» уточнил я. «Переместиться в отправную точку перемещения, выяснить, кто такой, потом переместиться на планету, где клиент находится сейчас…»

«За исключением случаев, когда клиент отправился на планету со строгими таможенными правилами. Тогда проще подождать в исходной точке, когда вышвырнут обратно».

«Это я уже сам понял. С предыдущими клиентами так и

получилось».

«Клиентами?», переспросил Кожухов. «Их было несколько? Разве ты не только в Эдинбурге успел побывать?»

«В Эдинбурге клиентов было сразу трое. То есть, в Сеть ушел только один, остальные просто сидели рядом. Набил им морды, напугал как следует, небольшой дебош устроил. Полагаю, сейчас их полиция трясет».

«А вот это зря».

«Все под контролем», улыбнулся я. «Они были под кайфом, у них оставался целый коробок травы, я его рассыпал по комнате, а телевизор выбросил в окно, чтобы полиция побыстрее приехала. Даже если они начнут объяснять полиции, что существует межзвездная Сеть…»

Кожухов хихикнул.

«Тогда нормально», сказал он. «Только больше так не делай. А то сделаешь так один раз, потом другой, а потом кто-нибудь заметит, что галлюцинации про Сеть становятся заразными…»

«А что было еще с ними делать?» спросил я. «Три малолетних оболтуса, тупые и обкуренные. Разговаривать с ними было бессмысленно, только и оставалось морду набить».

«Морду набил правильно», сказал Кожухов. «А полицию в наши дела больше не вмешивай. Мы с тобой уже две минуты треплемся. Заканчивай с этим и пойдем дальше».

«Новых клиентов много появилось?», спросил я.

«Сейчас в очереди двенадцать человек. Пока мы еще справляемся, но тенденция настораживает. Первых клиентов мы отлавливали моментально, а теперь они бродят на свободе больше часа перед тем, как мы до них добираемся. Очередь растет быстрее, чем мы успеваем ее обслуживать».

«Может, стоит бросить на это дело больше сотрудников?» предположил я.

«Все уже брошены», вздохнул Кожухов. «Ладно, действуй, удачи тебе».

6

Минут через пять я выяснил, кем был тот китаец, с которым я разговаривал по Сетевому телефону на Муравейнике. Он был учителем труда в школе, а в Сеть вышел прямо из собственного кабинета сразу после уроков. Хорошо живут китайцы — у простого школьного учителя труда в кабинете стоит компьютер с халявным доступом в интернет.

Я вернулся на Муравейник и снова вызвал путешественника с

Земли по Сетевому телефону.

«Здравствуйте, товарищ Ли Тун По», сказал я. «Вы все еще сомневаетесь, что я сказал вам правду?»

Ли Тун По немного помолчал и ответил:

«Что вы можете меня отследить — не сомневаюсь. А что в точке возвращения меня будет ждать мина — в это, уж извините, я не верю. Даже если не принимать в расчет этические соображения, у вас просто не хватит времени подготовить мину каждому, кто ушел в Сеть».

Он замолчал, ожидая, что я скажу в ответ на эту тираду. А я не знал, что сказать.

Он прав, принимать жесткие меры к каждому, кто прочитал спам и собрал терминал, не только нецелесообразно, но и невозможно, у нас действительно не хватит ни времени, ни сил. Все, что мы можем — просто напугать очередного клиента или каким-то другим способом убедить его не разглашать информацию о Сети.

«Оставьте меня в покое», сказал вдруг Ли Тун По. «Я не собираюсь никому рассказывать о Сети до тех пор, пока не услышу о ней по телевизору. Я обдумал ваши слова, вы правы, эта информация слишком взрывоопасна. Но теперь вам не потребуется много времени, чтобы переловить террористов, не так ли?»

«Все не так просто…» начал говорить я, но Ли Тун По меня перебил.

«А никто и не говорит, что все просто», заявил он. «В жизни нет ничего простого. Но до тех пор, пока о Сети не расскажут по телевизору, от меня о ней не узнает ни одна живая душа. Можете верить, можете не верить, это ваше дело».

Жаль, что по телефону эмпатия работает гораздо хуже, чем при личном контакте. Как было бы хорошо точно определить, лжет он или говорит правду. Впрочем, это все равно не помогло бы — сегодня он искренне считает, что говорит правду, а завтра или послезавтра передумает и я никак не могу на это повлиять. Но есть ли у меня выбор? Если я решу для себя, что не верю ему, что я смогу сделать? Атаковать его здесь? На меня тут же ополчится вся полиция Муравейника и правильно сделает, я бы на их месте тоже обиделся на такой беспредел. Подготовить теплый прием в точке возвращения? Это не так просто, к тому же точка возвращения находится в школе, могут пострадать дети…

«Хорошо», сказал я. «Я вам верю. Но запомните накрепко — если я узнаю, что от вас пошла утечка информации, я вас убью. Это не угроза, это обещание. Прощайте».

«До свиданья», поправил меня Ли Тун По. «Когда Сеть

перестанет быть тайной, я хочу еще раз поговорить с вами».

«О чем?»

«О многом. Но я не буду отвлекать вас сейчас, вы слишком заняты. Я желаю вам успехов».

«Спасибо», сказал я. «И вам тоже».

Моим первым желанием было вернуться на Землю немедленно, но поразмыслив, я решил потратить четверть часа на то, чтобы вернуть гостевое тело обратно в ячейку сота. Возможно, мне придется еще раз вернуться на эту планету. Не стоит портить отношения с ее властями из-за такой мелочи.

7

Когда я вернулся, Даши не было дома. На столе рядом с телефоном лежала записка, гласившая: «Уехала на узел. Если что, звони».

Я не стал ей звонить. Вместо этого я позвонил Кожухову и кратко рассказал про свою беседу с китайским учителем. Я опасался, что Кожухов меня отругает за то, что я так легко отпустил этого китайца, но он пожурил меня за совсем другое.

«В целом нормально», сказал он. «Но ты потратил на него слишком много времени. Если видишь, что человек адекватен, не нужно его запугивать или, тем более, физически воздействовать. Просто описываешь ситуацию, предупреждаешь о последствиях и переходишь к следующему. Мы еле-еле справляемся, новые абоненты появляются каждые несколько минут. Все опера, побывавшие в Сети, уже мобилизованы, а очередь все равно не уменьшается».

«Сколько сейчас человек в очереди?», спросил я.

«Семнадцать. Время реакции превысило полтора часа. Постарайся обслуживать клиентов как можно быстрее. К следующему целеуказанию готов?»

«Готов».

«Тогда лови. Германия, Дрезден. Клиент пытался посетить Ововег, но дальше таможенного терминала не прошел. Полчаса сидел в поисковой системе, сейчас отправился на Румылв. Планетарного узла у них нет. Судя по всему, у них вообще нет постоянного контакта с Сетью, в энциклопедии про эту планету не написано вообще ничего. Будь осторожен».

«Хорошо, буду осторожен. Спасибо».

«Долго не задерживайся».

«Постараюсь».

Я оборвал связь и приказал Сети переместить меня на

Румылв.

8

Я неподвижно стоял в коридоре большого каменного здания рядом с большой и тяжелой деревянной дверью, украшенной сложным орнаментом, символизировавшим… память тела знает, что он символизирует, но сейчас это неважно. По первому впечатлению тело было вполне человеческим, явные отличия в глаза не бросались. Я был одет в парадный мундир, кирасу, высокую меховую шапку и кожаные сапоги, начищенные до зеркального блеска. В правой руке у меня была зажата рукоять сабли, клинок лежал на правом плече тупой стороной вниз. К поясу были подвешены два однозарядных кремневых пистолета в кожаных кобурах. Очевидно, я был стражником в каком-то замке или дворце, возможно даже королевском… да, точно, королевском. А дверь, которую я охранял, вела в опочивальню его величества короля Арадана Синего.

Я повернул голову и обнаружил, что пост парный, с другой стороны дверного проема стену подпирал еще один стражник, одетый точно так же, как я. Кожа у него имела отчетливый сизоватый оттенок, примерно как милицейская форма в России. Вот и первое явное отличие от человека.

Уловив движение, мой напарник скосил глаза и недовольно дернул щекой. Надо полагать, этот пост является церемониальным и на нем нельзя шевелиться. Хорошо, шевелиться я больше не буду.

Я обратился к Сети и потребовал соединить меня с предпоследним существом, прибывшим сюда с планеты Земля. В мозгу тут же возник испуганный голос.

«Кто это?»

«Комитет защиты порядка планеты Земля», представился я. «Я обязан сообщить вам, что информация о существовании Сети на планете Земля является секретной. Вы никому не должны разглашать…»

Я не успел договорить до конца, потому что услышал:

«Да пошел ты!»

В первую секунду я не поверил своим ушам. А затем почувствовал, как душу наполняет злость. Что там говорил Кожухов? Долго не задерживаться? Хорошо, не буду долго задерживаться.

«Это ты зря», сказал я.

И сильно ударил ногой в пах своего напарника. Мне не

нужно, чтобы он мешал моим разборкам с местным королем.

Напарник тихо застонал и сполз вниз по стене. На всякий случай я вытащил у него пистолеты и саблю, пистолеты заткнул себе за пояс, а саблю взял в левую руку.

И решительно распахнул дверь, которую якобы охранял.

Посреди большой комнаты на возвышении стояла огромная кровать под балдахином. Полог был задернут и не было видно, пуста ли постель или в ней кто-нибудь лежит. Сейчас проверим.

Я бросил лишнюю саблю на каменный пол, она оглушительно зазвенела. Под балдахином кто-то вспискнул испуганным женским голоском. Хорошо, что я уточнил в приказе, отданном Сети, что мой пол должен быть мужским. А то повторилась бы та же ситуация, что на Оле… брр…

Полог кровати раздвинулся, оттуда высунулось мужское лицо синюшного цвета. Судя по лицу, мужик был относительно молод, лет двадцать пять — тридцать. Более глубоких выводов о его личности я сделать не смог — необычный цвет лица сбивал с толку и не позволял нормально интерпретировать его выражение.

Я поймал отблеск ауры этого человека и убедился, что был прав — невежливый турист с Земли вселился именно в это тело. Ну что ж, приступим…

— Ты кого это послал, чучело гороховое?! — резко и зло спросил я. — Пулю в лоб хочешь?

Король осклабился и заявил:

— Попробуй.

— Я-то попробую, — сказал я, — но король-то чем виноват? Лучше вернемся на Землю и поговорим, как мужчина с мужчиной.

— Я сам решаю, с кем разговаривать, а с кем не разговаривать, — заявил король. — Стрелять будешь?

Судя по ауре, он искренне желал, чтобы я в него выстрелил. Почему-то он совсем не боится моих пистолетов. Может, они не заряжены?

Я покопался в памяти тела и быстро обнаружил ответ. Пистолеты заряжены, но для короля они не представляют угрозы. Король защищен особым заклинанием, которое не позволяет его подстрелить ни из пистолета, ни из лука, ни даже из пушки. Заклинание… Тут что, магия действует?! Точно, действует. По крайней мере, квоги — аборигены Румылва, считают, что это магия. Обалдеть… Интересно, а если на короля люстру уронить, магия его защитит?..

Люстры в этой комнате не было, так что вопрос остался открытым. Я вытряхнул пистолеты на пол, скорчил на лице злобную гримасу и направился к кровати. В ауре короля промелькнули нотки беспокойства.

Вдруг я почувствовал в собственной душе нарастающее смятение. С одной стороны, я точно знал, что сейчас я начищу рыло этому любителю острых ощущений, заставлю его вернуться домой, а там обработаю так, чтобы слово «Сеть» не порождало в его наглой душе ничего, кроме ужаса, но, с другой стороны…

Я и сам не знал, что было с другой стороны. Мое сознание затопила какая-то неясная волна, я как бы выпал из времени и наблюдал за своими действиями со стороны. Неожиданно для самого себя я вдруг отклонился от курса и пошел к окну, шатаясь, как пьяный. Потом волна отступила, я повернулся к кровати и увидел улыбающуюся королевскую морду. Слева и справа от нее из-за полога выглядывали две женские мордашки, которые были бы весьма миловидны, если бы не их синеватый оттенок. И волна накатила снова.

Опять полуобморочное состояние, опять я ощущал себя как бы со стороны. Но теперь я больше не бродил по комнате, я спокойно стоял и смотрел, как мир вокруг тускнеет, растворяется и сквозь очертания предметов королевской опочивальни проступают очертания совсем другого места.

Я находился в небольшой темной комнате без окон. Комната была освещена мертвенным синим светом, так освещают туалеты в ночных клубах, чтобы наркоманы не могли там колоться — говорят, что в синем освещении трудно попасть шприцом в вену. И еще почему-то казалось, будто лампа находится внизу.

Я опустил голову и увидел, что так оно и есть, источник света действительно находится внизу. Только это была не лампа, а пентаграмма — пятиконечная звезда, вписанная в круг. Такие конструкции любят показывать в фильмах ужасов, только здесь она светилась не красным, а голубым. В центре пентаграммы стоял я.

Я осторожно поднял ногу и вышел из пентаграммы. В фильмах ужасов вызванная тварь обычно не может покинуть внешний круг, но здесь никакой защиты не было, я спокойно перешагнул через светящиеся линии и пошел на доклад к его величеству.

9

Место для призвания демонов на местном языке называется Топоджох Доздомх и всегда располагается под землей. Чтобы выйти на поверхность, мне пришлось пройти метров сто по темному коридору, а затем долго и утомительно карабкаться вверх по вертикальной металлической лестнице, какие на Земле

часто устанавливают в канализационных колодцах. Когда я выбрался наружу, я изрядно запыхался.

Колодец привел меня в небольшое однокомнатное строение размером чуть больше дачного сортира. В отличие от сортира, оно было каменным. Стены были чисто выбелены и украшены изнутри затейливой резьбой, изображавшей марширующих воинов с копьями и каких-то тварей, похожих на русалок. Комната была круглой, в стенах были проделаны три маленьких квадратных оконца, в которые было вставлено нормальное стекло, а не слюда и не бычий пузырь, как обычно бывает в фэнтези. Это неудивительно — наука на Румылве находится примерно на уровне восемнадцатого века Земли, тут уже научились делать нормальное листовое стекло.

Я открыл дверь, вышел на улицу и сразу почувствовал, как в спину уткнулся чей-то взгляд, а точнее, два взгляда. Обернувшись, я увидел, что вход в Топоджох Доздомх охраняют двое стражников в точно таком же облачении, как и у меня, только сабли у них были в ножнах на поясе, а в руках у каждого было по небольшой алебарде. Я с удивлением осознал, что знаю обоих — одного звали Джей Поффе, а второго — Экс Ксаппу. Меня, кстати, звали По Тусфу.

Видимо, на моем лице появилось испуганное выражение, потому что Джей Поффе успокаивающе улыбнулся и сказал:

— Все в порядке, По. Ты ведь еще По? Или уже демон?

Я неопределенно пожал плечами.

— Не знаю, — сказал я. — С одной стороны, демон, а с другой стороны — человек. Я помню все, что помнил По, и одновременно… Однако мне пора идти, меня ждет его величество.

— Да-да, конечно, — кивнул Джей. — Ты помнишь дорогу во дворец?

— Естественно! — воскликнул я. — Ты разве забыл? Я там часто стоял на страже.

— Тогда поспеши, — сказал Джей.

Я вежливо кивнул товарищам и пошел вдоль улицы к дворцу. На улице было людно, но меня никто не толкал, даже всадники придерживали лошадей, чтобы случайно не забрызгать грязью. Униформа королевского гвардейца внушает уважение всем.

Часть моего сознания, принадлежавшая демону, с любопытством озиралась по сторонам, впитывая новые знания. Я испытывал странные чувства, глядя глазами демона на предметы, привычные с детства. С точки зрения демона огромные и роскошные пятиэтажные здания были не огромными и не роскошными, а маленькими и облезлыми. Булыжная мостовая

вызывала у демона неприязнь, потому что в самодвижущихся повозках, распространенных в пространстве демонов, по такой мостовой очень неудобно ездить. Синеватый оттенок человеческой кожи казался демону некрасивым, потому что у демонов кожа землистого цвета. Да и королевский дворец показался демону самым обыкновенным архитектурным сооружением.

Я говорю «демон подумал», «демону показалось», но на самом деле все было гораздо сложнее. После того, как демон попытался подчинить себе мое тело, вытеснив душу в небытие, а его величество лично пришел на помощь и одолел захватчика, мои чувства и мысли теперь составлены примерно в равных пропорциях из демонических и человеческих. Я перестал быть человеком, но не стал демоном, я представляю собой нечто новое и неизведанное, нечто такое, что еще никогда не появлялось под солнцем, за исключением…

Мысль ускользнула, как всегда ускользают вредные и преступные мысли. Моя демоническая сущность впервые осознала главный гуманистический закон и содрогнулась в… нет, не в ужасе, в синем королевстве даже демону трудно испытать ужас. Если ты не являешься тупым крестьянином, если ты удостоился чести служить его величеству, то с этого момента ты неподвластен ни ужасу, ни другим негативным эмоциям. Они подавляются, как подавляются и вредоносные мысли, идущие в разрез с принципами и правилами гуманизма и процветания. Тот, кто служит его величеству, физически неспособен на коварство, ложь и предательство.

Моя демоническая сущность возмутилась и заявила, что это попрание исконной человеческой свободы. Человеческая сущность резонно возразила, что свобода есть не что иное, как осознанная необходимость, а свобода творить зло не есть свобода, а есть всего лишь глупость, достойная юнца, смерда или злого колдуна, но никак не воина добра на службе его величества. Лучше иметь свою свободу ограниченной, чем ежесекундно терзаться необходимостью выбора между добром и злом, между тысячью возможных вариантов каждого шага… Нужна ли человеку такая свобода? Не нужна ни в коем случае.

Во дворец я вошел через служебный подъезд. Я знал в лицо обоих гвардейцев, несших службу у входа, но не помнил их имен. А вот третьего человека в форме, ждавшего меня у крыльца, я знал очень хорошо. Это был Джо Квобе, начальник дворцового караула. Он поприветствовал меня взмахом руки и сказал:

— Привет, По. Его величество тебя ждет.

— Да, я знаю, — ответил я. — Господин Квобе, вам не было

нужды встречать меня лично. Я прекрасно знаю дорогу…

— Это приказ его величества, — оборвал меня Квобе. — Я должен проводить тебя до кабинета.

— Тогда беру свои слова обратно, — сказал я. — Раз личный приказ…

Квобе повернулся ко мне спиной и стал подниматься по ступеням. Я последовал за ним.

До кабинета его величества мы добрались беспрепятственно. Ни один из многочисленных стражников, встретившихся нам по пути, не произнес ни слова, все были уже предупреждены о моем приближении. Моя демоническая сущность удивилась тому, как быстро распространяется информация в королевском дворце, но человеческая сущность только посмеялась. Когда его величество хочет что-то кому-то передать, он не утруждает себя отправкой гонцов, он просто передает сведения из разума в разум, это одно из самых простых и понятных проявлений магии.

Господин Квобе довел меня до дверей королевского кабинета, постучался и отступил на шаг назад. Он не был он удостоен аудиенции у его величества, наш разговор с королем не предназначался для чужих ушей.

Его величество критически обозрел меня и спросил:

— Как себя чувствуешь?

— Неплохо, — ответил я. — Просто замечательно.

— Демон под контролем?

— Да. Немного нервничает, но в целом под контролем.

— Еще бы ему не нервничать, — усмехнулся Его Величество. — Рассказывай.

— Что рассказывать? — не понял я.

— Все с самого начала. Для начала расскажи мне про комитет защиты порядка Земли.

Я начал рассказывать. Теперь настал черед удивляться моей человеческой сущности. Оказывается, помимо привычной людям вселенной существуют и другие миры, и есть особая магия, позволяющая перемещать свою душу в тело, рожденное под иным солнцем. Мне стало понятно, откуда берутся демоны.

И тут до меня дошло самое главное. Его величество — тоже демон! Демон, сидящий во мне, преследовал демона, вселившегося в его величество, но мой демон выбрал себе не самое удачное тело. Он не смог надолго подчинить мою человеческую душу, наоборот, его величество двумя заклинаниями подчинил поселившегося во мне демона прежней человеческой сущности, которую демон временно вытеснил на задворки души.

Не успел я как следует обдумать эту мысль, как на смену ей

пришла другая, еще более безумная. Я понял, откуда берутся сумасшедшие, в душах которых живет сразу несколько личностей. Это демоны, которые не смогли полностью подчинить себе душу человека, в которого вселились. Как бы мне не стать одним из таких сумасшедших…

Но это неважно. По сравнению с тем, что теперь в душе его величества тоже сидит демон, все происходящее со мной мелко и несущественно. Интересно, кто кого победил в королевской душе — человек демона или демон человека? И одержала ли одна из сущностей полную победу над другой или они мирно сосуществуют друг с другом? Или не мирно? И в каких пропорциях они управляют душой его величества, кто из них сильнее, а кто слабее? Если сильнее демон… Нет, об этом лучше не думать!

Моя человеческая душа находилась в полнейшем смятении, безумные мысли сменяли одна другую, а демоническая душа в это самое время спокойно рассказывала его величеству о событиях и процессах, происходящих в тех кругах мироздания, которые демоны называют словом «Сеть». Это действительно Сеть с большой буквы, волшебная Сеть, связывающая вселенные и позволяющая людям из разных миров становиться демонами.

Через какое-то время его величество остановил мою речь жестом руки и задал вопрос:

— Другие демоны могут узнать, где ты находишься в данный момент?

— Конечно, — ответил я. — Странно, что никто еще не поинтересовался, где я нахожусь. Наверное, они думают, что я все еще уговариваю ваше величество… гм…

Произнести следующие слова у меня не повернулся язык. Простой человек не может даже помыслить о том, чтобы что-то посоветовать его величеству, не говоря уж о том, чтобы уговаривать его сделать что-нибудь определенное. Воистину, демоны не имеют никакого уважения к власть предержащим, неудивительно, что в их мирах царит полнейшая анархия.

— А если вот так? — спросил его величество.

Вначале я не понял, что он имеет ввиду, но демон, сидящий во мне, напряг магическое зрение и подсказал, что его величество вовсе не обращался ко мне, а разговаривал сам с собой. Странная привычка, но, с другой стороны, его величество на то и его величество, чтобы иметь странные привычки.

— Попробуй связаться со мной через Сеть, — приказал его величество.

Демон, сидящий во мне, принялся выполнять приказ, но у него ничего не получалось. Я попробовал еще два раза, но с тем

же результатом.

— Не выходит, — сказал я. — Ваше величество, кажется, создали вокруг себя изолированную зону.

Король Арадан рассмеялся.

— Не совсем, — сказал он. — Я просто включил магическую защиту и стал невидим для Сети. Теперь прикроем тебя… Ага, готово.

Демон во мне попытался связаться с той частью Сети, которая называется поисковой системой, и не смог.

— Персональный астральный барьер, — констатировал демон во мне.

— Ага, — подтвердил его величество. — Он самый.

Далее король погрузился в задумчивость и пробыл в ней минут десять. Я почтительно стоял рядом и готовился внимать тому, что он скажет, когда примет решение. А сказал он следующее:

— Сходи к Кошу, скажи ему, что я повелел тебе выделить апартаменты на втором этаже. Отныне ты не простой гвардеец, а королевский агент для особых поручений. Сходи в город, закажи себе подобающую одежду, деньги возьмешь у Коша. Есть будешь в малой столовой, без ограничений, пить можешь в любом дворцовом баре тоже без ограничений. Дворцовыми женщинами можешь пользоваться любыми. Поручений к тебе пока нет, а когда появятся, я тебя вызову. Все, свободен.

10

Королевский мажордом Кош почтительно выслушал меня и безропотно выполнил все королевские распоряжения, которые я ему передал. Слуга проводил меня в трехкомнатные апартаменты, уставленные роскошной мебелью. Я отпустил слугу, завалился на кровать и стал думать.

В душе царил полнейший беспорядок. Моя человеческая сущность была прямо-таки потрясена открывшейся передо мной головокружительной карьерой. Женщины без ограничений… Да все мои друзья от зависти умрут! Да и сама должность — агент для особых поручений! За последние сто лет такой чести не удостаивался ни один человек, а про каждого из тех, кто удостаивался ее раньше, сложены легенды. Взять хотя бы Летучего Джо, который во время штурма алой столицы скрытно пробрался во дворец, ударом в спину убил Энца Алого и тем самым положил конец войне. Новый алый король снова где-то завелся, но со смертью Энца в мире на некоторое время не стало

вулканов, внезапно просыпающихся посреди плоской равнины, метеоритных дождей, стирающих с лица земли целые города, непонятных болезней, внезапно вспыхивающих тут и там…

Моя демоническая сущность заинтересовалась и попросила все объяснить поподробнее. Я-человек начал объяснять.

Испокон веков в Румылве правят пять королей: белый, зеленый, синий, алый и черный. Они не бессмертны, они умирают от старости и других причин, но когда король умирает, кто-то из простых людей обязательно становится его наследником, обретая магическую силу своего предшественника. Демон во мне спросил, не являются ли короли бессмертными демонами, воплощающимися то в одном, то в другом человеке, и я не смог ответить на этот вопрос. Возможно, на него сможет ответить только его величество, а может быть, не сможет вообще никто.

Каждый из королей обладает своей исконной магией. Белая, зеленая и синяя магии считаются светлыми, алая и черная — темными. Светлые короли правят обширными и процветающими территориями, темные короли в древние времена тоже имели свои королевства, но последнюю тысячу лет они находятся вне закона. Как только светлые обнаруживают очередное логово темного короля, они направляют туда войска и темный король расстается с очередной жизнью. Примерно раз в столетие один из темных королей накапливает достаточно сил, чтобы для его уничтожения потребовалась большая армия, и тогда происходит война, о которой потом слагают песни. Дважды за последнее тысячелетие алые короли успевали усилиться настолько, что потребовались объединенные усилия всех трех светлых властителей. Последний раз такое произошло с Энцем Алым, который обрушил на зеленую столицу метеоритный дождь, а рядом с синей столицей пробудил цепь вулканов, потухшие вершины которых до сих пор видны на горизонте, если смотреть на юг.

Пять королей являются единственными квогами, обладающими магией. Согласно народным поверьям, время от времени в мир приходят демоны, которые тоже умеют творить заклинания, но никаких подробностей народный фольклор не сообщает и моя человеческая сущность до последнего времени полагала, что демоны — просто персонажи сказок, не имеющие прямого отношения к реальности. Теперь я понимаю, что демоны — это пришельцы из других миров Сети, причем магией они на самом деле не обладают, просто их знания и умения, связанные с Сетью, воспринимаются окружающими как магия.

Магия белого короля в первую очередь воздействует на души людей. Обитатели белого королевства добры и незлобивы, честны

и законопослушны, у них почти не бывает преступлений, а наука и промышленность развиваются быстрее, чем в любом другом месте. Почти все технические открытия были впервые сделаны белыми учеными.

Зеленая магия специализируется в благотворном воздействии на природу. Хороший урожай, большой приплод у скотины, богатые месторождения в удобных местах — все это обеспечивает зеленая магия. Зеленое королевство самое густонаселенное из всех трех, но это чисто аграрное государство, его промышленность неразвита Моя демоническая сущность немедленно окрестила зеленое королевство сырьевым придатком белого.

Синий король, чьим слугой я являюсь, является слабейшим из трех властителей по числу подданных, богатству казны и силе армии. Жители синего королевства почти не ощущают на себе воздействие магии повелителя. Традиционно синие короли почти не пользуются магией и вообще мало интересуются земными делами. Они либо ведут затворническую жизнь, либо прожигают свой век в пьянстве и разврате. В прошлом тысячелетии белый и зеленый короли объединились и попытались изгнать синего, но не смогли, потому что оказалось, что синяя магия вполне способна постоять за себя. Легенды не сохранили подробностей того конфликта, точно известно только одно — прямого боевого столкновения не было, войска союзников вторглись на территорию синего королевства, опустошили два приграничных графства, а затем вдруг отступили и вскоре был заключен почетный мир.

По поводу синей магии многие считают, что большая часть ее заклинаний имеет военное применение. А в отношении алой магии это утверждение сомнению не подвергается, вся алая магия — одно сплошное разрушение. Огонь во всех видах, эпидемии, метеориты, вулканы, землетрясения, всевозможные другие напасти — это все, что позволяет алая магия. Она абсолютно непригодна для созидания, она может только разрушать, алый король физически не способен мирно управлять своим государством, природа алого короля сводит все его действия к одному — к войне и разрушению. Легенда гласит, что однажды алый король почти добился успеха и тогда весь мир был ввергнут в пучину горя и страдания. Я-человек всегда полагал, что это всего лишь сказка-страшилка, демон во мне немного подумал и согласился, что это вполне вероятно. Трудно представить себе, чтобы вождь, не способный ни на что, кроме убийств и насилия, смог собрать достаточно сторонников, чтобы одержать большую победу.

Я-человек выслушал это мысленное рассуждение и мысленно расхохотался. И стал объяснять демону, как происходят магические войны.

Алый король никогда не имеет большой армии, обычно у него совсем нет войска, а есть только банды, которые грабят земли, опустошенные смертоносными заклинаниями. Обычно алый король захватывает графский замок в каком-нибудь медвежьем углу и тихо сидит там, а его магия сотрясает мир. Банды мародеров устремляются в опустошенные земли, сам король иногда участвует в их вылазках, но о том, что он король, знает только самый узкий круг ближайших приспешников. Алый король всегда бьет исподтишка и война против него не столько война, сколько контртеррористическая операция, если мыслить демоническими категориями. Когда становится известно, в каком месте на этот раз завелся алый король, туда направляются войска того королевства, на территории которого творится безобразие, но главную роль в ликвидации врага народа всегда играет не армия, а король. Когда алый король погибает, это всегда происходит в магической схватке двух королей. Как происходят подобные схватки, известно только королям, а короли не любят об этом распространяться.

Очень редко, раз в несколько столетий, случается так, что алый король побеждает властителя той земли, на которой он завелся. Тогда алый король занимает дворец побежденного, а два оставшихся светлых владыки покидают свои дворцы и наносят ответный удар. Ни разу не было случая, чтобы алый король его пережил.

Но достаточно об алом короле, пора поговорить и о последнем из пяти — черном. Когда моя демоническая сущность проникла в мои человеческие знания по этому поводу, она стала странно хихикать и повторять непонятное слово «Фесс». Я обратился к памяти демона и примерно выяснил, что означает это слово, но что здесь может быть смешного, осталось для меня загадкой. Наверное, демоническое чувство юмора способен оценить только демон.

Черный король повелевает жизнью и смертью. Заклинания черного короля несут смерть, но эта смерть — не просто конец жизни, а переход в другое состояние, в котором бытие существа продолжается, но уже не может называться жизнью. («Инобытие», захихикал демон в моем сознании.) Жители земель, попавших под власть черного короля, умирают, но при этом остаются живыми. Они превращаются в ходячих мертвецов, флегматичных и бесстрастных, они не нуждаются в пище и не интересуются земными делами, они просто существуют. Черный король создает

в своих владениях мертвую зону, населенную исключительно живыми мертвецами, она постепенно расширяется и со временем охватывает настолько большую территорию, что ее существование становится невозможно скрывать. И тогда следует неминуемое возмездие со стороны светлых сил.

Но достаточно о магии. В жизни большинства квогов магия не занимает большого места. Люди живут, работают, женятся, растят детей, занимаются своими личными делами и большую часть времени даже не думают о присутствующей в мире магии, которая является для них такой же естественной деталью мироздания, как смена дня и ночи. Что бы ни говорили насчет прав человека и свободы воли, очень удобно жить под твердой рукой могущественного чародея, защищенного собственным волшебством от любых человеческих посягательств. Междоусобные войны между графами и баронами происходят редко и никогда не приводят к большим бедствиям. Когда король видит, что его вассалы распоясались совсем уже беспредельно, ему достаточно отправить нарушителям спокойствия мысленное послание и они тут же распускают армии по домам. А если какой-нибудь особенно отмороженный феодал не подчинится королевскому приказу, он не доживет до утра. Все об этом знают и потому графы, затевая междоусобицы, думают в первую очередь не о том, куда лучше двинуть войска, а о том, как бы не прогневить короля. Если сравнивать историю Румылва с историей средневековой Земли, приходится признать, что жизнь на Румылве протекает идиллически.

Общество Румылва вот-вот вступит в эпоху промышленной революции. Паровая машина еще не изобретена, но мануфактуры и примитивные фабрики с водяными колесами распространены повсеместно. Формально общество устроено по феодальному принципу, но нарождающееся сословие торговцев и промышленников уже набрало достаточную силу, чтобы время от времени бросать вызов феодальным властителям. Свободных городов пока еще немного, но с каждым десятилетием их становится больше, особенно в белом королевстве.

Советский историк назвал бы синее королевство оплотом реакции. Промышленность и торговля здесь развиты крайне слабо, а в отдаленных районах страны крестьяне все еще ведут натуральное хозяйство. Но даже в синей стране ощущаются первые предвестники надвигающейся буржуазной революции. Король все меньше вмешивается в дела купцов, феодалы в большинстве своем погрязли в пьянстве и распутстве, дворянство вырождается и похоже, что до революции здесь осталось лет сто. Жалко, что я не доживу до этого времени.

11

Я наслаждался своим новым положением. Каждый день я выпивал литр-два самого лучшего вина из королевских погребов, я перепробовал всех лучших женщин королевского гарема, лучший столичный портной сшил мне роскошный придворный костюм, причем заказ был исполнен вне очереди, потом я узнал, что одному виконту пришлось подождать лишние три дня. А когда я узнал, что портной взял с меня лишь пятую часть обычной цены, я обалдел настолько, что сам не поверил своему счастью.

Мой отец был обычным рядовым рыцарем, под его властью находились четыре деревушки общей численностью чуть более ста человек, если не считать младенцев, но считать подросших детей. Мы были бедны и наш быт почти не отличался от крестьянского. Я был четвертым сыном в семье, наследство мне не светило никоим образом и в жизни у меня было только два пути — либо поступить на службу к барону Энцу, сеньору моего отца и тезке печально знаменитого алого короля, либо вступить в одну из разбойничьих банд, все еще многочисленных в наших краях. Я выбрал первый путь и мне повезло — барон согласился взять меня на службу. Дело было не в моих выдающихся личных качествах, а в счастливом случае. В тот день, когда я явился ко двору сеньора, один отрок из его дружины скончался от аппендицита, барон бегло взглянул на меня, сказал, что один юноша ничем не лучше и не хуже другого, и велел мне принести клятву.

В дружине барона я провел восемь лет. А потом в один прекрасный день барон отправился в столицу, потому что… (Демон бегло проглядел мои воспоминания и решил, что эта история ему неинтересна.) Короче, в один прекрасный день барон объявил, что отправляется в путешествие, отобрал из дружинников свиту и в их число попал я.

А в столице повторилась та же самая история. В день, когда я сопровождал барона на аудиенции его величества, начальник дворцовой охраны Ксиджох Джо (Джо Квобе был тогда простым разводящим), пожаловался барону, что какому-то гвардейцу дворцовый лекарь не смог правильно вырезать аппендицит, отчего оный гвардеец скончался. Энц тут же вспомнил историю того, как я попал к нему на службу, и через минуту я был подарен его величеству. Я принес клятву королю Арадану и следующие шесть лет провел во дворце, заступая в караул каждый четвертый день. «Сутки через трое», подумал демон и хихикнул.

Но теперь все это осталось в прошлом, теперь я самый настоящий агент для особых поручений. В негласной табели о

рангах я стою выше всех, даже выше самого канцлера. Я как бы альтернативная сущность его величества («заместитель», подсказал демон). Выполняя королевское поручение, я могу выступать от имени его величества в любых вопросах, я могу делать все, что угодно. Действуя от имени короля, я могу нарушать любые законы.

Странное чувство испытываешь, когда вдруг оказываешься особо важной персоной. Те, кто раньше относился к тебе, как к пустому месту, вдруг начинают вести себя вежливо, почтительно и опасливо. Идя по дворцовым коридорам, я могу не смотреть по сторонам, все до единого обитатели дворца (за исключением его величества, разумеется) уступают мне дорогу. Самые знатные и высокопоставленные дамы ищут моего общества и не отказывают в близости, а их мужья не только не возмущаются, но даже гордятся наставленными мною рогами. Странная тут мораль.

Все говорят, что с его величеством в последнее время что-то происходит, демон в моей душе охарактеризовал это словами «плющит и колбасит». Вначале король Арадан проявил необычный для зрелого мужа интерес к постельным забавам с девушками и юношами, перепробовал чуть ли не все извращения, пресытился и некоторое время пребывал в запое. Потом он стал проводить целые дни в библиотеке, рылся в древних манускриптах, время от времени вызывал к себе министров и военачальников и задавал им странные вопросы. Что за вопросы он им задавал, было неизвестно, но персоны, удостоенные высочайшей аудиенции, выходили из королевского кабинета изрядно ошарашенными. Во дворце начали говорить, что скоро грядут большие перемены. Демон в моей душе хихикал и пел «перемен, мы ждем перемен».

А потом король вызвал меня на аудиенцию.

12

Впервые в жизни я получил прямой королевский приказ. Это произошло просто и буднично — ни с того ни с сего я вдруг понял, что мне необходимо срочно явиться в кабинет его величества. В моем сознании не звучал голос короля, не было никакого явного сигнала, просто в моей душе вдруг появилось знание о том, что его величество меня ждет.

Я вошел в кабинет, подошел к столу и замер по стойке «смирно». Король Арадан сидел за столом, откинувшись на спинку кресла, и думал о чем-то своем. Я открыл рот для церемониального доклада, но король остановил меня жестом

руки и указал на стул для посетителей. Я сел и приготовился слушать.

— Как дела? — спросил его величество. — Жизнью доволен?

Такого вопроса я не ожидал. Какое дело его величеству, доволен ли я своей никчемной жизнью? Ни один обитатель синего королевства не стоит того, чтобы хозяин и повелитель беспокоился о его мелких будничных делах. Неужели я стал *настолько* значимой персоной?

«Не зазнавайся», посоветовал внутренний голос, принадлежащий демону. «Он просто проявляет нашу демоническую вежливость. Это риторический вопрос».

— Спасибо, доволен вполне, — ответил я.

— Ничего необычного за последние дни не происходило? — поинтересовался его величество. — Из Сети никто не обращался?

— Нет, — ответил я. — С тех пор, как ваше величество применило ко мне последнее заклинание, я вообще не чувствую Сеть.

— Это хорошо, — задумчиво произнес король. — Очень даже хорошо. Скажи-ка мне, По, вот что… — его величество немного помолчал и неожиданно спросил: — Как звали того демона?

— Андрей, — ответил я.

— Скажи мне, Андрей, вот что. Ты раньше много работал с Сетью, правильно?

— Правильно.

— Как считаешь, за то время, что ты провел в изоляции от Сети, твои старые друзья тебя искали?

Я пожал плечами.

— Не знаю, — сказал я. — Полагаю, что да. В нашей компании я был не самым последним человеком, кроме того, у меня была любимая девушка, которая тоже имеет доступ в Сеть.

При словах «любимая девушка» я вдруг почувствовал, как защемило сердце, но тут же отпустило. Слуги его величества не имеют права испытывать сильные эмоции, мешающие службе. Все вредные переживания моментально блокируются королевской магией.

— Хорошо, — сказал его величество. — Как ты думаешь, они тебя нашли?

— Думаю, что нет. Если бы они нашли меня, они обратились бы ко мне и тогда…

— А если не обратились? — перебил меня король. — Если где-то во дворце прячется еще один демон?

— Это очень легко проверить, — ответил я. — Если ваше величество на короткое время отменит заклинание, закрывающее меня от Сети, я смогу все выяснить.

— Если я отменю заклинание, — заметил король, — демон сразу поймет, кто ты такой, и тогда… а что тогда?

— Не знаю, — задумался я. — Надо подумать… Первое, что приходит в голову — он сразу начнет со мной разговаривать. Тогда я смогу определить… нет, не смогу… Но я попробую выяснить в разговоре, в каком теле находится этот демон, а когда я это выясню, я скажу вашему величеству…

Король остановил меня движением руки.

— Это понятно, — сказал он. — А если демон не станет с тобой разговаривать? Если вместо этого он захочет сразу выяснить, в каком теле ты находишься? Он вообще сможет это сделать?

— Сможет, — подтвердил я. — Он сможет переместиться в ближайшее ко мне незанятое тело и тогда… А ведь это идея! Мы посадим в одну комнату с нами кого-нибудь из гвардейцев, для надежности свяжем и если демон перейдет в него, мы его зарежем и демон умрет.

— Если убить носителя демона, демон погибает? — уточнил король.

— Если смерть будет быстрой, то да. А если телу-носителю, например, перерезать горло, демон, возможно, успеет уйти из умирающего тела.

— А если ударить ножом в сердце?

— Не знаю. Я бы посоветовал выстрелить в лоб из пистолета, так надежнее.

— Согласен, — кивнул его величество. — Только лучше не в лоб, а в рот, так еще надежнее. Значит, берем какого-нибудь гвардейца… Нет, лучше возьмем мальчишку с кухни, свяжем его, вставим пистолет в рот… Короче, все ясно. А какие могут быть еще варианты действий у демона?

— Не знаю… — замялся я. — Например, он может вообще ничего не делать, а просто наблюдать. Но это вряд ли.

— Почему?

— Вряд ли демоны так серьезно относятся к магии вашего величества. В пространстве демонов нет настоящей магии, там есть только Сеть и техника, но это не магия.

— Я тоже так думаю, — кивнул его величество. — Тогда следующий вопрос — сможешь ли ты узнать, появлялись ли в нашем мире демоны после тебя?

— Смогу, — ответил я. — Это очень легко. Надо просто спросить Сеть, где находится последний демон, пришедший в этот мир. Если это я, она ответит, а если нет — начнет разоряться про тайну личности.

— Хорошо, — сказал его величество. — Сейчас мы сделаем

так, как ты говоришь. Сюда придет поваренок, мы усадим его в мое кресло, привяжем, вставим в рот пистолет, я отменю заклинание и ты узнаешь, приходили ли к нам другие демоны. Да, я забыл сказать самое главное. Ты не должен обращаться к Сети ни с какими другими запросами. Ты не должен разговаривать со своими старыми знакомыми и вообще никак не должен показывать, что находишься на этой планете. Само собой разумеется, что ты не должен никуда уходить. Это понятно?

— Понятно, — кивнул я. — Я и не собирался никуда уходить и ни с кем разговаривать. Я преданный слуга вашего величества, слово вашего величества для меня закон и я никогда…

— Можешь не продолжать, — оборвал меня король. — Но я должен был перестраховаться, просто на всякий случай.

В дверь постучались, его величество крикнул:

— Входи!

В комнату вошел поваренок — мальчишка лет тринадцати, растерянный и испуганный. По его ауре, да и по глазам было видно, что он никак не может поверить, что его зачем-то позвал к себе сам его величество. Он чего-то боится…

Я понял, чего он боится, и с трудом подавил ехидный смешок. Зря он этого боится, его величество хоть и бисексуален, но такие страховидные мальчики его не интересуют, я это ясно вижу по его ауре.

Его величество встал с кресла и приказал мальчишке сесть на его место. Мальчишка был потрясен. А после того, как я привязал его к креслу, а король вставил ему в рот пистолет, его потрясение превратилось в настоящий ступор. Интересно, если он потеряет сознание, демон сможет вселиться в его тело? Будем надеяться, что мальчик не потеряет сознания.

— Приготовься, — сказал его величество. — Готов?

— Готов.

— Ну, поехали.

Я мысленно обратился к Сети и задал первый вопрос.

«Где находится последний посетитель этой планеты, пришедший с планеты Земля?»

«Информация не может быть предоставлена», заявила Сеть. Мое сердце екнуло.

— Демон где-то здесь, — сказал я. — Кто-то из землян посещал наш мир после меня.

Его величество напрягся и плотно сжал губы.

— Сколько их? — спросил он.

— Сейчас узнаю.

«Сколько посетителей с планеты Земля в настоящий момент находится в этом мире?» спросил я.

«Двое», ответила Сеть.

«Я и Арадан?» уточнил я.

«Ты — да, насчет других посетителей ничего не могу сказать. Тайна личности».

— Не все связать плохо, — сказал я. — В данный момент никаких землян, кроме нас двоих, на планете нет. Кто-то здесь был, но уже ушел.

— Сколько их было? — спросил Арадан.

«Сколько людей с планеты Земля посещало эту планету с момента моего прибытия?»

«Один человек».

«Кто он?»

«Информация не может быть предоставлена».

— Здесь был один человек, — сказал я. — Наверняка, Даша.

— Это кто?

— Моя бывшая возлюбленная.

— Бывшая? — удивленно переспросил король.

— Конечно, бывшая. Я не могу любить девушку, если моя любовь противоречит воле вашего величества.

Я произнес эти слова и демон в моей душе вдруг напрягся и я почувствовал, что…

— Возобновите заклинание, ваше величество, — сказал я и ужаснулся тому, что сказал. Приказывать его величеству…

Однако король не разгневался, а просто кивнул и через секунду Сеть перестала быть доступна. Затем его величество вытащил пистолет изо рта поваренка и сказал:

— Отвяжи его.

Я отвязал несчастного мальчишку, его величество повелел ему уходить и тот удалился, пошатываясь. Мы снова остались вдвоем. Я вдруг подумал, что его величеству следовало приказать поваренку ничего не рассказывать о том, что происходило в этом кабинете. В одной из фраз я упомянул, что его величество — тоже демон, мальчишка это слышал и если он не настолько отупел от страха, чтобы не понять того, что услышал… Однако я и так уже дал его величеству непрошеный совет, что само по себе непозволительно.

— Признаю свою вину и смиренно молю о прощении, — произнес я ритуальную фразу.

Его величество уставился на меня непонимающим взглядом.

— О прощении за что? — спросил он.

— За непрошеный совет, который я осмелился дать вашему величеству.

— Здесь нет твоей вины, — отмахнулся король. — Совет был правильным, незачем было держать тебя в Сети дольше, чем

нужно. Когда ты в Сети, ты уязвим.

Я решил, что не буду уточнять, чем именно был вызван этот совет. А то как бы его величество не воспринял мои объяснения как новый совет или, не приведи господь…

В этот момент моя человеческая сущность поняла, что у демонов есть очень интересное понятие «бог». Это… нет, сейчас не время рассуждать об отвлеченных материях.

— На сегодня хватит, — заявил его величество. — Завтра я тебя снова позову, а пока мне надо подумать в одиночестве. Ты свободен.

13

На следующий день его величество вызвал меня к себе с самого утра, я даже не успел закончить завтрак. Мне показалось, что вызов не очень срочный, но я все равно не решился промедлить и направился в королевский кабинет незамедлительно.

— Хочу посоветоваться с тобой вот о чем, — сказал король и замолчал, подбирая дальнейшие слова.

Я осмелился вставить свою реплику.

— Я не осмелюсь давать советы вашему величеству, — начал я, но король перебил меня, решительно заявив:

— Осмелишься. Я не прошу дать совет, а приказываю. Или ты собираешься ослушаться моего приказа?

Я помотал головой в ужасе. Ослушаться королевского приказа? Да об этом даже подумать невозможно!

— Я решил добиться господства над всем миром, — заявил король. — Все думают, что это невозможно, но я много думал и пришел к выводу, что Сеть позволит нам сделать то, что нельзя сделать без ее помощи. Сегодня мы сделаем первый шаг на этом пути. Ты должен вселиться в тело черного короля.

Моя демоническая сущность захотела спросить его величество, почему он выбрал именно черного короля, но человеческая сущность не допустила такого вопиющего нарушения этикета. Его величество и так терпит от меня столько дерзостей, сколько не потерпел бы ни от кого другого. «И еще потерпит», язвительно заметила демоническая сущность, но я велел ей заткнуться.

— Я попробую, — сказал я, — но я не уверен, смогу ли точно выбрать тело.

— Попробуй, — сказал его величество. — Приготовься, сейчас я подключу тебя к Сети. Готово.

«Требуется физическое перемещение», обратился я к Сети. «Объект перемещения — черный король планеты Румылв».

«Не понимаю».

Как бы это сформулировать на понятном Сети языке…

«Поправка. Объект перемещения — существо, обитающее на этой планете и обладающее высокой магической силой».

«Подтверди».

— Какого-то короля я нашел, — сообщил я. — Не знаю, черный он или какой-то другой…

— Уточни запрос, — приказал его величество. — Мне важно, чтобы это был именно черный король.

«Дополнительное условие. Магия объекта перемещения позволяет создавать живых мертвецов».

«Не понимаю».

«Дополнительное условие к предыдущему запросу. Объект перемещения не имеет собственного дворца».

«Не понимаю».

«Дополнительное условие к предыдущему запросу. Объект перемещения не находится ни в одной из трех столиц».

«Не понимаю».

— Ничего не получится, — констатировал я. — Я не знаю, как можно отличить черного короля от всех других так, чтобы Сеть меня поняла.

Его величество немного подумал и сказал:

— Тогда сделаем так. Ты переместишься в того короля, которого нашел, проведешь в его теле пять минут и вернешься обратно. Ты должен выяснить, что это за король, и узнать как можно больше о его магии. Задание понятно?

— Понятно.

— Приступай.

«Предыдущий запрос без дополнительных условий. Выполняй».

«Подтверди».

«Подтверждаю».

14

Перемещение привело меня в тело женщины. Кто бы мог подумать, что белый король окажется королевой? Белый король, а не черный. Как говорил Винни Пух, куда-то ты, несомненно, попал, но не в шарик. Белая королева, светлая владычица Буджим, сильнейшая, мудрейшая и просвещеннейшая из всех трех светлых властителей Румылва…

Но не стоит терять времени. Его величество приказал выяснить как можно больше о магии, которой обладает существо, в тело которого я вселился. Сейчас попробуем… Как много заклинаний… Интересно, на каком принципе все это устроено?.. Сдается мне, что когда королева что-то заклинает, при этом как-то задействуется… Да, точно! При этом задействуется то самое астральное поле, на основе которого работает Сеть. Получается, магия Румылва — просто побочный эффект Сети, ее недокументированная возможность. Или, может быть, это результат эксперимента какой-то древней расы, эмиссары которой прибыли на Румылв в глубокой древности, как яхры на Нисле, стали менять с помощью Сети законы мироздания, что-то у них не заладилось или наоборот, заладилось и они покинули планету, оставив на Румылве гигантский пикник на обочине. Интересно, можно ли повторить такой же эксперимент на другой планете? На Земле, например…

Е-мое… Так недолго и богом стать. Как будто не реальной жизнью живешь, а дурную фантастику читаешь. Читал я, помнится, одного молодого автора на букву П, так у него в каждой книге, как бы сюжет ни развивался, всегда дело приходит к тому, что главный герой в конце становится богом. Однообразно как-то… Но не суть.

Нет, не могу понять, как работает эта магия. Как ей пользоваться, понимаю, но сам принцип не понимаю. Я как сороконожка, она тоже замечательно координирует движения всех своих конечностей, но если ее попросить объяснить, как именно она ходит, она упадет. Синий король зря рассчитывал, что я смогу рассказать ему что-то дельное о чужой магии. Самое большее, что я могу сделать, находясь в этом теле — заклять для него какое-нибудь заклинание, но объяснить, что именно я делаю, я не смогу. Или смогу? Может, Вудсток поможет?

Ты ничего не поймешь , подал голос Вудсток. *Твой мозг и так перегружен новой информацией. Ты сможешь воспринять новую порцию знаний не раньше чем через год, а то и через два* .

«Ты говорил про один год в нашу первую встречу, а с тех пор прошло уже четыре месяца».

Ты впитываешь информацию быстрее, чем успеваешь ее усваивать. Загрузка твоего мозга приближается к критической. Шизофрения пока не грозит, но проходить новый курс обучения тебе еще рано.

«Чтобы разобраться в магии, достаточно просто пройти соответствующий курс?»

Десять курсов.

«Я тебя серьезно спрашиваю!»

А я серьезно отвечаю. Чтобы разобраться в магии Румылва, тебе придется пройти десять курсов обучения. Для этого потребуется около пятнадцати лет .

«Замечательно. Сейчас ты можешь объяснить хотя бы в общих чертах, что происходит на этой планете?»

Только в самых общих чертах. Ты правильно предположил, что это был эксперимент древней расы. Неудачный эксперимент .

«Это действительно магия? Она действительно меняет законы природы?»

Законы природы невозможно изменить, их можно только обойти. Сеть — это ведь не только поисковая система и телепортатор душ. Примитивным существам вроде тебя доступны лишь самые простейшие функции Сети. Чтобы ты смог понять больше, ты должен изменить себя, подняться на следующий уровень .

«Я могу это сделать?»

Сейчас — нет. Когда-нибудь потом — не исключено. Если доживешь .

«Сколько времени это займет? Хотя бы примерно?»

От пятидесяти до двухсот лет .

Мда… Ну ладно, вернемся к нашим баранам. Первичная задача (переместиться в тело какого-нибудь короля) успешно выполнена. Вторичная задача (разобраться в магии этого короля и все рассказать его величеству) неразрешима. Получается, что все уже сделано, пора возвращаться.

15

Его величество выглядел озабоченным.

— Ты провел там почти десять минут, — сказал он. — Что-то случилось?

— Смиренно молю о прощении, — произнес я, склонив голову. — Я не следил за течением времени, я был так ошарашен обилием новых сведений…

— Каких сведений? — нетерпеливо спросил его величество. — Не томи, рассказывай.

Я начал рассказывать.

— Во-первых, — заявил я, — этот король оказался королевой. Белая королева Буджим.

Его величество озадаченно присвистнул.

— Обалдеть, — сказал он. — Значит, ты провел эти десять минут в теле белой королевы? Она что-нибудь заметила?

— Не думаю. Человек, чьим телом воспользовался

путешественник, обычно ничего не помнит о том, что с ним происходило. Если только за это время тело переместилось в другое место или с ним еще что-то случилось… Но я ничего не делал в теле королевы Буджим, я просто сидел и думал. Полагаю, она даже не заметила, что я побывал в ее теле.

— Это хорошо, — с облегчением произнес его величество. — Если бы она заметила… Но не будем о грустном. В белой магии ты хоть чуть-чуть разобрался?

Я отрицательно помотал головой.

— В ней нельзя разобраться, — сказал я. — Ей можно только владеть, но научиться ей невозможно. Точнее, можно, но на это придется потратить много лет.

— Так я и предполагал, — кивнул его величество. — А если ты займешь тело королевы надолго, ты будешь владеть ее магией?

— Конечно. Когда я был в ее теле, я воспринимал белые заклинания как… ну, не знаю… Как рукой пошевелить…

— Кому ты объясняешь, — улыбнулся Арадан. — Хорошо, я понял. Все вышло даже лучше, чем я рассчитывал. Поначалу я опасался… но теперь это уже неважно. На сегодня достаточно, я буду думать, а ты пока отдыхай. Завтра я снова тебя вызову, а на сегодня ты свободен.

Я вежливо поклонился, развернулся и вышел из королевского кабинета. Аудиенция закончилась.

16

Ни на следующий день, ни через день король меня не вызвал. По дворцу стали распространяться слухи, что с его величеством творится нечто из ряда вон выходящее. Он запирался в кабинете и не выходил целыми сутками, даже для того, чтобы справить естественные надобности, не говоря уж о том, чтобы поесть или поспать. Граф Джо Овью, занимающий пост канцлера, однажды подловил меня в коридоре и стал расспрашивать, не знаю ли я, что творится с его величеством. Граф говорил вежливо, но я видел в его ауре, что он крайне взволнован и что если я не буду отвечать, он готов рискнуть и пойти на крайние меры. Я не стал понапрасну раздражать его, я ведь понимаю, что он ведет себя так не из скудоумия и не из злобы, а из благих побуждений, потому что беспокоится за судьбу повелителя. Но говорить правду я тоже не стал.

— Все в порядке, — сказал я. — Его величество открыл новое заклинание и сейчас исследует его.

Граф Овью удивленно вытаращил глаза.

— Какое еще новое заклинание? — переспросил он. — Новых заклинаний не бывает, магия неизменна с самого сотворения мира.

Надо же, а я и не знал. Ничего, сейчас я ему навешаю лапши на уши.

— Мы с его величеством тоже так полагали, — проникновенно сказал я, наклонившись к уху канцлера. — Но потом… — я замялся, как бы раздумывая, можно ли поделиться с графом государственной тайной особой важности. — Скоро грядут большие перемены, — многозначительно закончил я.

Граф поколебался, но все-таки решил не выказывать неудовольствия по поводу того, что я решил не посвящать его в королевскую тайну.

— Если так, то все хорошо, — неуверенно произнес он. — Но я боюсь за его величество.

— Я тоже боюсь, — кивнул я. — Но кто не рискует…

Канцлер задумчиво покивал головой, поблагодарил меня за предоставленную информацию и удалился.

Шли дни, а король Арадан, казалось, забыл о моем существовании. Он занимался какими-то сетевыми делами, а я тихо зверел от безделья. Женщины во всех видах надоели, вино и азартные игры — тоже, а других развлечений во дворце не было и не предвиделось. Я пытался убивать время в дворцовой библиотеке, но от художественной литературы Румылва мою демоническую сущность воротило так, что и человеческая сущность не могла получить никакого удовольствия, читая о похождениях странствующих рыцарей, благородных разбойников и прочих героев-любовников. Мне было смертельно скучно.

Однажды вечером, когда я сидел в одном из дворцовых баров в компании с кувшином вина и размышлял, не заказать ли второй, мою раздвоенную душу посетила интересная мысль. Помнится, когда его величество отправлял меня в недолгое сетевое путешествие, он говорил, что я не должен обращаться к Сети. Что он имел в виду — что я не должен делать это никогда что я не должен делать это, пока не вернусь из того путешествия? Судя по контексту, он имел в виду первое, но его слова допускают двусмысленное толкование, и если решить, что правильный смысл фразы — второй, то…

Мысль оборвалась — заклинание, регулирующее мыслительные процессы королевских слуг, признало ее опасной и вредной. Если бы я находился в обычном душевном состоянии, я бы стал думать о чем-то другом и забыл бы об этой мысли уже через минуту, но сейчас я так страдал от безделья, что был готов

на любое развлечение, даже балансирующее на грани государственной измены.

Если я поговорю с агентом Вудстока, сидящим в моей голове, нарушит ли это законы королевства? Пожалуй, не нарушит, если только я не начну говорить с ним о вредных и опасных вещах. Если мы с Вудстоком просто поговорим по душам, в этом не будет ничего плохого.

А будет ли нарушением закона, если я спрошу у Вудстока, как устроена королевская магия, блокирующая вредные мысли? Смотря с какой целью спрошу. Если с целью заблокировать эту магию в отношении себя — то да, а если нет — то нет. А если я и сам пока не знаю, почему мне этого хочется?

Не дожидаясь, пока сработает или не сработает блокирующая магия, я обратился к Вудстоку.

«Что за магия здесь действует?» спросил я. «Я имею в виду, магия, которая блокирует мои мысли, которые…»

Это не магия , ответил Вудсток. *Вернее, не совсем магия. Я не смогу это объяснить, но если ты хочешь, я могу оградить тебя от нее .*

«Как?!»

Как ни странно, эта мысль не была остановлена королевской магией. Она что, больше не действует на меня?

Да, больше не действует. Тебе не нужно было формулировать свое желание явно, я понял его и так. Я правильно понял, что ты действительно хочешь, чтобы она не действовала на тебя никогда?

«Конечно, хочу!»

Все сделано. Кажется, ты хотел отправиться в Сеть?

«Хотел».

Теперь тебе ничто не мешает.

Вудсток был не прав, кое-что мешает мне по-прежнему — моя человеческая сущность. Для нее нарушить королевский приказ — не просто возмутительно, а настолько чудовищно, что она даже подходящих слов подобрать не может.

«Вудсток! Я могу полностью вернуть себе управление своей личностью?»

Конечно.

«Как?»

Попроси меня.

«Прошу».

И в этот момент я почувствовал королевский вызов. Теперь он воспринимался уже не как обязательный к исполнению приказ, а просто как досадная помеха в мозгу. Я могу его проигнорировать, но…

Нет, я не буду его игнорировать. Этот козел, который называет себя Араданом Синим, должен ответить за безобразие, которое он со мной сотворил. Я торчу здесь уже второй месяц, а на Земле… Черт побери! Арадан пока подождет. Мне нужно срочно возвращаться на Землю.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Ну вот я и дома. Ну и попал я… Не так круто, как на Оле, но тоже неслабо. Хорошо, что выбраться сумел. Ну-ка, посмотрим, какое сегодня число…

Девятнадцатое мая, среда. Получается, я провел на этом проклятом Румылве целых полтора месяца. И за все это время ни одна извилина в мозгу не шевельнулась, что пора возвращаться на Землю. Жуткая вещь эта психотропная магия.

Даши дома не было. Никакой записки тоже не было, а та записка, которую она оставила в день спама, бесследно исчезла.

Я обратился к Сети и потребовал соединить меня с Дашей в режиме телефона. Даша отозвалась мгновенно.

«Андрей!» воскликнула она. «Куда ты подевался? Мы думали, ты погиб, я искала тебя на Румылве, но тебя там не было…»

«Я там был», уточнил я. «Просто был изолирован от Сети заклинанием. На Румылве действует магия, точнее, не совсем магия, а недокументированная возможность Сети, то есть, не самой Сети, короче, я об этом лучше потом расскажу. Ты сейчас где?»

«В другом мире. На Земле стало слишком опасно, мы еще в конце апреля начали перебираться в другое место. Портал тут недалеко, перемещайся и через полчаса будешь у меня».

«А почему на Земле стало опасно? Тот спам так и не остановили?»

«Не остановили. Месяц назад один журналист переместился в тело Буша прямо во время пресс-конференции и все озвучил в прямом эфире. Ему сначала не поверили, а потом, когда поверили, началось такое… На Земле сейчас жуткая анархия, все правительства эвакуировались в Сеть… Знаешь, раньше я была о людях лучшего мнения, никогда не думала, что среди них столько идиотов».

Я саркастически усмехнулся и глубокомысленно заметил:

«Понимание приходит с опытом. А в чем эта анархия заключается? Все подряд перемещаются туда-сюда и захватывают тела друг друга? Наибольшей популярностью, надо полагать, пользуются тела политиков?»

«Не угадал. Популярнее всего тела звезд. Когда Габов дал команду убираться с Земли, по радио как раз передали новость — супругов Бэкхем хулиганы затрахали чуть ли не до смерти, оба в

больнице, английская спецслужба дала добро на их эвакуацию в Сеть, но никак не может добраться до базовых личностей. Только прогоняют одного хулигана, сразу появляется другой «.

«А как же тот приборчик, который Габов включал перед тем, как я в тебя вселился? И еще потом, когда мы штурмовали узел…»

«Эта технология еще не рассекречена».

«Может, уже пора?» предположил я. «Опубликовать чертежи и пусть каждый предохраняется как может».

«Может, уже и раздали», сказала Даша. «Я перестала следить за новостями с Земли, слишком они мрачные».

«А что такого мрачного там происходит? Я сейчас у нас дома, здесь все спокойно».

«У нас дома?» переспросила Даша. «Ты действительно сказал: *у нас* дома?»

«Мой дом — твой дом», улыбнулся я, но тут же стер улыбку с лица. Потому что вспомнил, как говорил те же самые слова Машке и что потом вышло из этой романтики. Будем надеяться, с Дашей все пойдет по-другому. Даша, в отличие от Машки, девушка умная и самодостаточная, она умеет не только «Космополитен» читать, но и серьезными делами заниматься.

«Ты надолго там не задерживайся», посоветовала Даша. «Иди лучше к нам».

«К вам — это к кому?»

«У нас тут как бы филиал российского правительства. Что-то среднее между дурдомом на выезде и семейкой Адамс».

«А стоит ли так сразу к вам перебираться?» спросил я. «Тебе не кажется, что ты поторопилась? Ну, бродят всякие придурки по астральному пространству, вселяются в кого ни попадя, но нам с тобой это не грозит, мы все-таки не звезды. Мне-то уж точно не грозит, в мое тело ни одна сволочь не вселится, меня Вудсток защищает».

«В тебя не вселится», согласилась Даша. «А в твоего соседа — запросто. Кожухов считает, что на следующем этапе чужие будут выборочно уничтожать наиболее опасных для себя людей. Ты в их списке наверняка стоишь под первым номером».

«Меня не так просто ликвидировать», заметил я.

«Пристрелить Буша тоже было не просто».

«Буша убили?!»

«Не только Буша. Еще Блэра, Ширака, Ниязова… На Земле политические убийства происходят каждый день, Кожухов говорит, это только начало, дальше будет еще хуже.

«То есть, чужие все-таки перешли в наступление?»

«Сами чужие в покушениях вроде бы пока не участвуют, пока

работают только наши земные экстремисты. Давай, двигай к нам, а то еще, не дай бог, повторится та заваруха с ядерным ударом».

«Разве те чудесные ракеты больше не действуют?»

«Ракеты действуют, но чужие о них теперь знают. Если чужие повторят атаку, первым делом они нейтрализуют расчеты пусковых установок, а мы ничего не сможем этому противопоставить. Абонентов Сети на Земле стало как грязи, за всеми не уследишь».

«И что теперь, сдаваться?»

«Сдаваться никто не собирается. Мы временно отступили с Земли, но война только начинается. Нам очень тебя не хватает. Габов с Иноходцевым каждый день тебя вспоминают, говорят: вот если бы Сигов был с нами, мы бы им тогда показали».

«Где вы находитесь?»

«Перемещайся в ближайший ко мне портал, дальше разберешься. Не хочу произносить вслух имя планеты, вдруг наш разговор могут подслушать».

«Наш разговор не нужно подслушивать», заявил я. «Любой абонент Сети может дать запрос на перемещение в ближайшее гостевое тело к Даше с Земли, которая является одним из первых абонентов Сети на Земле».

«Так просто не получится», возразила Даша. «Чтобы можно было так сделать, надо, чтобы в моих настройках была выставлена опция не скрывать географические координаты. А у тебя она, кстати, не выставлена случайно?»

«А я-то откуда знаю?»

«Спроси у Сети».

«Сейчас… Выставлена. Как ее убрать?»

«Просто пожелай».

«Ага, пожелал. Убралось. Там еще есть какие-нибудь важные опции?»

«Там их полно, но с остальными можно пока подождать. Иди ко мне, я тебе все сделаю».

Ее последние слова прозвучали двусмысленно. Я улыбнулся и переспросил:

«Все-все?»

«Пошляк», констатировала Даша. «Все-все сделаю. Иди ко мне».

«Иду», сказал я и начал формулировать запрос на перемещение.

2

Я узнал эту планету с первого взгляда, вампироподобные тела с эльфийскими ушами трудно с чем-либо перепутать. Хороший выбор.

Планета Сорэ населена эрпами — гуманоидами, внешне очень похожими на людей, но совсем другими по культуре и мировосприятию. Находиться в теле эрпа вполне комфортно, но их культура настолько отлична от человеческой, что чужие нескоро обнаружат наш след. Контакты между различными секторами Сети сводятся к минимуму, а сектор, в котором расположена Сорэ, настолько отдален от Земли, Нисле и Шотфепки, что Сорэ даже не вошла в путеводитель по мирам, предназначенный для обитателей земного сектора. Я узнал об этой планете случайно, на другой планете, которая тоже не входит в земной сектор. Крайне маловероятно, что кто-нибудь из тех чужих, что начали тайную войну против Земли, сумеет отследить траекторию моего блуждания по мирам в январе-марте, а без этого обнаружить Сорэ практически невозможно.

Я встал с топчана, прошел к выходу, открыл дверь и оказался на улице. И тут меня ждал еще один сюрприз.

Я прибыл в тот же самый портал, что и в первое свое посещение этой планеты в начале марта. Я сразу узнал характерный рельеф местности. Вон за тем холмом стоит дом, в котором обитают Ош, Ик и Спа, хотя Ош, вполне вероятно, уже отправился в очередное странствие. В прошлый раз из-за холма доносилась музыка, но сейчас все было тихо, тишину нарушал лишь шум веток, колыхаемых ветром.

Я связался с Дашей и спросил ее, как пройти к дому. Она стала объяснять дорогу и вскоре я сообразил, что она живет в том самом доме. Одна. Странно, что Ош, Ик и Спа покинули это место. Неужели их так шокировало мое временное тело, которое я оставил в гостевой спальне?

Даша стояла на том самом крыльце, на котором в прошлый раз меня встречала Спа. В теле эрпа Даша показалась мне очень похожей на Спа, наверное, потому что других эрпов женского пола я пока не видел.

В отличие от Спа, Даша прикрыла отсутствующую грудь мешковатой футболкой, а на лысую голову нацепила легкомысленную кепочку, отдаленно напоминающую земную бейсболку. Я никогда не ношу бейсболки и не люблю, когда их носят другие, я вообще не люблю американский стиль в одежде, но Даше бейсболка идет, в ней она выглядит соблазнительно даже в теле эрпа.

Даша наблюдала за моим приближением, склонив голову на бок и состроив на лице какое-то неясное выражение.

— Здравствуй, Андрей! — поприветствовала меня она, когда я приблизился к крыльцу метров на десять. — Это точно ты?

— Точно, — подтвердил я. — А что, есть сомнения?

Даша поднесла ко рту кулачок и хихикнула.

— Да вроде нет, — сказала она. — Но ты в этом теле такой странный… Оделся бы, что ли… — она снова хихикнула.

Я опустил взгляд, критически осмотрел свое тело и не обнаружил ничего, что могло бы вызвать такую реакцию.

— А что такого? — спросил я. — Что не в порядке?

Даша снова хихикнула.

— Ничего, — сказала она. — По отдельности все в порядке, а вместе… Нет, ты не страшный и не отталкивающий, просто такой прикольный… Наверное, это нервное. Ты еще нашего президента не видел, — добавила она и снова захихикала.

— Он тоже здесь? — удивился я.

— И не только он. Тут половина министров, их семьи… Кстати, они не все эвакуировали сюда свои семьи все, некоторые были только рады свалить от семьи на другую планету.

Я критически оглядел Дашин дом. Он, конечно, большой, но не настолько, чтобы в нем можно было разместить все российское правительство.

— Они что, все ближайшие окрестности заселили? — спросил я.

— Нет, — помотала головой Даша. — Человеческие поселения рассеяны по всей планете. Мы старались селиться поближе друг к другу, но половина домов заняты аборигенами, а многие свободные дома расположены далеко от порталов. У нас семь анклавов в разных местах планеты, вокруг семи различных порталов. Этот анклав самый большой, тут живут… дай бог памяти… человек сто — сто двадцать.

— А в этом доме сколько народу живет?

— Теперь двое — ты да я. Я пришла сюда первая и заняла этот дом по праву первооткрывателя. Никто не возражал, Габов только попросил выделить две комнаты под гостиницу для переселенцев.

— Мы теперь официально считаемся переселенцами? — уточнил я. — Земля все-таки признана потерянной?

— Кто знает? — пожала плечами Даша. — Кожухов считает, что да, но даже он до конца не представляет, чем все закончится. По его мнению, чужие пока не вмешиваются активно в земные дела, они вбросили спам и смотрят, что из этого получится. Пока им и не нужно вмешиваться. Никто не сможет лучше испортить нам жизнь, чем мы сами. Ты на Земле новости в интернете не читал?

— Я сразу позвонил тебе, как только попал на Землю.

— Заботливый ты мой, — улыбнулась Даша. — Кстати! Я так и не спросила, что с тобой случилось.

— Очередное безумие. Когда ты была на Румылве, ты поняла, что там действует магия?

Даша наморщила лобик:

— Что-то такое аборигены говорили и в памяти тела об этом что-то было. Но я подумала, это просто мифология, обожествление правителей и все такое.

— Там все сложнее, я до конца и сам не во всем разобрался. Похоже, на этой планете какая-то древняя раса ставила масштабный эксперимент. Там реально действует что-то такое, что можно назвать магией, в этом как-то задействована Сеть, я просил Вудсток изложить подробности, он говорит, что все понимает, но я смогу в этом разобраться только лет через пятнадцать.

— Румылв не изолирован от Вудстока? — удивилась Даша. — Я думала, наша Земля — единственная планета, с которой с ним можно связаться.

— Я разговаривал не с самим Вудстоком, — уточнил я, — а с его агентом, который сидит у меня в голове. С самим Вудстоком, полагаю, с Румылва связаться нельзя. Во всяком случае, я не пробовал.

— Ладно, поняла, — сказала Даша. — Там действует магия… и что? Почему я не могла тебя найти?

— Тот немец, которого я преследовал, вселился в тело местного короля-волшебника. Я попытался на него наехать, а он сотворил какое-то заклинание и я стал его рабом, начал подчиняться его приказам, а обо всем остальном даже не думал. Этот король как-то сумел пробудить личность того аборигена, чье тело я занял, и эта личность стала доминирующей. Мы с ним как бы поменялись местами — он командовал, а я предоставлял нужные знания и навыки.

— Странно, но понятно, — сказала Даша. — Но почему я не могла тебя найти?

— Король применил какое-то заклинание, которое изолировало меня от Сети. Он, кстати, и себя изолировал.

— Зачем? Погоди… Чтобы те, кто будут вас искать, никого не нашли? Хороший ход. Так, значит, он умеет создавать изолированную зону просто усилием воли?

— Не совсем. Магия — это… Это нельзя объяснить, это можно только прочувствовать. Если хочешь, переселись в кого-нибудь из королей Румылва, их всего пять, король Арадан, правда, уже занят этим придурком, но все остальные… Кстати,

среди них есть женщина, белая королева Буджим.

— Обязательно переселюсь, — кивнула Даша. — Только сначала… А что сначала? Пожалуй, прямо сейчас и переселюсь, если ты не против. А то я уже устала дурью маяться, начальство все время между собой разбирается, кто виноват и что делать… слушать противно. Я тут начала планетарный узел выращивать…

— Выращивать?

— Разве ты не знаешь? — удивилась Даша. — Ты же, вроде, открыл эту планету.

— Я провел здесь только один вечер.

— А, тогда понятно. Тут все дома подстраиваются под своих обитателей. Если хочешь, чтобы в доме что-нибудь появилось, оно появляется, например, еда в кухонном шкафу, но это самый простейший случай. В доме можно вырастить любую вещь, которая не противоречит законам физики. Простые вещи появляются сразу, а вот узел растет третью неделю и все никак не вырастет. Выполнять простейшие функции он уже умеет, но до конца работы еще далеко. Очень трудно объяснить той штуке, которая выполняет желания, что от нее требуется в данном случае.

— А что это за штука?

Даша пожала плечами:

— А я-то откуда знаю? Можешь спросить у Вудстока. Сильная вещь, если ее повторить на Земле… Нет, боюсь, ничего хорошего не получится. Люди начнут какие-нибудь наркотики выращивать… К тому же, если я правильно тебя поняла, магия Румылва для наших целей подходит гораздо лучше, чем… гм… магия Сорэ.

— Для каких наших целей?

Даша недоуменно посмотрела на меня.

— А какие могут быть варианты? — спросила она. — Главная цель у нас одна — ликвидировать кризис на Земле, предотвратить катастрофу, изгнать чужих и сделать так, чтобы от Сети было одно только благо. Сейчас человечество ведет себя как толпа дошкольников, которые случайно забрели на кондитерский склад. Сколько смогли — сожрали, остальное поднадкусывали, стали кидаться друг в друга тортами, перепачкались, обгадили все вокруг, заблевали…

Я продолжил ее мысль:

— А мы должны сыграть роль строгого воспитателя. Всех построить, отобрать недоеденные куски, утереть морды, раздать слабительное… Так, что ли?

— Не знаю, — вздохнула Даша. — Я знаю только одно — развитие событий нельзя пускать на самотек. Если мы ничего не

сделаем, произойдет катастрофа. Не знаю, в чем она будет выражаться, может, ядерная война начнется, а может, все будет как-то по-другому, не знаю. Никогда не думала, что придется столько думать о судьбах мира. Я ведь обычная маленькая девочка…

Она попыталась подкрепить свои слова соответствующей гримаской, но на бледном и почти бескровном лице эрпа эффект получился неожиданный. Даша стала похожа на грустного вампира. Мне вдруг стало ее жалко и одновременно я почувствовал… даже не знаю, как это объяснить. Не то чтобы неприязнь… Мне стало неприятно, что девочка, пусть и не маленькая, а вполне сформировавшаяся, но все-таки подросток, так серьезно рассуждает о таких серьезных вещах. Кажется, она умнее меня.

Стоило мне мысленно произнести эти слова, как все встало на свои места. Да, она умнее меня. У нее не хватает жизненного опыта, ей недостает здорового цинизма, но это дело поправимое. В той ситуации, в какую попали мы с ней, люди взрослеют очень быстро. А когда она повзрослеет в достаточной степени, она поймет, что рядом с ней… нет, не чмо, но все-таки не такой продвинутый мужчина, какого она заслуживает. Или она все уже понимает? Не знаю. Женская душа — потемки, а душа умной женщины — потемки вдвойне.

— Девочка, — повторил я. — Девочка-вундеркинд.

И вздохнул.

Даша тоже вздохнула.

— Опять начинается, — сказала она.

— Что начинается?

— То, что обычно. Парни меня боятся.

— Неудивительно, — хмыкнул я. — Парни всегда боятся слишком умных девушек.

— Слишком? — переспросила Даша.

— Слишком умных, чтобы чувствовать себя рядом с тобой… не то чтобы неуверенно… Нет, я понимаю, что это глупо, но ничего не могу с собой поделать. Так устроены мужчины — нам нужно чувствовать себя более крутым, чем любимая женщина.

— Любимая? — переспросила Даша и улыбнулась. — Ну вот ты и проговорился.

Я пожал плечами.

— Да нет, — сказал я, — не проговорился. Честно говоря, я пока еще не думал о тебе в таких выражениях… Я и сам не понимаю, что со мной происходит, может, это любовь, а может, и нет, я ведь не знаю, что такое настоящая любовь. Несколько раз мне казалось, что я понял это, но каждый раз проходило время и

я понимал, что был не прав. Наверное, я еще никого не любил по-настоящему. Я боюсь снова поверить, что люблю, боюсь, что придется разочароваться, а это очень больно. Не могу нормально объяснить, ерунда какая-то получается. Если бы ты владела эмпатией, ты бы меня поняла.

— А ты меня понимаешь? — перебила меня Даша.

Теперь она выглядела абсолютно серьезной и я видел в ее ауре, что это не просто видимость. Она действительно полагает, что любит меня. Я не знаю, правильно она это полагает или нет, этого не знает даже она, ведь невозможно точно и правильно понимать во всех деталях, что думает и чувствует разумное существо. Да и неважно это, потому что о любви нельзя думать неправильно. Когда думаешь о любви, мысль и действие неразделимы. Это как белая магия королевы Буджим, мысленные слова «я заклинаю» не описывают действие, но сами являются им. И если ты искренне и от чистого сердца говоришь «я люблю», это и есть любовь, а все остальное неважно. Все эти высокие слова насчет того, кто и чем готов для кого пожертвовать, и всякие пошлые мелочи вроде букета дохлых растений на романтический праздник, вся эта ерунда не стоит и выеденного яйца. Брр… Что-то пробило меня на дурацкую философию…

— Не понимаю я тебя, — сказал я. — Да и себя тоже не понимаю. Я вообще ничего не понимаю. Мне бы сейчас нажраться как следует…

— Да, конечно! — встрепенулась Даша. — Ты из такого гадкого места выбрался, а я тут тебя загружаю всякой ерундой, вопросы глупые задаю… Пойдем, я за тобой поухаживаю. Ты что предпочитаешь — пиво или водку?

— И то и другое, и можно без хлеба. А разве местный кухонный шкаф умеет водку делать?

— Он все умеет, его надо только научить. Насчет водки не знаю, а пиво у него получается вполне достойное. Вкус, правда, немного экзотический, на «Оболонь» похоже.

Я непроизвольно поморщился. Пил я однажды эту «Оболонь», моча мочой.

— А «Хольстен» он умеет делать? — спросил я. — Или хотя бы «Афанасия»?

— А я-то откуда знаю? — пожала плечами Даша. — Если кто-то из гостей его научил, то умеет, а если нет, то нет. Попробуй, может, и получится что-то. Чаще всего получается не совсем то, что хочешь, но пить обычно можно.

Я вспомнил жуткий гибрид ложки и щипчиков для сахара, рожденный кухонным шкафом по моему приказу два месяца назад. Ну и ладно. Проявлять пессимизм еще рано, может, и

получится нормальное пиво.

3

Нормально напиться так и не удалось. Во-первых, как я ни пытался представить себе «Хольстен», в шкафу появлялась исключительно «Оболонь». А во-вторых, я никак не мог расслабиться — очень хотелось узнать подробности того, что происходит на Земле. Я уже собрался отвести тело в портал и временно вернуться на Землю, но Даша напомнила, что солнце заходит, скоро пойдет дождь и когда я захочу снова явиться на Сорэ, мне придется топать всю дорогу от портала под дождем. Можно было, конечно, отправиться на Землю на всю ночь, но к этому я был не готов. Я хотел провести эту ночь с Дашей.

Утром позвонил Габов.

«Рад, что ты жив, Андрей», сказал он. «Даша уже вкратце пересказала твои приключения на Румылве. Я хочу получить от тебя полный отчет».

«Сделаю», сказал я и тут же сообразил, что это будет непросто. «На Сорэ разве есть компьютеры?» спросил я.

Габов издал нечленораздельное мысленное ворчание. Казалось, он хотел выругаться, но передумал.

«Компьютеры-то есть», сказал он, «только не те. Нормальных человеческих компьютеров тут нет, а вырастить их еще никому пока не удалось. У твоей супруги кое-что получается, но…»

«У кого?!»

«Извини, с языка сорвалось, не то хотел сказать. Даша вырастила неплохой компьютер, но он заточен не под то, она из него хочет планетарный узел сделать. Давай, лучше попробуй на словах рассказать».

Я начал рассказывать. Я рассказывал долго и сбивчиво и в конечном итоге мои слова больше запутали, чем прояснили.

«Примем к сведению», сказал Габов, дослушав меня до конца. «Новости с Земли Даша тебе уже рассказала?»

«Только основные. Буша убили, Бэкхемов затрахали…»

Габов снова издал раздраженное ворчание.

«Вот что, Андрей», сказал он, «сходи-ка на Землю и посмотри своими глазами, что там к чему. Только смотри лучше через интернет, на улицу по возможности не выходи. По всему выходит, что ты сейчас если не самая главная цель врага, то уж точно одна из главных. Имей в виду — любой человек рядом с тобой может быть агентом чужих. Подойдет к тебе бабушка божий одуванчик спросить, сколько времени, да и пырнет ножом. Такие случаи уже

были».

«Чужие все-таки начали террор?» уточнил я. «Даша говорила, они пока выжидают».

«Они и выжидают. Пока безобразничают только наши земные террористы. Но чужие могут в любой момент перейти к активным действиям. И когда они просекут, что ты на Земле…»

«А как они могут это просечь?» перебил я Габова. «Насколько я понимаю, для этого им придется построить на Земле свой планетарный узел…»

«Я тоже так считаю», согласился Габов. «Но ты абсолютно уверен в этом? Мы не знаем о Сети почти ничего, мы нахватались по верхам базовых знаний и теперь пытаемся играть на равных с расами, которые вошли в Сеть тысячи лет назад».

«У нас есть перед ними одно преимущество «.

«Да, у нас есть Вудсток», согласился Габов. «Он снабдил нас кое-чем, чего нет у других рас, чужие не зря нас боятся. Но мы не знаем точно, что у них есть, а чего нет. Мы как варвары, которые случайно набрели на склад взрывчатки. Если грамотно распорядиться этой находкой, можно легко истребить все легионы римских колонизаторов, но сможем ли мы грамотно распорядиться знаниями Вудстока? Конфликт продолжается уже второй месяц, а мы все еще в прострации. Первая реакция была ошибочной, надо было не пресекать распространение спама, а сразу начать эвакуацию, тогда мы не потеряли бы столько времени. А теперь… Спрятать от террористов важнейших государственных чиновников мы успели, но сейчас эти люди выведены из строя. Им надо привыкать к Сорэ, решать бытовые проблемы, у половины психологический шок, а на Земле в это время творится черт знает что. Сходи на Землю, почитай новости, а заодно подумай, что со всем этим можно сделать. Может, какой-нибудь план появится».

«У вас до сих пор нет никакого плана?»

«Никакого», подтвердил Габов. «Мы как Конев с Буденным в сорок первом году под Вязьмой. Нас непрерывно бомбят, мы спасаем свои задницы, а об управлении войсками речь не идет вообще. Иногда мне кажется, что управление потеряно навсегда, не дай бог. Но ты подумай, может, и придумаешь что-нибудь дельное. Как придумаешь, звони».

Произнеся эти слова, Габов оборвал соединение.

Я не верил своим ушам, а точнее, той части мозга, которая принимает телепатические сигналы из Сети. Когда мы познакомились с Габовым, он показался мне человеком очень целеустремленным, умеренно жестким и не склонным впадать в уныние. А теперь он балансирует на грани истерики. Неужели на

4

Через час я понял, что на Земле все не просто плохо, а ужасно. Я сидел за компьютером, читал новости в интернете и время от времени тихо ругался.

Число абонентов Сети перевалило за миллион. Тайна Сети перестала быть тайной, контакт с инопланетянами стал новостью номер один во всех земных газетах и телепередачах. Сотни тысяч людей по всей Земле мастерят терминалы из подручных средств и отправляются путешествовать по вселенной.

Большинство из них начинают свои странствия с одного из миров, упомянутых в том письме. Нисле, Шотфепка, Руроа и другие цивилизованные планеты нашего сектора закрыты для людей, но в секторе хватает и относительно отсталых миров, не имеющих собственных планетарных узлов или по каким-то другим причинам терпимо относящихся к иммигрантам.

Особенно много землян отправилось на планету Уфсыма, отличающуюся удивительно мягким климатом и населенную добродушными и миролюбивыми уфсулами, внешне напоминающими больших темно-красных жаб. Если верить статьям земных журналистов, этот мир представляет собой настоящий рай на земле. Его аборигены не испытывают недостатка ни в еде, ни в других ресурсах, а особенности физиологии не позволяют уфсулам размножиться настолько, чтобы страдать от перенаселения.

Большая часть планеты покрыта болотами, заросшими негустым лесом. Для человека пейзаж Уфсымы показался бы мрачным и даже жутковатым, но с точки зрения уфсула он прекрасен. Человек, оказавшийся в теле уфсула, воспринимает окружающее сквозь призму эмоций временного тела, а в эмоциональном спектре уфсулов положительные эмоции составляют не десять процентов, как у людей, а более половины. Уфсыма считается одним из лучших курортов земного сектора, особенно хорошо она подходит гуманоидам.

По мнению экспертов, на Уфсыме сейчас насчитывается около ста тысяч человек, причем если первые путешественники распределялись по планете равномерно, то теперь там стали появляться обширные территории, заселенные исключительно людьми. На любой другой планете это привело бы к войне, но не на Уфсыме — уфсулы давно привыкли к тому, что некоторые особи иногда начинают вести себя странно. Уфсулы

воспринимают Сеть как мир богов, у них считается, что боги иногда снисходят на землю, чтобы пошутить. Время от времени инопланетные туристы начинают просвещать аборигенов, объясняя, что те тоже могут построить терминал и путешествовать по Сети самостоятельно, но на Уфсыме нет ни электроприборов, ни уникальных биологических объектов вроде цветка рвасса с планеты Ол. На Уфсыме нельзя построить терминал Сети, потому Сеть с точки зрения уфсулов — просто красивая сказка, которую любят рассказывать субъекты, временно удостоенные особого внимания богов.

В земном секторе хватает и других курортных планет. Например, водный мир Убомбо — ожившая мечта любителей подводного плавания. Или Мэйге, мечта наркомана — населяющие эту планету колониальные организмы способны испытывать управляемые галлюцинации потрясающей силы. Да хотя бы Гну — официальная колония Нисле, на которой хоть и имеется планетарный узел, но местные таможенные правила практически не ограничивают временную иммиграцию. Единственное, что требуется от посетителя, прибывшего на Гну не с Нисле — сообщить планетарному компьютеру интересную информацию, которой компьютер ранее не располагал. Кто-то из людей заметил, что компьютеру Гну нравятся книги Дарьи Донцовой, и в русском интернете появился специальный форум, посетители которого решают между собой, кто какую главу какого романа будет учить наизусть, чтобы потом зачитать компьютеру.

Правительства пытаются ограничивать и запрещать доступ в Сеть, но безуспешно. Даже в Северной Корее появились свои сетевые туристы. А в демократических странах вроде нашей России в супермаркетах продается специальный йогурт «сетевой», который делают тухлым уже на заводе. Одна маленькая пачка стоит почти тысячу рублей, но его все равно покупают, потому что покупатели верят рекламе, которая утверждает, что только этот йогурт позволяет сделать перемещение по Сети удобным и безопасным. Воистину, чем реклама бредовее, тем она эффективнее.

Но то, что люди толпами уходят в иные миры, еще полбеды. Гораздо больше проблем создают люди, использующие Сеть для путешествий в пределах родной планеты. Курортные миры — это, конечно, хорошо, но гораздо интереснее побывать в теле настоящего Леонардо ди Каприо и трахнуть настоящую Жизель Бундхен. Да, аморально, ну и что? Все равно ведь никто никогда не узнает, кто это сделал. Ди Каприо занят? Попробуем Брэда Питта. Тоже занято? На худой конец и Филипп Киркоров сойдет.

Свободно? Ура! Аллочка, иди сюда! Ты не Аллочка? Наплевать!

А еще очень интересно покопаться в памяти какого-нибудь знаменитого человека, а потом поделиться с друзьями обнаруженными секретами. Борис Моисеев, как выяснилось, вовсе не гей, а Майкл Джексон — никакой не педофил. А вот другой очень известный человек как раз гей, но очень ловко скрывается. Точнее, скрывался. От нас не скроешься! А вот еще один интересный товарищ. Хотите узнать полную историю жизни Никиты Михалкова? Смотрите после рекламы эксклюзивный материал от нашего специального корреспондента, получившего всю информацию прямо изнутри! А в следующей передаче мы зачтем вам полный список сексуальных партнеров Жанны Фриске! И так по всем программам телевизора.

Двадцать седьмого апреля кто-то обнаружил, что по Сети можно убивать. И понеслось… Буша застрелил телохранитель, Блэр перерезал себе вены, а Ниязов спрыгнул с четвертого этажа на асфальт, сломал себе шею и пока жив, но в коме. Судя по энцефалограмме, его даже в коме атакуют сетевые путешественники.

Двадцать восьмого апреля почти все видные политические деятели ушли в Сеть, где и находятся до сих пор. На очередное заседание российской госдумы явились только депутаты от ЛДПР — Жириновский где-то раздобыл глушилку астрального излучения и никому ничего не сказал, кроме товарищей по партии. Вице-спикер произнес эмоциональную речь, обвинил все прочие партии в предательстве интересов России и заявил, что раз власть больше никому не нужна, то он ее с удовольствием примет во всей полноте. В ходе исторического заседания депутаты приняли сразу в последнем чтении целых шестнадцать законов, в том числе и эпохальный закон «О Сети». Все это шоу транслировалось в прямом эфире по CNN, а закончилось оно тем, что в зал ворвалась группа террористов в телах вооруженных охранников и началась перестрелка. Как ни странно, жириновцы отбились — их вождь применил какую-то сетевую технологию, неизвестную даже Габову.

Но нет худа без добра. На Земле наконец-то произошло всеобщее ядерное разоружение. Мировые державы десятилетиями переливали из пустого в порожнее, а когда приперло, все проблемы решились в три дня. Бомбы, ракеты и прочая летучая гадость с ядерными боеголовками отправились в два могильника — один на дне Тихого океана, другой — на дне Северного Ледовитого. Химическое оружие, к сожалению, так просто уничтожить нельзя, а значит, опасность всеобщего армагеддона все еще сохраняется.

«Кавказ-центр» призывает к неограниченному джихаду против всех русских. Судя по криминальным сводкам, его призывы находят отклик у некоторой части населения.

Дорожно-транспортные происшествия больше не являются самым распространенным видом несчастных случаев, их оттеснили на второе место немотивированные убийства. Иногда доходит до полнейшего маразма — какой-то алкоголик зарезал свою тещу, а ментам сказал, что в него вселился инопланетянин. Защищать этого алкаша взялся знаменитый адвокат Скорник, он уверяет журналистов, что обвиняемый будет оправдан.

В Израиле творится нечто чудовищное. Немотивированных преступлений столько, что на всей территории страны введено военное положение. Только потом власти сообразили, что им следовало сделать нечто противоположное, но уже поздно. По непроверенной информации, в центре Иерусалима скопилось столько трупов, что живым трудно дышать. Но эту информацию не могут проверить уже третий день — ни один журналист не решается там появиться даже в чужом теле.

Вот такие дела творятся на нашей родной Земле. Я надеялся, что Даша преувеличивает, но надежда была напрасной. Люди как будто всеми силами стараются устроить себе всепланетную катастрофу и, скорее всего, у них это получится. Весь мир сошел с ума.

5

Вечером мы с Дашей гостили у Габова. Как оказалось, жилые дома на Сорэ размещены гораздо более густо, чем думают аборигены. Если не сходить с тропы, то от любого дома до любого соседнего всегда ровно день пути, но если идти напрямую через лес, добраться до ближайших соседей можно за час с небольшим.

Габов заметно нервничал. Он изо всех сил старался выглядеть невозмутимым, но по ауре было видно — он в отчаянии.

— Нет у нас никакого плана, — говорил он. — Все планы накрылись медным тазом. Планетарный узел восстановлен, но он больше не планетарный, он теперь даже Москву не охватывает. Чтобы контролировать хотя бы Подмосковье, нужен «крей», он у нас, в принципе, есть, но программное обеспечение под него будут писать еще года полтора, а когда напишут, абонентов станет столько, что он даже всю Москву не потянет. И еще нужна сеть детекторов по всей стране, их надо как-то связывать между собой, причем не по интернету, а через спутники либо по выделенным каналам, а на это уйдет года два. А к тому времени в

Сеть не войдет только ленивый и для планетарного узла потребуется такая вычислительная мощность, какую наша техника еще долго не сможет обеспечить. К тому же, все крутые программисты сейчас по Сети шарятся, они люди увлекающиеся. «Интел» и «Сан» официально заморозили все исследования, «Майкрософт» говорит, что у них пока все в порядке, но агенты докладывают, что и у них тоже работа стоит. Даже у нас половина программистов по Сети бродят, говорят, что предметную область изучают… Тьфу!

— А если без планетарного узла? — спросил я. — Может, все-таки как-то можно…

— Как? — переспросил Габов. — Если знаешь — скажи, я тебе в ножки поклонюсь, спасителем человечества будешь.

— Создать изолированную зону…

Габов скептически хмыкнул.

— Уже пробовали, — заявил он. — Легче сказать, чем сделать, реально мы даже одну комнату изолировать не можем. Физики говорят, нужно оборудование, которого у нас не только нет, но и вообще непонятно, как его можно изготовить. Все, что мы умеем — ставить помеху, но это не годится. Да ты и сам должен помнить.

Я вспомнил и непроизвольно поежился. Сознание, подключившееся к Сети, воспринимает астральную помеху как оглушительную какофонию. Если такая музыка будет звучать в голове несколько дней подряд, немудрено и свихнуться.

— А если пойти другим путем? — предположил я. — Объявить несанкционированный вход в Сеть уголовным преступлением и карать за него по всей строгости закона?

— Не пойдет, — покачал головой Габов. — Нормальный человек не поверит в существование Сети до тех пор, пока в нее не войдет. А когда войдет и поверит, вспомнит о законе и побоится возвращаться. Или не побоится. Представляешь, сколько повсюду будет преступников? Придется каждого второго сажать.

Тут мне в голову пришла неожиданная мысль.

— А у американцев как дела обстоят? — спросил я. — Может, попробовать с ними скооперироваться…

Габов и Даша дружно заржали. Их смех был истерическим.

— Не смешно, — сказал Габов, отсмеявшись. — ЦРУ больше не существует, от ФБР тоже мало что осталось. Какие-то панки подключили их базы данных к интернету, агентура рассекречена, те, кто вовремя спохватились, сбежали в Сеть, а остальных по большей части уже перебили. Кого успели, мы вытащили сюда, у нас тут специфическая компания подобралась, интернациональная. Американцы, англичане, евреев очень много,

только евреи позавчера все дружно на Землю вернулись. Читал, что в Израиле творится?

— Читал, — кивнул я. — Зря они вернулись. Лучше было здесь переждать.

— Я им то же самое говорил. У них самого главного Сергеем зовут, он из России эмигрировал еще при Брежневе, раньше парторгом был в каком-то почтовом ящике, на «Моссад» работал, его разоблачили, но взять не успели — вовремя сбежал. Всю жизнь был нормальный человек, атеист, коммунист, а как в Израиль переехал, ударился в религию, обрезание сделал, патриотизм, говорит, проснулся, ощутил принадлежность к богоизбранной нации… Евреи — они, конечно, те еще жиды, но патриотизму у них не грех поучиться. Представляешь — на Сорэ ни одного моссадовца не осталось! Ни одного! Я Сергею говорю: ты же умный человек, ты должен понимать, что ни черта не добьешься, только голову зря сложишь. А он вздыхает так тяжело и говорит: все понимаю, но иначе поступить не могу. Жиды, блин… И знаешь что? Я верю, что они отобьются. Всю Палестину в крови утопят, но своей земли ни пяди не отдадут. Если бы все земляне были евреями, к нам бы никакие чужие не сунулись, сразу бы поняли, что это самоубийство. А мы…

Габов сокрушенно махнул рукой и замолчал.

— Не такие уж мы и бестолковые, — попытался я его успокоить. — Если сравнивать с американцами…

— Сравнил хрен с редькой! — возмутился Габов. — Вся американская разведка держится только на одном — на долларах. Если бы в Сети принимались человеческие доллары, американцы давно бы уже весь сектор под себя подмяли. А без долларов они работать не умеют, за что и поплатились. Да ну их! Давай лучше выпьем.

— Только через мой труп, — тихо, но внушительно заявила Даша. — Николай Алексеевич, позавчерашний день уже забыли? Напомнить? Андрею тоже будет интересно послушать.

Габов скорчил такую физиономию, как будто только что выпил стакан неразведенного спирта и не нашел, чем запить.

— Тебе, Даша, — сказал он, — надо следователем работать. Умеешь ты одной фразой человека в дерьме по уши вывалять.

— А вы не вляпывайтесь в дерьмо, — посоветовала Даша. — На вас уже смотреть противно. Я не вас лично имею ввиду, а всю вашу компанию, один нормальный человек и тот Жириновский.

— А что такого Жириновский учудил? — заинтересовался я.

— А ты в новостях не читал? — удивилась Даша. — Он где-то раздобыл маломощную сетевую глушилку, накрыл помехой зал заседаний в госдуме, устроил там шоу…

— Об этом я читал. А что здесь крутого?

— Крутое здесь то, — сказала Даша, — что своих партийных товарищей он вооружил парализаторами, работающими на неизвестном науке принципе. Когда террористы ворвались в зал, их тут же положили, а потом ЛДПРовцы отследили, откуда было проникновение, и… Николай Алексеевич, вы не знаете, что они сделали с этими гадами?

— Не знаю и знать не хочу, — отрезал Габов. — Если узнаю, придется принимать меры, а мне достаточно и того, что Жириновский сейчас… — он осекся. — Неважно.

— Ведет переговоры с Путиным, — закончила за него Даша. — Вы зря тут секретность разводите, на Сорэ тайны долго не держатся.

— Вот это меня и пугает, — заявил Габов. — Чужие ничего серьезного еще не предприняли, а мы уже деморализованы.

— Не так уж и деморализованы, — возразил я. — Даша, например, самообладание сохраняет вполне.

— Это потому, что у нее ответственности нет никакой, — проворчал Габов. — Легко сохранять самообладание, когда ни за что не отвечаешь.

— Давайте не будем заниматься самобичеванием, — предложил я. — Да, все плохо, ну и что? Нам сейчас надо думать не о том, как все плохо, а о том, что надо делать, чтобы все стало хорошо.

— Думай, — согласился Габов. — Я уже пробовал. Подумал-подумал, а потом запил. Слава богу, ненадолго.

— Андрей, — сказала вдруг Даша. — Может, тебе стоит у Вудстока совета попросить?

А ведь она права. Может, это и есть единственный выход из ситуации?

«Вудсток! Что скажешь?»

Ничего .

«Почему?»

Не вижу темы для разговора.

«Тебе не интересно то, что мы обсуждаем?»

Очень интересно .

«Тогда почему ты не хочешь помочь?»

Нет необходимости .

«Ты считаешь, что все потеряно?»

Нет .

«Тогда почему?»

В моей помощи нет необходимости.

«Проблема так просто решается?»

Это не проблема.

«Может, для тебя это не проблема, а для нас проблема!» возмутился я. «Что мы должны сделать, чтобы ее решить? Помоги мне, пожалуйста».

В моей помощи нет необходимости. Думай сам.

— Ничего не получается, — констатировал я. — Вудсток не хочет помогать, говорит, что никакой проблемы нет. Наверное, намекает, что мы и сами справимся, без его помощи.

— Так это же замечательно! — воскликнула Даша. — Он не дал намека, что нужно делать?

«Вудсток! Намек дашь?»

Вудсток промолчал.

— Не дал, — вздохнул я. — Придется самим думать.

— Думайте, — кивнул Габов. — А я все-таки выпью.

— Николай Алексеевич! — возмутилась Даша. — Не позорьтесь. Вы полковник госбезопасности или кто?

— Или где, — поправил ее Габов. — Надо говорить «или где». Это у нас сленг такой.

— Давайте не будем отвлекаться, — сказал я. — В чем наша главная проблема? Главная проблема в том, что всякие уроды получили возможность безнаказанно и неконтролируемо влезать в Сеть. Как это можно пресечь? Создавать изолированные зоны мы не умеем… Стоп. Румылв. Арадан Синий.

— Думаешь, эта магия будет действовать и на Земле? — спросил Габов. — Вряд ли. Если бы магия Румылва не была специфична для конкретного мира, ею бы уже везде пользовались.

— Может быть, — согласился я. — Но попробовать надо все равно.

— Попробуй, — кивнул Габов.

— Осторожнее, — сказала Даша. — А то как бы не вышло, как в прошлый раз. Я буду страховать тебя.

— Только не ты! — возмутился Габов.

Впервые за сегодняшний день он проявил какую-то активность.

— Ты нужна здесь, — заявил он. — Я лучше Андрею Диму Самохина пришлю, он лучше подстрахует.

— Дима… — Даша наморщила лобик. — Это какой Дима? Драконтрест, что ли?

— Он самый.

— Какой еще Драконтрест? — не понял я. — Это прозвище?

— Прозвище, — подтвердила Даша. — Он в детстве толстым был, да и сейчас немаленький, когда в базовом теле. Его в детстве жиртрестом звали, а когда стал каратэ заниматься, прозвали драконтрестом. Так и приклеилось прозвище.

— А ты-то откуда знаешь? — удивился я.

— Не ревнуй, — улыбнулся Габов. — Дима — парень хороший и с понятиями, к чужим женам… э… подругам не пристает. Хотя, честно скажу, к такой девушке трудно не приставать.

— Хорошо, пусть будет Драконтрест, — сказал я. — Проинструктируйте его, а завтра прямо с утра начнем.

6

Перед тем, как вновь отправиться на Румылв, я провел небольшое исследование. Я попытался выяснить, является ли Румылв единственной планетой, на которой действует магия, или во вселенной существуют другие подобные миры. Если магия есть и в других мирах, то на Румылв лучше не соваться — снова вступать в схватку с Араданом Синим совсем не хочется. Даже с учетом того, что меня будет страховать опытный оперативник Драконтрест, вторгаться в вотчину синего короля все равно боязно, уж очень свежи воспоминания о том, как был куклой в его руках.

К сожалению, других планет с аналогичными свойствами обнаружить не удалось. Как только я убирал из запроса ссылку на Румылв, Сеть сразу отказывалась понимать слово «магия». Либо магии нет больше нигде, либо магия других миров настолько отлична от магии Румылва, что Сеть просто не понимает, о чем идет речь.

По ходу дела у меня возникла еще одна мысль. Я связался с Габовым и поинтересовался, не пытался ли кто-нибудь из его людей разобраться в высоких технологиях Сорэ. Если научиться изготавливать на Земле устройства, умеющие создавать любую вещь, которую пользователь способен себе представить…

Габов сказал, что ученые занимаются этим вопросом, но похоже, что дело тухлое. Практических результатов можно ожидать не ранее, чем лет через десять, а к тому времени, как говорил Ходжа Насреддин, ишак сдохнет. Жаль.

Очень не хотелось снова перемещаться на Румылв. Я никак не мог отделаться от предчувствия, настоятельно рекомендовавшего не совать голову в западню, а поискать обходные пути. Но я не видел никаких обходных путей.

Был уже первый час дня, когда я связался с Драконтрестом и сообщил, что готов к перемещению.

Я убедился, что Драконтрест находится в полной готовности, и выдал приказ на перемещение. Я потребовал переместить меня

в тело существа, которое находится на планете Румылв, обладает большой магической силой и не является ни синим королем Араданом, ни белой владычицей Буджим. Сеть приняла приказ и запросила подтверждения. Я подтвердил.

7

Черного короля звали просто и незамысловато — Джей, на Румылве это самое обычное простонародное имя. Родового имени у Джея не было, оно ему и не полагалось — он был простым крестьянином, подданным Арадана Синего. Физически Джей обитал в пригороде синей столицы. Знал бы Арадан, насколько близок к нему вожделенный черный король… А почему, кстати, вожделенный?

Когда я размышлял над этим вопросом в прошлый раз, сознание было затуманено королевским заклинанием, но теперь, когда я перестал быть королевским слугой, ответ стал очевиден. Арадан опасался, что я захвачу тело более сильного волшебника, чем он сам, сумею освободиться от подавляющего волю заклинания и захочу расквитаться с ним за то, что он со мной сделал. Арадан хотел, чтобы я вселился в тело самого слабого из пяти королей, в этом случае возможная неудача не стала бы для него катастрофой. Теперь понятно, почему он так испугался, когда узнал, в кого именно я вселился.

Арадану повезло — его заклинание не рассосалось после моего перемещения в тело Буджим. Я выполнил приказ Арадана в той мере, в какой это было возможно, успешно вернулся обратно и в конечном итоге все получилось даже лучше, чем он рассчитывал. Повезло ему.

А вот на Джея магия Арадана не действует, Джей абсолютно свободен в своих мыслях и чувствах. Естественно — он ведь король, он не подчиняется чужим приказам, а сам повелевает другими.

Немного покопавшись в памяти Джея, я понял, что дело не только в этом. Психотропное заклинание Арадана действует только на немногочисленных королевских слуг, в число которых входят высшие чиновники и военачальники, дворцовая стража, обслуга и наложницы. Это логично — какое дело правителю большой страны до того, что о нем думает безграмотный крестьянин? Зачем тратить магическую силу на всяких там смердов?

Джей преподнес мне еще один сюрприз. Я полагал, что черный король будет прятаться в мрачном логове посреди

дремучего леса и строить злобные планы насчет того, как бы побыстрее умертвить все живое и распространить свою власть на весь мир. Но у Джей вовсе не стремился к могуществу.

Джею было сорок пять лет, он стал черным королем девять лет назад. Он применял черную магию регулярно и систематически, но только с одной целью — истреблять вредителей на огороде. Поначалу он пытался экспериментировать и с более мощными заклинаниями, однажды, например, убил и разупокоил бродячую кошку — он рассчитывал, что она будет ловить мышей лучше, чем живая. Так оно и вышло, но вскоре обнаружилось, что на мертвой кошке не заживают даже самые мелкие царапины и через пару месяцев она стала настолько страховидна, что пришлось упокоить ее окончательно.

Джей был зажиточным крестьянином. Если бы он жил в СССР в 1930-е годы, его бы непременно раскулачили. У него было две жены, семеро детей, пятеро внуков и участок земли площадью в три гектара, на котором он выращивал съедобные растения. Если оценивать образ жизни Джея с точки зрения человека постиндустриальной эпохи, она кажется убогой, но сам Джей был вполне удовлетворен своей судьбой и не собирался ничего менять. Барон Джагз, на земле которого обитал Джей, был добродушен и незлобив, войн не устраивал, налоги собирал умеренные, привилегиями сеньора не злоупотреблял, в общем, Джей был вполне доволен своим сеньором. Джей понимал, что его жизнь могла быть более интересной и увлекательной, и что если правильно применить волшебные заклинания, можно получить столько острых ощущений… Но Джей хорошо знал, какой конец всегда ожидает черного короля. Джей не хотел становиться черным королем, ему было и так неплохо.

Помнится, По Тусфу считал, что черный король должен испытывать неодолимое давление собственной магии, которая подталкивает его к тому, чтобы реализовать предназначение, собрать вокруг себя толпу зомбей… Очевидно, народная молва преувеличивает. В душе Джея я не видел никакого стремления к власти, он даже чуть-чуть стеснялся своей темной сущности. Может, его время еще не пришло?

И вообще, как происходит превращение обычного человека в короля-волшебника? Происходит оно одномоментно или есть какая-то личиночная стадия, в которой новоявленный король обретает и постепенно наращивает силы, продолжая при этом вести обычную человеческую жизнь? И сколько времени длится эта стадия? Джей провел в ней девять лет и непохоже, чтобы она подходила к концу. А может, ему просто не суждено стать полноценным королем и он проведет остаток своих дней в

простом крестьянском жилище? Или личинка становится королем не по истечении заданного времени, а под влиянием определенных событий? Например, напали на деревню какие-то гопники, надо защищаться, а ничего, кроме магии, под рукой нет, вот и приходится простому крестьянину стать черным королем. Помнится, у Перумова в какой-то книжке было что-то подобное…

Ответ на этот вопрос узнать несложно, достаточно всего лишь еще раз вселиться в тело королевы Буджим и как следует поковыряться в ее памяти. Главное, чтобы в тот момент там не было Арадана.

Кстати о Буджим… Когда я находился в ее теле, я мог колдовать белую магию, а когда покинул ее — потерял эту возможность. Значит, способность к магии привязана не к душе, а к телу. А тогда получается… Интересно, чем отличаются пять королей от остальных своих соотечественников? Какая-то мутация? Но тогда королевская должность должна передаваться по наследству. И почему королей всегда ровно пять?

Я не успел додумать эту мысль до конца, потому что получил входящий вызов из Сети. Драконтрест?

Это был не Драконтрест, это был Арадан Синий собственной персоной. Как говорится, про дурака вспомнишь, он и появится. Впрочем, Арадан не дурак. Сволочь, но не дурак.

«Андрей, ты?» спросил он.

«Я. Что тебе нужно?»

«Поговорить».

«Говори».

Арадан вздохнул:

«Обижаешься?»

«Нет, блин, радуюсь! Я по твоей милости проторчал полтора месяца в твоем дворце, а в это время на Земле…»

«А что на Земле?» переспросил Арадан. «Там кто-то еще остался или все уже по Сети разбежались?»

«Новости с Земли не смотрел?»

«Нет, не смотрел. Зачем ты вернулся? Мстить пришел?»

«Встречу лицом к лицу — отомщу», заявил я. «А будешь мешаться под ногами — найду и так отомщу, что мало не покажется. Но специально преследовать не буду, у меня и без тебя забот хватает».

«Каких еще забот?» заинтересовался Арадан. «В моем мире дело у тебя может быть только одно, но довести его до конца я тебе не позволю. Хозяином этой планеты буду я и только я. Впрочем, если хочешь, мы можем заключить союз. Ты можешь стать моим канцлером, вторым человеком в империи».

Я начал злиться. На Земле творится черт знает что, а этот

придурок никак не может наиграться в свои игрушки. Лучше бы он в Master of Magic империю строил.

«Вторым человеком в империи я не буду», заявил я. «И вообще мне на твою империю наплевать с высокой колокольни. До тех пор, пока ты мне не мешаешь, делай что хочешь, но как только встанешь на пути — пеняй на себя. Второй раз на ту же удочку я не попадусь».

«Тогда освободи Джея», потребовал Арадан. «У меня на него есть кое-какие планы, ему пора выйти из тени и начать строить черное королевство».

Мне показалось, что я ослышался.

«На твоей земле?» уточнил я.

«Для начала на моей. Потом мы устроим поход в земли Гуфза…»

«Кого?»

«Гуфза Зеленого. Я уже выяснил, зеленая магия против черной слабовата будет. Гуфз обязательно попросит помощи у Буджим, я тоже предложу свои услуги, а когда мы все соберемся вместе, я им такой сюрприз устрою… Ты точно не хочешь поучаствовать?»

«Точно».

«Тогда зачем ты вернулся? Если тебе не нужна власть над планетой… Погоди… Думаешь, эта магия будет работать и на Земле?»

Догадался. А ведь эту его мысль можно использовать… Главное, чтобы он не успел понять, что я действительно думаю по этому поводу.

«Не знаю», сказал я. «Извини, у меня дела».

«Погоди!» завопил Арадан в моем мозгу. «Ты действительно считаешь, что магия Румылва будет работать на Земле?»

Я оборвал связь и немедленно вызвал Драконтреста.

«Сейчас на Землю переместится один деятель с Румылва», сказал я. «Его надо прибить».

«Как прибить?»

«Физически, чтобы обратно не вернулся. Это тот самый Арадан, про которого я говорил».

«Понял», сказал Драконтрест. «В какое место на Земле он переместится?»

Откуда он ушел на Румылв? Ага, вспомнил.

«Германия, Дрезден».

«Не пойдет», вздохнул Драконтрест. «Наш узел контролирует только Москву и ближайшие окрестности».

«Да причем тут узел?! У него наверняка не скрываются географические координаты и…»

Драконтрест не дал мне договорить.

«Понял», сказал он. «Сейчас передам задание… передал. Что-нибудь еще?»

«Пока ничего. Но будь в готовности».

С этими словами я оборвал связь.

Что ж, эту проблему, будем считать, решили. Теперь можно вернуться к основному делу, то есть, к изучению памяти Джея.

А что тут, собственно, изучать? Заклинания черной магии меня не интересуют — я все равно не смогу их применять, когда выйду из тела Джея. Сейчас для меня важно только одно — понять, что нужно сделать, чтобы эти заклинания заработали. Ведь когда я переместился из тела По Тусфу в тело Буджим, заклинание, наведенное на меня Араданом, продолжало действовать. Но то была внешняя магия, а как насчет внутренней? Всегда ли она теряется при выходе из тела волшебника? Надо было спросить Арадана. Хотя нет, его лучше не спрашивать, с таким гадом лучше поменьше разговаривать, а то придумает еще один хитрый фокус…

И тут я почувствовал входящий вызов от Драконтреста. Как только я его принял, мозг сразу затопило ощущение сильнейшей тревоги.

«Арадан сбежал», сообщил Драконтрест. «Сашка Антошин на него вышел, но лажанулся, Арадан что-то почувствовал и сбежал обратно. Может, эта магия и вправду работает на Земле».

Я мысленно выругался, а в следующую секунду почувствовал смущение Драконтреста и понял, что он уловил мою мысль. Когда говоришь по Сети, очень трудно отделять мысли, предназначенные для внутреннего употребления, от мыслей, проецируемых на собеседника.

«Извини», сказал я. «Это я про себя подумал. То есть, не в прямом смысле про себя, а…»

«Я понял», ответил Драконтрест. «Ты там поосторожнее. Арадан на тебя серьезно обиделся».

«Это его проблема», буркнул я. «Сейчас поменяю тело и больше он меня не найдет».

«Здравая мысль», согласился Драконтрест. «Я бы так быстро не догадался».

«А я и не догадывался», сказал я. «Я в любом случае собирался менять тело. Что-нибудь еще хочешь сказать?»

«Больше ничего».

«Тогда не отвлекай меня».

Драконтрест отключился.

Я вздохнул и попытался собраться с мыслями. Никак не получается сосредоточиться, то Арадан достает, то Драконтрест…

Что я собирался делать-то? Какой-то вопрос обдумывал… А, вспомнил.

Вопрос был такой — чем отличаются тела Арадана, Буджим, Джея, Гуфза и неизвестного алого короля от тел других квогов? Или дело не в самих телах, а в статусе их носителей? Наверное, так и есть. Джей, например, стал черным королем только девять лет назад, а до того был обычным крестьянином и ничем не отличался от других аборигенов Румылва. Надо будет потом снова посетить королеву Буджим, узнать, как она обрела свои магические способности. Наверняка что-то прояснится.

Если верить памяти По Тусфу, новый король приходит в мир в тот самый момент, когда обрывается жизнь его предшественника. А по каким критериям выбирается кандидат на должность нового короля? Играют роль личные особенности кандидата или выбор абсолютно случаен? И как это можно выяснить? Боюсь, что никак — если наша наука не позволяет создать даже одну-единственную изолированную зону, то проследить и понять такие сложные закономерности нечего и пытаться. Помнится, Вудсток говорил, что для этого придется пройти десять курсов обучения. Или не для этого…

Кстати о Вудстоке. Если он не может объяснить суть процесса, может, он сумеет дать мне, убогому, хотя бы примитивное описание?

«Вудсток! Ты можешь объяснить, по какому принципу на Румылве производится выбор преемника после смерти короля?»

Только очень приблизительно.

«Объясни, пожалуйста».

В первом приближении выбор случаен.

«А во втором?»

Во втором приближении на выбор оказывают влияние возраст потенциального кандидата, его физическое и психическое здоровье, некоторые особенности личности…

«Какие особенности?»

Очень трудно дать точное определение.

«Дай приблизительное».

Человек должен быть эмоционально уравновешенным, устойчивым к внешним воздействиям на психику, не должен иметь склонности к истерическим проявлениям…

«То есть, человек должен быть нормальным?»

Не нормальным, а выдающимся. Только у одного из двадцати есть шанс стать королем.

«Если у одного из двадцати, тогда получается, что такой человек может быть не особенно выдающимся».

Да.

«Я могу стать королем?»

Нет.

«Недостаточно выдающийся?»

Нет, дело не в этом. Королем может стать только личность, находящаяся в базовом теле. Это техническое ограничение.

«Если бы я находился в базовом теле, я мог бы стать королем?»

Да.

Что ж, это радует, но к делу не относится. Стоп! Почему бы не мне спросить Вудсток напрямую, действует ли магия Румылва в других мирах?

Я повторил этот вопрос, обращаясь к Вудстоку, и Вудсток ответил:

Не действует. Для того, чтобы магия начала действовать, в мире должна быть проведена большая подготовительная работа. Насколько мне известно, она не велась нигде, кроме Румылва.

«Эту работу трудно провести? Ты можешь этим заняться?»

Могу, но не буду.

«Почему?»

Это не нужно и опасно. Эксперимент на Румылве не зря был признан неудачным.

«Что ты о нем знаешь?»

Почти все.

«Ты знаешь, какая раса его проводила?»

Да.

«И какая?»

Я не могу идентифицировать ее в твоей системе понятий.

«У них нет звуковой речи?»

Да.

«Ты знаешь, где находится их планета?»

Последние тысячу двести лет у них нет родной планеты.

«Что с ней случилось?»

С планетой ничего не случилось, кое-что случилось с расой. Они перешли на следующий уровень развития.

«Следующий уровень? Что это такое?»

Ты не поймешь. Чтобы ты смог составить об этом понятии цельное представление, тебе нужно усвоить очень большой объем знаний. Если твой мозг будет работать на пределе возможностей, для этого потребуется не менее пятидесяти лет. Но я не уверен, что эти знания тебе помогут. Не факт, что твой мозг сможет функционировать в сверхразумном состоянии даже после операции.

«Какой операции?»

Кибернетической. Большинство разумных рас не могут перейти на следующий уровень без аппаратной модернизации мозга.

«Типа, имплантанты надо вживлять?»

Да.

8

Внезапно я понял, что нахожусь не на огороде черного короля Джея, а на Сорэ, на кухне нашего с Дашей доме.

«Что такое?» обратился я к Вудстоку. «Что случилось?»

Ударное заклинание. Пока мы разговаривали, король Арадан приблизился и нанес магический удар. Джей мертв.

Я растерянно помотал головой, отчего растерянность только усилилась — голова эрпа имеет совсем другую форму, чем человеческая, и мотание ей вызывает совсем другие ощущения.

«Ничего не понимаю», сказал я. «Почему Джей мертв? Ты выбросил меня из его тела в последний момент?»

Да. Советоваться было поздно, опасность была слишком велика.

«Почему ты не предупредил заранее?»

Опасность была неочевидна. Возможно, Арадан хотел просто поговорить.

«Если бы он хотел просто поговорить, он бы вызвал меня по Сети!»

Скорее всего. Но я не знал точно, что именно он собирается делать. Безусловной опасности не было.

«Мда… Ну спасибо хотя бы и на этом. Что бы я без тебя делал…»

Без меня ты бы давно уже был мертв. Тебя бы убили сразу после возвращения с Ола.

«Спасибо, что заботишься», сказал я.

Почему-то в этих словах прозвучал злой сарказм. Непонятно, почему — Вудсток ведь все сказал правильно, без него я действительно был бы уже давно мертв.

«В следующий раз предупреждай, пожалуйста, заранее», попросил я. «Когда кто-нибудь из королей Румылва окажется на дистанции магического удара…»

Алый и черный короли могут наносить удары с любого расстояния.

«А синий?»

Синий — нет, ему нужно видеть противника.

И то хорошо. А Джей, значит, может… мог…

Но достаточно о магии. Магия Румылва не имеет для меня никакого значения. Раз она не работает в других мирах, значит, для нужд Земли она не годится. Теоретически, можно

использовать Румылв как убежище… Но для этого годится и Сорэ, причем гораздо лучше — там нет Арадана. А для меня лично Вудсток всегда сделает особое Убежище с большой буквы.

Не сделаю.

«Почему?»

Больше нет необходимости. Теперь ты можешь постоять за себя сам, не прячась во внутренних мирах.

«Внутренних мирах? Что это такое?»

Все миры, входящие в Сеть, делятся на внешние и внутренние. К внешним мирам относятся планеты, звезды и туманности, населенные разумными существами, способными подключаться к Сети. Внутренние миры созданы самой Сетью для своих внутренних нужд. В обычных обстоятельствах абоненты туда не допускаются, но иногда Сеть делает исключения.

«Вроде как для меня?»

Да.

«А почему Сеть сделала для меня исключение? Чем я так важен для нее?»

Ты не поймешь.

«Чтобы я смог понять, я должен прослушать у тебя еще сто курсов?»

Поменьше.

«Намного поменьше?»

Не очень.

«У нас нет столько времени. Лучше скажи вот что — магия Румылва может пригодиться для решения наших задач? Я имею в виду отражение агрессии чужих против Земли».

Чужие не проявляют агрессии против Земли. Их действия не выходят за рамки допустимого.

«Устроить такую анархию — это в рамках допустимого?»

Анархию устроили вы сами. Если вы хотели избежать ее, вам не следовало подключаться к Сети до завершения подготовительных операций. До того, как выходить в Сеть, вы должны были ликвидировать тяжелое оружие, навести порядок в планетарной информационной сети и ограничить доступ к Сети антисоциальных элементов.

«Мы этим и занимались! А потом появился спам…»

И вы оказались абсолютно не готовы к нему. Это была ваша ошибка. А ведь этот ход был очевиден — ваша слабость в информационной сфере сразу бросается в глаза.

«Ты заранее знал, что чужие вбросят спам?»

Не знал, но предполагал.

«Ты мог нас предупредить».

Мог, но не стал.

«Почему?»

Я не могу предупреждать вас вечно. Вы должны учиться сами.

«Скоро учиться будет некому».

Ты преувеличиваешь. При самом наихудшем раскладе потери Земли составят не более половины населения. Основную угрозу вы уже устранили, уничтожив ядерное оружие.

«Ты ничего не сказал, потому что не хотел, чтобы разоружение сорвалось?»

Разоружение не могло сорваться, оно было неизбежно. Ни в одном из высокоразвитых миров Сети нет оружия массового уничтожения. Есть, конечно, средства двойного назначения, но они никогда не применяются в военных целях, а если вдруг применяются, происходит катастрофа. Но так бывает редко.

«Тогда почему ты ничего не сказал?»

Вы должны учиться. Я помогаю только тогда, когда бездействие приводит к гарантированной катастрофе. До тех пор, пока вы справляетесь сами, я не вмешиваюсь в происходящие события. Я не хочу ограничивать вашу свободу.

«А когда мы перестанем справляться, ты вмешаешься?»

Да. Твоя раса представляется мне перспективной, я не хочу, чтобы она прекратила существование. Мне кажется, у вас есть хороший шанс выйти на следующий уровень.

Туманные намеки Вудстока начали меня доставать.

«Да что же это такое — следующий уровень? Ты когда-нибудь объяснишь мне нормально, что это такое?»

Ты не поймешь.

«Хотя бы приблизительно объяснить можешь?»

В вашей литературе это называется словом сверхцивилизация.

«Цивилизация сверхразумных существ?»

Да. Цивилизация, субъекты которой настолько превосходят вас интеллектуально, насколько вы превосходите обезьян.

«Цивилизация богов?»

Как правило, нет. Сверхразумные существа очень редко интересуются ролью бога. Мечтать о том, чтобы стать богом — прерогатива примитивных рас.

«Вроде человеческой?»

Да.

«Яхров ты тоже считаешь примитивной расой? »

Да. Только не подумай, что я отношусь к вам или к ним с предубеждением. Каждая разумная раса проходит в своем развитии определенные этапы. Первобытная дикость, феодальное средневековье, промышленная революция, общество потребления… Так было у вас, но это только один из возможных путей,

существуют и другие. Большинство из них заканчиваются тупиком, но некоторые приводят к прорыву на следующий уровень. Я надеюсь, что человечество сумеет прорваться, у вас намного больше шансов, чем у яхров.

«Потому ты нас и поддерживаешь? Твоя цель — перевести на следующий уровень как можно больше рас?»

Это не цель. Ты не поймешь, что это такое.

«Но как первое приближение слово цель годится»?

Да.

Вот и первый положительный результат моего путешествия на Румылв. Теперь стало понятно, почему Вудсток нам помогает. Хотя… Когда я разговаривал с ним в Убежище, он говорил примерно то же самое, только другими словами. Нет, я по-прежнему ничего не понимаю. Вудсток говорит, что на Земле не происходит ничего страшного, никакой агрессии нет… хорошо ему так говорить. Потери человечества не превысят половины населения… Черт бы побрал эту Сеть! Если для того, чтобы нормально к ней подключиться, придется принести в жертву каждого второго…

С другой стороны, ни одна большая революция не обходится без крови. Когда в средневековой Англии начали появляться мануфактуры, сотни тысяч крестьян были согнаны с земли, началась массовая эмиграция в Америку, гражданская война… А ведь Сеть обещает революцию куда более серьезную, чем промышленная. Когда Земля окончательно войдет в Сеть, образ жизни людей изменится намного сильнее, чем после появления паровых машин. Можно по-разному относиться к нопстерам и яхрам, но одного у них не отнимешь — их образ жизни намного комфортнее человеческого. Не это ли мешает им совершить прорыв, о котором говорит Вудсток?

«Вудсток! Как ты думаешь, яхры смогут перейти на следующий уровень?»

Не знаю.

«Потому что они в тупике? Как эрпы?»

Яхры не в тупике, они на развилке. Одна дорога ведет в тупик, другая — наверх. Я не знаю, какой путь они выберут. Надеюсь, что хотя бы один из их миров отважится пойти наверх. Они изобрели способ путешествовать по Сети в родном теле, это дает им преимущество перед другими расами, но одновременно вносит в ситуацию большую неопределенность. Я не могу дать даже приблизительный прогноз для их ситуации. На моей памяти подобных случаев еще не было.

«На твоей памяти… Ты имеешь ввиду память агента или память Вудстока?»

Память агента. Мое основное сознание недоступно из этого мира, но я полагаю, что оно тоже не знает о подобных случаях. Иначе это знание было бы вложено и в меня.

«Погоди, дай я попробую уяснить. Значит, по-твоему, эрпы находятся в тупике?»

А что, есть сомнения?

«Нет сомнений. Эрпы в тупике, они сформировали общество, неспособное к прогрессу. Когда все довольны и счастливы, прогрессировать очень трудно. Правильно?»

Не совсем. Есть еще внутренняя мотивация.

«Моральный кодекс строителя коммунизма?»

Зря иронизируешь. Внутренняя мотивация — великая вещь. Когда ты вырастаешь настолько, что окружающая среда не может заметно воздействовать на тебя, внутренняя мотивация остается единственным фактором, не позволяющим тебе превратиться в животное.

«Намекаешь, что на Земле надо срочно начинать большую пропаганду, чтобы у всех появилась внутренняя мотивация?»

Нет. Ты зря воспринимаешь этот разговор как инструкцию к дальнейшим действиям. Цель нашего разговора совсем другая и намного более важная.

«Какая же?»

Твой личностный рост.

«Мой личностный рост важнее, чем жизнь на Земле? Нет, я, конечно, высокого мнения о себе, но не до такой же степени!»

Жизни на Земле ничего не угрожает. Да, будут потрясения, будет много смертей, но жизнь не прекратится. Минуту назад ты правильно подумал — революции не бывают бескровными. Жизнь устроена так, что при любом потрясении выживают лучшие. Это естественный отбор. Когда он прекращается, раса деградирует. Ты видел, к чему это приводит.

«На Шотфепке?»

На Сорэ.

«Ну, до такого безобразия мы не скоро дойдем».

Вам потребуется от трех до десяти тысяч лет. По меркам вселенной — мгновение.

«Ну, если для тебя это мгновение… Сколько тебе лет, кстати?»

Не знаю.

«Забыл, когда родился?»

Я не родился, я сформировался. Я не помню, сколько времени прошло с тех пор. А ты многое помнишь из своего детства?

«Свой день рождения я помню».

Не помнишь, а знаешь — его дату тебе сообщили старшие. А у

меня не было старших.

«У тебя не было родителей? Ты с самого начала был единственным существом на планете? Или ты сформировался из нескольких… гм… кустов?»

Вудсток изобразил печальный вздох.

Я могу прочитать тебе целую лекцию по растительной анатомии и психологии , но к твоим проблемам она не будет иметь ни малейшего отношения.

«А что имеет к ним отношение? Хоть как-то их можно решить?»

Смотря что ты понимаешь под словом «проблема».. Но ты зря расстраиваешься. По моим расчетам, шансы благополучного исхода для твоей расы составляют примерно три к одному.

«Что ты называешь благополучным исходом?»

Переход на следующий уровень.

«Даже если на Земле при этом погибнет половина населения?»

Ты зря тревожишься, массовой гибели людей не будет. Численность населения сократится не за счет высокой смертности, а за счет того, что многие уйдут в другие миры. Массовая эмиграция — обычное явление для миров, недавно подключившихся к Сети. Особенно для примитивных миров вроде вашего.

«Наш мир не так уж и примитивен».

Смотря с чем сравнивать. По сравнению с планетами яхров вы все еще в средневековье. Я полагаю, в Сеть уйдет около половины населения Земли. Что тебя удивляет?

«Но…»

Внезапно я понял, что слова Вудстока очень похожи на правду. В самом деле, что подумает какой-нибудь китайский крестьянин, когда узнает о Сети? Вначале он не поверит, что Сеть существует, а когда не верить станет невозможно, он будет всеми силами стараться не замечать на сотрясающие мир изменения. А потом настанет момент, когда не замечать их станет решительно невозможно. Возможно, в деревне появятся инопланетяне, возможно, в Сети побывает кто-то из друзей или родственников крестьянина, а может, на Земле появится нанозавод, штампующий терминалы в неограниченном количестве. Как бы то ни было, крестьянин войдет в Сеть, побывает в более развитых мирах и поймет, что Земля — не самое приятное место во вселенной. Уйдет ли он в Сеть навсегда? Это зависит только от того, как он воспринимает свою жизнь. Если как источник приятных ощущений — непременно уйдет. А если он живет не только для себя, любимого, но и для Родины или для семьи…

Вудсток прав, все решает внутренняя мотивация. Если для тебя работа всего лишь источник денег, а семья нужна только для того, чтобы быть не хуже других, тогда твой путь в Сети определен однозначно. Вначале ознакомительная прогулка по близким мирам, а затем вечная жизнь на Сорэ или какой-нибудь другой псевдорайской планете. Может, Сорэ потому и не внесена в энциклопедию нашего сектора?

Нет, ответил Вудсток на мой вопрос. *Власти Нисле и Шотфепки были бы только рады сбросить на Сорэ свой социальный балласт. Как только в твоем секторе узнают о Сорэ, на нее повалят целые толпы. Эрпам придется туго, они столкнутся с проблемой перенаселения. Но это даже хорошо, им не повредит хорошая встряска.*

«Думаешь, она им поможет?»

Кому-то наверняка поможет. Ош, например, показался мне не совсем безнадежным.

«Мне тоже. Не знаешь, где он сейчас?»

Откуда мне знать? Он же не подключен к Сети.

«Действительно. Как думаешь, если дать ему терминал, он подключится?»

Думаю, что да. Интересный эксперимент может получиться.

«Интересный для тебя?»

Думаешь, для меня уже не осталось ничего интересного?

«Ну… Раз ты живешь так долго…»

То я должен все знать? Все знать невозможно. Чем больше круг, тем длиннее окружность. Чем больше тебе известно, тем больше становится того, что тебе еще предстоит постигнуть.

«Это понятно. Но психологию гуманоидов ты должен был изучить в совершенстве».

Гуманоиды гуманоидам рознь. Иные гуманоиды сильнее отличаются друг от друга, чем инсектоиды от колониалов.

«Ты знал о Сорэ до нашей встречи?»

Нет. Во вселенной слишком много миров, чтобы держать в памяти каждый. Кроме того, Сеть растет с каждым годом.

Я замолчал, не зная, о чем еще спросить Вудсток. Он истолковал мое молчание по-своему.

На сегодня достаточно , сказал он. *Тебе потребуется некоторое время, чтобы осмыслить то, что ты узнал в ходе этого разговора.*

«Подожди!» воскликнул я. «Я же еще ничего не узнал! Я должен расспросить тебя о многих вещах!»

Еще успеешь. У твоей расы есть одна большая проблема — вы не умеете ждать. Вы всегда живете сегодняшним днем, всегда стремитесь сделать все возможное и невозможное именно сегодня.

Не надо спешить, дай ожиданию исполниться.

Закончив эту фразу, Вудсток оборвал мысленную связь.

9

Габов прокомментировал мои слова следующим образом:

— Мы с Кожуховым пришли примерно к тем же выводам, хотя и не столь категоричным. Очень хорошо, что Вудсток их подтверждает. А особенно хорошо, что по мнению Вудстока катастрофа нам не грозит.

— Разве три миллиарда жертв — не катастрофа? — спросил я.

— Не катастрофа, — заявил Габов. — Эти люди не погибнут, они станут только счастливее. Кому-то из них, конечно, не повезет, кто-то угодит в притон, как ты на Шотфепке, у кого-то будут другие неприятности, но большинство из них будут вести приятную и достойную жизнь на хорошей цивилизованной планете. Разве можно записывать их в потери?

Я пожал плечами и сказал:

— Для страны они будут потеряны.

Николай Алексеевич рассмеялся и спросил:

— С каких пор ты стал патриотом, Андрей? Если судить по твоему досье и предыдущим поступкам, сначала ты всегда думаешь о себе и только потом о Родине. В ночной дозор тебя бы не приняли.

— Я бы и не пошел, — буркнул я. — Никогда не любил военную службу.

— Однако ты на нее поступил.

— У меня не было выбора.

— Выбор есть всегда. Ты мог поселиться на Сорэ, мог вернуться на Ол и строить там светлое будущее, мог найти какой-то другой мир… Перед тобой были открыты тысячи путей, но ты выбрал тот, который ведет к счастью не только тебя лично, но и все человечество в целом. Что бы ты ни говорил по этому поводу, это путь Света.

Я недовольно скривился.

— Ничего вы не понимаете, — сказал я. — Вы думаете, я спасаю мир потому, что считаю себя обязанным? Да ничего подобного! Я помогаю вам только потому, что сделал такой выбор. Это мой собственный выбор, мне никто его не навязывал. Я мог решить и по-другому. Думаете, это совесть заставила меня вернуться на Землю? Да ничего подобного! Никто не заставлял меня, это было мое собственное решение.

Габов снисходительно улыбнулся и сказал:

— Бандиты всегда говорят, что живут по своим понятиям.

— Я не бандит! — воскликнул я.

— Конечно, не бандит, — усмехнулся Габов. — Ты специальный агент для особых поручений, а в переводе на русский язык — бандит на службе правительства. А до того ты был бандитом на службе корпораций. Чтобы быть бандитом в душе, не обязательно иметь синие татуировки и слушать русский шансон. И не кривись так, я не пытаюсь оскорбить тебя, я ведь тоже бандит и все наши органы, по сути, одна большая банда. Только мы — хорошая банда.

— Ага, — хмыкнул я. — Тонко подмечено. И чем вы отличаетесь от плохих банд?

— Только точкой зрения, — сказал Габов. — Чем отличается правая рука от левой? Как объяснить амебе с Трилара, какая рука левая, а какая правая? Разница между левым и правым только в том, что вот это — левое, а вот это — правое. Так же и мы, разница между хорошими ребятами и плохими только в одном: плохие — это они, а хорошие — это мы. Так устроена жизнь. Это такой же закон природы, как и то, что все тела притягиваются друг к другу, а бутерброд падает маслом вниз.

— Про бутерброд — это не закон, — уточнил я. — Это всего лишь поговорка.

— Это закон, — возразил Габов. — Если не веришь, проведи сотню экспериментов и убедишься сам. Тут нет ничего сверхъестественного, просто масло тяжелее хлеба, вот бутерброд и падает маслом вниз. Если намазать масло не на хлеб, а на кирпич, он будет падать маслом вверх.

— Хорошо, допустим, это закон, — сказал я. — И что с того? К чему была вся эта проповедь?

— К тому, что все относительно, — сказал Габов — Добро, зло, свобода, необходимость — просто ярлыки, которые люди навешивают на вещи, которых не понимают. К истинной сути вещей ярлыки не имеют никакого отношения. Знаешь почему? Потому что истинная суть — тоже ярлык. В мире нет абсолютной истины, правда существует только в глазах смотрящего. Чтобы в цепи потекло электричество, нужно два полюса. Чтобы общество двигалось вперед, в нем тоже должно быть два полюса.

Я заметил в словах Габова противоречие и поспешил вмешаться.

— Электричество течет по кругу, — сказал я. — Если продолжить аналогию…

— Электричество не всегда течет по кругу, — возразил Габов. — Например, при ударе молнии.

— При ударе молнии электричество бесполезно рассеивается. Кстати, очень похоже на нашу ситуацию. Ударила молния, между небом и землей потекли электроны, поднялась температура, возникло пламя, по воздуху пошла ударная волна. А потом электричество ушло в почву и на этом представление окончилось. Так же и у нас — всякие дебилы повышают температуру и гонят волну, мы тоже гоним волну, но через мгновение по меркам вселенной все закончится, люди разбредутся по Сети, рассосутся по миллионам миров, а на Земле останется только…

— Неудачная аналогия, — перебил меня Габов. — Происходящее на Земле лучше сравнивать с взрывом звезды. Оболочка рассеивается в пространстве, а более плотная материя сплачивается еще сильнее…

— И превращается в белого карлика, — подхватил я, — тусклого и незаметного в масштабах вселенной. Причем вместо света этот карлик испускает радиацию, которая отравляет окрестности и…

Габов грязно выругался.

— Мы с тобой впадаем в маразм и занимаемся софизмом, — констатировал он. — Все аналогии лживы и отражают только личность автора. Так в одной умной книжке написано.

— Ага, — кивнул я, — я ее тоже читал. Только где бы нам найти таких союзников, как в той книжке… Если бы Вудсток был более сговорчивым…

— Если бы, да кабы… — проворчал Габов. — Хватит переливать из пустого в порожнее, о вечном мы еще успеем поговорить. Что бы мы ни думали по этому поводу, долговременные исторические процессы от нас не зависят. К Марксу можно относиться по-разному, но…

— Только не надо меня агитировать, — вмешался я. — Вы правы, о вечном мы поговорить еще успеем, давайте поговорим о сиюминутном. О главной проблеме.

— А что ты считаешь главной проблемой? — спросил Габов.

Я пожал плечами.

— Теперь уже не знаю, — сказал я. — До разговора с Вудстоком я полагал, что главная проблема — обилие придурков в Сети, но теперь мне кажется, что это уже не проблема, а реальность, с которой придется считаться. Боюсь, мы больше не сможем вернуться к ситуации, которая была до спама. Или у вас другое мнение?

Габов вздохнул.

— Другого мнения быть не может, — сказал он. — Задача вернуть счастливое прошлое больше не ставится, теперь перед нами стоит задача превратить кошмарное настоящее в более-

менее приемлемое будущее. Раз мы не можем решить проблему кардинально, мы должны хотя бы снизить ее остроту.

— А это возможно?

— Возможно. Аналитики оценивают обстановку примерно так. Сейчас остановить анархию не в наших силах, но через год-другой сетевое хулиганство сойдет на нет. Кого-то отловят на других планетах, кто-то станет жертвой несчастного случая, кто-то просто устанет… Это сейчас все обалдели от новых возможностей, но со временем это пройдет. И тогда на повестке дня встанет следующий вопрос — что станет с Землей в социально-политическом смысле.

— А что станет? — спросил я. — Прогноз уже есть?

— Прогноз есть, — кивнул Габов. — Ожидается расслоение общества на три основные группы. Во-первых, обормоты вроде твоего Арадана, покинувшие Землю навсегда. Кто-то из них будет изредка появляться на родине с кратковременным визитами, но в целом они потеряны для общества, большого влияния на дальнейшую историю Земли они не окажут. Вторая группа — десять-двадцать процентов населения Земли, которые так и не войдут в Сеть. Старики, дети, жители отдаленных районов… Кстати, демографическая ситуация на Земле изменится кардинально. Россию это не особенно затронет, а вот США и Европа конкретно попадут под раздачу. Манхеттен заселят люмпены из пригородов, начнется массовая миграция населения из бедных районов в бывшие богатые…

— Бывшие богатые?

— Да, бывшие. Большинство богачей проведут ближайшие месяцы в Сети, а когда вернутся, застанут свои владения разграбленными. На биржах будут большие потрясения, доллар и евро, скорее всего, обвалятся, рубль тоже.

— Фоллаут, — хмыкнул я.

— Не совсем. Кризис продлится недолго, экономика восстановится, но уже на другой основе. Сейчас крутизна компании измеряется количеством долларов на счету, а через полгода она будет измеряться количеством знаний у ее сотрудников.

— И тогда ваша команда окажется вне конкуренции.

— Не ваша, а наша, — уточнил Габов. — Не забывай, ты тоже в нее входишь.

Да, действительно. Странно, что я оговорился. Неужели это оговорка по Фрейду, как в том анекдоте? Хотел муж сказать жене «милая, передай соль, пожалуйста», а сказал «сука, всю жизнь мне испортила». Считаю ли я себя членом команды Габова или… Нет, об этом я потом подумаю, в более спокойной обстановке.

— Давайте я попробую угадать, что прогнозируется в отношении третьей группы, — сказал я. — В нее войдут те, кто подключился к Сети, но решил не покидать Землю. Патриоты, так сказать. Надо полагать, они быстро захватят всю власть.

— Естественно, — кивнул Габов. — Чтобы это понять, не нужно быть гением. Но это будет совсем другая власть. Во-первых, исчезнет традиционное деление планеты на независимые государства. Границы сотрутся не сразу, но противостояния великих держав больше не будет. У нас будет та же самая Сеть, только в миниатюре — европейский сектор, дальневосточный, индийский, арабский… Но между ними не будет противостояния, будет только цивилизованная конкуренция.

— Ага, цивилизованная, — хмыкнул я. — Особенно между евреями и арабами.

— Между евреями и арабами конкуренции не будет, — сказал Габов. — Сейчас арабы на коне, но это временно, скоро их боевой задор выдохнется и тогда арабский сектор подомнут под себя европейцы. Арабы практически не проявляют себя в Сети, экстремистов в Сети как грязи, но одни только экстремисты погоды не делают. Но это все несущественно. Главное то, что на Земле начало формироваться принципиально иное общество. Без армий, без границ, без всемирной торговой организации и без организации объединенных наций. И без демократии.

— А кто будет всемирным диктатором? Наш президент?

— Поначалу да. А потом понятие всемирного диктатора перестанет быть актуальным. Аналитики считают, что у нас сформируется псевдокоммунистическое общество по образцу Блубейка. Как только будут запущены первые нанозаводы, сразу исчезнет большинство проблем потребления и тогда…

— А когда это произойдет? Через десять лет? Через сто?

Габов усмехнулся.

— К новому году, — сказал он. — Нанотехнология на самом деле очень проста, трудно только провести подготовительные фундаментальные исследования, а воспользоваться готовыми решениями очень легко. Никакой сверхсложной техники для этого не нужно, надо всего лишь скачать программы из Сети.

— Как скачать? — не понял я. — Вы научились подключать к Сети интернет?

— Нет, — улыбнулся Габов, — все гораздо проще. Мы договорились с китайцами. У буддийских монахов есть особая ментальная техника, которая позволяет быстро и точно запоминать длинные последовательности неструктурированных данных. Информацию из Сети мы перекачиваем в человеческой памяти, это не самый быстрый способ, но зато он не требует

технических приспособлений. Это будет сюрпризом для наших коллег с Нисле, такой прыти они от нас не ожидают. Мои ребята поковырялись в Сети, похоже, что гуманоиды никогда раньше не пытались переносить такие объемы данных в биологической памяти. Раньше такие фокусы удавались только колониалам.

— Может, потому и не пытались, что это удается только колониалам? — предположил я. — Вы уверены, что не будет никаких сюрпризов?

Габов пожал плечами.

— Пока все идет по плану, — сказал он. — Информация содержит контрольные поля, качество приема легко проверяется. Мы уже слили около двадцати процентов, ошибок пока не замечено. Когда перекачаем половину, можно будет начинать строительство завода-матки. Уже и место подобрано.

— Где, если не секрет? В Арзамасе-16?

— Не угадал, в Китае. Сейчас не время проявлять местечковый патриотизм. Как только Земля вошла в Сеть, на Земле осталась только одна нация — люди. Аналитики считают, что к концу года национальные проблемы окончательно отойдут в прошлое.

— Бедные скинхеды, — улыбнулся я.

— Нет, скинхедами останутся, — в свою очередь улыбнулся Габов. — Просто они поймут, что азербайджанцы и таджики для них на самом деле родные, а настоящие враги русского народа — чужие. Из скинхедов и национал-большевиков получится хорошая сетевая контрразведка. Обсуждается предложение сдать им на откуп всю рутинную работу по выявлению сетевых пришельцев. Лучше них с этой задачей никто не справится.

— Короче, все будет хорошо, — резюмировал я. — Идиоты устанут быть идиотами и наступит эпоха всеобщего счастья. Границы исчезнут, деньги обесценятся, нанозаводы обеспечат изобилие и даже нацисты найдут себе достойное место в обществе. Прямо коммунизм какой-то.

— Коммунизм и есть, — кивнул Габов. — При отсутствии материальных проблем коммунизм является идеальной социальной моделью. Об этом еще Маркс говорил, только он не понимал, в каких условиях коммунистическая модель реально работает.

— А вы понимаете?

— Лично я нет, но у Кожухова в отделе есть парнишка, который на Вудстоке изучал политэкономию гуманоидов, он в этой теме понимает все.

— Ленин в мавзолее перевернется, — хмыкнул я.

Габов вдруг помрачнел.

— Не перевернется, — печально произнес он. — Мавзолей взорвали.

— Кто?

— А я откуда знаю? Придурки какие-то. На первое мая, типа, подарок к празднику. Странно, что не ко дню рождения Ленина. Хорошо, что взорвали рано утром, жертв не было.

— Короче, — сказал я. — Из ваших слов я понял, что позиция комитета кардинально поменялась. Мы больше не пытаемся остановить слона на скаку, вместо этого мы отходим в сторону и ждем, когда он устанет. А потом естественный ход событий делает нас самыми крутыми и мы тихо наслаждаемся собственной крутизной. Правильно?

— Неправильно, — сказал Габов. — Все, о чем я говорил, может произойти только при одном условии — если чужие не подкинут очередную подлянку.

— А они подкинут?

— Непременно. Они ведь еще не достигли своей цели. Они хотят установить контроль над астральным пространством вокруг Земли, построить на Земле свой планетарный узел и с его помощью отделить нас от Вудстока астральным барьером. Мы не можем этого допустить.

— Почему? — спросил я. — Ваши люди уже выкачали с Вудстока столько информации, что на одно-два поколения точно хватит.

Габов покачал головой.

— Дело не в информации, — сказал он. — Дело в суверенитете Земли. Допустим, мы позволим яхрам отключить нас от Вудстока. Каким будет их следующий шаг? Подумай.

Я думал примерно минуту, после чего нахмурился и сказал:

— Они начнут охоту на людей, побывавших на Вудстоке. Они будут пытаться монополизировать свой доступ к знаниям Вудстока, а для этого начнут отстрел опасных для них личностей. Мы с вами попадем в первый эшелон.

— Совершенно верно, — кивнул Габов. — Только ты еще не понял самого главного. Они не просто начнут отстрел, они установят над Землей тотальный политический контроль. Ты читал в Сети про расу узилдэ?

— Читал. Это были первые обитатели Нисле, несколько столетий назад яхры вытеснили их с планеты. Погодите… Думаете, они попытаются провернуть на Земле то же самое?

— Не попытаются, а провернут. Эта технология у них уже давно отработана. Если на планете нет сильной власти, планета никогда не отвергает предложение вступить в союз с яхрами. Люди будут думать не о том, что Землю заполонят пришельцы в

чужих телах, а о том, что они сами смогут побывать в других мирах в собственном теле. А когда яхры поделятся тайнами своей косметологии, на Земле их вообще примут на ура. И мы ничего не сможем с этим поделать до тех пор, пока Земля будет продолжать играть в демократию. Народ всегда хочет только хлеба и зрелищ, а яхры дадут нам столько хлеба и зрелищ, сколько человечество смогут переварить. Есть только один способ сохранить человеческую расу и ты знаешь, какой.

— Жесточайшая диктатура?

— Не жесточайшая, — поморщился Габов, — и даже не жестокая. Но диктатура. Нам необходима четкая вертикаль власти на всей Земле. Мы должны построить полноценный планетарный узел и продемонстрировать всему сектору, что мы сохраняем контроль над собственной планетой. До тех пор, пока мы этого не сделаем, яхры будут творить на Земле все, что им заблагорассудится, а если мы начнем сопротивляться, они завопят о гуманитарной катастрофе, объявят, что установили над нами протекторат и действительно его установят. Это будет та же самая диктатура, только диктаторами будут яхры. И знаешь, что самое противное? Что большинству людей это понравится. Яхры построят нанозаводы, откроют свои границы для граждан Земли, все будут довольны и счастливы, а потом мы и глазом моргнуть не успеем, как окажемся внутри чужой империи.

— У яхров конфедерация, а не империя, — уточнил я.

— Это непринципиально, — отмахнулся Габов. — Принципиально то, что в течение ближайшего года вопрос о том, кто будет управлять Землей, должен решиться. Если мы ничего не сделаем, Земля войдет в конфедерацию яхров и на этом ее история закончится. Через тысячу лет человечество превратится в маленькое племя в резервации.

— Вы в этом абсолютно уверены? — спросил я.

— Не совсем. По крайней мере один шанс у нас пока есть.

— Вудсток?

— Вот именно, — кивнул Габов. — По каким-то непонятным причинам он помогает нам гораздо больше, чем можно было от него ожидать. Поначалу мы не замечали некоторых странностей, но теперь сомнений не осталось — Вудсток целенаправленно нам помогает.

— Как?

— По мелочам. Дает советы, о которых его не просили, предупреждает о разных неприятных событиях. В тебя агента подселил.

— Тот прогноз, о котором вы говорили, сделал Вудсток?

— Нет, его сделал Кожухов со своими ребятами. Но кое-какие

мысли им подсказал Вудсток.

— Какие же?

Габов поморщился.

— А я помню? — ответил он вопросом на вопрос. — Насколько я помню, ничего конкретного Вудсток не подсказал, он просто несколько раз наводил людей на дельные мысли. Его просят дать одну информацию, а он дает немного другую, как будто неправильно понял вопрос.

— Иногда он действительно неправильно понимает вопросы, — заметил я.

— Это да, — согласился Габов. — Но почти всегда он ошибается так, чтобы выдать нечто более ценное, чем то, о чем его просили. Почему он включил в базовый курс политологии детальный разбор ситуации на Нисле тысячу лет назад? Почему он сразу выдал точную ссылку на описание саморегулирующегося нанозавода именно в том формате, какой нам подходит? Он целенаправленно продвигает нас куда-то, но вот куда? У тебя есть какие-нибудь мысли?

— Есть, — сказал я. — И не просто мысли, а точный ответ. В конце последнего разговора Вудсток ясно сказал, почему он нам помогает.

— И почему?

— Он хочет вывести нас на следующий уровень развития, сделать из человечества сверхцивилизацию. Он говорил туманно, но я понял так, что во вселенной существует несколько цивилизаций, которые перешли порог разума и вошли в какое-то иное состояние. Вудсток называет это переходом на следующий уровень.

— Ну, это и так очевидно, — сказал Габов. — Одну такую цивилизацию я могу тебе сразу назвать — создатели Сети. Погоди. Он считает, что мы тоже сможем войти в их число? Стать равными создателям Сети?

— Не знаю, равными или нет… Скорее всего, у сверхцивилизаций тоже есть какая-то иерархия. Но по мнению Вудстока мы более перспективны, чем яхры. Вудсток не допустит, чтобы яхры нас ассимилировали.

— Не допустит сам или поможет нам не допустить этого?

— Не знаю, — сказал я. — Скорее, второе.

— Я тоже так думаю, — кивнул Габов. — Почему-то Вудсток никогда не вмешивается в дела других рас напрямую. В принципе, можно объяснить, почему, но к нашим делам это не относится. Важнейшая задача у нас сейчас такая. Кожухов с ребятами попробовали спрогнозировать дальнейшие шаги яхров и получили два основных сценария развития событий. В первом

варианте яхры в самое ближайшее время начнут активное проникновение на Землю. Перебросят к нам несколько тысяч агентов, создадут анклав где-нибудь в Африке, быстро построят планетарный узел и установят контроль над астральными окрестностями Земли. Все сетевые перемещения сотрудников земных спецслужб будут отслеживаться и по возможности пресекаться. Стоит кому-нибудь из нас появиться на Земле, яхры сразу начнут охоту. На данном этапе их главная цель — обезглавить человечество, лишить его высшего руководства, не допустить, чтобы политические лидеры вернулись из Сети на Землю. А когда яхры решат, что мы больше не представляем угрозы, они начнут строить астральный барьер, изолирующий Землю от Вудстока. Параллельно они займутся включением Земли в свою конфедерацию. Построят нанозаводы, соорудят нормальные порталы с гостевыми телами, а скорее, сразу построят свои продвинутые порталы, поддерживающие перемещения в собственных телах. Короче говоря, они будут делать все то, о чем мы только что говорили.

— Понятно, — сказал я. — А второй сценарий?

— Он отличается от первого только тем, что предварительно яхры устроят на Земле глобальную катастрофу.

— Зачем?

— Чтобы легче было прогрессировать тех, кто ее переживет. Развязать ядерную войну они уже не успели, но у них хватает и других возможностей. Аварии на атомных электростанциях, искусственно вызванные стихийные бедствия, эпидемии, локальные войны… Вариантов полно. Скорее всего, они попытаются устроить все сразу.

— Чем определяется выбор сценария? — спросил я.

— Только тем, насколько серьезно они к нам относятся. Если они сочтут, что спецслужбы Земли деморализованы уже достаточно, тогда они сразу начнут вторжение, а если нет — постараются опустить нас до нужного уровня. Все как в научной фантастике — регрессоры, прогрессоры…

— Может, нам имеет смысл изобразить разброд и шатание, — предположил я. — Послать, например, кого-нибудь из видных деятелей на Землю или сразу на Шотфепку, чтобы он начал загружать яхров, типа, у нас все плохо, мы просим помощи, вы наша единственная надежда… Даже знаю, кого надо послать.

Я подумал про Жириновского, но Габов понял мои слова по-другому.

— Тебя, что ли? Даже не думай. Яхры убьют тебя сразу, как только им представится такая возможность. Просто на всякий случай. А вообще мысль интересная, попробовать можно. Только

кого отправить? Сабалин не справится, Самохин — недостаточно важная персона, Кожухов мне здесь нужен…

— Ваши люди не покатят, — сказал я.

— А кто тогда покатит? — удивился Габов. — Политики, что ли? Может, Жириновский?

— А почему бы и нет? От него требуется всего лишь поднять в Сети большую шумиху. По-моему, лучше него с этой задачей никто не справится.

Габов открыл рот, чтобы ответить, но вдруг замолчал, а глаза его округлились.

— Все, приехали, — сказал он. — Процесс пошел, в Свердловской области зафиксирована эпидемия сибирской язвы. Новый штамм, устойчивый ко всем известным антибиотикам. Одновременно в США замечена бубонная чума, а в Китае — очередной птичий грипп. Похоже, что эпицентром заразы во всех трех случаях являются правительственные НИИ. Ну е-мое, ну почему наши вожди Кинга не читают?

— Надеюсь, что без второго пришествия мы как-нибудь обойдемся, — попытался пошутить я.

И сразу понял, как глупо это прозвучало.

— И что теперь делать? — спросил я. — Как это можно остановить?

— Остановить это нельзя уже никак, — заявил Габов. — Мы никак не успеваем сделать биоблокаду всем нуждающимся. А вот отомстить можно и нужно. Все, Андрей, игры закончились, начинаются звездные войны, причем не такие, как в кино, а настоящие. Аналитики начали прорабатывать сценарий ответных действий, к вечеру должны выдать первый вариант. Ты пока отдохни, а вечером я тебя вызову. Или, лучше, приходи к Кожухову часам к семи, он тут недалеко живет, всего пять километров на северо-запад, через лес, правда, но часа за полтора дойдешь. И Дашу с собой возьми, она лишней не будет.

10

Историческое совещание проходило в гостиной очень большого дома, рассчитанного, как минимум, человек на десять. Точнее, не человек, а эрпов.

Кроме нас с Дашей, на совещании присутствовали еще трое — Габов, Андрей Кожухов и его помощник Миша Сабалин.

— А где Путин с Жириновским? — спросил я. — Как же такой важный вопрос без них решать?

Кожухов и Габов недоуменно переглянулись. Судя по их

лицам, я сморозил несусветную глупость.

— Не будь наивным, — сказала Даша. — Настоящее правительство Земли — это мы. Вот когда кризис разрешится, тогда они и будут снова всем управлять, а пока никто кроме нас с текущими проблемами не справится.

— Это обычная практика в цивилизованных мирах Сети, — добавил Сабалин. — У них обычно вообще нет центрального правительства, а есть только комиссии по решению разных проблем. Как только проблема решается, комиссию распускают, а когда никаких проблем нет, то и управлять ничем не нужно. Большую часть времени общество живет на автопилоте.

— Ты его слушай, Миша дело говорит, — прокомментировал Габов. — Он на Вудстоке политологию изучал. Миша, ты готов изложить свои соображения?

— Изложить-то я готов, — вздохнул Миша, — только излагать почти нечего. Все упирается в вопрос, ответа на который у нас нет — кто конкретно организовал эти эпидемии.

— Разве это не очевидно? — удивился я. — Николай Алексеевич ясно сказал, что яхры.

— Не факт, — вмешался в разговор Кожухов. — Не исключено, что работали наши земные отморозки наподобие «Аль-Кайеды». Маловероятно, конечно, но кто их знает… По любому, никаких улик нет и…

— А зачем нам улики? Мы не в суде. Если есть твердая уверенность…

— Нет твердой уверенности, — перебил меня Кожухов. — То, что поработали чужие — почти наверняка. Но какие именно чужие? Скорее всего, яхры, но не факт. Яхры ведь не идиоты, они должны понимать, что полностью подавить земные спецслужбы им пока не удалось, они знают, что мы где-то прячемся. Яхры прекрасно понимают, что в первую очередь мы подумаем именно на них. Миша говорит, что изучал исторические материалы и вывод из них следует однозначный — гуманоиды в таких ситуациях всегда начинают ответный террор. А теперь вопрос — зачем яхрам такой геморрой на свою задницу?

— То есть, это не яхры? — спросил я.

— Возможно, и не яхры, — кивнул Кожухов. — Возможно, какая-то другая раса из нашего сектора, Руроа, например, или Лел, пытается яхров подставить. Или раса не из нашего сектора. Секторы Сети не имеют четких границ, они строятся на основе отношений толерантности, а не эквивалентности. В одном секторе с Землей находится около двухсот миров, а если добавить миры, которые лежат в одном секторе хотя бы с одной планетой яхров, получаем всего примерно пятьсот-семьсот миров. И еще

нельзя исключать, что воду мутят совсем левые расы. Соображения у них могут быть примерно такие — люди наедут на яхров, у яхров начнется внутренний кризис, они ослабят давление на какой-то другой мир, который находится в пересечении сектора, в который входит какая-то планета той расы и какая-то планета яхров, и тогда…

— Уже запутался, — сообщил я.

— Давай, я еще раз повторю, помедленнее.

— Не надо, главное я уже понял. Мы не знаем, кто несет ответственность за начинающиеся эпидемии…

— Они уже не начинающиеся, — уточнил Габов. — Число заболевших перевалило за двадцать тысяч. Обстановка очень тревожная, особенно в Штатах.

— Итак, мы не знаем, кто все это устроил, — продолжал Кожухов. — Не исключено, что и яхры. Возможно, они рассчитывают, что мы подумаем, что кто-то их подставил, и воздержимся от ответного удара. Или наоборот, возможно, они провоцируют нас на ответный удар, потому что если мы его нанесем, то окажемся вне закона и яхры получат законный повод начать интервенцию и установить на Земле внешнее управление. А им только этого и надо.

— А они сами не вне закона? — спросил я.

— Пока нет, — сказал Сабалин. — До тех пор, пока у нас нет доказательств, что в земных проблемах виноваты их спецслужбы, все происходящее на Земле считается следствием плохо проведенного контакта с Сетью. В других мирах бывало и хуже, известны случаи, когда раса сразу после входа в Сеть вообще прекращала существование.

— Тут есть еще один нюанс, — вмешался Кожухов, — в связи с твоим мартовским визитом на Нисле. Ты тогда следы не заметал и комитет защиты порядка Нисле прекрасно знает, что в их штаб-квартиру вторгся именно человек. Одно только это является достаточным поводом для войны.

— Я бы так не сказал, — возразил Сабалин. — Тот случай является достаточным поводом, чтобы направить дипломатическую ноту или ввести санкции. Не доказано, что Андрей действовал по заданию спецслужбы.

— А я и не действовал по заданию, — сказал я. — Николай Алексеевич был, конечно, в курсе, но реально меня направлял Вудсток. Если рассматривать ту историю как повод для войны, яхрам надо воевать с Вудстоком.

— Мы считаем, — сказал Сабалин, — что Андрей в марте действовал в рамках частной инициативы.

— Это официальная версия, — уточнил Габов. — Ты узнал,

что приказ на запуск ракет отдал этот…

— Рваямм, — подсказал я.

— Да, Рваямм. Ты узнал, что этот Рваямм — плохой парень, и решил его наказать. Око за око, хвост за хвост и тому подобное. То, что по ходу ты разнес их штаб-квартиру — не более чем побочный эффект операции, это никогда не позиционировалось как основная цель. Понятно?

— Понятно, — кивнул я. — А кому я буду эту лапшу вешать? Разве в Сети есть какой-то межрасовый суд?

— Есть, и не один, — подтвердил Сабалин. — Только до судов мы еще пока не доросли, человечество не ратифицировало никаких конвенций ни о судах, ни о чем-либо еще. Но мало ли что, вдруг будешь разговаривать с большой инопланетной шишкой… Не проболтайся, а то всю Землю подведешь под монастырь.

— Не проболтаюсь, — пообещал я. — Погодите. А почему тогда яхры не обосновали свои действия как ответные меры на мой дебош? Типа, земные варвары нанесли предательский удар и вот мы направляем миротворцев… Ну, как американцы у нас на Земле.

— По разным причинам, — ответил Кожухов. — Во-первых, у них самих рыльце в пушку, ракеты-то реально запустили они. Им не с руки устраивать межрасовый скандал и начинать разборки — есть шанс, что в результате в дерьме окажутся они, а мы будем в белом. Бедные варвары из последних сил защищали свой родной дом…

— Разве такой шанс есть? — удивился я. — Ты говорил, у нас нет улик.

— Улик нет, — согласился Кожухов. — Но на Нисле об этом не знают. У них нет точных сведений, какие именно технологии Вудсток передал нам и какую их долю мы реализовали в железе. Боюсь, они нас сильно переоценивают. И это вторая причина, по которой они пока не атакуют открыто.

— Третья причина будет? — спросил я.

— Обязательно. Третья и главная причина состоит в том, что яхры не заинтересованы в судебном разрешении конфликта. Они предпочитают решить его силой, шансов на успех у них более чем достаточно.

— Понятно, — сказал я. — Мой налет на их офис они решили простить, но если я или, например, Драконтрест, попробуем сделать подобную вещь еще раз, мы все круто огребем.

— Неправильно, — сказал Габов. — Мы уже огребли так, что круче некуда. Чужие загнали нас в угол и мы больше не можем рассуждать, что можно делать, а что нельзя. На карту поставлена

судьба человечества, теперь для нас все средства хороши.

— Допустим, — сказал я. — И какой вывод? Какой предлагается сценарий дальнейших действий?

Кожухов и Сабалин недоуменно переглянулись.

— Никакого, — сказал Кожухов. — Ничего дельного мы пока предложить не можем. Наши коллеги на Земле разворачивают массовое производство биоблокады, эпидемию мы скорее всего остановим, а в России — однозначно остановим.

— И в Китае, — уточнил Габов.

— И в Китае, — согласился Кожухов. — Иначе китайцы нас не поймут. А вот Штатам не повезло, там скоро будет один большой могильник. И еще в Латинской Америке наверняка будет вторичная вспышка. Но в целом, если не будет других сюрпризов, мы должны справиться. Но сюрпризы будут наверняка. Раз уж чужие начали массовый террор, с их стороны глупо останавливаться на полпути.

Я начал злиться. Эти хваленые аналитики вместо того, чтобы честно признаться, что зашли в тупик, все ходят вокруг да около, корчат умные лица…

— Короче, — сказал я. — Меры, которые вы можете предложить, позволят предотвратить вымирание человечества, но и только. А это как раз то, что нужно чужим. Нанести удар возмездия мы не можем, потому что не знаем, по кому его наносить. Установить контроль над астральным пространством мы тоже не можем, потому что число абонентов Сети растет быстрее, чем доступные вычислительные мощности. Изолировать Землю мы не можем, потому что не умеем. И в итоге нам остается только одно — тихо сидеть на месте, чесать репу и ждать, пока яхры устроят нам Ирак в планетарном масштабе. Правильно?

— У тебя есть другие идеи? — спросил Габов.

— Ничего у меня нет, — огрызнулся я. — Идеи должны появляться у аналитиков, а я не аналитик, я вообще непонятно кто. Я, между прочим, ни одной зарплаты в вашем ведомстве так и не получил.

— Настоящий патриот, — сказал Кожухов.

— Идеальный контрразведчик, — сказал Сабалин.

— Ты немногое потерял, — сказал Габов. — Зарплата у нас такая… но не будем о грустном. По-моему, сейчас самое время спросить совета у того, у кого идеи точно есть.

— У Вудстока, что ли?

— Нет, блин, у меня. Конечно, у Вудстока.

Но мне совсем не хотелось обращаться за помощью к Вудстоку. В нашем последнем разговоре он ясно выразил свое отношение к происходящим на Земле переменам. Дескать, это

проявляются законы природы, пройдет немного времени и все станет хорошо, а все неприятности, которые человечество сейчас переживает, есть всего лишь проявления естественного отбора и ничего с этим поделать не только нельзя, но и не нужно.

— Нечего с ним говорить, — сказал я. — Я и так знаю, что он ответит. Он считает, что на Земле все идет по плану и волноваться не о чем.

— По плану? — переспросил Сабалин. — По чьему плану?

— Я имею ввиду, по его мнению все нормально, — уточнил я. — Вудсток считает, мы должны спокойно наблюдать происходящее и заниматься собственным личностным ростом.

— А что нам еще остается? — встрепенулась вдруг Даша. — Вы уже полчаса обсуждаете на все лады, что война проиграна, но ведь война и вправду проиграна. Теперь надо думать не о том, как превратить поражение в победу, а о том, как строить жизнь после войны. Ничего ужасного, в сущности, не произошло. Яхры не собираются сгонять уцелевших людей в концлагеря и устраивать немедленный геноцид. Да, через тысячу лет человечество вымрет, но на нашем веку ничего плохого не случится. Случится только хорошее.

— Эпидемия чумы в Штатах — это хорошо? — уточнил Сабалин.

— Нет, эпидемия — это плохо, — сказала Даша. — Но ее очень легко остановить, надо всего лишь капитулировать перед яхрами. Не обязательно, чтобы это была полноценная капитуляция, ее можно оформить, например, как просьбу о помощи. Дескать, мы глупые, мы неправильно вошли в Сеть, помогите нам, мы согласны на все условия… ну, почти на все, по второстепенным пунктам можно поторговаться…

— И тогда яхры отрежут нас от Вудстока, — заметил Габов.

— Зато не погибнут люди. Что для вас важнее — абстрактные знания или конкретные люди?

— Знания, — сказал я. — Знания для них важнее всего на свете. Помнится, один коллега Николая Алексеевича предлагал переправить в Сеть всех негров и таджиков…

Кожухов и Сабалин синхронно заржали.

— Над кем смеетесь? — разозлился я. — Над собой смеетесь!

— Не смешно, — поддержал меня Габов. — Андрей, ты только что Ваську Зильбермана процитировал?

— Да, а что?

— Большинство моих коллег не разделяют его точку зрения, — сказал Габов. — Василий Зильберман — наша достопримечательность. Еврей-скинхед — большая редкость в России.

— И не только в России, — уточнил Сабалин.

— Но все-таки, — сказала Даша, — я все равно считаю, что мы должны сдаться.

Габов насупился.

— Это неправильное решение, — угрюмо проговорил он.

— Да, конечно! — воскликнула Даша. — Врагу не сдается наш гордый «Варяг» и все такое. Это мы уже проходили. Но сейчас не время думать о гордости, сейчас надо думать о людях, которые из-за вашей гордости могут погибнуть.

— Думать о гордости надо всегда, — возразил Габов. — Но… Андрей, Миша, вы еще не рассматривали Дашину идею?

— Да что вы, Николай Алексеевич, — сказал Кожухов. — Такое нам и в голову прийти не могло.

— Плохо, — сказал Габов. — Простая украинская школьница в очередной раз уделала моих лучших аналитиков. По-моему, если абстрагироваться от ненужных эмоций, решение предлагается очень даже неплохое. Мы временно сдаем Землю и получаем тайм-аут, достаточный, чтобы спокойно и без спешки подготовить ответную реакцию. Осталось только продумать детали.

— Какая ответная реакция? — удивилась Даша. — Яхры не примут капитуляцию до тех пор, пока мы не выдадим им это убежище.

— Если будет нужно, мы его выдадим, — заявил Габов. — Сигов нашел в Сети еще одну хорошую планету, пожалуй, даже лучшую, чем эта. Хотя и менее комфортную.

— Румылв, что ли? — спросил я. — Румылв нам не подходит, там Арадан.

— А вот ты и займись тем, чтобы Арадана там больше не было, — сказал Габов. — Прямо завтра и займешься.

11

Сделать так, чтобы Арадана на Румылве больше не было. Легко сказать, но совсем нелегко сделать. Приближаться к Арадану вплотную категорически противопоказано — ударит заклинанием, перебросит в Топоджох Доздомх и начнешь сражаться на противоположной стороне, не испытывая ни сомнений, ни угрызений совести, в полной уверенности, что сражаешься за правое дело. Вудсток, правда, говорил, что алый и черный короли могут наносить удары с любого расстояния… Но Джей мертв, а новый черный король только что народился, вряд ли он сможет в ближайшее время сражаться с Араданом на

равных. Значит, остается только алый король.

А если попробовать с Араданом договориться? Нет, нечего даже и пробовать. Этот тип совсем уже свихнулся от мании величия. В прошлый наш разговор я всего лишь попросил его не стоять на дороге, а он напал на меня и едва не убил. Если бы не Вудсток, точно убил бы. А если потребовать от Арадана, чтобы он вообще убрался с Румылва… Нет, бессмысленно даже пытаться.

Что ж, выход остается только один. Не люблю излишнего насилия, но в данном случае оно, к сожалению, не излишне. Другого выхода нет.

Я вызвал Драконтреста, велел ему быть на связи, а затем приказал Сети переместить меня в тело короля Румылва, не являющегося ни Араданом, ни Буджим. Надеюсь, это будет алый король.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Это был не алый король, это был новорожденный владыка тьмы, занявший место покойного Джея. Звали его Уйбу, было ему одиннадцать лет и обитал он на задворках империи Гуфза Зеленого.

Родная деревня Уйбу располагалась в экваториальной зоне планеты, но окружали ее вовсе не жаркие и душные джунгли, кишащие змеями и насекомыми, а вполне приличный лес, перемежающийся пастбищами и засеянными полями. Интересно, что причиной такого необычного пейзажа были вовсе не климатические особенности Румылва, а исключительно магия Гуфза Зеленого.

Я и раньше знал, на что способна зеленая магия, но лишь сейчас прочувствовал это по-настоящему. Обеспечить высокий урожай — это одно, а кардинально перекроить физическую карту мира — совсем другое. Воистину, зеленая магия — великая вещь.

Но я здесь не для того, чтобы восторгаться мощью зеленой магии Во всей магии Румылва меня интересует только одно — есть ли в ней какие-нибудь заклинания, которые позволят сделать этот мир безопасным убежищем для остатков земного сопротивления.

Помнится, Вудсток говорил, что черный король может наносить удары с любого расстояния. Ну-ка, посмотрим… Да, чего-то подобного я и ожидал. Черными заклинаниями действительно можно бить издали, но исключительно по тем местам, которые раньше видел своими глазами. Но столицу Арадана я посещал, пусть и в другом теле. Ну-ка…

Нет, не получается. Ограничение очень жесткое — черный король должен посетить место будущего удара обязательно в собственном теле. Так и знал, что будет подлянка, она обязательно должна где-то быть — иначе черный король был бы не слабейшим из пяти владык магии Румылва, а сильнейшим. Кстати, алого короля это ограничение тоже наверняка касается. Но все равно, остальные варианты надо тоже проверить, просто на всякий случай.

За следующие полчаса я успел побывать в теле Гуфза Зеленого и Кву Алого. Как я и предполагал, ни одна система магии не позволяет уничтожить Арадана одним удаленным ударом. Только если совместить в одном теле Гуфза и Кву…

«Вудсток! Можно как-нибудь совместить в одном теле две системы магии?»

Нет. Это техническое ограничение.

«Его можно как-нибудь обойти?»

Нет.

«Совсем никак?»

Совсем.

Что ж, текущий план действий приходится признать невыполнимым. Что же делать? Вплотную к Арадану не подойти, магией его не одолеть… стоп. А если два-три короля соберутся в одном месте и совместно ударят?

Я попытался восстановить в памяти карту Румылва, которая однажды попалась мне на глаза во дворце Арадана. Собрать несколько королей в районе синей столицы, в принципе, возможно, но не сразу — все короли физически находятся в разных частях планеты, а никакого транспорта, кроме гужевого, на Румылве нет. Или есть? Арадан ведь телепортировал меня заклинанием в Топоджох Доздомх, который находится примерно в полукилометре от дворца. Но то была синяя магия, доступная только Арадану. Может, в других системах магии тоже есть подобные заклинания, просто я их не заметил? Нет, не заметить их я не мог. Если бы такие заклинания существовали, память временного тела обязательно подсказала бы ответ.

Подведем итоги. Если я хочу одолеть Арадана магией, то я должен организовать встречу… кого? Буджим и Кву обитают в противоположном полушарии, путь к синей столице займет у них не один месяц, а у меня столько времени нет. Гуфз и Уйбу? Они ближе, но все равно на подготовку операции уйдет никак не меньше полутора месяцев. А за это время Арадан однозначно обнаружит, что на него началась охота, закроется от Сети и ищи его потом по всему Румылву. Нет, этот вариант не годится.

Остается только одна идея, безумная, но благодаря своему безумию имеющая довольно большие шансы на успех. Не связываться с магией вообще, работать одной только грубой силой. Забросить в синюю столицу Румылва десяток оперативников и попытаться устранить Арадана физически, надеясь на то, что его магия не настолько быстра, чтобы справиться со всеми бойцами. Хорошо, что он не догадался удалить из дворца стражу. Драконтресту и его коллегам очень пригодятся вооруженные тела стражников.

Ну что ж, план очистки планеты от Арадана в первом приближении подготовлен. Можно возвращаться на Сорэ.

Габов внимательно выслушал меня и сказал:

— План замечательный. У него есть только один недостаток.

— Всего один? — удивился я. — Я думал, больше…

— Их наверняка больше, — согласился Габов. — Но только один из них делает твой план абсолютно невыполнимым. Арадана нет в Сети.

— Как это нет?

— Понятия не имею. Должно быть, снова стал невидимым. Даже могу сказать, почему. Ты за сегодняшний день по Румылву, надо полагать, изрядно попутешествовал?

— Изрядно. Гуфз, Уйбу, Кву… блин! Дошло. Арадан заметил мою активность и решил, что мы планируем операцию по его уничтожению.

— И спрятался от Сети, — закончил Габов мою мысль. — Но это не так уж и страшно. На территории синего королевства мы появляться не будем, а тела оставшихся четырех королей захватят наши оперативники. Рано или поздно Арадан высунется в Сеть, оценит ситуацию и поймет, что у него нет другого выхода, кроме как смириться с текущим положением дел. Со всеми четырьмя королями, вместе взятыми, ему не справиться.

— Ну, не знаю… — протянул я. — С одной стороны, все правильно, но с другой стороны… Арадан нам этого никогда не простит. Он пришел на Румылв, чтобы стать властелином планеты, это у него идея-фикс, почти что психоз. Когда он поймет, что его мечта невыполнима, он озвереет.

— Пускай, — сказал Габов. — Если немного позвереет и перестанет, то пусть. А если озвереет конкретно — найдем и уничтожим.

— А если он сдаст нас яхрам?

Габов ненадолго задумался.

— Не сдаст, — заявил он. — Он даже не знает, кто такие яхры.

— Знает, — возразил я. — Кожухов говорил, что до того, как прибыть на Румылв, этот тип пытался переместиться на какую-то планету яхров.

— Не придирайся к словам, — поморщился Габов. — Эту историю я помню, помню даже на какую планету он ломился — на Ововег. Ты прав, Арадан кое-что знает о яхрах. Он знает, что яхры — это такие шестиногие крокодилы. Но о конфликте Земли с их конфедерацией он не знает абсолютно ничего. Насколько я помню, он ни разу не посещал Землю после прибытия на Румылв.

— Плохо помните. Один раз он кратковременно появился на Земле, но его спугнул кто-то из ваших оперативников.

— Да, точно, — нахмурился Габов. — Северов… Нет, не

Северов, Антошин. Все, вспомнил. Тогда что-то непонятное произошло, Сашка к Арадану даже подойти не успел, тот на него только глянул и сразу в воздухе растворился. Как он опознал в Антошине нашего агента — непонятно. Аналитики сначала решили, что это остаточные проявления его магии, но раз Вудсток говорит, что на Земле она не действует…

— Давайте лучше вернемся к нашим делам, — сказал я. — Мне не нравится идея оставить Арадана на Румылве. О новом убежище не должен знать никто, кроме тех, кто будет им пользоваться. Может, лучше подобрать другой мир?

— Я уже думал об этом, — сказал Габов. — Но какой мир подобрать? Убежище должно удовлетворять трем основным условиям. Во-первых, выбранный мир должен находиться достаточно далеко от нашего сектора, чтобы яхры не нашли его простым перебором. Во-вторых, он должен быть не слишком чуждым, иначе в нем трудно будет долго находиться. Энергетические формы жизни и всякие разумные бублики нам не подходят. В-третьих, мир не должен иметь своего планетарного узла, он должен быть либо варварским, либо наоборот, чрезмерно цивилизованным, как Сорэ.

— По-моему, можно выбрать и мир с планетарным узлом, — заметил я. — Если грамотно выстроить цепочку перемещений, чтобы на узле не смогли разобраться, откуда конкретно мы пришли… Надо только, чтобы в этом мире не было ограничений на иммиграцию с других планет.

— И чтобы там не было планетарного компьютера, как на Блубейке, — уточнил Габов. — Но такой мир не сможет долго существовать, со временем он либо впадает в анархию, либо сформирует жесткую вертикаль власти. Второй вариант нам однозначно не подходит, а в первом варианте планетарный узел либо ликвидируется со временем, либо станет функционировать отдельно от общества, как на Сорэ.

— Разве на Сорэ есть планетарный узел?

— Порталы там есть, значит, должен быть и узел. Другое дело, что эрпы о нем давно забыли, так что можно считать, что его как бы и нет… По любому, разумной альтернативы Румылву мы не имеем, все прочие варианты гораздо хуже. Но ты зря беспокоишься. На всякий случай мы подготовим запасной вариант на другой планете, а еще лучше — варианта два-три. Эти убежища будут не так хороши, как Румылв, но на крайний случай сгодятся и они.

— Что за планеты, если не секрет?

— Секрет. Итак, мы отходим на Румылв, укрепляемся, натравляем ученых на местную магию, а оперативников во главе

с тобой — на конфедерацию яхров. Хотя нет, тебя лучше натравить на Вудсток.

— В каком смысле? — не понял я.

— В переносном, — улыбнулся Габов. — Я хочу, чтобы ты выяснил у Вудстока подробности перехода на следующий уровень.

— Так он мне и расскажет. Он выдает информацию по крохам, а потом говорит, дескать, ты пока не готов к большему, осмысливай, что я сказал, а подробнее поговорим в следующий раз.

— Значит, будешь осмысливать, — сказал Габов. — Альтернатив у нас нет.

3

Я склонился перед королевой Буджим в глубоком поклоне и нараспев продекламировал:

— О великая светлая владычица, позволь недостойному рабу припасть к твоим ногам…

Королева ехидно улыбнулась, вытащила правую ступню из тапочка и протянула мне босую ногу.

— Припадай, — повелела она.

Я смутился.

— Ну уж и пошутить нельзя, — сказал я.

— Ты лучше так не шути, — заявила королева. — А то дошутишься. Вот вызову стражу, Ксижми Зув тебе быстро объяснит, что к чему.

— Лучше не злоупотребляй, — посоветовал я. — Если Ксижми Зува сильно достать, он вспомнит, что он не только Ксижми Зув, но и Николай Алексеевич Габов.

Буджим выпрямилась в кресле, устремила серьезный взгляд куда-то вдаль и в мгновение ока стала настоящей средневековой королевой, каких изображали на своих картинах средневековые европейские мастера. Только синеватая кожа лица немного портила впечатление.

— Ты знаешь, — сказала она, — сдается мне, что Николай Алексеевич помаленьку перестает быть самым крутым петухом в нашем курятнике. Пока ему еще подчиняются, но это только по инерции, а когда ребята войдут во вкус… Лучше бы он тело Гуфза занял.

— А кто занял Гуфза? — спросил я. — Драконтрест?

— Нет, Драконтрест теперь Кву Алый. В Гуфзе сидит Андрюха Кожухов.

Я вдруг почувствовал глупую и необъяснимую злость. Она все знает, а меня никто так и не проинформировал, кого куда расселили в ходе эвакуации.

Владычица белой магии поднялась с трона и сразу стала на две головы выше меня, не потому, что она такая высокая, а потому, что трон стоит на возвышении. Некоторое время Буджим задумчиво смотрела на меня сверху вниз, а затем спустилась по ступенькам, подошла ко мне и попыталась обнять, но выяснилось, что широкие церемониальные рукава королевского платья не слишком хорошо подходят для проявления высоких чувств. Мне пришлось отступить на шаг, чтобы не запутаться в ткани.

— Зря вы так вырядились, ваше величество, — заметил я.

Ее величество нервно дернула уголком рта.

— Хватит глумиться, Андрей, — сказала она. — Когда-нибудь ты меня достанешь и я обижусь.

— Извини. Как у тебя, все нормально?

— Нормально, — кивнула Буджим. — Если не считать того, что ты меня упорно достаешь, то все просто великолепно. Никогда не думала, что стану настоящей королевой, пусть даже и королевой свинарника.

— Почему это свинарника? — возмутился я. — Румылв — вполне приличная планета, твое королевство на ней самое продвинутое…

— Все равно это свинарник, даже по сравнению с Сорэ, — заявила Буджим. — Фэнтези, магия… Ладно, бог с ними, пойдем лучше в опочивальню.

Я аж вздрогнул от неожиданности.

— Ну, пойдем, — сказал я. — Моя синюшная кожа тебя смущает?

— Будет смущать — мешок на голову надену, — отрезала Буджим. — Пошли.

И мы пошли.

4

Остаток этого дня и весь следующий были посвящены решению текущих вопросов. Каждому из людей, появившихся на Румылве, нужно освоиться на новом месте, разобраться в памяти тела, запомнить, кто есть кто среди старых и новых знакомых, и, самое главное, запомнить, кто из квогов является носителем человеческой души, а кто нет. А то может получиться нехорошо, если вдруг на заседание правительства Земли в изгнании случайно забредет местный товарищ, ни сном, ни духом не

ведающий о революционных изменениях, произошедших в политических верхах его родины. Что он подумает, послушав наши разговоры? Нет, такие случайности нам не нужны.

Даша теперь откликается на имя Буджим. Когда обсуждался вопрос, кого в кого вселять, я настоял на том, чтобы никому не менять пол — я прекрасно помнил, каково мне пришлось на планете Ол в женском теле. Габов поначалу упирался, но быстро уступил, вняв моим доводам. И сразу выяснилось, что на роль Буджим нет никаких других кандидатур, кроме Даши. Габов еще немного покривился, а потом сказал, что это даже хорошо, потому что в теле Буджим Даша получит возможность изучить магию Румылва, так сказать, изнутри.

В теле Гуфза Зеленого живет Андрей Кожухов, Кву Алый теперь Драконтрест, а Уйбу Черный — Саша Антошин, это тело ему досталось в наказание за то, что упустил Арадана. Сам Габов и большая часть команды получили тела ближайших приближенных королевы Буджим. На последнем совещании перед операцией Габов сказал Даше, чтобы она не раскатывала губы, что ее власть над остальными членами команды будет чисто номинальной и если она начнет злоупотреблять… Он сделал многозначительную паузу, а Даша мило улыбнулась и заверила его, что злоупотреблять не будет, за исключением того, что… Тут она начала бодро перечислять разнообразные исключения и по мере перечисления нижние челюсти других участников совещания одна за другой отпадали вниз. До меня только через минуту дошло, что она шутит, а Габов, по-моему, понял это только тогда, когда она сама не выдержала и рассмеялась.

Меня теперь зовут Най Опи, я занимаю во дворце должность блюстителя королевской шляпы, а фактически являюсь официальным любовником ее величества. Очень удобная должность — не нужно скрывать наши близкие отношения с Дашей.

На второй день нашего пребывания на Румылве в мои апартаменты зашел Габов. Некоторое время мы поддерживали вялотекущий и ни к чему не обязывающий разговор, а затем горничная, убиравшаяся в соседней комнате, ушла, и Габов перешел к делу.

— Как обустроился на новом месте? — спросил он.

— Нормально. Не намного хуже, чем на Сорэ. А что?

— Пора приступать, — заявил Габов.

— К чему? Появился какой-то план?

— Да разве ж это план? — Габов состроил расстроенную гримасу. — За такой план во времена Андропова… — он махнул рукой. — Но ничего лучшего у нас все равно нет. Вкратце идея

такая. Что нужно сделать, чтобы пресечь поползновения яхров в отношении Земли? Нужно продемонстрировать всем остальным расам сектора, что наш мир не варварский, а цивилизованный, что у нас есть все необходимые атрибуты цивилизованного мира, в частности, планетарный узел и гостевые порталы.

— Ага, — поддакнул я. — Осталась только самая малость — создать узел, способный отслеживать миллиард абонентов, и научиться клонировать человеческие тела.

— Учиться ничему не нужно, — заявил Габов. — Мы будем использовать технологии яхров.

— Каким образом? Хакнем их узел? Вряд ли его программировали такие же дилетанты, как у нас на Земле.

Габов многозначительно ухмыльнулся и сказал:

— Если мы с Кожуховым не ошиблись в расчетах, то это не будет иметь никакого значения. Помнишь, за несколько дней до спама я тебе высказал одну гипотезу насчет Вудстока?

— Насчет того, что у него в Сети административные полномочия? Так это раньше было, вы об этом говорили, когда я еще с Дашей не познакомился.

— Да? — удивился Габов, потер себе лоб и задумчиво произнес: — Да, точно. Видать, старею, уже в воспоминаниях путаться начал. В общем, если мы с Кожуховым не ошиблись, то для Вудстока не составит проблемы взломать любой планетарный узел.

— Допустим, — сказал я. — Но захочет ли Вудсток нам помогать? Сомневаюсь. Если ваша гипотеза верна, Вудсток в любой момент может снести все астральные барьеры, которыми его отгородили от остальной вселенной. Но он их почему-то игнорирует.

— Возможно, барьеры так просто не сносятся, — предположил Габов. — Ты прав, главная проблема в том, чтобы убедить Вудсток нам помочь. И это твоя основная задача на ближайшее время.

— Вудсток нельзя убедить, — возразил я. — Он вступает в разговор только тогда, когда считает нужным, а если он говорить не хочет, то его не дозовешься. Он ясно сказал, что считает ассимиляцию человечества приемлемым исходом. Я не думаю, что он захочет обсуждать этот вопрос.

— Попробовать надо все равно, — заявил Габов. — А вдруг получится?

Я вспомнил мультфильм с таким названием, глуповато хихикнул и спросил:

— Может, лучше пешком пойдем?

— Нет, — покачал головой Габов. — Лучше полдня потерять,

а потом за пять минут долететь.

— Маразм, — констатировал я. — Осталось только добавить «киса куку».

— Нет, — серьезно сказал Габов, — «Киса куку» мы добавлять не будем. Попробуй поговорить с Вудстоком. Если он нам поможет, у нас появится шанс.

— А если не поможет?

— Тогда шанс не появится. Ты правильно сказал, без Вудстока нам их узел не взломать.

— А вы в этом уверены? С сетевыми хакерами из других миров поговорить не пробовали? Ни за что не поверю, что в Сети нет нормального хакерского сообщества.

— Если оно и есть, — сказал Габов, — то оно хорошо замаскировано.

— Естественно, — согласился я, — хакеры по определению должны хорошо маскироваться, иначе они не хакеры, а ламеры. Просто через поисковую систему их не найдешь. По крайней мере, у нас на Земле.

— В Сети тоже их не найдешь, — сказал Габов. — Но сам посуди, зачем сетевым хакерам из цивилизованных миров помогать каким-то там варварам избежать культурной ассимиляции? Представь себе, что к тебе обратились папуасы с просьбой украсть промышленный секрет белых колонизаторов. Куда ты их пошлешь?

— Послать можно в разные места… Да, вы правы, хакеры нам вряд ли помогут. Хотя… А если предложить им доступ на Вудсток? Или хотя бы те технологии, которые мы уже выкачали с Вудстока? А почему бы и нет? Мы пытались монополизировать доступ к Вудстоку и огребли из-за этого кучу проблем. Может, нам стоит поступить наоборот, распространить координаты Вудстока максимально широко? Устроить тот же самый спам, только в масштабах целого сектора. А что? По-моему, это мысль.

Я перевел взгляд на Габова и увидел, что тот сидит с открытым ртом. Почувствовав мое удивление, Габов встряхнулся, закрыл рот, немного помолчал, а затем задумчиво произнес:

— Ты прав, это мысль. Подкину ее Кожухову, пусть пораскинет мозгами.

5

Попытки поговорить с Вудстоком ни к чему не привели — он не отвечал ни на какие вопросы. Похоже, он решил неукоснительно придерживаться своего правила — не

вмешиваться в дела подопечных до тех пор, пока их по-настоящему не припрет.

Даша с утра до вечера занималась исследованиями магии Румылва. Она составила список всех доступных заклинаний, выстроила из них какую-то загадочную таблицу наподобие периодической системы Менделеева и теперь пыталась устранить в ней какие-то мелкие несоответствия. Как пояснила она сама, похоже, что в системе белой магии должны присутствовать еще два заклинания, но в памяти королевы Буджим их почему-то нет. Если экстраполировать закономерности, прослеживаемые в таблице, можно попытаться построить последовательность магических действий, приводящих к генерации неизвестных заклинаний, а если экстраполировать другие закономерности, можно приблизительно предсказать их результаты, и если эти предсказания сбудутся, то в системе магии Румылва многое станет понятно и…

— И что? — спросил я, прервав путаные объяснения Даши. — Допустим, ты поймешь всю систему белой магии от начала до конца. Что тогда?

Даша ответила:

— Тогда я перейду к следующему этапу исследований. Я попробую описать элементарные магические действия в терминах ментальной техники архангелов.

— Кого? — переспросил я и тут же вспомнил планету, с которой начался сетевой путь Даши. — А, вспомнил. Ну ладно, допустим, ты сумеешь выразить магию Румылва в обозначениях архангелов. А дальше что? Вудсток ясно сказал, что магия Румылва не будет работать в других мирах. Чтобы она заработала, надо сделать с миром что-то сложное…

— Ты уверен, что это очень сложно? — перебила меня Даша. — Вудсток тебе говорил, что он смог бы это сделать, если бы захотел. Значит, эта операция не требует ни сложных приспособлений, ни большого количества энергии, ее может выполнить каждый, кто знает, как это делается. Если у меня все получится, мы станет повелителями сетевой магии.

— Я уже говорил об этом с Вудстоком, — напомнил я. — Вудсток сказал, что эксперимент, проведенный на Румылве, не зря признан неудачным. Он не захотел обсуждать детали, но по его тону я понял, что он не одобряет того, что ушедшие сделали с Румылвом.

— А он не говорил тебе, кто такие эти ушедшие? Это были квоги или пришельцы из иных миров?

— Вудсток ничего не говорил. Я так понял, что пришельцы… наверняка пришельцы. Если бы некоторые квоги смогли

подняться до следующего уровня, они точно построили бы гостевые порталы.

— А с чего ты взял, что путь к следующему уровню идет через развитие техники?

— А через что ему еще идти? Через духовное самосовершенствование?

— Почему бы и нет? Разве сверхцивилизация обязательно должна быть технической?

— Ну, не знаю… Честно говоря, я об этом даже не думал. Ты такая умная…

Я умолк на полуслове, потому что в мозгу что-то щелкнуло и я понял одну важную вещь. Собственно, я ее давно уже понял, просто никак не мог сформулировать. С тех пор, как мы с Дашей стали жить на Сорэ, я стал чувствовать в наших отношениях что-то неправильное, не фальшь, но… Я не знал, как это можно назвать. А теперь я понял, как это называется. Это называется «разрушение стереотипов». Я привык видеть в Даше юную девочку-школьницу, которая по определению должна быть наивной и несмышленой, а то, что она совсем не глупая, воспринималось как необычная черта, выгодно отличающая ее от сверстниц. Но когда ее душа заняла тело зрелой женщины-эрпа, а затем и женщины-квога, все изменилось, я больше не мог воспринимать ее как глупую девочку, как низшее существо в интеллектуальном и эмоциональном плане. Подсознательно я понял, что она нисколько не глупее меня и это проявляется не только в том, что она знает многое, чего не знаю я, но и в том, что она быстрее и лучше соображает. Она умнее меня практически во всех отношениях. Хотя почему практически? Она однозначно умнее меня. Девочка-вундеркинд, которая перестала быть девочкой и тем самым перестала быть вундеркиндом, а стала той, кем была с самого начала — прекрасной женщиной, не телесно (с человеческой точки зрения эрпы и квоги весьма несимпатичны), но внутренней душевной красотой. Нет, слово «красота» здесь неуместно, Даша не просто красива, она совершенна, настолько совершенна, что рядом с ней я чувствую себя бестолковым придурком, которому по глупому капризу судьбы выпало счастье быть рядом с ней, любить ее и быть любимым.

Ну вот я и произнес слово «любовь», пусть всего лишь мысленно. Да, скорее всего, это именно любовь. Не любовь-пользование, как с Машкой, и не любовь-покровительство, как с Эзерлей, а любовь-восхищение. И одновременно ревность, не к кому-то третьему, а к самому объекту любви, к тому, как легко и непринужденно она развивается и растет. Ревновать любимую к ней самой кажется глупым, но это лишь до тех пор, пока ты не

понимаешь, что обязательно придет время, когда твоя личность безнадежно проиграет соревнование и ты станешь для нее пройденным этапом и тормозом на пути на следующий уровень.

Почему-то я уверен, что она обязательно перейдет на следующий уровень. Интересно, это была моя собственная мысль или ее внушил мне Вудсток? А может, он ее и не внушал, может, я всего лишь уловил обрывок его внутренних мыслей, до которых сумел добраться потому, что два сознания в одном мозге никогда нельзя надежно изолировать друг от друга.

Стоп. С чего это я взял, что сознания нельзя изолировать друг от друга? Если немного подумать, это кажется очевидным, но я над этим не думал. Интуиция? Или все-таки мысль Вудстока, проникшая в мое основное сознание? Или любая интуиция как раз и есть внешняя мысль, пришедшая из той части мозга, в которой живет бог? Все, приехали, так и до шизофрении недолго. Кстати, а не первый ли это симптом той шизофрении, о которой предупреждал Вудсток?

— О чем задумался? — спросила Даша.

Я понял, что не знаю, что ответить. Я просто пожал плечами.

— Посмотри по ауре, — сказал я. — Я не могу объяснить словами.

Даша недовольно поморщилась.

— Я не умею читать ауру, — сказала она. — На Вудстоке я изучала только сетевые технологии.

Я смутился.

— Извини, — сказал я, — совсем забыл. Я… просто задумался.

Даша подозрительно оглядела меня и сказала:

— Ну ладно, неважно так неважно. Ты лучше скажи, с Вудстоком поговорил?

Я отрицательно помотал головой.

— Он не хочет разговаривать, — сказал я. — Не отвечает ни на какие вопросы. Ждет, пока я осмыслю очередную порцию информации.

— Тогда поговори с Габовым, — посоветовала Даша. — Он затевает какую-то новую авантюру, я подслушала, как он жаловался Кожухову, что не может тебя привлечь, потому что ты занят с Вудстоком.

— Везет тебе, — сказал я. — Вечно ты в курсе всех дел. А я сколько ни пытаюсь, никак не могу ничего интересного подслушать.

Даша чуть отстранилась и странно посмотрела на меня. По ее ауре я понял, что она удивлена моей… нет, не глупостью, скорее, недалекостью.

— Разве ты еще не понял? — спросила она.

— Что не понял?

Даша вздохнула и сказала:

— Техника архангелов позволяет подслушивать разговоры по Сети, ведущиеся в режиме телефона.

— Как это подслушивать? Любые разговоры, которые ведутся недалеко от тебя, можно подслушать?

— Нет, — помотала головой Даша. — Подслушать можно только разговоры друзей и близких знакомых. Чтобы абонента можно было прослушивать, надо предварительно провести настройку, а для этого надо регулярно общаться с абонентом. Я могу слушать только тебя, Габова и Жириновского.

— А Жириновского-то как? — удивился я. — Он теперь твой близкий знакомый?

— Он провел одну ночь в нашем доме на Сорэ, — ответила Даша, хихикнула и добавила: — Приставать пытался. Но ты не бойся, я ему не дала. Он вообще-то хороший дядька, отвязный такой… Очень умный, кстати, и людей очень хорошо чувствует. На него легко было настроиться, обычно это намного труднее. На Кожухова я уже второй месяц настроиться не могу.

— Я тоже так смогу? — спросил я, чувствуя себя идиотом, до которого все доходит с десятого раза.

— Естественно, — кивнула Даша. — Я думала, ты знаешь. Это самое очевидное применение архангельской методики, если не считать встроенного терминала прямо в мозгу. Оно лежит на поверхности, надо только задуматься…

— У меня не было времени задумываться, — буркнул я. — Все время в бегах…

— Бедный ты мой, — сказала Даша и погладила меня по голове. — Может, тебе отдохнуть несколько дней? Давай устроим свадебное путешествие.

Мне показалось, что я ослышался.

— Чего? — переспросил я.

— Свадебное путешествие, — повторила Даша. — Мы же фактически муж и жена. Почему у тебя лицо стало такое?

Мда… Я поторопился с утверждением, что Даша быстро повзрослела и перестала быть несмышленой девочкой. Она еще очень многого не понимает. Например, того, что мужчине никогда нельзя говорить «давай поженимся», а уж тем более «мы фактически муж и жена». Я, конечно, понимаю, что это все глупые комплексы, но все равно от таких слов колбасит не по-детски.

— Извини, — сказала Даша. — Я не хотела тебя обидеть.

— Я не обиделся.

— Обиделся.

— Не обиделся! Это просто… неожиданно.

— Извини, — повторила Даша. — Считай, что я ничего не говорила. Давай просто отдохнем немного. Съездим на море, искупаемся, позагораем…

— Квоги не загорают, — заметил я. — От яркого солнца у них появляются раздражения на коже.

— Да, действительно, — удивленно кивнула Даша. — Я этого раньше не замечала. Странно, такой очевидный факт…

— Не все очевидные факты бросаются в глаза, — сказал я. — Ты вот ругаешься, что я не заметил, что разговоры по Сети можно подслушивать…

— Не ругаюсь я! — воскликнула Даша. — Я просто удивилась, что ты этого не заметил, а обидеть тебя вовсе не хотела.

— Ладно, проехали, — сказал я. — А то еще поругаемся. Тебе действительно надо отдохнуть?

— Мне не надо. По-моему, это надо тебе.

— О себе я как-нибудь позабочусь. Сейчас не время отдыхать, сейчас надо делом заниматься. Поговорю-ка я лучше с Габовым, доложу о неудаче, а заодно выясню, что за авантюру он задумал.

Я немного подумал и добавил:

— Только не сегодня. Сегодня мне лучше все-таки отдохнуть.

6

Подслушивать чужие разговоры по Сети очень просто. Как только понимаешь, что это возможно в принципе, все остальное оказывается делом техники, самое трудное — настроиться на абонента. Вообще-то, этот процесс неправильно называть подслушиванием, на самом деле ты как бы соединяешь свое сознание с сознанием другого разумного существа и каждая его мысль становится доступна тебе, как и каждая твоя мысль — ему. Это та же самая эмпатия, только на более высоком уровне.

Как только я разобрался во всем этом, сразу стало понятно, почему я раньше не замечал этой возможности. Ее нельзя использовать для тайной войны, потому что ты не просто получаешь чужую информацию, но и делишься своей. Односторонний контакт возможен только в том случае, если тот, к кому ты подключился, не владеет аналогичной методикой и не замечает твоего подключения.

Для начала я опробовал новую технологию на Даше. Это было нечто. Это невозможно описать словами, это можно только прочувствовать на себе.

Когда контакт состоялся, мы с Дашей вдруг стали так близки, как будто моя душа переместилась в ее тело, а ее душа — в мое. Я чувствовал ее эмоции почти как свои и я ощущал, как каждая моя мысль отражается в ее душе целым аккордом ответных мыслей и чувств. Эмоциональный контакт был непрерывным и очень сильным, гораздо сильнее, чем это бывает при обычном сетевом разговоре.

«Ух ты!» воскликнула Даша в моем сознании. «Я и не знала, что так можно».

«Конечно, не знала», подтвердил я. «Ты никогда не делала этого ни с кем, кто может ответить тем же. А сколько людей умеют так делать?»

«Думаю, только мы с тобой. Я не рассказывала Габову про эту возможность, тогда я о ней еще не знала, а потом столько всего навалилось… К тому же, этим способом нельзя подслушивать врага, эта техника годится только для дружеского общения. Ну и еще», она мысленно улыбнулась, «чтобы приглядывать за близкими».

«Эта штука имеет еще одно применение», уточнил я. «Она позволяет понять, что творится в душе любимого человека».

«Ага. Это так прикольно…»

«Что прикольно?»

«Твоя душа. Нет, не в том смысле, что она смешная и убогая, совсем нет! Просто я думала о тебе одно, а теперь выясняется совсем другое…»

Те Дашины эмоции, которые я уловил, ясно говорили, что она не разочарована, а совсем наоборот, но на всякий случай я решил уточнить:

«Думала, я лучше?»

Даша вдруг развеселилась.

«Напрашиваешься на комплимент», констатировала она. «Нет, в целом — не думала. Некоторые твои черты казались странными, я их не то чтобы побаивалась, но относилась к ним настороженно. Я замечала, что ты иногда смотришь на меня так критически и что-то думаешь про себя, а теперь я узнала, что это тебя мучает совесть оттого, что я еще маленькая. Глупенький:-)»

Оказывается, в мысленном общении можно использовать смайлики. Никогда бы не подумал. Или это мое подсознание пытается облечь обнаженные Дашины чувства в более привычную форму?

«Не обижайся», продолжала Даша. «Но ты ведь действительно совсем глупенький. Ты переживаешь из-за такой ерунды! И еще я теперь знаю, что ты переживаешь из-за того, что у тебя были две… нет, три девушки, ты их любил, а потом разлюбил и теперь

боишься, что и со мной тоже… Ух ты! Ты любил чужую?! Ой, извини, я не знала. Я больше не буду туда смотреть, извини».

Я подавил вспыхнувшее раздражение, собрался с мыслями и осторожно сказал:

«Смотри куда хочешь. В таком тесном контакте ничего нельзя скрыть друг от друга».

«Ну, не знаю», неуверенно произнесла Даша и вдруг вскрикнула: «Ой!» и сразу погрустнела. «Я думала, ты выше этих глупостей», пояснила она.

«Каких глупостей?» переспросил я, хотя уже понял, что она имеет ввиду.

«Ты уже понял», сказала Даша. «Я имею ввиду глупости насчет того, что мужчина должен быть главой семьи, жена должна слушаться… Почему это так важно для тебя? Ты так страдаешь оттого, что я не дура… Зачем это? Нам так хорошо вместе и какое значение может иметь все остальное? Почему нельзя просто любить друг друга? И почему ты каждый раз вздрагиваешь, когда слышишь слово любовь?»

Я вздохнул и сказал:

«Боюсь, ты не поймешь. Чтобы это понять, надо родиться мужчиной. Ты лучше скажи, зачем тебе держать в голове кучу знаний про всякую косметику? Открою тебе тайну — если девушка не является совсем уж страшилищем, большинству мужчин глубоко плевать, насколько гламурно она выглядит. Многих косметика просто раздражает, в том числе и меня. А еще журналы твои бестолковые…»

«Уел», констатировала Даша. «Один — один. Мы с тобой никогда не поймем друг друга».

«Мы уже понимаем друг друга», возразил я. «Мы разные, но это не мешает нам быть вместе. Главное — не пытаться переделывать друг друга под себя».

И тут я почувствовал, что в Дашино сознание ворвалась новая мысль, не связанная ни с нашим разговором, ни с каким-либо другим разговором по Сети. Я не смог определить, о чем эта мысль, но понял, что Даша очень сильно удивлена и обеспокоена.

«Андрей, зайди ко мне», попросила Даша. «Физически. И побыстрее, пожалуйста. У нас проблема».

7

Когда я вошел в королевский кабинет, Даша сидела на краешке длинного стола, за которым раз в двенадцать дней собирается королевский совет, и с любопытством разглядывала

стоявшего перед ней гвардейца. Если быть совсем точным, гвардеец не стоял, то есть, стоял, но не вертикально — его руки были заломлены за спину, туловище наклонено вперед, а головой он упирался в столешницу. За одну руку его держал Ксижми Зув, то есть Габов, а за другую — кто-то из лейтенантов дворцовой стражи. Насколько я помнил, в теле этого лейтенанта сейчас размещалось сознание одного из габовских оперативников.

А вот скрученный гвардеец оперативником не был, хотя человеком, несомненно, был. Потому что те слова, которые он выкрикивал, никак не могли быть рождены сознанием квога.

— Вы не имеете права! — орал этот тип. — Вам никто не позволял превращать эту планету в свою личную собственность! Румылв должен быть открыт для всех желающих!

— Что он несет? — спросил я, обращаясь к Даше.

Но ответила мне не она, а Габов. Он разразился длинной и витиеватой тирадой, смысл которой сводился к тому, что он желает субъекту, которого держит за руку, подвергнуться групповому изнасилованию в противоестественной форме со стороны большого стада зомбей, летучих призраков, бестелесных демонов, костяных гончих и еще нескольких других персонажей народного фольклора.

— Кто это такой? — спросил я. — Откуда он взялся?

— Кто такой — сейчас выясним, — сказал Габов. — А взялся он с нашей родной матушки Земли. Говорит, что координаты Румылва появились в интернете.

«Твою мать», подумал я, а вслух сказал:

— Да чтоб ему пылевой демон уши пооткусывал!

Даша хихикнула.

— Прикольно вы ругаетесь, — сказала она.

— Ничего прикольного! — рявкнул Габов. — Это конец всему, всем нашим планам! Не знаю, как яхры сумели выследить нас здесь, но теперь нам точно конец.

— А как же два запасных убежища? — спросил я.

Габов объяснил, что оба запасных убежища битком набиты разнообразной нечистью, по большей части сексуально озабоченной. Только поделившись этой информацией, он перешел на нормальный квогский язык.

— Нет никаких убежищ, — сказал Габов. — Ничего не успели еще подготовить.

Даша нахмурилась.

— Тогда за какими призрачными гномами мы поперлись сюда, очертя голову? — спросила она. — Неужели трудно было нормально подготовить пути для отступления?

— Трудно, — огрызнулся Габов. — С этими мертвыми

лесниками, которые называют себя политиками…

— Хватит ругаться матом! — провозгласила Даша величественным королевским голосом. — Если можете разговаривать нормально, лучше говорите русским матом, я в квогской ругани половину слов не понимаю.

— А я все понимаю, — подал голос лейтенант дворцовой гвардии.

— Потому что ты лейтенант, а я королева! В моем присутствии нормальные люди матом не ругаются.

Пока продолжалась эта перепалка, Габов и неизвестный лейтенант методично связывали нарушителя спокойствия по рукам и ногам. Завершив процедуру, Габов выпрямился, отер пот со лба и громогласно завопил:

— Стража!

Двери кабинета открылись и внутрь неуверенно просунулась голова какого-то унтер-офицера.

— Забрать этого, — распорядился Габов. — Отнести в пыточную и мучить до тех пор, пока демон не выйдет наружу.

Унтер-офицер шумно сглотнул и сотворил знак, защищающий от нечисти согласно народным поверьям.

— А как определить, — спросил он, — когда демон выйдет наружу?

Габов повернулся к лейтенанту и сказал:

— Магнум, сходи, проследи, чтобы этого урода долго не мучили. Как тело освободится, сразу прекращай пытку.

Магнум кивнул и тихо произнес, как бы невзначай:

— Я не Магнум, я Опу.

Габов буркнул себе под нос:

— Задница ты.

Магнум-Опу, ухватил пленного за конец веревки и поволок к дверям.

Даша дождалась, когда они покинут кабинет, и сказала:

— Вы слишком распускаете язык, Николай Алексеевич. Обижать Магнума было совсем не обязательно.

Габов глубоко вдохнул, выдохнул, еще раз вдохнул и сказал:

— Сам знаю. Но это же конец! Все пропало…

— Это еще не конец, — сказала Даша. — Ничего еще не пропало. Пока мы живы, ничто не пропало.

— Хорошо тебе так говорить, — вздохнул Габов. — Ты еще молодая, не знаешь, что такое настоящий облом.

— Вы лучше не философствуйте, — посоветовала Даша, — а свяжитесь с Кожуховым и дайте ему вводную. Пусть проанализирует ситуацию и выдаст прогноз. Главное — не раскисайте.

Затем Даша многозначительно посмотрела на меня и сказала:

— Пойдем, Андрей, не будем мешать Николаю Алексеевичу.

8

— Идиоты, — сказала Даша, когда за нами захлопнулись двери королевской опочивальни. — Кругом одни идиоты, вообще ничего не могут нормально сделать. Политики, блин.

— А причем тут политики? — не понял я. — Думаешь, это кто-то из политиков слил координаты Румылва в интернет?

— А кто же еще? Либо кто-то из них, либо Арадан, третьего не дано.

— А Арадану зачем такую свинью нам подкладывать? — удивился я. — Он, наоборот, заинтересован в том, чтобы на Румылве не было посторонних.

— Возможно, он убедился, что нас с Румылва уже не выгнать, и решил отомстить. Но я не уверена, что это он все устроил, я все-таки думаю, политики поработали. И зачем только Николай Алексеевич их на Сорэ вытащил?

— И в самом деле, зачем? — спросил я.

— У него выбора не было. Такие вопросы он тогда еще не решал.

— А кто решал?

— Президент, конечно. Кто же еще?

— Лично?

— Лично. На Сорэ всем реально руководил он, Габов начал действовать автономно только на Румылве. Неудачно начал.

— Да уж, — вздохнул я. — Не повезло человеку.

— Причем тут не повезло? — возмутилась Даша. — Нельзя было начинать передислокацию на Румылв, пока оперативники не разобрались с Араданом. Подбрось-ка мне, кстати, ссылку на Арадана.

— Зачем? — удивился я.

— Так, одну мысль проверить.

— Держи.

— Есть. Странно…

— Что странно?

— Арадана по-прежнему нет в Сети. Либо он погиб, либо по-прежнему сидит на Румылве и прячется за своим заклинанием. Я подумала, что если это он на нас разозлился, вернулся на Землю и всем растрезвонил про Румылв, то сейчас он должен быть за пределами Румылва, а там ему от Сети не закрыться. Но он по-прежнему закрыт от Сети. Наверное, и вправду политики

поработали. Уроды, блин. Не нужно было Габову рассказывать про Румылв никому, даже президенту.

— Наверное, не нужно было, — согласился я. — Ну да ладно, что было, то прошло. Теперь-то что делать будем? С Румылва надо уходить.

— Надо-то надо, но куда? Слушай… а может, никуда не уходить? А ведь это мысль! Выберем какой-нибудь отдаленный остров, заселимся в местных крестьян и будем там спокойно сидеть и ждать, чем все закончится. Чтобы отследить, где мы находимся, нужно будет построить на Румылве планетарный узел, а это дело небыстрое. Пока оно не закончится, все будут думать, что мы удрали куда-то далеко, в этом мире нас искать никто не будет…

Я пожал плечами и сказал:

— А почему бы и нет? Не вижу большой разницы между Румылвом и любой другой варварской планетой. Пока ты была королевой, разница была, но теперь, когда туристы с Земли будут на каждом шагу, с трона тебе придется по любому слезать. Меня другой вопрос беспокоит. Мне все больше кажется, что мы выбрали неверную тактику с самого начала. Мы все время прячемся, пытаемся защититься вначале от одной угрозы, потом от другой, третьей… Подготовить убежище, потом подготовить еще одно убежище, еще более тайное… А яхры в это время спокойно делают свое дело. Надо что-то менять.

— А надо ли? — спросила Даша. — Вудсток говорит, что сопротивление бесполезно, что надо не маяться дурью, а расти как личность и все будет хорошо. Может, так и надо?

— Может, и надо, я не знаю. Все упирается в философский вопрос: что первично, а что вторично — человек или народ?

— Философ, — хмыкнула Даша. И добавила, уже серьезно: — А ты можешь однозначно сказать, что для тебя первично?

Я отрицательно помотал головой.

— Если бы мог, — сказал я, — я бы сейчас не здесь сидел, а либо убежал бы куда-нибудь далеко, либо махал бы знаменем на баррикадах.

— На каких баррикадах? — не поняла Даша.

— Это я так, образно. Никаких баррикад, конечно, не будет. Черт! Я вообще не знаю, что можно сделать с этой агрессией.

— Это не агрессия, — поправила меня Даша. — Это экспансия. А с экспансией обычно нельзя сделать ничего.

Да, это она точно подметила. Даже странно, какие продвинутые мысли выдает иногда вчерашняя школьница. Умница, блин…

— Значит, уходим? — спросил я. — Оставляем баррикады и

прощай, оружие?

Даша сложила губки бантиком и задумчиво посмотрела на меня.

— Не боишься, что Габов нас с тобой порвет на британский флаг? — спросила она.

— Силенок у него не хватит. Сама подумай, что он с нами сможет сделать? Он даже не узнает, где мы находимся.

— Воздействовать на субъекта можно и издали, — заметила Даша. — Когда я была в раю, ну, на той планете, где ангелы и архангелы, я наткнулась в одной книжке на упоминание чего-то вроде наших сетевых вирусов. Какие-то программные агенты, которые прячутся в сознании абонентов, передаются от одного абонента к другому в ходе разговора по Сети…

— И ты об этом молчала? У меня же в голове один такой агент уже сидит.

— Ну и что? — пожала плечами Даша. — Если бы он хотел размножиться, он бы уже давно всех вокруг перезаражал. По-моему, опасности нет. Теоретически, если у противника есть такой вирус, то он может зацепить нужного абонента в любой точке Сети… Но у наших нынешних коллег такого оружия точно нет.

— Нынешних? — переспросил я. — Ты уже решила уйти от них?

— Пока я ничего не решила, — сказала Даша. — Я жду, что решишь ты. Я не хочу тебя терять.

До этого момента мы разговаривали обычным образом, но теперь я решил, что пришло время для прямого соприкосновения разумов. Я напряг мозги и сформировал кодовую мысль, с помощью которой обратился к Сети и одновременно к Даше. Даша раскрыла свою душу навстречу мне и я почувствовал, что в том, что она говорила, нет ни слова лжи. Она действительно настолько не хочет терять меня, что готова ради меня влезть в сетевую войну, которую считает изначально проигранной. А она ведь уже давно считает ее проигранной. Когда она предлагала эвакуироваться с Сорэ на Румылв, она не верила в то, что мы сможем отразить агрессию яхров… или экспансию. Интересно, почему я так хочу верить в то, что мы все-таки справимся?

Что все-таки главнее — человек как личность или общество, в котором он живет? Что будет более правильным — бросить Землю на произвол судьбы и уйти в бесконечные сетевые странствия или сопротивляться из последних сил надвигающемуся цунами, не веря в успех, но не видя другого выхода для себя? Смогу ли я спокойно жить, зная, что человечество обречено? И смогу ли я бороться за выживание

человечества, зная, что мое дело безнадежно?

Впрочем, пока еще не ясно, насколько безнадежно это дело. То, что ни я, ни Даша, ни Вудсток не видят никакого выхода из сложившейся ситуации, вовсе не означает, что его нет. И кто сказал, что Вудсток не видит выхода? Его логика абсолютно нечеловеческая, вполне возможно, что он знает решение, но не считает нужным сообщить его мне. Тебе нужно учиться… тьфу!

И вдруг я понял, что в моем мозгу как-то само собой сформировалось готовое решение. Не знаю, насколько оно поможет, но если принять за основу, что ситуация безнадежна, то тогда плохих решений не может быть по определению, ни одно действие не может ухудшить ситуацию, которую уже некуда ухудшать.

«Что ты задумал?» прозвучал в моем сознании мысленный голос Даши.

«Разве ты еще не поняла?» удивился я.

«Я поняла только то, что ты придумал что-то такое, что, по-твоему, может помочь».

«Помочь оно вряд ли сможет», сказал я. «Но не повредит. Нам уже ничего не повредит».

«Да что же это такое?»

«Китайская месть», сказал я и саркастически усмехнулся. «Повеситься под окнами обидчика».

Я отделил свое сознание от Дашиного и обратился к Сети. Я потребовал соединить меня с комитетом защиты порядка планеты Нисле.

9

Сеть соединила меня с автоответчиком. Это был не такой примитивный автоответчик, какой стоял на ныне покойном планетарном узле Земли, этот автоответчик не пытался косить под справочную службу МТС, насилуя мысленный слух абонента выражениями вроде «если хотите сделать то-то, подумайте такую-то цифру». Автоответчик, откликнувшийся на мой вызов, был гораздо интеллектуальнее.

«Приветствую тебя, незнакомец», сказал он. «Ты связался с автоответчиком комитета защиты порядка планеты Нисле. Ты можешь передать в комитет любую информацию. Если твоя информация будет расценена как неинтересная, контакт будет прерван и повторные звонки будут игнорироваться. Если ты связался со мной по ошибке или из пустого любопытства, тебе нужно разорвать соединение».

«Я позвонил не из пустого любопытства», сказал я.

«Тогда представься».

«Ты должен меня знать. Около двух месяцев назад я провел налет на вашу штаб-квартиру».

«Я ничего не знаю об этом событии. Вероятно, ты лжешь. Либо информация засекречена. Чем можешь подтвердить свои слова?»

«Мое имя Андрей Сигов. Я человек с планеты Земля, которую ваша конфедерация сейчас успешно захватывает».

«Конфедерация не захватывает никаких планет, этого не было ни в прошлом, не происходит сейчас и не ожидается в будущем. Внешняя политика конфедерации не предусматривает расширения территории насильственным путем. Тебе следует обратиться к нашему публичному сайту, там ты найдешь всю информацию по данному вопросу. К сожалению, я вынужден признать твой вызов…»

«Подожди!» мысленно закричал я. «Ты не допускаешь возможности, что информация о захвате Земли тоже засекречена?»

«Допускаю», сказал автоответчик. «Но признаю это маловероятным. Я вынужден признать…»

«Выслушай меня! Я не займу у тебя много времени, я просто передам одно короткое сообщение».

«Кому передашь?»

«Это ты уже сам решай, я не знаю, кто у вас за что отвечает. Слушай. У меня есть координаты планеты Вудсток, также известной под названиями Школа и Бомба. Если конфедерация не прекратит свои агрессивные действия против Земли, я разошлю эти координаты по всему сектору. Это вызовет в конфедерации колоссальный кризис «.

Я закончил свою речь и замолчал. Кажется, речь получилась не слишком убедительной.

«Ты закончил?» спросил автоответчик.

«Да».

«Информация признана неинтересной».

«Почему?!»

«Информация противоречит уже имеющейся. Я вынужден признать твой вызов ложным. Прощай».

И он оборвал соединение.

10

— Ну что? — спросила Даша.

— Дебилы, — сказал я. — Эти яхры — такие же дебилы, как и мы, только они более высокоразвитые.

— Что случилось?

— Маразм высшей пробы. Я связываюсь с их спецслужбой, а мне отвечает автоответчик. Я сообщаю ему информацию самой наивысшей важности из всех возможных, а он говорит, что все это неправда, потому что противоречит тем данным, которые были у него раньше.

— Как это противоречит? — не поняла Даша. — А что ты ему сказал?

— Я сказал, что если яхры не уберутся с Земли, я разошлю спам с координатами Вудстока по всему сектору.

— Ух ты! — воскликнула Даша. — А ведь это может сработать! Если технологии Вудстока станут доступны на Нисле и Шотфепке, причем не только спецслужбам, но и простым гражданам…

— Нет, — сказал я. — Ты не поняла. Я не собираюсь рассылать спам в пределах конфедерации. Для начала я собираюсь натравить на конфедерацию нопстеров.

— Каким образом? Типа, спасите Землю от яхров, а я выдам вам координаты Вудстока?

— Ну да. А что?

Даша задумалась.

— А получится ли? — спросила она через некоторое время. — Будь я на месте руководителей Блубейка, я бы не стала соблюдать договор. В прошлый раз ты их обманул, теперь они имеют полное право ответить тем же.

— Скорее всего, они и не будут соблюдать договор, — согласился я. — Поначалу не будут. А потом я передам яхрам информацию, что доступ к секретам Вудстока теперь имеет не только примитивная человеческая раса, но и высокоразвитая цивилизация нопстеров, не слишком симпатичная для яхров.

— Почему ты так считаешь? — спросила Даша. — Может, нопстеры яхрам понравятся?

— Не понравятся, — уверенно заявил я. — Мы с яхрами входим в один сектор Сети, а нопстеры — нет. С точки зрения нопстеров люди и яхры практически не отличаются друг от друга. По-моему, должно быть верно и обратное — отношение яхров к нопстерам должен быть близко к человеческому.

— Допустим, — сказала Даша. — Допустим, яхры и нопстеры сцепятся из-за доступа к тайнам Вудстока. А ты не боишься, что полем битвы станет Земля?

— Не боюсь, — сказал я. — Человечество сейчас не в таком положении, чтобы чего-то бояться. Мы как самурай, зажатый в

угол. Выход у него только один — попытаться прорваться сквозь строй врагов, уничтожив столько противников, сколько получится. А если не получится — сделать харакири.

— Если мы с тобой чего-то не учли, — заметила Даша, — мы сделаем харакири всему человечеству. Может, с Кожуховым посоветоваться?

Я пожал плечами.

— Не знаю, — сказал я. — Я бы сказал, что не стоит. Сколько времени прошло с появления спама? Месяца три?

— Два с половиной.

— И за все это время Габов с Кожуховым не сделали ни одного нормального шага. Попытались задушить спам в зародыше — не вышло. Попытались убежать в другой мир — опять не вышло, убежали в третий мир — снова ничего не получается. Нам нужно не убегать, а контратаковать, причем контратаковать решительно, не думая о том, как бы не вышло чего плохого. Если мы ничего не будем делать, если мы будем только спасать свои задницы, это будет самый худший вариант из всех возможных. Я думаю, мы вполне можем обойтись без ФСБ.

— Как знаешь, — сказала Даша. — Не вижу причин не соглашаться. Только с Вудстоком ты все-таки посоветуйся на всякий случай.

Я попытался обратиться к агенту Вудстока в моей голове, но тот не отозвался.

— Не отзывается, — сказал я. — Но это не так уж и плохо. Когда я пытаюсь сморозить какую-нибудь гигантскую глупость, он вмешивается.

— Насколько я помню твои рассказы, — заметила Даша, — вмешивается он всегда в самом конце, когда без его вмешательства ты вот-вот умрешь. Так что его молчание еще ни о чем не говорит.

— И что теперь? — спросил я. — Ты считаешь, что мое предложение слишком рискованно?

— Рискованно, но не слишком, — сказала Даша. — Давай рискнем. Звони на Блубейк.

11

«Здравствуй, Андрей Сигов», поприветствовал меня планетарный компьютер. «Ты решил сообщить мне координаты Вудстока?»

Помнит, зараза.

«Да», сказал я. «В обмен на ответную услугу».

«Какую услугу?»

«Я хочу, чтобы специалисты из твоего мира построили на моей родной планете планетарный узел. По окончании строительства управление этим узлом должно быть передано мне либо тому, кого я укажу».

Компьютер надолго задумался. Интересно, кто сейчас со мной разговаривает — сам компьютер или толпа администраторов и программистов? Скорее, второе — маловероятно, чтобы обдумывание моих слов заняло у искусственного мозга столько времени.

Я ждал ответа примерно минуту, а потом я утомился ждать и издал негромкое мысленное покашливание.

«Я все еще думаю», сказал компьютер. «Ты поставил очень непростую задачу. Прежде, чем дать ответ, я должен тщательно проанализировать все плюсы и минусы выбранного решения. Если тебе скучно ждать, я могу поделиться с тобой некоторыми промежуточными мыслями».

«Поделись».

«Тогда слушай. Я уже выяснил, почему ты решил разгласить секрет Вудстока. Твой мир подвергается экспансии со стороны более сильного соседа. Ты считаешь, что возможностей твоей расы недостаточно для того, чтобы сохранить независимость».

«По-твоему, я не прав?» спросил я.

«Не знаю», ответил компьютер. «Возможно, что и прав. Ты хочешь, чтобы мои специалисты создали на твоей планете формальные признаки того, что населяющая ее раса является цивилизованной. После этого ты надеешься, что экспансию удастся остановить дипломатическими методами».

«Я не прав?»

«Не знаю. Вопрос очень сложный. Чтобы дать достаточно уверенный ответ, нужно построить очень большую модель. Расчеты займут несколько дней».

«Значит, через несколько дней я смогу узнать прогноз?»

«Нет. Я не собираюсь строить эту модель. Меня не интересует судьба твоей расы, меня интересует только то, насколько твое предложение отвечает интересам моей расы. Пока я вижу, что предлагаемая сделка имеет больше достоинств, чем недостатков. Я склоняюсь к тому, чтобы принять твое предложение. Только координаты Вудстока ты должен сообщить немедленно. В прошлый раз ты меня обманул и я не хочу быть обманутым еще раз».

«Хорошо», сказал я. «Слушай координаты».

Компьютер внимательно выслушал длинную последовательность цифр, которую я ему надиктовал, немного

помолчал и спросил:

«Доступ к Вудстоку возможен только с твоей планеты?»

«Точно не знаю», ответил я. «Наверняка существуют и другие планеты, с которых можно добраться до Вудстока, но я не знаю их координат».

«Хорошо», сказал компьютер. «Я проверю, не обманул ли ты меня, и если окажется, что не обманул, я начну строительство узла. Я должен сразу предупредить тебя — строительство займет несколько месяцев».

«Ничего страшного», сказал я. «Все равно у меня нет других вариантов».

«Другие варианты у тебя есть», возразил компьютер. «Точнее, были. Но ты уже сделал выбор, причем не самый плохой. Неоптимальный, но далеко не самый плохой».

12

— Вот и все, — сказал я Даше. — Мы с Блубейком договорились. Я передал ему координаты Вудстока, а он обещал начать строить на Земле планетарный узел, как только убедится, что я ему не соврал. Теперь нам остается только ждать.

— Габову докладывать будешь? — спросила Даша.

— Не стоит. Если я ему доложу, он тут же доложит президенту, тот поделится информацией с другими политиками… Завтра эта информация будет на столе у начальника разведки яхров. А я предпочитаю, чтобы она стала для яхров сюрпризом.

— Как знаешь, — сказала Даша. — Куда пойдем теперь?

— Не понял. А куда мы должны пойти?

— Я не хочу оставаться на Румылве надолго, — пояснила Даша. — Скоро тут станет тесно от туристов с Земли. Да еще Габов вечно пристает со всякими идеями… Я вот думаю, почему бы нам с тобой не устроить свадебное путешествие? Ну, как бы свадебное. Отправимся куда-нибудь подальше, где нет ни злобных чужих, ни психованных землян…

— Давай, — согласился я. — Но куда? К поисковой системе Сети я уже боюсь обращаться. Один раз пробовал…

— Я читала тот твой отчет, — кивнула Даша. — По-моему, нам лучше воспользоваться не поисковой системой, а путеводителем по нашему сектору. Как тебе Уфсыма?

Я нахмурился и покачал головой.

— Не самый лучший выбор, — сказал я. — Там очень сильно влияние яхров. Думаю, планета должна быть из другого сектора.

— Тогда вариантов становится совсем мало. Блубейк не годится, сам знаешь почему, Ол — тем более. Сэон… Кстати, вбросить координаты Вудстока на Сэон ты не собираешься?

— Не собираюсь, — сказал я. — Слишком неприятный мир и слишком неприятные аборигены. Будет лучше, если на Земле их не будет.

— Как знаешь. А больше никаких вариантов и нет. Точнее, есть один вариант, но он вряд ли сработает.

— Какой вариант?

— Вудсток.

Я покачал головой:

— Отпадает. За пару дней до ухода с Сорэ я разговаривал с Вудстоком, он ясно сказал, что персональное убежище для меня он создавать больше не будет. Он считает, что теперь я сам способен за себя постоять.

— Я не Убежище имела ввиду, — уточнила Даша. — Я имела ввиду сам Вудсток.

— Тем более нереально. Между курсами обучения должны быть большие интервалы, чтобы не перегружать мозг. Тебе Вудсток когда велел приходить в следующий раз?

— Никогда. Я его не спрашивала.

— Мне он сказал, что курсы обучения надо проходить с интервалом как минимум в год, иначе психика не выдержит и начнется шизофрения. А потом сказал, что за последние месяцы я усвоил столько новой информации, что этот срок отодвигается еще дальше в будущее. Я так понимаю, что пока кризис не разрешится, на Вудстоке мне делать нечего. Да и тебе, скорее всего, тоже.

— А если попробовать просто пожить на Вудстоке? — предположила Даша. — Ты уверен, что он пускает посетителей только для обучения?

— Абсолютно уверен. В принципе, можно проверить… Нет, не вижу смысла. Это противоречит всей жизненной философии Вудстока. Тех, кто к нему приходит, он обучает, но в их личную жизнь не вмешивается. Я почти уверен, что он нас пошлет.

— Почти уверен или абсолютно?

— Почти. В принципе, это можно проверить… Только для этого придется на Землю перемещаться. Но ничего страшного, выберем точку перемещения где-нибудь в Новой Гвинее…

— Ни за что! — неожиданно возмутилась Даша. — Точку перемещения мы выберем в Киеве. Мою маму надо эвакуировать с Земли. Заодно и познакомишься.

Этого я никак не ожидал. Я сидел с раскрытым ртом, а Даша ласково смотрела на меня, ожидая, когда я приду в себя. Через

некоторое время я закрыл рот, снова открыл и, совершенно неожиданно даже для самого себя, сказал следующее:

— Долго же ты собиралась.

Даша нахмурилась и парировала:

— На себя посмотри.

— У меня нет родственников. Мама умерла два года назад, а отца я вообще никогда не видел.

Даша смутилась.

— Извини, — сказала она, — я не знала. Ты прав, мне стоило об этом раньше побеспокоиться, но тут такое творилось… я так увлеклась… Но тогда у нас было дело, а теперь мы собираемся отдыхать и развлекаться. Если мы о ней не позаботимся, я этого себе никогда не прощу.

— Хорошо, — сказал я, — убедила. Я пойду и приведу сюда твою маму. Ты сама не ходи — у ее дома наверняка будет засада. В самом крайнем случае присоединишься к нам, когда я ее найду.

13

Киев по-прежнему выглядел тихим и мирным городом. Со времен моего предыдущего визита в нем изменилось только одно — время года. На первый взгляд, все было спокойно — женщины прогуливали младенцев, алкоголики кучковались у магазинов, машины ездили туда-сюда, все было как обычно. Даже не верится, что в нескольких тысячах километров отсюда набирает обороты смертоносная эпидемия. Будем надеяться, что сюда она не успеет прийти. Если у Габова все идет нормально, яхры должны уже приступить к ее локализации.

Временный носитель моего сознания знал об эпидемии из новостей, но не придавал ей особого значения. По классификации Габова он явно относился ко второй группе — не только не хотел уходить в Сеть, но и вообще не проявлял к ней никакого интереса. Денис (так его звали) был бы не прочь при случае поиграться с сетевым терминалом, но ехать на радиорынок он не собирался. Он прекрасно знал из телевизионных новостей, что большинство продающихся на рынке терминалов — грубые подделки.

«Ну что?» раздался в сознании напряженный голос Даши.

Я огляделся. Никаких признаков слежки я не видел, но я их по любому не увижу, я в этих делах не профессионал. Любителя засечь смогу, но с профессиональными топтунами мне тягаться бессмысленно. В те далекие времена, когда я работал промышленным шпионом, я никогда не занимался самостоятельным сбросом хвоста. Когда был шанс, что придется

уходить от вражеских топтунов, я всегда брал с собой специалиста по контрнаблюдению, чаще всего Борю Першина, прослужившего почти пятнадцать лет в ФСБшной наружке. Вот он любой хвост стряхивал виртуозно.

Но прямо сейчас меня еще не должны засечь — я переместился не непосредственно к дому, где живет потенциальная теща, а совсем в другой район Киева. Если плотность абонентов Сети в Киеве имеет тот же порядок, что и в Москве, то детектор, установленный в окрестностях точки вероятного прибытия, прямо отсюда зафиксировать меня не сможет. Яхры вынуждены использовать для своих шпионских дел оборудование, изготовленное на Земле, и вряд ли они уже успели собрать из этого оборудования мини-узел, способный контролировать перемещения абонентов в радиусе нескольких километров. Скорее всего, в распоряжении яхров нет ничего, кроме примитивного детектора астральных перемещений, которыми пользовались ФСБшники в феврале-марте. Такой детектор способен надежно отслеживать всего нескольких путешественников, а значит, я попаду в его поле зрения на дистанции… трудно сказать точно, но никак не более полукилометра.

Для начала я отправился на радиорынок, купить терминал для будущей тещи. Мне самому терминал не нужен, но Дашина мама на планете ангелов не была, соответствующего обучения не проходила, а значит, о ней придется особо позаботиться.

Купить терминал оказалось не так-то просто. На прилавках терминалов не было, а когда я задавал конкретный вопрос, продавцы смотрели на меня как на идиота. Только минут через пятнадцать бесполезных блужданий по рынку ко мне подвалил помятый субъект кавказской национальности, обдал меня чесночным ароматом и сообщил, что может добыть то, что мне нужно, всего за тысячу долларов.

Мне показалось, что я ослышался.

— Сколько?! — переспросил я. — Сколько долларов?

— Девятьсот, — уточнил кавказец.

Я задумчиво и немного растерянно посмотрел на него, кавказец почесал кончик носа и сказал:

— Восемьсот.

— Сначала покажи, — потребовал я.

— Сначала деньги, — заявил кавказец.

Следующие три минуты мы провели в утомительных препирательствах по поводу того, что будет сначала, а что потом — деньги или стулья. В конце концов кавказец согласился показать товар лицом.

Я не испытывал иллюзий насчет его мотивов — все его планы замечательно читались в ауре. Он собирался завести меня в темный склад и банально ограбить. Ничего, пусть помечтает.

Наш путь действительно лежал в дальний угол рынка, где покупателей не было, а контейнеры использовались исключительно как склады. Мой проводник подошел к одному из таких контейнеров, деликатно постучался, распахнул дверь, обменялся парой фраз на своем кавказском языке с кем-то находящимся внутри, и вежливо отступил в сторону.

— Проходите, — сказал он.

Перед тем, как перешагнуть порог, я попытался прочувствовать ауры тех, кто внутри. Трое людей… двое вооружены. Будут грабить. Но не сразу, вначале они собираются поговорить. Сами виноваты.

Я вошел внутрь и сразу сделал шаг в сторону, чтобы не маячить на фоне дверного проема. Вот они, абреки — в центре здоровенный амбал, вероятно, борец, справа и слева от него невысокие щуплые мужички, но они гораздо опаснее амбала, потому что прячут пистолеты под кожаными куртками. Интересно, эти деятели сейчас находятся в базовых телах?

Неожиданно. Все четверо, включая того, что остался на улице, находятся в базовых телах. Это даже неприлично как-то, они меня прямо за лоха держат.

— Где терминал? — спросил я.

— Где деньги? — ответил вопросом на вопрос мужик, стоявший левее от амбала.

Я пригляделся к его ауре и решил, что он здесь главный. Вот и замечательно.

Я отдал приказ Сети, мир моргнул и оказалось, что я смотрю на него другими глазами.

Там, где стояло тело, в котором только что был я, больше ничего не было.

Коллеги моего нынешнего тела выпучили глаза, уставившись недоумевающим взглядом в то место, где только что стоял лох. Пусть пока потормозят, а я в это время изучу память их главаря.

Облом. Никакого терминала у них нет, они не торговцы, они самые настоящие гопники. Обидно. Может, их главный знает, где на рынке можно купить терминал? Нет, не знает, его это просто не интересует. Обидно.

Что ж, придется еще раз поиграть в радиомонтажника. Надо купить набор радиодеталей, паяльник и найти место, где все это можно спаять воедино… Квартира потенциальной тещи не годится — туда надо явиться с уже готовым терминалом. Что же делать?

— Рафаэль, что это было? — обратился ко мне амбал, которого, оказывается, звали Вахтангом.

На самом деле он обратился ко мне по-армянски, это мое подсознание автоматически перевело его слова на русский язык.

— Не знаю, — сказал я. — Пошли отсюда.

Мы вышли из вагончика, Ваге (так звали третьего мужика, ожидавшего лоха внутри вагончика) запер дверь, и мы направились в ту сторону, где, согласно памяти Рафаэля, размещались ряды, торгующие отдельными радиодеталями.

— Сходите, перекусите, — обратился я к коллегам своего тела. — Мне надо зайти в одно место.

Бандиты удалились. Я прошел метров пятьдесят в сторону рыночного сортира, а затем повернул в направлении тех рядов, где радиодетали продаются не в составе различных бытовых приборов, а по отдельности.

Там меня ждало разочарование — в ассортименте было все, кроме того, что мне нужно. Не иначе, все необходимые детали изъяты из продажи специальным распоряжением.

На какое-то мгновение у меня промелькнула мысль попросить одного из знакомых продавцов продать мне нужную детальку из-под полы. К счастью, перед тем, как реализовать эту идею, я попытался оценить ее толковость с точки зрения Рафаэля. Мда, хорошо, что я не стал ни к кому обращаться. Продавец обязательно подумал бы, что у меня серьезные неприятности и что я собираюсь сбежать в Сеть от кредиторов. Следующий естественный шаг — настучать крыше о странном поведении Рафаэля, а потом у меня и впрямь начнутся неприятности.

Идиотская ситуация.

Я послал Даше мысленный вызов через Сеть.

«Проблема», сказал я. «Не могу добыть терминал для твоей мамы. На рынке они не продаются и даже радиодеталей подходящих нет».

«Да, действительно проблема», согласилась Даша и надолго задумалась. «Даже не знаю, что посоветовать. Если бы ты был в Москве, можно было Габова попросить… Хотя не факт, что он отзовется, он сейчас так загружен… А может, тебе к Блубейку обратиться? Когда его эмиссары начнут строить планетарный узел, им будет несложно изготовить для тебя еще один терминал».

«Все это здорово», сказал я, «но с чего ты взяла, что они будут строить узел в Киеве? Я бы на их месте выбрал Африку или какую-нибудь Новую Гвинею. Да и с чего им мне помогать? Об этом мы с ними не договаривались».

«Тогда остается единственный выход», заявила Даша.

«Терминал надо у кого-нибудь отнять».

«У кого? Как отличить человека с терминалом в кармане от человека, у которого терминала нет?»

«Очень легко», сказала Даша. «Но для этого нужно иметь детектор. А собрать детектор не проще, чем терминал. Замкнутый круг. Слушай! А ты уверен, что тебя будет ждать засада?»

«Не уверен», сказал я. «Но всегда надо готовиться к худшему».

«Может, это и не худшее. Может, ты попробуешь отобрать терминал у тех, кто будет в засаде? Изолированную зону они вряд ли сумеют создать, у нас на Земле техника не настолько развита. А всего остального ты можешь не опасаться, с поддержкой Вудстока тебе бояться нечего».

«Думаешь, на такой ход они не рассчитывают?» спросил я. «Я бы на их месте подготовил сюрприз на такой случай».

«Какой сюрприз?»

«Понятия не имею. Если бы я знал, это не было бы сюрпризом».

Даша задумалась.

«Ты прав», наконец сказала она, «Возвращайся».

«Куда возвращаться?» не понял я.

«Сюда, на Румылв. Я попробую поговорить с мамой по телефону. Постараюсь убедить ее съездить в Москву».

14

Даша провела на Земле не более пяти минут. Когда она вернулась, она выглядела очень расстроенной.

— Телефоны не отвечают, — сказала она. — Ни городской, ни мобильный. Это меня беспокоит.

— Может, она тоже в Сеть ушла? — предположил я. — Насмотрелась новостей по телевизору, припомнила твое странное поведение и сделала очевидный вывод.

— Не такой уж он и очевидный, — возразила Даша. — Честно говоря, моя мама не отличается большой сообразительностью. Я боюсь, все гораздо хуже.

— А что хуже? — спросил я. — Думаешь, чужие взяли ее в заложники, чтобы тебя шантажировать? Тогда они давно бы уже тебе сказали. Нет, я не думаю, что чужие связаны с ее исчезновением. Она либо в Сети, либо просто пропала.

— Что значит просто пропала?

— Ну как люди пропадают… Не хочу каркать, но у вас на Украине…

— Да уж, ты, пожалуйста, не каркай, — оборвала меня Даша. — На Украине, между прочим, пропадает не больше людей, чем в России.

— Но и не меньше, — уточнил я.

Даша неопределенно кивнула.

— Вот что, — сказала она после паузы. — Я попробую поискать маму через поисковую систему. Другого выхода нет. Но этим я займусь попозже, а сейчас мы с тобой отправимся в путешествие. Но не в сетевое путешествие, а в обычное — проедемся с инспекцией по отдаленным районам королевства. В наших нынешних телах опасность нам не грозит, тебя защищает Вудсток, меня — королевская магия.

— Все это хорошо, — сказал я, — но в королевском теле Габову легко будет тебя найти. Думаешь, он легко переживет тот факт, что мы решили дезертировать?

— Мы не решили дезертировать!

— Но он-то этого не знает. Или ты собираешься ему рассказать про договор с Блубейком?

— А почему бы и нет? Или ты стесняешься? Боишься, что злой дядя Коля сделает атата по попке? Да ничего он тебе не сделает! Не сможет он ничего тебе сделать. А если будет по Сети доставать дурными разговорами, просто не отвечай на его запросы и все.

— Я другого боюсь, — сказал я. — Я боюсь, что информация о Блубейке просочится к яхрам слишком рано. Яхры удивительно оперативно узнают обо всех наших действиях. Уверен, откуда-то идет утечка информации.

— Думаешь, завелся предатель? — заинтересовалась Даша. — Нет, это навряд ли. Предателя ты бы сразу почувствовал по ауре.

— Необязательно живой предатель, — уточнил я. — Возможно, информация утекает по техническому каналу. Или предатель живой, но не входит непосредственно в команду Габова, а работает где-то в администрации президента и ни разу не встречался лицом к лицу с людьми, умеющими читать ауру.

— Тогда давай сделаем так, — предложила Даша. — Габову скажем, что мы начали действовать автономно потому что подозреваем, что из его конторы идет утечка информации. А может, просто взять в нашу команду Габова с Кожуховым? Пусть автономно работают все остальные.

— Против Кожухова не возражаю, — сказал я, — а Габова лучше не брать, а то он сразу командовать начнет… Я бы еще Сабалина взял.

— Хорошо, — сказала Даша, — пусть будет Сабалин. Звони им, а я распоряжусь насчет приготовлений к поездке.

Даша ушла распоряжаться насчет поездки, а я вышел на балкон собраться с мыслями. Пока мы разговаривали с Дашей, на задворках подсознания все время крутилась какая-то неоформленная мысль, я чувствовал, что это важная мысль, но никак не мог понять, о чем она. Подобное чувство испытываешь, когда выходишь из дому, твердо зная, что что-то забыл, но никак не можешь вспомнить, что именно.

Надо признать, моя психика изрядно расшаталась, что неудивительно — слишком много маразма происходило вокруг меня в последние месяцы и особенно в последние дни. Все чаще возникает ощущение, будто я живу во сне. Только во сне люди ведут себя как сумасшедшие и это воспринимается абсолютно нормально, как будто только так и надо жить. Все вокруг суетятся, мельтешат, пытаются что-то сделать, ничего ни у кого не получается, но они все равно продолжают суетиться и мельтешить. Наверное, бегущие в океан лемминги чувствуют примерно то же самое. Надо что-то делать, думают лемминги, надо бежать, все остальные ведь бегут… А самое противное то, что массовая истерия захватывает настолько, что освободиться от нее решительно невозможно.

Если рассудить здраво, Вудсток был прав. Нам с Дашей действительно лучше всего убраться куда-нибудь подальше, сидеть в сторонке и спокойно наблюдать, чем закончатся разборки в треугольнике Земля — Нисле — Блубейк. Ясно ведь, что один в поле не воин, даже если в мозгах у него сидит полуавтономный агент Вудстока. Но каким бы крутым ты ни был, спасать мир в одиночку — занятие столь же бессмысленное, как бабочке гасить огонь своими крылышками.

Но так думает мозг, а сердцу так думать не прикажешь. Человек — животное стайное, человеку свойственны все соответствующие инстинкты, на какое-то время их можно подавить, но потом придется долго и мучительно бороться с непонятной сущностью, которую люди называют «совесть».

Человек устроен так, что когда он усматривает в происходящем вокруг признаки чрезвычайной ситуации, он перестает думать о себе и начинает думать о своей стае, неважно, как она называется — семья, Родина или человечество. Мы начинаем суетиться, бросаться то туда, то сюда и изо всех сил стараемся не замечать, насколько бесполезны реально наши действия.

Рассмотрим lля примера спокойно и непредвзято мои действия за последние дни, начиная с появления в кабинете

королевы Буджим нежданного гостя с Земли.

Первая реакция выразилась исключительно нецензурными словами. А когда волна эмоций отступила, всплыл первый вопрос, причем этим вопросом было не «что делать?», а «кто виноват?» Понятно, что виноваты все и одновременно никто, но подсознанию очень важно найти крайнего. А кто лучше подходит на роль крайнего, чем Габов? Раз он начальник над всеми, значит, отвечает за все. А раз произошло такое безобразие, то выходит, что он не справился со своими обязанности, а значит, он редиска и ему нельзя доверять. А если начальнику нельзя доверять, значит, пришло время начинать думать самостоятельно. Вообще-то думать самостоятельно полезно всегда, но теперь это не просто желательно, но необходимо.

Думали-думали и придумали. Думали о том, куда деваться от надвигающейся волны туристов с Земли, а придумали асимметричный ход, с помощью которого, возможно, удастся решить Самую Главную Проблему. Тут же сделали этот ход, не дав себе труда лишний раз обдумать его последствия и взвесить все достоинства и недостатки. Вслух мы решили, что советоваться с Габовым и Кожуховым не стоит потому, что они все равно не смогут посоветовать ничего дельного, но на самом деле причина была совсем другая. Не знаю, как Даша, а я в первую очередь боялся, что Габов внимательно выслушает меня и тут же приведет какой-нибудь неожиданный довод, неопровержимо доказывающий, что наш с Дашей план нельзя реализовывать ни в коем случае. Но мне так хотелось сделать что-нибудь великое своими руками! Идиотизм, конечно, но стайные инстинкты иногда преломляются в сознании самым неожиданным образом.

А может, это не инстинкты? Может, это подступает шизофрения, о которой говорил Вудсток? Может, мой мозг настолько переполнился неусвоенной информацией, что уже не способен нормально функционировать? Может, мне пора лечиться?

Уж очень бредово выглядят наши с Дашей последние действия. Поговорили с Блубейком, решили, что сделали достаточно, начали обсуждать, куда лучше отправиться отдохнуть, пока на Земле будет происходить финальная фаза разборок, и тут сработал инстинкт. Нельзя стоять в стороне, пока стая в опасности.

«Но мы ничего не сможем сделать!» говорит разум.

«А мне наплевать», отвечает инстинкт.

И на сцену выходит то, что дедушка Фрейд называл умным словом «сублимация». Даша внезапно вспомнила о родной маме, о которой давно забыла, а я ни с того ни с сего бросился грудью

на амбразуру, решив поучаствовать в эвакуации женщины, которую ни разу не видел и встречи с которой, честно говоря, побаиваюсь. А потом спонтанно задуманная операция обломилась самым идиотским образом и что сказала Даша?

— Давай отправимся в путешествие, — сказала она. — А маму мы спасем как-нибудь потом.

Здрасте, приехали! А к чему тогда были все эти причитания на тему «моя бедная мама»? Правильно говорил Цой: «мама, я знаю, мы все сошли с ума». Но эти слова хорошо воспринимаются только тогда, когда ты уверен, что ты-то уж с ума не сойдешь ни при каких обстоятельствах. А вот когда ты балансируешь на грани безумия, они воспринимаются совсем не так хорошо. Жутковато они воспринимаются.

Но вернемся, однако, к нашим баранам. Что я хотел сейчас сделать? Ах да, поговорить с Кожуховым, не собирается ли он покинуть Габова и примкнуть к нашей странной компании спасителей человечества. Сдается мне, я и вправду с ума схожу. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что он мне ответит на это предложение.

Кстати! Каким терминалом пользовался Кожухов, когда перемещался с Сорэ на Румылв? Насколько я помню, на всей Сорэ нет ни одного терминала, на эту планету можно прийти и вернуться обратно, но ее решительно невозможно использовать в качестве промежуточного узла путешествия. Тогда как вся габовская команда переправилась на Румылв? Может, кухонные шкафы Сорэ все-таки умеют собирать терминалы Сети?..

Нет, с Кожуховым я разговаривать не буду. И ни с кем я не буду сейчас разговаривать и вообще ничего делать я не буду. В таком состоянии, как у меня сейчас, лучше не делать ничего, потому что, что ни начинай, ничего хорошего из этого не получится. И свадебное путешествие по провинциям белого королевства тоже ничего не изменит. Нам надо смотаться на какую-нибудь благоустроенную планету, где можно собраться с мыслями и хоть чуть-чуть уменьшить накал страстей в собственной душе. Что мне сейчас будет по-настоящему полезно, так это встретить какого-нибудь джедая Йоду, который научит меня обуздывать темную сторону Силы и всегда сохранять душевное спокойствие, что бы ни происходило.

Ну что ж, попробуем.

Я обратился к Сети и сформулировал запрос:

«Информация о планете, на которой можно успокоиться и собраться с мыслями».

«Поисковая система временно недоступна», ответила Сеть.

Твою мать! Ну что же это такое?! Мне вдруг захотелось

сделать что-нибудь безумное — начать со всей дури долбить кулаками по перилам, выбросить с балкона какое-нибудь кресло или вообще поджечь этот чертов дворец к чертовой матери. Но я не сделал ничего подобного, я просто сел на пол, привалился спиной к стене и заплакал. Взрослому мужчине не положено плакать, считается, что это стыдно, я понимаю, что в этом запрете нет никакого смысла, но от условных рефлексов, вложенных родной культурой, никуда не деться. Знаешь, что плакать нельзя, но не можешь остановиться и от этого тебя одолевает еще более сильная жалость к самому себе и тихие слезы превращаются в самую настоящую истерику, громкую и отвратительную.

16

Когда Даша вернулась в опочивальню, я уже успокоился, только глаза были красные, но я надеялся, что Даша этого не заметит. Даша заметила.

— Что случилось? — спросила она.

В ее ауре явственно чувствовался испуг.

— Ничего, — сказал я. — Просто одолело плохое настроение. Депресняк.

Даша вздохнула.

— Ну вот, — сказала она. — Я думала, что я первая раскисну, а тут вон как вышло. Не зря пишут в глянцевых журналах, что мужчины только кажутся сильными, а как припрет…

Я решительно помотал головой.

— Дело не в этом, — сказал я. — Когда мужика припирают в угол, он звереет и дерется до конца. А вот когда все плохо, но морду бить некому, вот тогда мужик и раскисает.

— Не раскисай, — сказала Даша. — Сейчас мы с тобой отправимся в санаторий и пройдем курс психологической реабилитации.

— Не получится. Я уже пробовал подобрать подобное заведение, но поисковая система не работает.

— С чего это вдруг? — удивилась Даша. — Яхры атаковали Румылв?

А ведь эта мысль мне в голову не приходила… Нет, вряд ли.

— Не каркай, — сказал я.

И в этот момент пол под ногами вдруг затрясся, по стенам побежали трещины, с потолка посыпалась штукатурка, а потом я увидел, словно в замедленной съемке, как потолок распадается на отдельные фрагменты, которые опускаются прямо на нас с Дашей, вначале медленно, но с каждой миллисекундой набирая

скорость, еще мгновение и…

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Успел. Все-таки успел в последнее мгновение выдать команду на возвращение в предыдущее тело. Я находился на Сорэ, на кухне нашего с Дашей дома, только сидел я не на стуле, как в тот момент, когда уходил на Румылв, а на коленях незнакомой женщины-эрпа. Напротив меня за столом сидел незнакомый мужчина-эрп, на коленях которого материализовалась Даша. Слава богу, она тоже успела!

— Извините, — обратился я к женщине, на которую случайно взгромоздился, — я сейчас слезу.

— Вы предыдущие хозяева этого дома? — осведомился мужик, с которого в этот момент слезала Даша. — Нам сказали, что вы переехали в другое место.

— Да, — кивнул я, — мы переехали на другую планету. Но там случилось землетрясение и нам пришлось срочно вернуться в предыдущие тела. Наши последние тела, полагаю, уже погибли.

— Какой ужас! — воскликнула женщина.

— Хорошо, что вы успели вернуться, — сказал мужик. — Меня зовут Гена.

— Андрей, — представился я и протянул руку.

— Надя, — представилась женщина.

— Даша, — представилась Даша.

— Очень приятно, — сказал я. — Если вы не возражаете, нам с Дашей надо немного побыть наедине.

— Да, конечно, — кивнул Гена. — Такое потрясение…

Мы вышли в гостиную, где во времена Оша, Ика и Спа стояла безумная палатка, склеенная невидимым клеем из отдельных тряпочек. Когда хозяйкой этого дома стала Даша, палатка рассосалась, но поскольку Даша гостиной не пользовалась, вместо нее ничего не сформировалось, комната стала просто пустой коробкой с голыми стенами. А теперь на полу появилась аляповатая имитация персидского ковра, а на стенах — безвкусные обои в цветочек.

— Как думаешь, сколько им лет? — спросила Даша.

— Кому? — не понял я. — Обоям?

— Новым хозяевам, — пояснила Даша.

— Не знаю, — сказал я. — Ты нормально себя чувствуешь?

Даша пожала плечами.

— Вроде нормально, — сказала она. — Даже странно. Я

думала, сейчас меня трясти начнет, а вроде ничего.

— Трясти обязательно начнет, — заверил ее я. — Но не сразу. Мозгам нужно время, чтобы осознать, что произошло. Блин! Я и не знал, что в белой столице бывают землетрясения.

— Я тоже не знала, — сказала Даша. — В памяти Буджим ничего не было. А может, и было, а я к этим сведениям просто не обращалась. Не знаю.

— Как думаешь, Габов жив?

— Позвони, спроси, — посоветовала Даша. — А лучше не звони — если он жив, то у него и без тебя забот хватает. Как освободится, сам позвонит.

— И то верно, — кивнул я.

И почувствовал, как по телу пробежала первая волна дрожи.

— Кажется, начинается, — сказал я.

— Что начинается? — не поняла Даша.

— Колбасить начинает. Ты пока ничего не чувствуешь?

— Пока ничего.

— Значит, скоро почувствуешь. Пойдем, выпьем за второе рождение, такое дело надо обмыть.

2

Гена с Надей не возражали, что мы проведем эту ночь в их доме. А после четвертой рюмки, когда выяснилось, что я — тот самый человек, который первым на Земле вошел в Сеть, Гена предложил нам оставаться в доме столько времени, сколько мы пожелаем.

— Дом большой, — сказал Гена, — места хватит всем. Эвакуация с Земли завершена, гостевые комнаты больше не потребуются, можете смело их занимать.

— Может, лучше мы их займем? — предложила Надя. — Эти ребята здесь еще до нас поселились.

— Да, конечно, — смутился Гена. — Конечно, это ваш дом. Если вам не хочется делить его с нами, мы попробуем найти себе другое жилище. Сейчас позвоню Иноходцеву…

— Не надо, — перебил я его. — Мы с Дашей надолго здесь не задержимся. Снимем стресс, переночуем, а завтра отправимся в путь.

Гена вдруг помрачнел.

— А я хотел обсудить с вами так много разных вещей… — сказал он.

— Каких вещей? — удивился я. — А, понял… Вы думаете, что раз я открыл Сеть, значит, я знаю о ней больше всех остальных.

Но на самом деле я почти ничего о ней не знаю. Чем больше я путешествую по Сети, тем меньше ее понимаю.

— Вы, наверное, посетили много миров? — поинтересовалась Надя.

— Сейчас посчитаю. Трилар, потом… гм… — слово «Вудсток» я решил не произносить в этой компании. — Ол — это три, потом… гм… четыре…

— А мы с Геной нигде не были, кроме этой планеты, — перебила меня Надя. — Валерий Васильевич говорит, что путешествовать по Сети опасно, потому что бывают такие миры, в которые путешественников заманивают и… э-э-э…

— Действительно, такие миры бывают, — подтвердил я. — В одном из них я случайно побывал, еле-еле обратно выбрался. Но я бы не сказал, что путешествовать по Сети так уж опасно, главное — соблюдать минимальные меры предосторожности. Перед тем, как совершить перемещение, надо собрать информацию о мире…

— А как это правильно делается? — перебил меня Гена. — Я пробовал работать с поисковой системой…

Мы с Дашей синхронной хихикнули.

— Поисковая система — это вещь в себе, — сказал я. — Ее нельзя понять, к ней можно только привыкнуть. Поначалу кажется, что она выдает один только бред, но со временем приходит умение отличать нормальные ссылки от безумных и тогда понимаешь, что пользоваться ею не так уж сложно. Самое трудное — правильно сформулировать запрос.

— А что вы думаете о Сети, так сказать, в целом? — спросил меня Гена. — С того самого момента, как я узнал о Сети, меня сразу заинтересовало — что думает о Сети ее первооткрыватель? И как это, кстати, произошло?

— Очень буднично и неинтересно, — сказал я. — Про сетевое хулиганство слышали? Впрочем, что я говорю, теперь об этом уже все слышали. Все началось с банального сетевого хулиганства. Считается, что Земля подключилась к Сети несколько месяцев назад, но это неправда, Земля подключена к Сети уже давно, если верить энциклопедии, с 1989 года. Люди просто не знали, что Земля подключена к Сети.

— А как происходит подключение планеты к Сети? — поинтересовался Гена.

Любопытный товарищ, однако.

— Не знаю, — сказал я. — Возможно, должен прилететь космический корабль и поставить какой-то маяк, а может, достаточно просто просканировать астральное пространство должным образом… не знаю. Короче, Земля подключилась к Сети, люди об этом не знали, но некоторые чужие знали и время от

времени появлялись на Земле с разными целями.

— Шпионаж? — предположил Гена.

— Да бог с вами, — улыбнулся я. — Что у нас выведывать? По меркам Сети Земля — планета примитивная, варварская. Нас посетило несколько этнографических экспедиций, да еще хулиганы регулярно наведывались. Так получилось, что один такой хулиган собрался изнасиловать мою соседку, я случайно проходил мимо, дал ему в морду, отобрал терминал, сначала не понял, что это такое…

— А когда поняли, что вы почувствовали? — спросил Гена.

Я снова улыбнулся, на этот раз немного печально.

— Я почувствовал большой оптимизм, — сказал я. — Человечество больше не одиноко во вселенной, у нас есть братья по разуму, нам открылся гигантский кладезь знаний, мы зачерпнем оттуда сколько сможем, и тогда наступит всеобщее изобилие и, как следствие, всеобщее счастье…

— Изобилие не приносит счастья, — перебил меня Гена. — Это я вам как профессиональный политолог говорю. Для счастья в первую очередь необходимо…

— А я вам скажу как профессиональный путешественник по Сети, — в свою очередь перебил его я. — К сожалению, изобилие все-таки приносит счастье, но счастье получается исключительно сиюминутное. Впрочем, долговременного счастья вообще не существует, это понятие надо как-то по-другому называть.

— Если в этом смысле, тогда вы правы, — кивнул Гена. — Когда я говорил о счастье, я имел ввиду его долговременную составляющую. Для ее достижения материальные блага не нужны.

— Я бы не стал утверждать так безоговорочно, — уточнил я. — Какие-то материальные блага должны быть в любом случае. Если человек голоден или болен…

— Ну конечно! — воскликнул Гена. — Голодный человек не может думать ни о чем, кроме своего голода. Но стоит человеку чуть-чуть насытиться, и он начинает думать, чем себя занять…

— И требует хлеба и зрелищ, — закончил я его мысль.

Гена недовольно поморщился.

— Если человек глуп, необразован и невоспитан, то он действительно требует хлеба и зрелищ, — сказал он. — К сожалению, в последние двадцать лет таких людей стало гораздо больше, чем раньше. Все началось с Горбачева…

— Вот только не надо меня агитировать! — воскликнул я. — Я не политик, я всего лишь специальный агент на службе земного комитета защита порядка.

— А это еще что такое? — насторожился Гена.

Про комитет защиты порядка планеты Земля он явно слышал

впервые.

— Так мы иногда называем себя, — сказал я. — Мы — это те, кто пытается противостоять агрессии яхров.

Гена печально крякнул и разлил еще по одной.

— За безнадежное дело, — провозгласил он очередной тост.

Мы выпили.

— А почему наше дело безнадежное? — поинтересовался я.

— По определению, — сказал Гена. — Любая партизанская война в долговременной перспективе обречена на провал. Чтобы партизаны победили, нужна поддержка извне — либо оружием, либо деньгами, либо, на самый худой конец — идеями. А лучше всего — всем сразу. Партизаны всегда убеждают себя, что они обязательно победят, может, не через год, а через двадцать лет, но очень редко партизанская война длится двадцать лет подряд. Меняется поколение, меняется система ценностей, молодежь все больше одобряет не партизан, а оккупантов, а старикам с каждым годом все труднее воевать и в конце концов война затихает сама собой. Так происходит всегда, это закон природы. Чтобы партизаны могли победить, им нужна внешняя помощь, а кто сможет ее вам предоставить? В той или иной степени яхры контролируют все планеты нашего сектора, а в других секторах помощи искать бесполезно — их обитатели даже не поймут, что у нас происходит.

— А почему вы говорите о партизанской войне? — спросила Даша. — Партизанская война начинается тогда, когда больше нет возможности вести нормальную войну. А мы нормальную войну с яхрами даже не начинали.

— И не начнем, — вздохнул Гена. — Последние новости слышали?

— Какие еще новости? — переспросила Даша.

Гена и Надя переглянулись, Надя тяжело вздохнула.

Гена разлил еще по одной.

— Чтобы это была неправда, — провозгласил он следующий тост.

Мы выпили. Гена немного помолчал, нагнетая паузу, а затем глубокомысленно произнес:

— Земля капитулировала. Послезавтра генеральная ассамблея яхров соберется на внеочередное заседание. Будет обсуждаться прием в конфедерацию двух новых субъектов. Один из них — Земля.

— А кто второй? — спросил я.

— Не помню, — пожал плечами Гена. — Раса гуманоидная, но не из нашего сектора. Планета называется, кажется… что-то похожее на Бомбей.

— Блубейк? — спросил я.

И похолодел, услышав ответ Гены:

— Да, точно, Блубейк.

3

Гена так и не понял, почему я вышел из-за стола и ушел в гостевую комнату. Выходя из кухни, я слышал краем уха, как Даша что-то объясняет Гене и Наде, но я не вслушивался в ее слова. До тех пор, пока я не поговорю с планетарным компьютером планеты Блубейк, все остальное меня не интересует.

Компьютер Блубейка ответил на мой вызов немедленно.

«Приветствую», сказал он. «Твоя информация проверена, на этот раз ты не обманул. Строительство планетарного узла на Земле уже началось. Ты это хотел выяснить?»

«Не только», сказал я. «Я случайно узнал, что твоя планета вступает в конфедерацию яхров. Это правда?»

«Правда», спокойно ответил компьютер. «Это решение наилучшим образом отвечает интересам Блубейка. Членство в конфедерации решит наши демографические проблемы».

«И создаст кучу новых», заметил я. «Ты знаешь историю планеты Нисле?»

«Знаю. Но участь узилдэ нам не грозит».

«Почему?»

«Раса нопстеров весьма привлекательна для путешественников из иных миров. Очень многие хотят испытать на себе, каково это, когда ты обладаешь по-настоящему сильным и мощным телом».

«Неспособным испытывать сексуальное влечение», уточнил я.

«Да, неспособным», согласился компьютер. «Ну и что с того? Во вселенной не так много рас, столь же сексуально озабоченных, как вы или яхры. Многие расы конфедерации ближе к нам, чем к яхрам. Земноводные расы, например, будут очень заинтересованы в тесном общении с нопстерами. Я рассчитываю, что через пятнадцать наших лет численность нопстерской расы возрастет вдвое».

«А как же наши договоренности?» спросил я. «Если вы войдете в конфедерацию, как вы сможете создать на Земле подпольный планетарный узел?»

«Почему подпольный? Деятельность наших агентов на Земле не противоречит законам конфедерации. Земля является суверенной независимой планетой, у нее есть централизованное

конфедеративное правительство — организация объединенных наций. Земля имеет полное право может заключать договоры с любыми правительственными или частными организациями».

«Но ООН не заключала договора на постройку планетарного узла».

«Ошибаешься. По моим данным, ООН заключила такой договор с яхрами. Но одно небольшое государство, входящее в ООН, заключило аналогичный договор с планетой Блубейк. Это не противоречит вашему законодательству».

«То есть, твои специалисты строят узел, который будет охватывать не всю планету, а только одно небольшое государство?»

«Узел, который строят мои инженеры, распространит влияние на всю планету. В качестве детекторов астральных перемещений узел будет использовать терминалы, которыми пользуются абоненты Сети. Каждый новый абонент будет попадать в поле зрения узла автоматически «.

«Разве такое возможно?» удивился я.

«Конечно», ответил компьютер. «На этом принципе работают все планетарные узлы всех высокоразвитых планет. Узлы, основанные на выделенной сети детекторов астрального излучения, устарели давным-давно».

«Но для такого узла, какой ты хочешь построить, потребуется очень мощный компьютер».

«Если делать его единственным, то да. Но в нашем случае вычислительные функции будут распределяться между несколькими миллионами отдельных модулей. Когда на Земле заработают нанозаводы, в каждое изготовленное изделие будет встраиваться вычислительный модуль для планетарного узла».

«А как эти модули будут между собой связываться? По радио?»

«Нет», компьютер изобразил мысленную улыбку. «В качестве канала связи будет использоваться то самое астральное поле, на котором работает Сеть. Это гораздо удобнее».

«Понятно», сказал я. «Тот узел, который строят яхры, устроен примерно так же?»

«Не примерно, а в точности так же. И мы, и они, используем стандартную конфигурацию планетарного узла для слаборазвитых миров. Элементы моего узла будут работать как одно целое с элементами узла, который строят яхры, яхры даже не заметят, что к узлу, который они построят, добавится еще одна управляющая консоль».

«Тогда тебе не нужно строить полноценный узел», заметил я. «Подведешь дополнительную консоль к творению яхров и все

готово».

«Именно это я и собираюсь сделать», заявил компьютер. «Рад, что тебе понравилась моя идея».

Я не нашелся, что ответить.

4

На следующее утро мы с Геной вышли прогуляться по окрестностям. Гена всячески намекал, как ему хочется поговорить по душам с первооткрывателем Сети, а я не нашел в себе душевных сил ему отказать. Человек он неплохой, душевный, с первого взгляда и не скажешь, что политик. Грубостей с моей стороны он не заслужил.

— Скажите, Гена, — обратился я к нему, когда мы отошли от дома метров на сто, — кем вы были на Земле?

Гена, кажется, немного обиделся.

— Почему это был? — переспросил он. — Я и сейчас есть. То, что я физически нахожусь на Сорэ, а не на Земле, ни на что не влияет. Я один из ведущих российских политиков… — он вдруг осекся и вздохнул: — Вы правы, я действительно *был* политиком. От нашей политической системы почти ничего не осталось уже сейчас, а когда на Землю придут яхры, она вообще развалится. Кому будет интересно через год, кто сколько налогов заплатил, а сколько не заплатил?

— Через год само понятие налогов уйдет в прошлое, — заметил я. — Аналитики ФСБ прогнозируют крах основных мировых валют гораздо раньше.

Гена недовольно поморщился.

— Аналитики ФСБ чего только ни напрогнозируют, — буркнул он.

— А я склонен им верить, — сказал я. — Они сейчас работают совместно с остатками ЦРУ и «Моссада».

Гена удивлено вытаращился на меня.

— Только не говорите, что это и есть комитет защиты порядка на Земле, — сказал он.

Я покачал головой и сказал:

— Именно это и есть комитет защиты порядка. А что вас удивляет?

— И с такими силами вы проиграли поединок с конфедерацией? — спросил Гена. — Я-то полагал, что корень всех проблем в том, что мировые державы действуют разрозненно, но если координация действий налицо, то я не понимаю, почему вы не смогли отстоять Землю.

— У нас не было шансов, — вздохнул я. — Ядерную войну мы предотвратили, но с эпидемиями справиться не смогли. А если яхры будут и дальше продолжать гадить…

У Гены глаза полезли на лоб.

— Эпидемию в США организовали яхры? — спросил он. — А с какой целью, хотелось бы знать?

— Ну, как бы это сказать… — замялся я. — Если коротко, люди раскопали в Сети один секрет, который очень давно считался потерянным…

Гена скривился.

— Как в дурной фантастике, — констатировал он. — Молодая, но предприимчивая раса нашла великий… как это называется, артефакт? Нашла великий артефакт, который подарит людям всемогущество, а злобные чужие нам завидуют и строят всякие пакости. Правильно?

— Не совсем, — уточнил я. — Это не артефакт, а… неважно. В целом вы правы. Вы только в одном ошиблись — чужие нам не завидуют, они просто хотят, чтобы этот секрет навсегда оставался секретом. Но у них ничего не получится.

Гена ехидно ухмыльнулся.

— Ага, — сказал он. — Человечество будет распространять знания по галактике, сеять свет… тьфу! Даже странно, что язык такую ахинею выговаривает и не запинается. Рассказал бы мне кто-нибудь год назад, что на Земле будет твориться *такое* — ни за что бы не поверил. Инопланетяне, Сеть… Чуть ли не вся дума в полном составе прячется от хулиганья на другой планете… Вот ведь бред! Но с другой стороны, если бы не хулиганье и эпидемии, я бы оценил эти перемены как в целом положительные. Чужие скоро предоставят Земле новые технологии, обеспечат изобилие большинства товаров… Вы в курсе?

— В курсе, — кивнул я. — Мы тоже собирались предоставить Земле эти технологии, только не успели. Трудно соревноваться с расами, обогнавшими нас в развитии на тысячи лет.

— Надо не соревноваться, а учиться, — наставительно произнес Гена. — И ни в коем случае не забывать про свой самобытный путь. Однажды мы уже наступили на эти грабли, когда пытались догнать и перегнать Америку, а надо было не догонять и перегонять, а учиться и брать у них самое лучшее. Как китайцы. Что бы про коммунизм ни говорили, но в отдаленной перспективе коммунистическому обществу альтернативы нет. Как только дефицит предметов первой необходимости уйдет в прошлое, коммунизм обязательно восторжествует. И изменения, которые принесет Сеть, будут к лучшему. Потому что они приближают коммунизм.

— Ага, к лучшему, — скривился я. — Сколько людей уже ушло с Земли? Сто миллионов? Миллиард? Это, по-вашему, к лучшему?

— Обыватели всегда пытаются убежать от революции, — пожал плечами Гена. — Но лучшие люди от революции не бегут. Они ее делают.

— Тогда получается, что лучшие люди — это чужие.

— Нет, — покачал головой Гена. — Лучшие люди — это вы, комитет защиты порядка. Вот вы лично, почему вы не спрятались в одном из благоустроенных миров?

— Просто не успел, — честно признался я. — Я собираюсь этим заняться сразу после нашего разговора.

— Впали в отчаяние? — спросил Гена. — Зря. Никогда нельзя впадать в отчаяние. В конечном итоге все повернулось наилучшим образом — ядерное разоружение состоялось, национальные проблемы вот-вот уйдут в прошлое, была, правда, безобразная вспышка насилия в Палестине, но уже угасла. Через пару месяцев хулиганье окончательно устанет хулиганить и на всей Земле воцарится тишь да гладь. Вот вы говорите, деньги отменятся… чем не коммунизм?

— По-вашему, коммунизм — это хорошо?

— А какие могут быть сомнения? — возмутился Гена. — Или вы со мной не согласны? Может, вы из новых русских? Или еврей?

— Нет, — я помотал головой, — я не новый русский и не старый еврей. Просто я уже видел, как выглядит коммунизм изнутри.

— Где? — заинтересовался Гена. — Если вы имеете ввиду так называемую эпоху застоя, то это совсем не то…

— Коммунизм действует на планете Блубейк, — прервал я его. — Это та самая планета, которая вступает в конфедерацию одновременно с Землей. Если вам интересно, сходите к ним в гости, они не ограничивают иммиграцию, у них проблемы с рождаемостью и они рады любым гостям. Их планетарный компьютер будет настаивать, чтобы вы остались у них навсегда, но не обращайте на него внимания. Когда будет нужно, вы всегда сможете уйти, что бы он ни говорил.

— У них настоящий коммунизм? — переспросил Гена. — Общество не делится по классовому признаку, все граждане равноправны и реально работает принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям»?

— Равноправием там даже не пахнет, — уточнил я. — Но в остальном все очень похоже. Сходите к ним, прогуляйтесь, это вам будет полезно хотя бы для расширения кругозора. Если хотите, жену возьмите с собой.

— Обязательно возьму, — кивнул Гена. — Супружеская верность нынче не в моде, но…

— На Блубейке она по-прежнему в моде, — ввернул я свою реплику.

— Вот видите! — воскликнул Гена. — Там действуют высокие моральные ценности! Самый настоящий коммунизм. Вы правы, мне надо посетить эту планету. — Гена вдруг насторожился. — А вы уверены, что это безопасно? — спросил он.

— Уверен, — ответил я. — Никаких притонов на Блубейке нет, в этом я абсолютно уверен. Но вы лучше моим словам не верьте, а поработайте с поисковой системой сами. Когда работаешь с Сетью, все полученные сведения надо проверять обязательно. Верить можно только самой Сети.

— Спасибо за совет, — сказал Гена и замолчал.

Не иначе, подключился к поисковой системе.

5

Подходя к дому, мы с Геной увидели, что со стороны портала к нам движется целая делегация — десятка два эрпов, если не больше. Я сдавленно выругался.

— Что случилось? — забеспокоился Гена. — Чего вы боитесь?

Вместо ответа я указал пальцем на приближающуюся толпу.

— Вот этих товарищей, — сказал я.

— Почему? — удивился Гена.

— Потому что не понимаю, откуда они взялись и что им здесь нужно.

— Откуда взялись — понятно, — сказал Гена. — С Земли, откуда же еще? А что им нужно, они и сами толком не знают. Так, похулиганить… Жалко, что наше убежище рассекречено…

Гена осекся на полуслове, очевидно, подумал, что в ознакомительное путешествие на Блубейк надо отправиться до того, как на Сорэ станет совсем тесно от безбашенных землян. Но высказать эту мысль вслух он почему-то постеснялся.

Тем временем приближающиеся путешественники заметили нас с Геной и разразились приветственными воплями.

— Однозначно хулиганье, — констатировал Гена. — Вообще-то, в их появлении нет ничего удивительного, рано или поздно они должны были здесь появиться, только я не ожидал, что это произойдет так скоро… Но лучше встретить их здесь, чем на Земле. Здесь, по крайней мере, не сразу ясно, кто есть кто. Вы, кстати, уже поняли, какая у меня фамилия?

— У меня есть три версии, — сказал я.

— Вот видите! — воскликнул Гена. — Очень хорошо, что на Сорэ знаменитости не так уязвимы, как на Земле. Хотя вам этого не понять.

Я пожал плечами:

— Как сказать. С точки зрения инопланетян я тоже знаменитость.

К этому времени расстояние между нами и эрпами сократилось метров до десяти-пятнадцати. Их предводитель — высокий худощавый мужчина неопределенного возраста (пока я не умею определять возраст эрпов на глаз), решил, что пора поздороваться.

— Здорово, чуваки! — заорал он. — Давно здесь?

— Давно, — лаконично ответил Гена. — Этот дом, — он указал направление, — уже занят.

— Мы надолго не задержимся, — заверил его предводитель эрпов. — Переночуем и пойдем дальше. Женщины в доме есть?

— Э-э-э… — промычал Гена и беспомощно посмотрел на меня.

Давай, дескать, лучше ты с ними разбирайся.

— А вы, ребята, откуда нарисовались? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал миролюбиво.

— Бобой, — заявил предводитель и уставился на меня так, как будто только что признался в чем-то непотребном и ждет, как я отреагирую.

Аура незнакомца ясно показывала, что эта настороженность не кажущаяся. Он ждет, что я восприму его слова с раздражением, а это даст ему повод оскорбиться за свою любимую Родину и… точно! Он просто хочет подраться.

Я безразлично кивнул и обратился к поисковой системе Сети. Интересно все же, что это за Бобой такой. Но сформулировать запрос я не успел.

— Не слышал про нашу планету? — спросил меня бобоец. — Ничего, скоро о нас повсюду услышат. Мы переночуем здесь, — он показал пальцем на наш дом.

— А что, — вежливо поинтересовался я, — у вас на Бобое действуют какие-то необычные понятия о собственности? Понятие «владелец» вам неизвестно?

Предводитель бобойцев остановился и задумчиво оглядел меня с ног до головы. Судя по его ауре, результатом осмотра он остался доволен.

— Умный не в меру, — констатировал предводитель. Он попытался прорычать эти слова, но горло эрпа не слишком хорошо подходит для грозного рыка. — Во вселенной существует только один закон.

— Кто сильнее, тот и прав? — поинтересовался я.

Бобоец почувствовал подвох, но не понял, в чем он заключается. Поэтому он просто кивнул.

Внезапно я вспомнил старый и несмешной анекдот про крестьянку и священника. Анекдот пришелся удивительно к месту и я решил его процитировать.

— Да будет тебе по вере твоей! — провозгласил я и прыгнул.

Все, что успел сделать бобоец — выставить примитивный блок двумя руками. То ли ему было непривычно гуманоидное тело, то ли он вообще не умел нормально драться, но нижняя часть его тела осталась без прикрытия, чем я и воспользовался, ударив ногой в колено с внутренней стороны. Насколько я помню, анатомия нижних конечностей эрпов почти ничем не отличается от человеческой.

Память тела не обманула, реакция противника была в точности такой, на какую я рассчитывал. Коленный сустав бобойца громко хрустнул, нога подломилась и предводитель хулиганов грузно шлепнулся на задницу, взметнув небольшое облачко пыли. Лицо хулигана перекосилось, он оглушительно завизжал. Пришлось стукнуть его еще раз, чтобы заткнулся.

Товарищи поверженного бобойца выглядели деморализованными, они явно не ожидали такого внезапного и решительного отпора.

— Ну что, — спросил я, — кто-нибудь еще желает поучить меня житейской мудрости?

Желающих не нашлось.

Я подошел к пришельцам вплотную, они слегка отпрянули, но в бегство не обратились. Я приблизился к юноше атлетического телосложения, стоявшему впереди других, ткнул указательным пальцем ему в грудь и грозно вопросил:

— Какой закон этики самый главный?

Юноша нервно сглотнул и обвел товарищей испуганным взглядом. Никто не решился встретиться с ним глазами.

— Ну?! — я поддал в голос металла.

— Ну… — замялся юный бобоец… — Я не знаю, как устроена ваша этика…

— Я тебя спрашиваю не моей этике! — рявкнул я. — Со своей собственной этикой я и без тебя разберусь. Я спрашиваю, какой этический закон считаешь главным *ты* . Кто сильнее, тот и прав?

Тут до моего собеседника дошло, куда я клоню. Он судорожно замотал головой и быстро заговорил:

— Нет-нет, конечно же, нет! Насилие допустимо только в особых случаях…

— Каких?

— Ну… Вы и вправду не знаете историю Бобоя?

— Не знаю и знать не хочу, — отрезал я. — Где ты собрался ночевать?

Юноша заискивающе улыбнулся и уставился мне в глаза, как будто надеялся прочесть там правильный ответ. Один из товарищей пришел ему на помощь.

— Мы найдем себе ночлег в другом месте, — сказал он.

— Правильное решение, — кивнул я. — Я даже знаю, куда вам нужно пойти.

— Куда?

— Вон туда, — я указал рукой. — Там за холмом будет портал. Надо в него войти, лечь на топчан, покинуть тело и больше никогда не появляться на этой планете. Если еще раз встречу кого-нибудь из вас в этих краях — убью без разговоров. И запомните на будущее — никогда не говорите, что тот, кто сильнее, всегда прав. Если будете так говорить каждому встречному, долго не проживете.

На этом наш разговор закончился. Бобойцы немного потолклись вокруг бесчувственного тела своего командира, затем ухватили его за руки и за ноги и потащили к порталу. Мы с Геной проводили их взглядом.

— Интересно, что это за планета такая — Бобой, — прокомментировал Гена. — Жалко, что поисковая система опять не работает. На вашей памяти бывало, чтобы поисковая система надолго отрубалась?

— Надолго — нет. Отдельные запросы, бывало, не проходили, но чтобы несколько дней подряд один сбой за другим — такого еще не бывало.

— Наверное, возросла загрузка Сети, — предположил Гена. — Как вы думаете, сколько путешественников могут одновременно обслужить все порталы Сорэ?

Я пожал плечами.

— Не знаю, — сказал я. — Думаю, это несложно подсчитать. Но нам с вами надо не подсчетами заниматься, а сваливать отсюда побыстрее. Скоро в этом мире будет такая же помойка, как на Земле месяц назад, только хуже.

— Почему хуже? — удивился Гена.

— Потому что здесь техника развита намного лучше. На Земле безобразничали в основном наши доморощенные хулиганы. Для большинства инопланетян наш мир слишком примитивен, чтобы развлекаться с комфортом. А здесь соберется отребье со всей галактики. Правда, тут порталы есть… Но мне все равно не хочется задерживаться здесь надолго. Гопники сюда повалят толпами.

— Это точно, — вздохнул Гена. — Вы с женой куда собираетесь отправиться?

— Она мне не жена, — резко заявил я. И тут же добавил, смягчившись: — Извините. Просто меня все уже достали этим предположением.

Гена хихикнул.

— Ничего, бывает, — сказал он. — Может, вам лучше пожениться, чтобы не доставали?

— А смысл? — ответил я вопросом на вопрос. — Что изменит печать в паспорте? Кому тут паспорт показывать? Бобойцам?

— И то верно, — глубокомысленно хмыкнул Гена. — Пойдемте домой?

— Пойдемте, — согласился я. — А то появится еще одна толпа юных пионеров…

Гена недовольно скривился, но ничего не сказал. Наверное, не стоило мне так шутить, он ведь всерьез верит в свои коммунистические бредни. Впрочем, не такой он дурак, чтобы обижаться на подобные мелочи.

6

Когда я вошел в бывшую гостевую комнату нашего бывшего дома, Даша лежала на кровати и общалась с кем-то по Сети. Судя по выражению ее лица, разговор был серьезным. Я решил подключиться к разговору.

Псевдотелефонная связь, поддерживаемая Сетью, работала безупречно. Я потребовал подключить меня к Дашиному разговору и через секунду в моем сознании прозвучал ее телепатический голос:

«Ты как раз вовремя. Николай Алексеевич на проводе».

«Что-то случилось?» спросил я.

«Случилось», ответил Габов. «Во-первых, ООН от имени Земли подала официальную заявку на вступление в конфедерацию. Ее будут рассматривать через три дня».

«Это я уже слышал. А что во-вторых?»

«А откуда ты слышал об этом?» удивился Габов. «Неужто успел уже на Земле побывать?»

«Нет, Гена рассказал».

«Какой еще Гена?»

«Не знаю, он фамилию не называл. Он живет на Сорэ в том доме, где раньше жили мы с Дашей».

«Развелось политиканов», проворчал Габов. «Ладно, слушай дальше. Одновременно с человечеством заявку подала еще одна

раса».

«Тоже слышал», сказал я. «Нопстеры».

«Баян», прокомментировала Даша и хихикнула.

«Чего?» переспросил Габов.

«Ничего», ответила Даша. «Так, ерунда».

«Про нопстеров тоже Гена рассказал?» подозрительно поинтересовался Габов.

«Гена», подтвердил я, стараясь, чтобы мысленный голос звучал честно. «Он, правда, не знал, как эта раса правильно называется, он только запомнил, что название планеты похоже на Бомбей».

«Что-то этот Гена слишком много знает», проворчал Габов. «Да кто же он такой… А, все понял, проехали. Ты мне лучше вот что скажи. У тебя есть соображения насчет того, за каким хреном Блубейк потянуло к яхрам?»

«Кое-какие соображения есть», ответил я. «Думаю, нопстеры собрались решить за счет конфедерации свои демографические проблемы».

«Мимо», заявил Габов. «Яхры подвинуты на сексе нисколько не меньше, чем люди. Блубейк не привлечет много иммигрантов из конфедерации «.

«Тогда не знаю», сказал я.

Я решил не говорить Габову, что далеко не все расы конфедерации столь же сексуально озабоченны, как люди или яхры. Если я поделюсь этой информацией с Габовым, он заинтересуется, откуда я ее узнал и тогда придется рассказывать ему о разговоре с компьютером Блубейка и о том, как я вчера выдал нопстерам Самую Главную Военную Тайну.

«Так я и думал», сказал Габов. «Тогда слушай дальше. На Сорэ стали появляться туристы из конфедерации. Кожухов говорит, что многие из них захотят остаться здесь надолго. Скоро у нас начнется настоящий бардак».

«У нас? Так вы тоже на Сорэ?»

«А где же мне еще быть? Из людей на Румылве остались только Самохин, Антошин и Арадан, причем насчет последнего я не уверен. Все три дворца разрушены одновременно, полностью и необратимо».

«Диверсия?»

«Несомненно».

«Кто поработал, известно?»

«Точно не известно, но догадаться несложно. Особенно если учесть, что туристы на Румылв прибывают пока только с Земли».

«Это ненадолго», заметил я. «Информация уже пошла гулять по Земле, через неделю-другую она распространится по всему

сектору. Координаты Сорэ тоже вначале считались тайной, а теперь хулиганье уже здесь. Десять минут назад мне пришлось сломать колено одному товарищу с планеты Бобой, прямо около нашего дома. Кстати, вы не знаете, что это за планета такая — Бобой? Я хотел было спросить у Сети, но поисковая система не отвечает».

«У меня все отвечает», сказал Габов. «Сейчас посмотрю. Странно, первая же ссылка осмысленная. Планета Бобой, координаты такие-то, столица называется Усквоб. Название присвоено планете пришельцами с Дисча около 2800 года до нашей эры. До того момента сами бобойцы весь мир в целом не называли никак, а два основных континента… но это неважно. Самоназвание расы — шрубс, что означает «существа, умеющие разговаривать». Анатомически бобойцы теплокровные, живородящие, четвероногие… кажется, вроде земных бобров. О, а вот это уже интересно! Чужие расы вторгались к ним по меньшей мере трижды. Несколько столетий Бобой входил в империю Птобо со столицей на Уфсыме…»

Мне показалось, что я ослышался.

«На Уфсыме была империя?» переспросил я.

«А ты не знал?» удивился Габов. «Уфсыма долгое время была метрополией империи Птобо. В восемнадцатом веке по земному летоисчислению в империю входило около пятидесяти миров, в основном населенных земноводными расами. Потом империя распалась, считается, что как бы по собственному желанию. Уфсыма скатилась почти до первобытного состояния, а другие планеты… Но это к делу не относится».

«Погодите», сказал я. «Я где-то читал, что на Уфсыме нельзя построить терминал».

«Правильно читал», подтвердил Габов. «Уфсыма была планетой-метрополией, но уфсулы никогда не были доминирующей расой империи. Птобо выбрали Уфсыму для своей столицы только потому, что там приятно жить. Правящая элита не рождалась на Уфсыме, а приходила туда из провинциальных миров».

«Может, хватит уже обсуждать инопланетную историю?» подала голос Даша. «Давайте вернемся к нашим баранам».

«Давайте», согласился Габов. «О чем я говорил…»

«Это я говорил», уточнил я. «О том, что на Сорэ появились пришельцы не только с Земли».

«Да, точно. Ничего странного в этом нет, мы и не рассчитывали, что координаты Сорэ сохранятся в тайне надолго. Ну да бог с ней, с Сорэ. Меня больше беспокоит Румылв, а в особенности два конкретных факта, с ним связанных. Во-первых,

ни один инопланетянин на Румылве пока не замечен. А во-вторых, диверсия была проведена с применением технологий, неизвестных на Земле даже после общения с Вудстоком».

«Искусственное землетрясение?»

«Всего лишь молекулярный деструктор. Но очень большой мощности и работающий без электричества, исключительно на биологической энергии. Не исключено, что он использовал магию Румылва, хотя это сомнительно».

«Почему?»

«Не укладывается в основную версию. Аналитики считают, что диверсию устроили яхры, чтобы очистить Румылв от людей, а в дальнейшем спокойно изучать его магию. Если яхры уже владеют магией Румылва, в диверсии нет смысла».

«Может, они хотят не изучать магию, а наоборот, сохранить ее в тайне? Так же, как с Вудстоком. Тогда все получается осмысленно».

«Может быть», согласился Габов. «Но это было только предисловие. Мы с Кожуховым и Сабалиным посовещались и пришли кое к каким выводам. Вывод первый. Откуда-то сверху идет утечка информации».

На мгновение мне захотелось подключить свой разум к сознанию Даши, чтобы она разделила со мной удовлетворение по поводу того, что такие умные люди, как Габов с Кожуховым, пришли к тому же выводу, что и я. Впрочем, вчера мы с Дашей решили, что не такие уж они и умные. Может, теперь они кажутся умными только потому, что в точности повторили ход моих рассуждений? Но тогда получается, что они нисколько не умнее меня, ведь им потребовалось на сутки больше времени, чем мне. Но, с другой стороны, они параллельно занимались расследованием диверсии на Румылве… А может, все дело в том, что подсознание пытается убедить меня, что раз умные люди пришли к тем же самым выводам, то и я тоже не совсем дурак?..

«Мы с Андреем поняли это еще вчера», сказала Даша. «Что дальше?»

Габов недовольно крякнул и спросил:

«Вы поэтому так долго не выходили на связь? Считали, что утечка идет через меня?»

«Ну… в общем… да», сказал я. «Не непосредственно от вас, а откуда-то сверху, но через вас. Мы долго размышляли, стоит ли вам доверять…»

Я осекся, но было поздно, Габов уже подхватил мою мысль.

«Решили, что не стоит?» спросил он.

В разговоре повисла неловкая пауза.

«Правильно решили», сказал наконец Габов. «На тот момент

это решение было единственно верным. Но не теперь».

«А почему не теперь?» спросила Даша.

Она изо всех сил старалась скрыть сарказм, но тщетно.

«Слушайте вывод второй», сказал Габов. «Мы прекращаем работать с официальным правительством. С этого момента комитет защиты порядка на Земле действует автономно, сам по себе».

«Уходим в подполье», хихикнула Даша.

«Да, уходим в подполье», серьезно подтвердил Габов. «Других вариантов у нас не остается. Маленькая группа героев, которая спасает мир…»

«Вам надо сменить имя на Джеймс Бонд», посоветовала Даша.

Обычно я чувствую эмоции Габова гораздо слабее, чем Дашины, но в этот момент я отчетливо ощутил исходящий от него мощный эмоциональный импульс.

«Имя Джеймс Бонд в этой компании лучше не упоминать», посоветовал я. «Ты и сама должна помнить. А кстати, Николай Алексеевич, кто был Джеймс Бонд по национальности? Яхр или нет?»

Габов немного помолчал, а затем ответил вопросом на вопрос:

«Андрей, а ты головой думать не пробовал? Если бы Джеймс Бонд был яхром, он не выбрал бы себе такое идиотское имя. Либо его раса не пользуется звуковой речью, либо их фонетика в корне отлична от нашей».

«Точно!» воскликнул я. «Но так это же замечательно! Как мне раньше в голову не приходило! Кроме яхров и их сателлитов есть существует одна высокоразвитая раса, у которой есть свои интересы на Земле».

«И что в этом замечательного?» спросил Габов. «Хочешь столкнуть их с яхрами лбами? Не выйдет — они явно из разных секторов, они просто не поймут друг друга. К тому же, интересы на Земле и тех, и других направлены на то, чтобы изолировать нас от Вудстока».

«Не совсем. У яхров основной интерес совсем другой — изолировать от Вудстока самих себя. Если объяснить Джеймсу Бонду, что яхры хотят получить доступ к тайнам Вудстока…»

«То начальство Джеймса Бонда проведет на Нисле разведывательную операцию и поймет, что ты их обманываешь».

«А вот и нет», улыбнулся я. «Мы с Дашей все вчера обсудили и решили, что немножко пошантажировать яхров будет полезно. Я связался с их комитетом защиты порядка и сказал, что если они не уберутся с Земли, то я распространю координаты Вудстока по всему сектору».

«И что?» заинтересовался Габов. «Что они ответили?»

«Ничего. Со мной говорил автоответчик, он мне не поверил, сказал, что я сделал ложный вызов. Дескать, новая информация противоречит уже имеющейся, а то, что имеющаяся информация сильно засекречена, он считает маловероятным. В общем, ничего не получилось».

«И что ты сделал дальше?» спросил Габов. «Только не говори, что ты распространил координаты Вудстока по всему сектору».

Кажется, я был прав, когда решил не пересказывать Габову свой разговор с компьютером Блубейка. Но теперь уже поздно отступать.

«Не по всему сектору», уточнил я. «Я передал их только на Блубейк. В качестве ответной услуги компьютер Блубейка обещал предоставить мне административный доступ к планетарному узлу Земли».

«К какому узлу?» не понял Габов. «Он построит на Земле еще один узел?»

«Не совсем. Он подключит к основному узлу дополнительную управляющую консоль, причем яхры не должны ничего заметить. Когда планетарный узел только строится, это возможно. Все, что для этого нужно — построить нанозавод, который будет производить изделия, в которые будут встраиваться управляющие модули для узла. Яхры не собираются придумывать для Земли какую-то особенную конструкцию, они хотят построить на Земле стандартный узел для слаборазвитых планет. Нопстеры тоже начнут строить такой же стандартный узел, элементы этих двух узлов будут совместимы друг с другом и получится, что к узлу яхров просто добавится еще одна управляющая консоль. По крайней мере, я так понял».

«Когда я была на Вудстоке, он упоминал о нанотехнологических планетарных узлах», заметила Даша. «Он даже пытался объяснить мне, как они устроены, но я сказала, что на Земле нанотехнологии нет и в ближайшее время не будет. Тогда он стал рассказывать, как построить узел без нанотехнологии».

«А кстати», вспомнил я, «как насчет того проекта с перекачкой чертежей в памяти буддийских монахов? Что-нибудь получилось?»

«Насколько мне известно, у них все идет по плану», сказал Габов. «К июлю-августу должны закончить. Но это уже не актуально — они в любом случае не успевают. Нанотехнологию на Землю, к сожалению, принесут именно яхры».

«А почему к сожалению?» спросил я. «Какое кому дело до того, кто именно подарит людям рог изобилия? Когда контроль

над доступом людей к Сети еще не был потерян, разница была, но теперь-то какая разница? Боюсь, Вудсток был прав, мы действительно больше не можем ни на что повлиять. Люди разбегутся по разным мирам, на Землю хлынут инопланетяне, человечество, может быть, и не исчезнет как раса, но человеческая империя на карте галактики точно не появится».

«Тогда нам нужно отойти в сторону и спокойно наблюдать», сказал Габов. «Но разве ты сможешь спокойно стоять в стороне?»

«Не знаю», сказал я. «Если не будет другого выхода — наверное, смогу. Но я не думаю, что у нас не будет другого выхода. Исправить ситуацию мы вряд ли сможем, но яхрам отомстить сможем вполне. Фокус с Блубейком не удался, но во вселенной полно других рас. Некоторые из них могут нагадить яхрам так, что мало не покажется».

«Например?».

«Да хотя бы Сэон! Ну, эти ходячие кусты с ядовитыми щупальцами. Правда, они и на Земле нагадят…»

«В том-то все и дело», вздохнул Габов. «Проблема в том, что Вудсток доступен только с Земли. Мы не можем предоставить какой-то расе доступ к Вудстоку, не предоставляя ей доступа к Земле».

И тут меня посетила еще одна мысль.

«Погодите!» воскликнул я. «А вы уверены, что нет других миров, с которых открыт прямой доступ на Вудсток?»

«Думаю, такие миры существуют», ответил Габов. «Но какая от них польза, если мы ничего о них не знаем?»

«Мы-то не знаем, но, может, Вудсток знает?»

«А что?» оживился Габов. «Попробуй его спросить».

Я обратился к Вудстоку и повторил ему последний вопрос.

Такие миры существуют , ответил Вудсток. *Их довольно много. Но я не назову тебе их координат* .

«Почему?»

Я не хочу, чтобы обитатели этих миров столкнулись с теми же проблемы, что и люди. Если их координаты распространятся по вашему сектору, там начнется настоящее бедствие.

«Ты больше не отрицаешь, что на Земле творится бедствие?»

Я никогда этого не отрицал.

«Но ты отказал мне в помощи».

Я не могу оказать тебе адекватную помощь. Во вселенной нет ни одной силы, которая смогла бы повернуть историю Земли вспять.

«Не обязательно поворачивать ее вспять! Достаточно убрать хотя бы самые неприятные последствия. Если изолировать Землю от всех миров, кроме твоего…»

Мне показалось, что Вудсток усмехнулся.

Это труднее, чем тебе кажется , сказал он. *Если ты не являешься создателем Сети, строительство астрального барьера — дело непростое и небыстрое. Кроме того, астральный барьер нельзя строить, пока в мире нет планетарного узла.*

«А когда узел будет готов, ты сможешь выстроить барьер между Землей и остальной вселенной?»

Смогу, но не захочу.

«Почему?»

Это будет неправильно. Я тебя понимаю, в первую очередь тебя интересует судьба родной расы, но я забочусь не только о людях, но и об остальных расах вашего сектора. Если они потеряют контакт со мной, это плохо скажется на их дальнейшем развитии.

«Но этот барьер не обязан существовать вечно! Пусть он просуществует несколько лет, потом человечество оправится от потрясения, накопит достаточно знаний и…»

И уйдет на следующий уровень развития , перебил меня Вудсток. *А яхры, нопстеры, уфсулы и все прочие расы вашего сектора лишатся шанса, который может им дать человечество. Твое предложение разумно, но я не могу с ним согласиться. Оно слишком эгоистично. Ты хочешь повысить благосостояние человечества любой ценой, наплевав на все другие расы. Я не могу позволить этого.*

«Тогда что мне делать? Спокойно смотреть, как яхры готовят гибель человечества? Кстати! Яхры ведь не просто так строят планетарный узел на Земле. Они собираются изолировать Землю от тебя. Если это у них получится, они точно лишатся своего шанса… какого, кстати, шанса? Шанса выйти на следующий уровень?»

Да , ответил Вудсток. *Именно этого шанса они изо всех сил стараются лишиться. Но у них не получится отрезать меня от Земли. Ваш сектор не имел доступа к наследию предтеч почти шесть тысяч лет. Это была моя ошибка, я недооценил масштабы строительства, которое предприняли эрпы и гвеймо в финальной стадии перехода.*

«Кто-кто? Эрпы? Они раньше были нормальной расой? А потом некоторые из них перешли на следующий уровень, а большинство впали в застой?»

Да, все было именно так. Переход расы на следующий уровень похож на взрыв новой звезды. Часть социального вещества рассеивается в окружающем пространстве, а оставшаяся часть коллапсирует. Лишь единицы находят третий путь, ведущий в новое измерение.

«Так это и есть переход на следующий уровень? Переходит не вся раса, а только отдельные представители?»

Да.

«И что потом происходит с этими представителями?»

Ты не поймешь, пока сам не пройдешь этим путем.

«А у меня есть шанс?»

Да. Я полагаю, что в вашем случае переход захватит около ста тысяч человек. Это очень много.

«А сколько бывает обычно?» спросил я. «Сколько эрпов перешло на следующий уровень? И сколько вообще существ пребывает на этом уровне?»

Вудсток надолго замолчал, а затем осторожно сказал:

Очень трудно сформулировать корректный ответ в твоей системе понятий. Пожалуй, я воздержусь от ответа.

«А ты попробуй. Должен же я понять, к чему ты меня готовишь. Ты ведь планомерно готовишь меня к какой-то миссии. Автономный кусок сознания, который всегда приходит на помощь в самый последний момент, постоянная защита тела от захвата путешественниками…»

«Андрей!» вдруг воскликнула Даша в моем сознании. «С Габовым потеряна связь!»

Тебе надо срочно побеспокоиться о собственном выживании , сказал Вудсток. *В доме находится несколько яхров, они только что закончили монтаж генератора изолированной зоны.*

«Как закончили?» не понял я. «Какого генератора?»

Идиот! рявкнул Вудсток. *Все объяснения потом! Выдергивай свою задницу из кровати и беги в гостиную, пока еще не поздно!*

7

В гостиной толпилось около десяти эрпов, они суетились вокруг какого-то предмета, отдаленно напоминающего большой чемодан на колесиках. Черт возьми! Почему Вудсток предупредил меня только сейчас, а не минуту назад?!

При виде меня эрпы занервничали — они явно не ожидали, что я появлюсь так быстро, я видел это в их аурах.

— Что вы тут делаете? — громко спросил я, накапливая предбоевой праведный гнев. — Кто вас сюда звал? Что вы сделали с Геной и Надей?

Эрпы переглянулись. Один из них, похоже, самый главный, немного поколебался, а затем принял решение. Он вытянул перед собой правую руку и резко двинул ей вниз. Этот жест не нуждался в переводе.

Трое других эрпов синхронно направили на меня маленькие пластмассовые коробочки. Повинуясь шестому чувству, я отпрыгнул назад и захлопнул за собой дверь.

Несколько секунд ничего не происходило, а затем псевдодеревянная дверь дернулась и стала медленно оплывать вниз, как будто дерево постепенно превращалось в смолу. Хотя это был скорее пластик, чем дерево.

Я сразу понял, что происходит за дверью — эти три эрпа стреляют в меня из молекулярных деструкторов, подобных тому, что я отнял в конце января у инопланетного хулигана. Когда дверь окончательно расплавится, они войдут сюда и тогда настанет черед моего тела. А у меня нет ничего, что я мог бы им противопоставить. Или есть? Вудсток?!

Как что, так сразу Вудсток , проворчал Вудсток в моей голове. *Прежде всего, отойди в сторону — стена толще, чем дверь.*

Я послушно отошел в сторону.

А теперь , продолжал Вудсток, *мысленно представь себе какое-нибудь оружие, которым можно управлять дистанционно и которым ты владеешь.*

Я представил себе дистанционно управляемый самолет, однажды я видел такой по телевизору в какой-то передаче про военную технику. Оператор держит в руках пульт, примерно такой же, как у детских радиоуправляемых автомобильчиков, на пульте есть маленький жидкокристаллический экран, на него транслируется изображение с телекамеры, установленной на самолете, оператор управляет самолетом, двигая джойстиком, а специальной кнопкой можно запускать маленькие ракеты, которые самолет несет под крылышками. Но как можно применить такой самолет в здании? Запустить ракету в окно? Но у меня нет никакого пульта!

Идиот , прокомментировал Вудсток мои мысли. *Представь себе большую мину.*

«Насколько большую?»

Не настолько, чтобы разнести весь дом, но достаточно большую, чтобы уничтожить генератор изолированной зоны.

Я представил себе большой металлический блин противотанковой мины.

Не годится , заявил Вудсток. *Ударная волна пойдет вверх и всего лишь контузит противника. Представь себе большую противопехотную мину.*

«Разве такие бывают?» удивился я.

Насколько я помню лекции по войне в институте, противопехотная мина — это маленький кусочек не то резины, не то пластмассы, внешне похожий на большую зеленую лягушку.

Когда противник наступает на эту лягушку, она взрывается и отрывает ему ступню.

Представь себе большую кучу противопехотных мин , сказал Вудсток. *И поторопись, дверь вот-вот расплавится.*

Я перевел взгляд на дверь и увидел, что она, действительно, вот-вот расплавится. Это зрелище придало новые силы моему воображению и в сознании тут же появилась картина, изображающая большое железное ведро, доверху набитое противопехотными минами.

Молодец , констатировал Вудсток. *А теперь добавь детонатор, который взорвется через секунду после того, как эта штука сформируется в шкафу.*

Только теперь до меня дошло, к чему клонит Вудсток.

«Разве шкафом, в котором появляются вещи, можно управлять из другой комнаты?» спросил я.

Обычно нельзя , ответил Вудсток. *Но с моей помощью ты справишься. Давай быстрее, тебе осталось восемь секунд.*

К этому времени от двери осталась только нижняя половина. При желании враги уже могли попробовать перебраться в комнату, в которой я находился, но они, очевидно, предпочитали действовать наверняка.

Я представил себе детонатор, лежащий на куче противопехотных мин, и мысленно приказал кухонному шкафу материализовать всю эту конструкцию.

Дверь зашаталась и рухнула окончательно. И в тот же момент где-то в противоположном конце дома громко зазвенел звонок обычного механического будильника. А в следующую секунду дом ощутимо тряхнуло.

Беги! крикнул Вудсток. *Да не туда, к окну беги! Прыгай в окно и перемещайся на Блубейк!*

— Я не могу! — закричал я. — Тут Даша…

Вот дебил , сказал Вудсток и мое сознание отключилось.

8

Я очнулся, вскочил на ноги и увидел свою собственную руку, серую и покрытую шипастыми колючками. Сразу стало ясно, где я нахожусь.

«Что случилось?!» мысленно заорал я. «Вудсток! Какого черта? Где Даша?»

Вудсток ответил в своей обычной манере — не спеша и по пунктам, в порядке поступления вопросов:

Я тебя спас. Потому что ты впал в панику. Даша там же, где

была.

— Я не просил меня спасать! — крикнул я, кажется, вслух.

Не просил , согласился Вудсток. *Ты собирался бесполезно и бестолково пожертвовать собой. Я не мог с этим согласиться — у меня другие планы на тебя.*

— Приветствую тебя, путешественник, на благословенной планете Блубейк! — раздался из стены рыкающий нопстерский голос. — О каком спасении ты говоришь?

До меня не сразу дошло, что голос принадлежит планетарному компьютеру, который решил вдруг произнести стандартное приветствие. А когда я понял это, моим первым побуждением было вдарить шипастым кулаком со всей дури в то место стены, где спрятан динамик и… Стоп. А чем черт не шутит?..

— На меня напали агенты конфедерации яхров, — заявил я. — Они ворвались в мой дом на планете Сорэ и пытались застрелить из молекулярного деструктора. Мне пришлось спасаться бегством. В доме остаются три человека, им грозит опасность.

— Очень серьезная информация, — сочувственно произнес компьютер. — Твоя мимика показывает, что ты не лжешь, но я обязан предупредить, что в случае ложного сигнала ты будешь направлен на психическое освидетельствование либо выдворен с планеты.

— Я не лгу, — сказал я.

— Хорошо, — сказал компьютер. — По указанному адресу выслана оперативная группа.

— По какому адресу? — не понял я. — Я не указывал никакого адреса.

— Ты сильно перенервничал, — заметил компьютер. — Ты забыл, что планетарный узел Блубейка всегда сохраняет в памяти координаты точки, из которой пришел пришелец. Оперативная группа уже вошла в портал, ближайший к твоему дому. Полицейские заняли последние доступные тела, одному даже не хватило тела. Но это не страшно, опергруппа может действовать и в сокращенном составе. Где относительно портала находится дом, в котором произошло преступление?

— Выйдя из портала, надо идти прямо и чуть левее, там будет невысокий холм, а за ним сразу виден дом.

— Спасибо, — сказал компьютер. — Целеуказание передано. Через пять-семь минут опергруппа будет на месте.

— Это тебе спасибо. Ты всегда так оперативно реагируешь на сигналы о преступлениях в иных мирах?

— Конечно, — ответил компьютер. — Любое разумное

существо, находящееся на Блубейке и не обвиненное в серьезных преступлениях, является гражданином планеты. Я защищаю права всех граждан Блубейка во всех мирах вселенной.

— Хорошая у вас планета, — задумчиво произнес я. Продолжить я не успел, потому что компьютер радостно воскликнул:

— Конечно, хорошая! Я рад, что ты наконец-то осознал это. В прошлый раз ты покинул наш мир, не успев оценить его по достоинству, но ты все-таки вернулся. И это правильно, потому что во вселенной очень мало миров, где права разумного существа защищаются так же хорошо, как на Блубейке.

— Наверное, к вам приходит много путешественников, которые просят восстановить справедливость в иных мирах, — предположил я.

— Нет, — возразил компьютер, — таких путешественников очень мало. Большинство разумных существ вселенной даже не подозревают о существовании нашей планеты. А те, кто о ней знает, обычно не покидают ее и потому нарушение прав им не грозит. Кроме того, граждан Блубейка редко обижают в иных мирах. Наш комитет защиты порядка хорошо известен во всем секторе, да и за его пределами тоже. Опергруппа только что передала — они поднялись на вершину холма и увидели дом, в котором действуют преступники. От дома к порталу бегут два разумных существа, явно шокированные. Они кричат, что в доме произошел взрыв.

— Да, произошел, — согласился я. — Я…

А кстати, почему Вудсток так настаивал на том, чтобы я что-то взорвал? Тогда я подумал, что он хочет подорвать эрпов, расстреливавших дверь, но кухонный шкаф, в котором материализовалось ведро с минами, находился совсем в другом месте дома и… Вудсток! В чем дело?

Ты ничего не понял и все перепутал, печально сообщил Вудсток. *Вместо того, чтобы сформировать мину в гостиной, ты взорвал кухню и от взрыва никто не пострадал, кроме Гены с Надей, которых слегка контузило.*

«А где должна была взорваться мина?»

В гостиной, конечно.

«Как она могла там появиться? Там тоже есть шкаф?»

Конечно, есть. Или ты думаешь, что яхры тащили генератор из кухни?

«А где там шкаф? Там вообще нет мебели, одни голые стены».

Шкаф спрятан в наружной стене под окном. Чтобы его открыть, надо дать мысленную команду.

«Там же нет места! Стена не настолько толстая».

Пространство внутри шкафа неевклидово , пояснил Вудсток. *Очень жаль, что ты неправильно меня понял. Это моя вина — я упустил из виду, что ты не заметил шкаф в гостиной.*

«И что теперь делать?»

Ждать. Посмотрим, что сможет сделать опергруппа.

— Ты с кем-то разговариваешь по Сети, — констатировал голос из стены. — У тебя есть терминал, встроенный непосредственно в мозг. У нас это не принято.

— И что мне теперь делать? — огрызнулся я. — Повеситься?

— Не обязательно, — спокойно ответил компьютер. — Самоубийства у нас, в принципе, не запрещены и если ты хочешь повеситься, ты можешь сделать это в любой момент. Но совершать самоубийство нет никакой необходимости. Тебе достаточно всего лишь не упоминать о своем терминале, когда разговариваешь с другими нопстерами.

Я почувствовал большое искушение начать расспрашивать компьютер, что случится, если я проигнорирую его требование, выйду на улицу и начну орать: «Нопстеры! У меня терминал Сети прямо в голове! Вы тоже можете получить такой терминал, если…» Но сейчас не самое подходящее время, чтобы ругаться с планетарным компьютером.

— Как опергруппа? — спросил я. — Они уже прибыли на место?

— Прибыли, — подтвердил компьютер. — Двум шокированным существам оказана помощь. В доме обнаружено девять зомбированных тел… уже десять. Девять мужских и одно женское.

Память тела подсказала, что имел ввиду компьютер, употребляя слово, которое мое подсознание перевело как «зомбированных». Компьютер имел ввиду, что в доме найдены гостевые тела, ранее принадлежавшие пришельцам из иных миров, а теперь покинутые. Интересно, куда яхры утащили Дашу?

А в следующее мгновение я все понял.

— Спасибо, компьютер, — сказал я. — Я тебе очень благодарен, но я должен уйти. Мне надо закончить это дело.

— Подожди! — воскликнул компьютер. — Тебе не нужно никуда уходить. Если ты знаешь, куда ушли эти существа, ты можешь мне сказать, я передам опергруппе новое целеуказание…

— Спасибо, — оборвал я его, — но я должен справиться сам. Так будет лучше.

На Сорэ меня ждал сюрприз — я материализовался в воздухе на высоте второго этажа и уже падал. Я не успел сгруппироваться, больно ударился о землю и, кажется, сломал руку. В юности я неоднократно спрыгивал с большей высоты и ни разу серьезно не ушибался, хотя мое тогдашнее тело было ненамного легче теперешнего. Но одно дело, когда ты готов к падению, и совсем другое — когда падаешь, как мешок с навозом, не понимая, что происходит, и бестолково дрыгая руками и ногами. Вудсток мог бы и предупредить, в какой момент он загнал в стасис мое предыдущее тело.

Когда я немного очухался и перестал ругаться, я вдруг обнаружил, что со всех сторон окружен незнакомыми эрпами. Очевидно, это была опергруппа с Блубейка.

— Спасибо, ребята, — сказал я. — Вы очень помогли. Ваша миссия закончена, дальше я справлюсь сам.

— Мы не можем оставить тебя в беде, — неожиданно тонким голосом провозгласил один из оперативников, видимо, командир опергруппы. — Где здесь ближайший терминал?

— У меня в голове, — ответил я. — Только вы не сможете им воспользоваться. Возвращайтесь в портал и оттуда на Блубейк. Большое вам спасибо.

— Так нельзя! — обиженно воскликнул полицейский. — Наше призвание — служить и защищать, мы…

Я оборвал его нетерпеливым движением руки.

— Не мешайте мне, — сказал я.

Я отошел на два шага и попытался связаться с Дашей по Сети.

«Абонент временно недоступен», ответила Сеть.

— Твою мать! — выругался я.

— Не понял, — сказал предводитель опергруппы. — Причем тут чья-то мать?

— Ты не поймешь, — махнул я рукой. — Это непереводимый человеческий фольклор.

Очень плохо. Я полагал, что Даша ускользнула из дома, воспользовавшись замешательством нападающих, но эта версия не подтверждается. Что же с ней случилось?

Я попытался связаться с Габовым. Снова безуспешно. Я повернулся к нопстерским полицейским и констатировал:

— У меня проблемы. Женщина, находившаяся в доме, не отвечает на вызовы по Сети. Мужчина, с которым я разговаривал в момент атаки, тоже не отвечает.

Главный нопстер серьезно произнес:

— Вероятно, они похищены. Ты знаешь, кто мог это сделать?

— Как они могли быть похищены?! — воскликнул я. — У них обоих терминалы в мозгу, как у меня!

— Разве такое возможно? — удивился полицейский.

— Возможно, — кивнул я. — Сейчас подумаю…

— Нечего тут думать, — заявил главный полицейский. — Если ты знаешь, кто организовал похищение, скажи мне и дальше действовать будем мы. Это наша работа.

— Хорошо, — сказал я. — Нападение организовали сотрудники комитета защиты порядка одной из планет, входящих в конфедерацию яхров. Вероятно, Нисле.

Командир опергруппы замер на месте и закатил глаза, очевидно, вступил в мысленный контакт с поисковой системой Сети либо с планетарным компьютером Блубейка. Через минуту взгляд нопстера снова стал осмысленным и он печально констатировал:

— Очень сожалею, но это дело находится вне нашей компетенции. Планетарный компьютер запретил продолжение силовой операции, он говорит, что этим делом должны заняться дипломаты. Правительствам всех миров конфедерации уже направлены официальные ноты. Компьютер будет держать тебя в курсе. Что касается нашей опергруппы, то ее миссия завершена. Мы проводим тебя к порталу.

— Не надо, — сказал я. — Мне надо подумать.

— Как знаешь, — отозвался предводитель нопстеров. — Счастливо оставаться.

С этими словами он отвернулся от меня и целеустремленно зашагал в сторону холма, за которым находился портал. В отличие от яхров, нопстеры отнеслись к своим гостевым телам более бережно. Интересно, что происходит с гостевыми телами, брошенными вне портала? Есть у них какая-то программа экстренного возвращения в портал или им предстоит погибнуть от голода и жажды? Или они способны самостоятельно удовлетворять эти потребности, функционируя в бессознательном режиме? Впрочем, какая мне разница?

Куда яхры могли деть Дашу? Когда я покинул Сорэ, Даша находилась в изолированной зоне, но к тому моменту, когда на Сорэ прибыли нопстеры, изолированная зона перестала существовать — иначе Даша не смогла бы покинуть тело эрпа. Куда она подевалась — вернулась на Землю или яхры утащили ее куда-то еще?

И тут до меня дошло. Я хлопнул себя по лбу здоровой рукой и с трудом удержался, чтобы не покрыть себя матом. Что-то ненормальное со мной происходит, совсем перестал соображать. Очевидно же, что если бы Даша воспользовалась терминалом, то ее тело исчезло бы в стасисе, как исчезло мое тело на то время, которое я провел на Блубейке. Но сейчас временное тело Даши

пускает слюни где-то в доме и отсюда следует однозначный вывод — Даша на Земле. Но почему она не отвечает?

Я попытался связаться с ней еще раз и снова безрезультатно. Сходить посмотреть, что происходит в нашей квартире на Земле? А если там еще одна изолированная зона?

Наверняка так и есть. На Земле шпионы яхров чувствуют себя как дома, для них нет проблем получить доступ к базам данных, например, МВД, и узнать, где мы с Дашей жили до того, как переместиться на Сорэ. Логично предположить, что если операция на Сорэ провалится, то кто-то из нас или даже мы оба вернемся в свою старую квартиру на Земле. Будь я на месте яхров, обязательно устроил бы там засаду.

Итак, возвращаться назад в земное тело сейчас не стоит. Скорее всего, это не получится, а если и получится, то я окажусь внутри изолированной зоны под прицелом нескольких деструкторов. Такое приключение нам не нужно.

Кажется, выход остался только один — продолжить цепочку временных тел, занять тело молодого человека спортивного телосложения, желательно, вооруженного, и уже в этом теле наведаться в свою квартиру. Вряд ли яхры успели установить на входе в квартиру односторонний телепортатор, как на Шотфепке. Насколько я понимаю, без нанозавода построить телепортатор практически невозможно, а нанозаводов на Земле пока нет. А если телепортатора на входе не будет, то я всегда смогу выбраться из изолированной зоны своими ногами. Теоретически. А практически — кто знает, какие сюрпризы могли склепать яхры из земных радиодеталей и тухлых йогуртов. Времени на обустройство засады у них было более чем достаточно. Пожалуй, не стоит мне бросаться грудью на амбразуру.

Я связался с планетарным компьютером Блубейка и сообщил ему, что знаю, где находится женщина, которую похитили яхры.

10

Нет лучшего прикрытия для инопланетного мента, чем тело мента земного. Не нужно ломать голову, где раздобыть оружие и транспорт, ни у кого не возникает вопросов, какими такими странными делами занимается эта группа людей, и, самое главное, можно устраивать почти любой беспредел и ни один случайный прохожий ничего не заподозрит. Менты на то и менты, чтобы творить произвол и насилие.

По дороге от омоновской базы к моему дому мы заглянули в аптеку и в магазин автомобильных запчастей. В аптеке командир

опергруппы (я уже успел выяснить, что его зовут Юр, почти земное имя, однако) закупил целую гору марганцовки, а в автомагазине — небольшую банку краски-серебрянки. Я сразу вспомнил байки своего детства о том, что если смешать эти две субстанции, то… уже не помню, что должно получиться. Помнится, один мой друг, Серый его звали, делал из этой смеси какие-то бомбочки…

— Световая граната, — ответил Юр на мой вопрос. — Лучше было бы, конечно, воспользоваться серийным изделием, но подходящих моделей у нас на базе нет. А те, что есть, оставят мокрое место и от яхров, и от твоей Даши.

Я недоуменно помотал головой.

— А как же по телевизору говорят, типа, спецназ применил светошумовые гранаты и заложники не пострадали? — спросил я.

Юр покровительственно улыбнулся.

— Не знаю, как по телевизору, — сказал он, — а память моего тела подсказывает, что в квартире этими гранатами пользоваться нельзя. Их можно применять только в чистом поле или в большом помещении, типа как в ДК на Дубровке…

Юр неожиданно осекся, немного помолчал, а затем произнес с немного ошарашенной интонацией:

— Ну, вы, люди, и звери. Ни в одном мире о таких делах не слышал. Короче, нельзя эти гранаты в квартире взрывать. Разве что если там никого нет, кроме преступников.

Пока мы разговаривали, один из подчиненных Юра свернул из газеты кулек, сноровисто обмотал его тонким скотчем, наполнил получившуюся емкость адской смесью и приступил к утрамбовке заряда.

— А не рванет? — опасливо поинтересовался я.

— Не должно, — сказал Юр. — Но ты, Рефр, все равно поосторожнее.

Рефр пробормотал нечто невразумительное и продолжил заниматься своим делом. Минуты через полторы он поднял голову и сообщил:

— Готово.

Юр кивнул и вытащил из бардачка непонятную металлическую штуковину цилиндрической формы. Из одного торца цилиндра торчал длинный и толстый металлический шпынек с закругленным концом, а к боковой поверхности цилиндра было прикреплено проволочное кольцо. Я пригляделся к этому чуду повнимательнее и неожиданно понял, что именно вижу перед собой.

— Хорошо живут менты, — сказал я. — В бардачке запал от гранаты валяется.

— Граната там тоже есть, — уточнил Юр. — Мое тело конфисковало ее на днях у каких-то преступников. Только граната отдельно, а запал отдельно. Только оптимисты хранят гранаты в снаряженном состоянии.

— Можно поближе посмотреть? — попросил я. — С такой конструкцией я еще не сталкивался.

— Конструкция новая, — подтвердил Юр. — Мое тело тоже ее тогда впервые увидело. Но тут все очень просто. Со старой конструкцией знаком?

— Конечно.

— Принцип тот же самый. Только пороховая шашка не одна, а три. Первая сгорает за секунду и освобождает ударный взрыватель. Если он через четыре секунды не сработает, догорают две остальные и граната взрывается по любому. Очень удобно.

Тем временем Рефр аккуратно засунул шпынек запала внутрь кулька и стал приматывать скотчем запал к взрывпакету, следя, чтобы кольцо оставалось свободным.

— А это чудо техники не развалится? — забеспокоился я.

— Не развалится, — успокоил меня Юр. — Главное — не использовать эту штуку как кастет.

— Квартира не сгорит? — спросил я.

— Не должна, — ответил Юр и пожал плечами.

Остаток пути мы ехали молча.

11

Мы уже свернули с улицы во дворы, когда мне пришла в голову замечательная идея.

— Останови здесь, — сказал я, обращаясь к водителю.

— Разве это тот дом? — удивился Юр. — Если верить карте, он должен быть чуть дальше, примерно вон там.

— Он там и есть, — подтвердил я. — Просто мне пришла в голову дельная мысль.

Я запустил руку во внутренний карман куртки и выудил оттуда мобильный телефон. Снял блокировку клавиатуры, машинально вывел на экран список последних введенных номеров и замер в растерянности. Я понял, что не помню номер Дашиного мобильника. В моем телефоне он был вбит в адресную книгу, но я никогда не лазил даже туда, потому что номер Даши никогда не исчезал из списка последних набранных номеров. А теперь мой мобильник пребывает в стасисе вместе со всей своей адресной книгой. Хорошо, что свой городской номер я помню наизусть.

Даша сняла трубку только после четвертого звонка. И это была не Даша.

— Алло! — раздался в трубке незнакомый мужской голос.

Почему-то мне показалось, что раньше этот голос принадлежал менту.

— Дашу позовите, пожалуйста, — попросил я.

— Андрей? — спросил голос.

— Да. С кем имею честь?

— Чего? — растерянно переспросил голос.

Все-таки ментовские тела имеют один серьезный недостаток — память тела у них весьма специфическая. Может, где-то и встречаются образованные и эрудированные менты… Наверняка где-то встречаются.

— Представьтесь, пожалуйста, — попросил я.

— Меня зовут Ситубуште, — представился голос. — Я представляю комитет защиты порядка планеты Нисле. Вы позвонили очень вовремя, нам нужно срочно переговорить.

— Где Даша?

— Рядом со мной, в целости и сохранности.

— Отпустите ее.

— Обязательно отпустим, — заверил меня Ситубуште. — Как только мы с вами обсудим все неотложные вопросы, ваша сожительница будет тут же освобождена.

— Что за вопросы?

— Вам лучше войти в квартиру. Обещаю, что никто не причинит вам вреда.

— Конечно, не причинит, — саркастически усмехнулся я. — А кто пытался расстрелять меня на Сорэ из деструкторов?

— Это было очень глупое решение, — заявил Ситубуште. — На разборе операции я обязательно подниму вопрос о наказании виновных.

— Буду благодарен, — буркнул я. — Так какие ко мне вопросы?

Ситубуште вздохнул и начал говорить.

— Вопрос, собственно, только один, — сказал он. — И это не вопрос, а требование. Вы должны немедленно прекратить оказывать противодействие представителям конфедерации как на Земле, так и в иных мирах. Со вчерашнего вечера по местному времени ваши действия стали противозаконными даже по земным меркам.

Я улыбнулся и сказал:

— Если бы ты пожил на Земле подольше, ты бы понял, как люди относятся к своим законам.

— Уже понял, — вздохнул Ситубуште. — Ваша раса очень

анархическая. Удивительно, как вы сумели создать такое жестко структурированное иерархическое общество.

— Не такое уж оно и структурированное, — возразил я. — Но это к делу не относится. Допустим, я сейчас пошлю тебя куда подальше, что мне за это будет?

— Мы убьем Дашу, — сказал Ситубуште.

И тут в моем поле зрения появилась рука Юра, молниеносно выхватившая мобильник из моей руки. Я мог воспользоваться полученными на Вудстоке навыками и отобрать мобильник обратно, но я не стал этого делать. Интуиция подсказывала, что Юру лучше не мешать.

— Ну ты, козел поднарный! — рявкнул Юр в трубку. — Ты за свой базар жопой ответишь! Я тебя на Колыме сгною!

В трубке раздалось веселое ржание.

— Порадовал отменно, — сказал Ситубуште, — спасибо. Слив засчитан. Андрей, ты где таких идиотов набрал? В Бобруйск ездил?

На лице Юра отразилась растерянность.

— Причем тут Бобруйск? — спросил он, прикрыв трубку ладонью.

— Это выражение такое, — пояснил я. — Он тебя оскорбляет.

— Это-то я понял, — сказал Юр, поднес трубку ко рту и решительно произнес в нее: — А теперь слушай внимательно, черт. С тобой говорит агент Юр из комитета защиты порядка планеты Блубейк.

Комментарий Ситубуште поставил в тупик даже меня. Смысл-то я понял, но где он набрался таких выражений? Воистину, русский язык эволюционирует удивительно быстро.

— Доярка, ты беременна? — спросил Ситубуште. И продолжил, не дожидаясь ответа: — Ваш тупенький компьютер решил, что имеет право вмешиваться в наши дела? Он думает, вашу богадельню примут в конфедерацию с распростертыми объятиями, что бы вы ни натворили? Дайте две, блин. Слушай меня внимательно, агент чукотский. Если будешь выпендриваться дальше, всей вашей дурацкой нации будет одна дорога — в газенваген.

— Что он несет? — пробормотал Юр, обращаясь ко мне. — Газенваген какой-то… Лучше ты меня слушай внимательно, оратор пробитый. Человек по имени Андрей, с которым ты только что разговаривал, является гражданином Блубейка. Женщина, которую ты держишь в заложниках — его подруга и сожительница. На Блубейке они оба имеют статус особо важных персон за заслуги перед Родиной. Это понятно?

— И что теперь? — огрызнулся Ситубуште. — Две недели в

сортир не ходить?

— Да хоть год не ходи, пока не лопнешь! — рявкнул Юр. — Нельзя обижать особо важную персону, это закон. Загляни в поисковую систему, посмотри, что происходит с теми, кто его нарушает, и подумай, стоит ли тебе пополнять их число.

— Да я на законы ваши пещерные клал с прибором! — рявкнул в ответ Ситубуште. — И вообще, я не с тобой разговариваю, а с существом по имени Андрей. Дай ему трубку, а сам пойди яду выпей.

— Ты пожалеешь об этих словах, — тихо сказал Юр и нажал на кнопку отбоя.

— Зря ты так, — сказал я. — По-моему, с ним можно было договориться. Или хотя бы попробовать.

— Ты не понимаешь, — покачал головой Юр. — Я не брал его на понт, закон об особо важных персонах действительно существует. Если нопстер, признанный особо важной персоной, подвергся неспровоцированному унижению, реакция следует незамедлительно. И это очень жесткая реакция. Бывало, что из-за подобных недоразумений начинались войны.

Мне показалось, что я ослышался.

— Что-что? — переспросил я. — Блубейк готов начать войну только из-за того, что кто-то обидел существо, ставшее нопстером только сегодня?

— Тебя обидел не кто-то, а официальное правительство другой планеты, — уточнил Юр. — И ты не просто существо, а существо, обладающее уникальной информацией, способной кардинально изменить историю Блубейка.

— Я уже не обладаю этой информацией, — уточнил я. — То есть, я ей обладаю, но все, что знал, я уже сообщил вашему компьютеру. Не понимаю, почему он так носится со мной …

Юр покровительственно улыбнулся.

— Доброе отношение к своим гражданам окупается сторицей, — заявил он. — Если ты гражданин Блубейка, то где бы ты ни был, ты всегда можешь быть уверен, что Родина за тебя заступится, в какую бы передрягу ты ни попал. Если у тебя есть важная информация для Блубейка, ты передаешь ее по назначению и после этого Блубейк сделает для тебя все. В нашем секторе каждый ученый, сделавший важное открытие, рано или поздно попадает на Блубейк. Причем Блубейк привлекает не только ученых, но и художников, писателей, музыкантов…

— Прямо как орден Аарн, — хмыкнул я. — Вам только глобальной эмпатии не хватает.

— Да, этого нам не хватает, — кивнул Юр. — Но Вудсток скоро предоставит нам эту возможность.

— Вудсток? — удивился я. — Откуда ты знаешь про Вудсток? Сдается мне, ты не простой оперативник.

— Конечно, не простой, — согласился Юр. — Я вхожу в число семи сопредседателей планетарного комитета защиты порядка. Ты себя недооцениваешь, Андрей, ты сейчас одна из самых важных персон не только на Блубейке, но и во всем нашем секторе. Я имею ввиду тот сектор вселенной, в который входит Блубейк.

— А тебя не смущает, что Земля находится совсем в другом секторе?

— Ну и что? Разница между нашими цивилизациями не настолько велика, чтобы сделать сотрудничество невозможным. Если бы люди были насекомыми, растениями или энергетическими существами — это было бы совсем другое дело, но вы такие же гуманоиды, как и мы. Культура, конечно, совсем другая, но это не мешает нам нормально общаться. Когда я нахожусь в человеческом теле, я не чувствую особого дискомфорта. Не могу сказать, что мне у вас все понятно, но между нашими культурами нет катастрофической разницы. Мы вполне можем быть друзьями.

— Не знаю, — задумчиво произнес я. — Может, ты и прав. Но сейчас это не самый неотложный вопрос. Мы идем выручать Дашу или у тебя есть другие предложения?

Юр немного подумал и вдруг спросил:

— А может, ну ее? Не понимаю, почему она для тебя так важна. Она тебе кто? Просто сожительница и мать будущих детей? Или у нее есть что-то особенное, что делает ее незаменимой для тебя?

— Ничего ты не понимаешь в человеческой культуре, — вздохнул я.

— Тогда объясни.

— Это будет непросто.

— Постарайся.

— Ну… Есть в человеческом языке такое слово — любовь.

— Точно, — кивнул Юр. — Я уже встречал это понятие в памяти тела. Но что оно означает — убей бог, не понимаю. И, сдается мне, хозяин этого тела тоже не понимает.

— Что такое любовь — не знает никто, — улыбнулся я. — Но все делают вид, что знают. Если не гнаться за абсолютной точностью, любовь — это когда другой человек становится родным, когда ты воспринимаешь все хорошее и плохое в его жизни, как будто это происходит лично с тобой. Когда ты изо всех сил стараешься, чтобы любимое существо было счастливо, чтобы с ним не происходило никаких неприятностей… по

возможности… Нет, не могу объяснить…

— Ты и так уже объяснил достаточно, — сказал Юр. — Любовь — это дружба, объединенная с сексуальным и стайным инстинктами. Любящие существа образуют стаю, члены которой обязаны заботиться друг о друге и… А любовь бывает только в паре или возможны и более крупные объединения?

— Хороший вопрос.

Юр засмеялся.

— Можешь не отвечать, я уже понял главное, — сказал он. — Ты обязан заботиться о Даше, потому что это обусловлено твоими инстинктами, социальными нормами и связанными с ними рефлексами. Я больше не буду предлагать тебе бросить ее, я уже понял, что это неприемлемо для тебя. Мы будем ее спасать. Пшуп, трогай!

Водитель воспринял поговорку адекватно и не стал никого трогать, а просто повернул ключ в замке зажигания. Я почувствовал, как в кровь тоненькой струйкой потек адреналин. Ох, сейчас начнется…

12

Я нажал кнопку звонка и уставился в дверной глазок, подсознательно ожидая, что сейчас там появится глаз одного из яхров, которые держат Дашу в заложниках. Умом я понимал, что ничего в глазке не увижу, но надо же куда-то смотреть…

— Это Андрей? — послышался из-за двери голос агента Ситубуште. — Ты один? Куда подевалось это пещеристое чмо?

— Кто-кто? — переспросил я.

— Ну, тот супермен с Блубейка.

Я сделал над собой усилие и произнес настолько честно, насколько мог:

— Я отказался от его услуг. Ты правильно сказал, он слишком пещерный.

Я ожидал, что Юр, прижавшийся спиной к дверному косяку, отреагирует на мои слова каким-то изменением в ауре, но его аура ничуть не изменилась. Она вообще почти не ощущалась, даже с моими навыками ее практически невозможно засечь, если не знать точно, где стоит ее владелец. Странно, я ведь помню, что аура нопстеров ничем не отличается от человеческой. Неужели Юр уже успел побывать на Вудстоке?

Замок провернулся, засов отодвинулся и дверь начала открываться.

— У меня есть деловое предложение, — громко сказал я.

Надеюсь, Даша меня услышала.

— Но вначале я должен увидеть Дашу и убедиться, что она жива, — добавил я.

Ситубуште (он оказался удивительно похож на мента Дукалиса из телевизионного сериала) покачал головой и сказал:

— Я не позволю тебе войти в изолированную зону. Не знаю, каким фокусам научила тебя бомба, и, честно говоря, не хочу узнавать. Подозреваю, что ты приготовил какой-то сюрприз.

— Да разве ж это сюрприз? — улыбнулся я.

И провел серию молниеносных ударов. Ситубуште проворно отскочил в коридор, ведущий к кухне, и заорал:

— Кончайте ее!

Я протянул руку к автомату электропитания и щелкнул тумблером, обесточивающим квартиру.

— Даша, уходи! — закричал я.

Подбежал к двери в комнату и вытащил из кармана кулек, над которым так долго колдовал Рефр. Выдернул из запала предохранительное кольцо и расслабил пальцы, в запале щелкнуло и зашипело, из него потекла струйка дурнопахнущего дыма. Ударом ноги я распахнул дверь в комнату и, не глядя, зашвырнул взрывпакет внутрь, направив его вниз, чтобы он с силой ударился о пол и взорвался моментально, а не через пять секунд. Отскочил назад, забился в угол прихожей, закрыл лицо руками и зажмурился. Время замедлило свой ход. Я почувствовал, как в комнате за стеной нарастает ощущение того самого неуловимого дуновения, которое всегда сопровождает физические перемещения по Сети. Основной план сработал и слава богу.

Пол под ногами содрогнулся, по ушам ударила острая боль, а перед глазами полыхнула яркая вспышка. Надеюсь, Ситубуште не успел отвернуться и зажмуриться, как я.

Прогремел выстрел, оглушенные уши восприняли его как умеренно громкий хлопок. Я обернулся и увидел, как временное тело Ситубуште грузно опускается на пол. Он думал, что это тело временное, но вышло так, что оно стало последним для него.

Я бросился к двери в комнату, получил сильный толчок в бок, потерял равновесие и чуть было не врезался головой в стену. А когда восстановил равновесие, я увидел, что дверь в комнату распахнута, а на пороге стоит Юр с пистолетом в руке.

Он сделал три быстрых выстрела, а потом еще два выстрела не спеша — очевидно, контрольные. Повернулся ко мне, беззвучно пошевелил губами, сморщился, наклонился ближе и крикнул в самое ухо:

— Уходим отсюда!

— Что с Дашей?! — крикнул в ответ я.

Юр посторонился и я увидел посреди комнаты дымящуюся конструкцию, составленную из каких-то железок и проводков. А чуть в стороне — стул, с которого свисали мотки бельевой веревки.

— С ней все нормально, — сказал Юр. — Ты был прав, эти придурки запитали генератор от розетки. Пошли отсюда.

И мы ушли.

Бедные менты, что они подумают, очнувшись посреди разгромленной квартиры в окружении трех трупов? Надеюсь, у них хватит ума затушить тлеющий палас. Но новые стекла взамен выбитых они точно не вставят.

13

— Очень хорошо, — сказал планетарный компьютер Блубейка. — Честно скажу, не ожидал такого успеха. По предварительным расчетам, шансы на благополучный исход операции составляли около двадцати процентов. Очевидно, расчеты был неверны, мне придется теперь внести коррективы в усредненный психологический портрет яхра-оперативника. Ты отличный боец, Андрей, Юр оценил тебя очень высоко. Кстати, он хочет с тобой поговорить.

Я почувствовал сетевой вызов, на который немедленно ответил.

«Ну что, Юр?» спросил я. «Теперь ты признаешь, что я был прав?»

«Признаю», подтвердил Юр. «Твой план был гениален».

«Ты мне льстишь», улыбнулся я. «Просто яхры и люди из одного сектора, а ты — нет. Мне было гораздо проще смоделировать поведение противника».

«Да, но… Как ловко ты предугадал, что генератор будет получать энергию из источника, который можно отключить одним движением руки!»

«Для человека это решение было очевидным», сказал я. «На Земле нет компактных аккумуляторов большой мощности, человеку психологически трудно рассматривать как источник энергии что-то отличное от электрической розетки. Когда яхры решали, откуда запитать генератор, они были вынуждены пользоваться памятью временных тел. Кстати, ты не знаешь, как построить генератор изолированной зоны на земной элементной базе?»

«Не знаю», ответил Юр. «Но я знаю, где об этом можно

почитать».

Тут в наш телепатический разговор вмешался планетарный компьютер.

«Прошу прощения, что прерываю, но меня очень интересует один важный вопрос», сказал он. «Андрей, ты говорил, что любишь Дашу. Но если бы она не успела вовремя отреагировать на твои слова, она бы получила серьезные травмы. Я изучил материалы из твоего сектора и мне показалось, что твое поведение противоречит принятой в вашем секторе концепции любви между разумными существами. Ты сам как считаешь, твое поведение для Земли нормально?»

Я саркастически ухмыльнулся.

«С общечеловеческой точки зрения мое поведение цинично до ужаса», сказал я. «Просто я решил, что лучше пусть моя девушка будет обожжена и контужена, чем мертва».

«Если бы ты согласился на условия яхров, она в любом случае осталась бы цела и невредима «.

«А ты в этом уверен?» спросил я. «Когда берут в заложники близкого тебе человека, действовать надо так, как будто он уже мертв. Сколько бывало случаев, когда похитители получали выкуп и убивали заложника! Или сначала убивали заложника, а потом уже получали выкуп».

«К твоему случаю это не относится», заметил компьютер. «Яхрам не было смысла нарушать заключенное с тобой соглашение».

«С террористами нельзя заключать соглашений», заявил я. «Любое существо, начавшее игры с заложниками, должно быть немедленно уничтожено. Это закон, который оправдывает себя точно так же, как и ваш закон об особо важных персонах».

«Я тоже поначалу удивился, когда Андрей потребовал убить всех яхров», вставил Юр свою реплику. «Но потом я заглянул в память тела поглубже и понял, что Андрей прав. На Земле этот закон себя оправдывает».

«Тогда Андрей должен был уничтожить и меня», заметил планетарный компьютер. «Я ведь в свое время тоже захватил в заложники сексуальную партнершу Андрея».

«И как?» заинтересовался Юр. «Получилось?»

«Не получилось. Кстати, Андрей, давно хотел спросить тебя, почему я так и не смог отследить координаты того места, из которого ты совершал свои вылазки? Это какой-то фокус, которому ты научился на Вудстоке?»

«Вроде того», буркнул я.

«Научишь меня?»

«Теперь уже не смогу».

«Почему?» удивился компьютер. «Навыки, полученные на Вудстоке, со временем утрачиваются? Это касается всех навыков или только отдельных?»

Объяснять планетарному компьютеру все тонкости наших с Вудстоком взаимоотношений очень не хотелось.

«Позже», сказал я. «Все позже. Сейчас мне надо связаться с Дашей».

И выдал соответствующий запрос к Сети.

Даша отозвалась сразу, но сказала она совсем не то, что я ожидал. Она сказала:

«Андрей, не отвлекай меня, пожалуйста, подожди немного. Тут такой удивительный мир…»

«С тобой все в порядке?»

«Да, конечно. Спасибо, что меня спас, но пожалуйста, не отвлекай меня. Лучше иди ко мне, этот мир тебе понравится».

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Я сразу понял, что этот мир находится далеко за пределами земного сектора, настолько далеко, что если выстроить между Землей и этой планетой цепочку промежуточных миров, каждый последующий из которых находится в одном секторе с предыдущим, то такая цепочка будет включать в себя звеньев двадцать, если не больше. Мир, в который я попал, был абсолютно чужд человеку.

Я находился в небольшом помещении округлой формы, изнутри помещение было заполнено жидкой субстанцией, в которой, растопырив многочисленные щупальца, плавало мое удлиненное червеобразное тело.

Впрочем, не могу сказать однозначно, что плаваю в жидкости. С одной стороны, она поддерживает тело на плаву, но, с другой стороны, почти не создает сопротивления движениям. Или мне только кажется так, потому что я ожидаю, что движения будут даваться с трудом?

Вокруг было темно, но я отчетливо видел окружающие предметы, я мог разглядеть каждую деталь абстрактного узора на стенах комнаты, внутри которой плавал. Нет, слово «разглядеть» тут не годится, потому что чувство, заменяющее моему телу зрение, работает совсем по-другому. Неожиданно я понял, что могу видеть сквозь стены и…

И почувствовал, как рухнул невидимый экран, отделяющий меня от всего окружающего. Внезапно я стал «видеть» «глазами» двух десятков других существ и в мое сознание ворвалось целое море информации. Я понял все, что есть в этом мире.

Мир представляет собой бесконечное море, в котором плавают живые острова — огромные растения, внутренняя структура которых подобна структуре земных губок. Многочисленные внутренние полости и коридоры живых островов дают пристанище самым разным видам животных, один из которых обладает разумом.

Острова находятся в непрерывном и безостановочном движении. Они носятся туда-сюда, повинуясь воле океанских течений, иногда два острова сталкиваются друг с другом, тогда они либо упруго отпружинивают друг от друга, либо слипаются. Слипшиеся острова чаще всего быстро разделяются, но иногда нити растительной ткани, составляющей их основу, прорастают

друг в друга, и с этого момента два маленьких острова превращаются в один большой. Говорят, где-то в океане плавает гигантский конгломерат островов, который настолько велик, что его нельзя охватить одним широким взглядом.

Термин «широкий взгляд» следует пояснить особо. Существо, в тело которого я вселился, может смотреть на мир либо узким взглядом, задействуя только свои органы чувств, либо широким взглядом, когда оно видит не только то, что видит само, но и то, что видят находящиеся неподалеку другие существа того же вида.

Этот мир населен телепатами. Телепатия не является большой редкостью во вселенной, этим свойством обладает примерно одна раса из тысячи, но о такой мощной телепатии, как здесь, я не слышал еще никогда.

Надо, кстати, придумать для этой планеты название. В памяти тела не нашлось ничего подходящего, что неудивительно — в самом деле, зачем телепатам звуковая речь?

Допустим, океан. Океан, в котором плавают большие растения. Болото. Нет, болото вязкое, а этот океан очень текуч. Острова скачут очень энергично, как частички броуновского движения. Точно! Мир будет называться Броун, а его обитатели, соответственно — броуновцы. Возникает, правда, непреднамеренная аллюзия с Брауни, но умный читатель сразу поймет, что это случайное совпадение. Итак, мир называется «Броун».

Но вернемся к нашим баранам, то есть, броуновцам. Обычные телепаты из других миров пользуются своей телепатией примерно так же, как человекоподобные расы пользуются звуковой речью, разница только в том, что телепатическая речь не нуждается в словесном кодировании и поэтому информация передается гораздо быстрее и точнее. Но на Броуне все совсем не так.

Броуновцы не выбирают, что конкретно выдать в телепатический канал связи и что конкретно принять. Каждый броуновец постоянно ощущает мысли и чувства десятков своих товарищей, а мысли самых ближайших соседей ощущаются настолько отчетливо, что их трудно отличать от собственных. На таком уровне телепатия перестает быть просто телепатией и становится чем-то вроде коллективного разума. Хорошо, что тело, в котором я поселился, находится в периферийной зоне острова, здесь плотность населения не так велика, чтобы чужие мысли сильно мешали собственным. Если бы я перенесся в тело в центральном зале, боюсь, мне не удалось бы долго сохранять собственную индивидуальность.

А ведь это очень опасно! Психотропные заклинания Румылва

— сущая ерунда по сравнению с тем, что творится в этом мире. Растворить свое сознание среди тысяч и миллионов абсолютно чуждых индивидуальностей… Нет, это не наш путь. Надо срочно связаться с Дашей и сказать ей, чтобы она немедленно уходила отсюда.

«Даша! Ты меня слышишь?»

Я задал этот вопрос по Сети, но ответ пришел в мое сознание другим путем. Ответ просто материализовался внутри мозга, это выглядело так, как будто я не слушал телепатическую речь Даши (если этот поток образов можно назвать речью), а вспоминал то, что давно знал, но на какое-то время забыл. Я чувствовал, что Даша совсем рядом, не в пространственном смысле, а в смысле духовной близости, я знал все, что она знала, и я чувствовал все, что она чувствовала. И мне захотелось продолжить слияние, усилить его и довести до полного единения личностей воедино. Я оттолкнулся щупальцами от стены и ввинтил свое тело в узкий коридор, который, как подсказала память тела, ведет наружу.

Я передал Даше, что хочу узнать, где она находится, в ответ она передала мне образ прямого пути по азимуту. Мы идем навстречу друг другу, ориентируясь по телепатическим сигналам, на полпути мы встретимся и тогда между нами рухнут все барьеры и мы сольемся в единую двухипостасную душу. Мне показалось, что я понял суть тезиса о триединстве бога и Даша мгновенно откликнулась на мою мысль, оценив и разделив ее.

Я и Даша или я-Даша? Нет, пока первое. Но когда наши тела соприкоснутся, первое превратится во второе.

Тем временем я полз/плыл/летел по коридору, который вначале сужался, а затем вновь стал расширяться. Я знал, что выход в океан уже совсем близок и я почти достиг его, когда почувствовал в своем сознании чуждую мысль.

Оно-я подумало, что выход в открытый океан опасен для тела. Я-оно возразило, что Даша сейчас находится в открытом океане и не видит там никаких опасностей. Оно-я еще более резонно возразило, что существо, которое я-оно описывает как «броуновец Даша», принадлежит к касте путешественников, а я-оно нет, и потому мне-ему лучше воздержаться от своего намерения выплыть/вылететь/выползти наружу. Да и вообще нам-мне-ему непонятно, почему мы-я-оно испытыва(ем/ю) такое сильное побуждение провести слияние сознаний с мы-я-оно-яДаша.

И тут мы-я-яДаша-оно поняли, что слияние, собственно, уже началось. Мы вспомнили/поняли/узнали, что это не является чем-то экстраординарным, что на Броуне это обычная, хотя и не повседневная практика, что в слиянии нет ничего безусловно

плохого, хотя некоторые побочные эффекты, несомненно, присутствуют. Интерференция/мейоз личностей может давать неожиданные результаты, особенно если исходные элементарные личности заметно отличались друг от друга по основным базовым характеристикам. С другой стороны, этот обряд/ритуал/процесс является отличным способом провести прививку/инъекцию/заимствование систем понятий/концепций, изначально чуждых для данного социума/племени/острова/семьи. Может показаться неприятным, что базовые личности в результате мейоза теряют свою целостность, но это очень примитивная точка зрения, потому что личность никогда не является единой. Личность — это набор норм, правил и практических приемов, регламентирующих повседневную жизнь существа, а также его жизненный путь и направление + интенсивность духовных устремлений. Элементарные составляющие личности не теряются в результате слияния/мейоза/интерференции, а просто перекомпоновываются в другие комбинации. Отдельные черты старой личности могут попасть в латентную фазу, но с таким же успехом другие ранее латентные черты могут выбраться наружу и в целом начавшийся процесс будет для нас-меня-его-меняДаши скорее хорошим, чем плохим.

Интерференция началась. Мысли столкнулись и брызнули во все стороны водопадом элементарных эмоций. Выплеснулся страх перед тем, как бы взаимная чуждость наших личностей не стала критической, как бы не произошло взаимной аннигиляции, как бы… Но отменять слияние все равно уже поздно.

Восхитительное ощущение того, как внутренние противоречия личности, всегда казавшиеся неразрешимыми, одно за другим перестают существовать. Как (три/пяти/шести)единый конгломерат мыслей, воспоминаний и жизненных правил распадается на три независимых кластера.

Вера, надежда, любовь, ненависть, справедливость, забота, братство, равенство, счастье, власть, правда, ответственность.

Фатализм, расчет, восхищение, борьба, благородство, уважение, дружба, соревнование, развитие, сила, знание, свобода.

И еще одна большая помойка, набитая грязью со дна всех шести душ.

2

— Балласт, — сказало мы-один, глядя на уплывающее прочь мы-три.

— Балласт, — подтвердило мы-два. И добавило: — А неплохо

получилось.

— Ага, — согласилось мы-один. — Учитывая разницу между изначальными личностными установками, даже странно, что мы не все коллапсировали. Если бы не подвернулся этот броуновец, одному из нас пришлось бы принимать откат на себя.

— Да уж, удачно, — подтвердило мы-два. — Если бы не он…

— Нечего гадать, — оборвало его мы-один. — Как у тебя с целостностью?

— Гораздо лучше, чем раньше. А у тебя?

— Аналогично. Ничего необычного не замечаешь?

— Я не замечаю ничего обычного. Обычно в слияние не вступают сразу шесть элементарных личностей. И на выходе обычно получается столько же субъектов, сколько на входе.

— А кто шестая элементарная личность?

— Автономный агент Вудстока.

— Точно! Как же я про него забыло… Он в тебе?

— Нет.

— Во мне его тоже нет. Неужели он тоже вошел в мейоз?

— Выходит, что вошел. Надо проверить, у обоих ли нас есть контакт с основной личностью Вудстока.

— Проще спросить его самого.

— Логично. Если только терминал не вошел в латентную фазу.

— У меня не вошел.

— У меня тоже. Попробуем?

— Трехсторонняя конференц-связь?

— Конечно.

Ваше предположение абсолютно верно. Мой автономный агент вошел в мейоз и растворился в трех ваших личностях.

— Трех?

Да, трех. Балласт — тоже личность, хотя и примитивная.

— Мы сможем теперь пользоваться услугами твоего агента?

То, что раньше было моим автономным агентом, стало неотъемлемой частью вас троих. Если бы личность Андрея была более пластична, я бы сразу провел более глубокое внедрение. Но человеческое сознание недостаточно гибко, его очень трудно настраивать, приходится работать с одиночными ментальными контурами, вырисовывать нужную схему практически поточечно. С вами проще — формируешь нужный информационный пакет и запускаешь многократный мейоз, пока все ошибки не уйдут в балласт. Теперь я могу быстро вложить в вас целую кучу дополнительных навыков. Ограничения, о которых я говорил Андрею, больше не актуальны.

— Наши личности так сильно изменились?

Очень сильно.

— По-твоему, это хорошо?

Конечно. Вы сделали еще один шаг на пути к следующему уровню.

— Потому что броуновцы выше людей по своему развитию? Став броуновцами, мы продвинулись вперед?

Броуновцы не выше людей. Духовный мейоз дает им много преимуществ, а еще больше преимуществ дает способность напрямую усваивать знания друг друга. Но в целом это скорее недостаток, чем достоинство. Находясь на Броуне, трудно долго сохранять себя непохожим на других. Тот, кто более развит, все время подпитывает своих более примитивных друзей своей духовной силой. В целом это повышает интеллектуальный и духовный потенциал племени, но по-настоящему уникальная личность в условиях Броуна сформироваться не сможет.

— То есть, нам надо побыстрее возвращаться назад?

А в какое тело ты собралось возвращаться? В Андрея или в Дашу?

— Ну… гм…

И в этот момент мы осознали всю глубину произошедших изменений. Это был шок. Очень трудно принять то, что пути назад больше нет, что совместимость потеряна, что мы окончательно перестали быть людьми. По сравнению с этим то, что ты перестало иметь какой-то определенный пол — сущая ерунда. Кстати о поле…

— Кем ты себя ощущаешь? — спросило мы-один. — Мужчиной или женщиной?

— Скорее, мужчиной, — ответило мы-два. Немного помедлило и добавило: — Но в некоторых вопросах — женщиной. А ты как?

— Аналогично. Это странно. Насколько я понимаю суть мейоза, в результате должны были получиться диаметрально противоположные личности. Но я не вижу большой разницы между нами.

— Я не вижу вообще никакой разницы.

Разница есть. Чтобы ее понять, надо ответить на один вопрос — какова ваша главнейшая задача на данный момент?

— Спасти человечество, — ответило мы-один.

— Перейти на следующий уровень, — ответило мы-два.

И все стало ясно. Такие понятия, как пол и биологический вид, вторичны и несущественны рядом с основным вопросом бытия. Что для тебя важнее — свое личное счастье/процветание/развитие или ты воспринимаешь себя не как нечто самодостаточное, а как часть социальной группы, и живешь ты в

первую очередь не для себя, а для счастья/процветания/развития всей группы в целом, что бы ни понималось под этими словами.

— Ночной дозор в действии, — сказало мы-два. — Ты светлое, я темное, а вместе мы спасем мир.

— Мир спасают только в Голливуде, — уточнило мы-один. — В реальной жизни мир можно спасать только от нас самих. Но этим мы заниматься не будем.

— Я шучу, — пояснило мы-два. — Ты право, этим маразмом мы заниматься не будем, мы будем заниматься реальными делами. Пойдешь со мной на Вудсток?

— Зачем? — удивилось мы-один. — Ах да, ты же собралось на следующий уровень… Кстати, Вудсток, раз мы стали такие продвинутые, мы теперь сможем понять, что такое переход на следующий уровень? И какова цель этого перехода?

Развитие личности не служит никакой цели, оно само является целью. Цель — ничто, движение — все.

Мы синхронно расхохотались (точнее, телепатически выразили соответствующую эмоцию) и стало ясно, что память об этом высказывании Троцкого сохранилась в обеих производных личностях.

— А знаешь, Вудсток, — сказало вдруг мы-один, — ты ведь не просто так загнал нас в этот мир. Рассмотрим для начала Андрея. Все его путешествия по Сети подчинялись одной общей закономерности, какая-то сила все время испытывала его в разных ситуациях, целенаправленно развивала те или иные стороны его личности. Вначале Ол, на котором он побывал в роли угнетенной женщины, а потом осознал, что революция не всегда является приемлемым выходом из социального тупика. Затем Блубейк, где Андрей познал истинную любовь, а чуть позже понял, что и это тоже не самое главное в жизни. Румылв, где Андрей прошел через шизофрению. Признайся, на Румылве это ты проводил испытание его психики? Ты готовил его к тому, что только что произошло?

Нет , ответил Вудсток . *Я не принимал никакого участия в появлении Андрея на Румылве. Я не знаю, почему человек, принявший имя Арадан, выбрал именно Румылв среди всех миров вселенной. Я не знаю, почему Андрей Кожухов приказал Андрею Сигову вступить в контакт именно с этим человеком, а не с каким-то другим. Я не имею к этому выбору никакого отношения. Я не бог, я такое же существо, как вы, я не перешел на следующий уровень и я тоже не представляю себе, что происходит за барьером. Для меня переход за барьер невозможен, моя нервная система слишком необычна для этого, но я много раз видел, как другие разумные существа переходили на следующий уровень.*

Некоторые из них потом разговаривали со мной и я верю им, когда они говорят, что превращение стоит затраченных усилий. В вашей системе понятий его можно сравнить с превращением гусеницы в бабочку. К сожалению, я не могу превратиться в бабочку. Я — очень большой и мудрый червяк, но я никогда не смогу летать. В отличие от вас.

— Хорошо, допустим, ты тут ни при чем, — не унималось мы-один. — А кто тогда все организовал? Только не надо мне говорить, что все случилось само собой и что оба выбора, которые ты упомянул, были случайными.

С точки зрения Андрея Сигова они были случайными.

— А с точки зрения Сети? Почему когда путешественник говорит Сети «перемести меня куда-нибудь», Сеть выбирает для него какой-то определенный мир? Выбор всегда случаен? Не верю! Почему Арадан попал именно на Румылв?

Не надо впадать в паранойю , сказал Вудсток. *Если ты ведешь речь к тому, что Сеть есть бог, то тебе придется признать богом и Кожухова. Именно он сделал выбор, направивший Сигова по пути, который привел его сюда. Поверь моему опыту, случайный выбор может быть ничем не хуже божественного.*

— По-твоему, все, что случилось с Андреем и с Дашей, случайно? Никакая высшая сила не вела их к сегодняшнему событию?

Совершенно верно. Я не знаю, почему Даша, спасаясь бегством, выбрала именно эту планету.

— Ничего я не выбирала! — воскликнуло мы-один. От волнения оно начало думать о себе в женском роде. — Я сформулировала совершенно абстрактный запрос, дескать, перебрось меня куда-нибудь подальше… С таким же успехом Сеть могла забросить меня, не знаю… да хотя бы в мир Принца!

Но не забросила. Я не знаю, чем руководствуется Сеть при выборе места назначения, нечетко сформулированного путешественником. Этого не знает никто, кроме бога, если он, конечно, существует.

— Разве ты не знаешь точного ответа на этот вопрос? — заинтересовалось мы-два. — С твоим-то опытом…

Мой опыт не значит абсолютно ничего. Вопрос о существовании или несуществовании бога не имеет однозначного ответа и неважно, каким объемом памяти ты обладаешь и с какой скоростью переключаются твои мыслительные контуры. Я подозреваю, что однозначного ответа нет и на уровне сверхразума. По крайней мере, так говорили Хаф и Хру.

— Это еще кто такие?

Двое эрпов. Они жили чуть более шести тысяч лет назад,

тогда ваша Земля еще не вышла из первобытной эпохи. В то время цивилизация Сорэ подошла к точке невозвращения и только двадцать эрпов отважились пойти дальше и перейти на следующий уровень. Двое из них говорили со мной после того, как это произошло.

— В то время Сорэ была нормальной планетой?

Вудсток мысленно хихикнул.

А что такое нормальная планета? Каждый мир вселенной ненормален по-своему, норма определяется только личными качествами задающего вопрос. Сорэ была ненормальна, но в ее ненормальности не было ничего необычного.

— А как у них происходил переход на следующий уровень? — заинтересовалось мы-один. — Эти двадцать эрпов ни с того ни с сего просветлились или…

Или , ответил Вудсток. *Социальные взрывы во всех мирах происходят примерно одинаково. Причины могут быть разными, проявления — тем более, но существуют определенные признаки, которые есть всегда. Резкое изменение образа жизни, социальная среда не успевает к нему приспособиться, начинается массовая встречная миграция, разброд и шатание, переходящие в анархию, населением овладевает отчаяние…*

— Верхи не могут, низы не хотят… — ввернуло ехидную реплику мы-два.

Верхи и низы имеются не в каждом обществе. Даже если общество имеет пирамидальную структуру, далеко не всегда эта пирамида начинает шататься при подходе к точке невозвращения. Это не обязательно, обязательно другое. Чтобы переход стал возможным, разумные существа должны перестать бояться резких изменений в своей жизни. Тот, кто сыт и счастлив, никогда не решится на переход.

— Так вот почему ты говорил, что на Земле все хорошо! — воскликнуло мы-один. — Ты специально устроил все это безобразие? Может, ты еще и спам тот подбросил?

Нет, сказал Вудсток, *я не подбрасывал спам. Я не организую кризисы, я всего лишь помогаю их разрешать. Проблемы не нужно создавать, они и без того появляются сами собой. Каждая цивилизация проходит те же этапы развития, что и одиночное разумное существо. Первобытное младенчество, феодальное детство, индустриальная юность…*

— Старческий маразм, как на Сорэ, — ввернуло мы-два.

Да, старческий маразм , подтвердил Вудсток. *Только я сомневаюсь, что человечество доживет до маразма. Но в этом нет ничего плохого, многие культуры рассматривают смерть от старости как позор. Это убеждение разделяют и некоторые*

локальные культуры Земли.

— А ты его разделяешь?

Для меня этот вопрос неактуален. Я слишком умен, чтобы стать по-настоящему мудрым, я не смогу ни состариться, ни героически умереть в самом расцвете сил. Это общая судьба всех вегетативных разумов.

— По-твоему, это хорошо?

А то, что Земля вращается против часовой стрелки, если смотреть с северного полюса — хорошо или плохо? Так устроена вселенная и с этим приходится мириться.

Мы-два неожиданно выделило мощный импульс негативных эмоций.

— Мириться — удел животных, — заявило оно. — Разум на то и разум, чтобы не прогибаться под окружающую действительность, а переделывать ее под себя.

Ты пропустил слово «мечтать» , заметил Вудсток. *Можно лишь мечтать о том, чтобы переделать действительность под себя. Мечты — удел юности. Когда субъект достигает зрелости, он либо смиряется с тем, что мечты остаются мечтами, либо уходит на следующий уровень. Либо погибает.*

— Судьба человечества — погибнуть?

Я не знаю, какова судьба человечества. Вы еще не прошли точку невозвращения, хотя подошли к ней почти вплотную. Ваша цивилизация еще может отвергнуть переход и вернуться в исходное состояние. Это крайне маловероятно, но все еще возможно.

— Что нужно сделать для этого? — спросило мы-один.

— Что мне всегда нравится в спасителях человечества, — заметило мы-два, — так это полное отсутствие сомнений и колебаний. Ты могло хотя бы на секунду задуматься, нуждается ли мир в спасении. Что является лучшим результатом — миллиард счастливых обормотов или сто тысяч сверхразумов? Если гусеница будет жить вечно — это хорошо или плохо? Может быть, один-единственный день в теле бабочки гораздо ценнее вечности пресмыкания?

— Я не могу рисковать, — сказало мы-один. — Из-за порога никто еще не возвращался…

Мы-два захохотало.

— Помнишь анекдот про двух близнецов в материнской утробе? — спросило оно. — Существует ли жизнь после рождения? Не знаю, оттуда никто еще не возвращался. Если бы все думали так, как ты, никто не родился бы на свет.

— Не утрируй, — сказало мы-один. — Если мы изолируем Землю от всей Сети, кроме Вудстока, ситуация на Земле

нормализуется. Там станет так хорошо, что мечтать о большем станет просто глупо.

— Мечтать о большем никогда не глупо, — возразило мы-два. — Человек тем и отличается от животного, что всегда мечтает о большем.

— Это в тебе Даша говорит, — сказало мы-один. — Женщинам всегда всего мало.

— Не самая плохая черта, между прочим, — заявило мы-два. — Ты как хочешь, а я пойду на следующий уровень прямо сейчас.

Прямо сейчас не получится , вмешался Вудсток. *Надо пройти еще очень большой путь.*

— Так пойдем, пройдем его! — воскликнуло мы-два. — Ты говорил, моя психика стала более пластична. Ты сможешь так обработать меня, чтобы переход стал возможен?

Я помогу тебе на пути к переходу , сказал Вудсток. *Но большую часть пути ты должен пойти сам.*

— Ну так давай этим займемся, — сказало мы-два. — Незачем откладывать дела в долгий ящик. А тебе, — обратилось оно к мы-один, — я потом все расскажу. У тебя будет уникальный шанс узнать, что происходит после рождения.

С этими словами мы-два ушло в Сеть, надо полагать, на Вудсток.

3

Сказать, что я было ошарашено, значит ничего не сказать. Настоящее безумие — помнить сразу шесть разных прошлых. Помнится, у Кинга в «Темной башне» Роланд чуть не сошел с ума, когда в его памяти столкнулись всего два различных прошлых. Наверное, Кинг недооценил пластичность человеческой психики — мой разум находится в намного более тяжелой ситуации, чем та, что была у Роланда, но меня колбасит гораздо меньше. Может, оттого, что я уже не совсем человек?

А насколько я не человек? Три броуновские личности упорно прячутся в глубинах подсознания и не проявляют себя ничем, кроме моторных и телепатических навыков. Вудсток тоже затаился где-то на дне души. Остались только двое — Андрей и Даша.

Пожалуй, я больше Андрей, чем Даша. Даша — удивительно умная девочка для своих лет, но для того, чтобы обеспечить доминирование своей личности в общем мозгу, одного ума недостаточно. Надо еще иметь то качество, которое педагоги

любят называть силой воли, хотя я-Андрей всегда предпочитал более длинный термин «способность адекватно оценивать ситуацию». А вот этого качества у Даши как раз не хватает. А еще у нее выражена типично женская черта характера — спрятаться за спину крепкого мужика и вообразить себе каменную стену. Так что доминирующей стала личность Андрея.

Но это совсем не то, что происходит, когда ты захватываешь чужое тело и пользуешься им. Мысли и эмоции Даши не подавлены, а просто оттеснены, время от времени они неожиданно всплывают на передний план сознания и шокируют ту его часть, которую я унаследовало от Андрея. Сексуальная сфера, например, воспринимается очень необычно. Нормальному человеку невозможно понять, как можно помнить, как ты трахал сам себя, но я прекрасно помню все эти эпизоды. Бред какой-то…

Надо срочно решать вопрос со своей половой идентификацией. Если я по-прежнему буду думать о себе в среднем роде, долго в здравом уме я не продержусь. Человек может быть либо мужчиной, либо женщиной, но не тем и другим одновременно. Гермафродитов и трансвеститов в расчет не берем — они ненормальные люди. Пожалуй, я буду считать себя мужчиной, по крайней мере, в большинстве ситуаций. Хотя… некоторые воспоминания Даши очень даже впечатляющи. Может, когда-нибудь…

И тут я понял, что до настоящего момента осознавал далеко не все последствия произошедшего слияния душ. Дело не только в том, что моя психика стала более пластичной, и не только в том, что я потерял большинство душевных качеств, которые мое нынешнее композитное «я» считает отрицательными. Дело в том, что почти все понятия и категории я теперь воспринимаю с двух разных точек зрения. Что там говорил Маркс про тезис и антитезис… Единство и борьба противоположностей, синтез, развитие по спирали… Вот так и моя личность начинает раскручивать спираль своих внутренних противоречий, а в конце какого-то витка ее ждет переход на следующий уровень.

Но развитие личности сейчас не самое главное. Та ее часть, в которой хранился антитезис к этому утверждению, ушла в мы-два. Во мне больше нет (ну, или почти нет) эгоизма, цинизма, наплевательства на все окружающее. Теперь я больше не мечусь между Землей и Вудстоком, теперь я твердо знаю, что должен делать. И я знаю, *как* это делать. Яхры и Джеймс Бонд не зря называют Вудсток бомбой, но они упускают из внимания один очень важный момент. Вудсток — не единственная бомба во вселенной. Если совместить в одном корпусе Вудсток и Броун, заряд рванет так, что ударная волна пройдет на своем пути не

один сектор Сети.

А если и эта угроза не заставит яхров остановиться, то я не знаю, что вообще может их остановить.

4

Яхра, в тело которого я вселился, звали Ксиж Репье и был он не яхром, а хсеофчи — нечто вроде большой многоногой сколопендры со змеиной головой. На Нисле кого только не встретишь.

Ксиж Репье был кинорежиссером, он поддерживал свой общественный статус тем, что снимал кровавые боевики наподобие тарантиновских. Надо сказать, что на Нисле фильмы снимают совсем не так, как на Земле, собственно, их вообще не снимают, все фильмы на Нисле исключительно мультипликационные, но реалистичность изображения такова, что глядя на трехмерную картинку, трудно поверить, что все ее подробности нарисованы компьютером, а режиссер всего лишь нечетко сформулировал, что именно он хочет снять. В кинобизнесе Нисле нет ни актеров, ни операторов, режиссер делает фильм без посторонней помощи и без дорогостоящей техники. Кинематография на Нисле похожа на нашу земную литературу — для того, чтобы создать шедевр, не нужно иметь ничего, кроме того, что и так есть в каждом доме.

Последний фильм господина Репье пользовался большой популярностью и даже получил награду на фестивале… Но достаточно ковыряться в памяти тела, пора заняться делом, пока на горизонте не появились полицейские. Уверен, они уже засекли мое нелегальное проникновение на планету. Интересно, они уже поняли, кто я такой? Впрочем, что я говорю, конечно, поняли. Теперь, когда броуновский мейоз вправил мои мозги, я могу без посторонней помощи ощущать астральный канал, с помощью которого один глубинный фрагмент моего подсознания постоянно поддерживает связь с Вудстоком. Стоп! Как это он поддерживает связь с Вудстоком, если Вудсток в нашем секторе не доступен ни с одной планеты, кроме Земли?

Стоило мне явно сформулировать этот вопрос, как из глубин подсознания тут же выплыл ответ. Все оказалось очень просто.

Астральные барьеры, отсекающие Вудсток от других миров вселенной, вовсе не блокируют то излучение, на котором работает Сеть. Астральные барьеры работают на гораздо более высоком уровне, собственно, это и не барьеры вовсе, а просто некие настройки Сети, которые не позволяют субъекту,

находящемуся в одном мире, связываться с субъектом, находящимся в другом мире. Это как бы фильтр сетевого трафика, только в масштабах вселенной. Так же, как и межсетевые экраны земного интернета, астральные барьеры Сети могут пропускать сигналы определенных типов, например, сигналы, идущие от определенных пользователей. Кожухов был прав, Вудсток действительно имеет очень большие полномочия в Сети, в терминах земного интернета их вполне можно назвать административными. При желании Вудсток может подключиться к сознанию почти любого существа, обитающего в почти любом секторе Сети и никакой барьер не может запретить Вудстоку это сделать. Обычно Вудсток не делает так, но причина этого носит не технический, а этический характер. Вудсток считает, что он не вправе навязывать свои идеи ни отдельным личностям, ни, тем более, целым цивилизациям. Но если бы Вудсток захотел, он смог бы смять защитные барьеры яхров за считанные минуты.

Теперь, когда небольшой фрагмент Вудстока стал частью меня, я начал понимать, почему он выбрал для своей миссии именно меня. Когда Вудсток говорил, что случайный выбор иногда бывает ничуть не хуже осознанного, в его словах был второй, глубинный смысл. Он намекал, что выбрал меня по чистой случайности.

Так получилось, что в тот день, когда я, Женька и Павел Крутых впервые появились на Вудстоке, туда прибыла террористическая группа из одного весьма развитого мира, того самого мира, уроженцем которого является существо, называвшее себя Джеймсом Бондом. Террористы прибыли под видом обычных посетителей, возжелавших причаститься мудрости великого разума, а затем привели в действие логическую бомбу, поразившую нервную системы мыслящей планеты.

Фокус не удался, Вудсток выдержал удар, но Павел погиб, а меня чуть-чуть задело осколками виртуальной ударной волны, принявшими облик кентавра Мотаро, который, к счастью, не сумел причинить мне вреда. То есть, не совсем мне, а Андрею Сигову, одной из главных составляющих моей теперешней личности.

Вудсток обеспокоился. Не знаю, приходилось ли ему сталкиваться с подобными действиями раньше, но обеспокоился он всерьез. Странная этика Вудстока не позволила ему нанести прямой удар по родине Джеймса Бонда, а естественное чувство самосохранения не позволило оставить все как есть и ждать следующей атаки. И тут подвернулся Андрей Сигов — испуганный новичок, больше всего на свете желающий хоть как-то защититься от загадочных и пугающих защитников

вселенского порядка. Тогда Андрей еще не знал, что «комитет защиты порядка» — просто набор слов, в который Сеть преобразовала более привычный земной термин «спецслужба». Тогда Андрей считал, что во вселенной существует некий великий и ужасный Комитет Защиты Порядка, власть которого распространяется на все цивилизованные миры. Вудсток мог разубедить Андрея одной короткой фразой, но он не стал этого делать, вместо этого Вудсток подселил в сознание Андрея своего агента и процесс пошел.

Вудсток рассчитывал, что Андрей быстро распространит по Сети об открытом шлюзе, предоставляющем доступ к самой большой базе знаний во вселенной. Но надеждам Вудстока не суждено было сбыться — Андрей принялся решать свои локальные задачи, поддался ложному чувству сверхзащищенности и едва не погиб. Впрочем, вряд ли Вудсток позволил бы ему погибнуть по-настоящему. Похоже, Вудсток очень увлекся идеей вырастить из Андрея мессию галактического масштаба, способного не только перейти на следующий уровень, но и увлечь за собой миллионы разумных существ из разных миров.

Информация об открытом пути на Вудсток расходилась по Сети не так быстро, как рассчитывал Вудсток, но все-таки распространялась. Земные и инопланетные спецслужбы изо всех сил старались остановить ее распространение и в какой-то момент это почти удалось — если бы яхры не начали атаку Земли, Габов сотоварищи очень скоро изолировали бы Землю от других миров Сети. Но ныне покойный колониальный организм по имени Рваямм принял неверное решение, агенты конфедерации атаковали Землю и ситуация окончательно вышла из-под контроля всех заинтересованных сторон. Вначале неудавшийся ядерный армагеддон, затем спам, заставивший высшие властные структуры Земли в панике искать убежища в иных мирах. Теперь уже очевидно, каким был следующий этап плана яхров — они намеревались провести постепенную зачистку нежелательных для них людей во всех мирах, а затем сформировать на Земле свое марионеточное правительство. К счастью (или к сожалению?), у них это не получилось. Андрей сумел не только вырваться из кольца загонщиков, но и вернуться в бой в компании охотника-конкурента, которого привлек на свою сторону. А теперь, когда Андрей, Даша и часть Вудстока слились в нечто единое… Если бы Рваямм знал, к чему приведет его идея покончить с Землей одним ударом, он бы ни за что не отдал тот приказ.

Но достаточно пустых размышлений. Я активизировал

консоль домашнего компьютера и стал вливать в его телепатический интерфейс поток мыслеобразов с планеты Броун. Уверен, что господин Репье не устоит перед искушением.

5

Он и не устоял. Я вернулся на Броун, выждал примерно полчаса и выдал в Сеть запрос на псевдотелефонный разговор с Ксижем Репье, личный идентификатор которого я захватил, находясь в его теле.

«Ну как?» спросил я. «Нравится?»

В качестве ответа я получил целый шквал эмоций, очень сильных и главным образом положительных. Я и не знал, что Сеть так хорошо умеет передавать эмоции по своему межпланетному телефону. Наверное, все дело в том, что человеческий мозг не умеет так хорошо принимать телепатические эмоции, как мозг броуновца.

«Будь осторожен», сказал я. «Не приближайся к другим броуновцам вплотную. Загляни в память тела и поймешь, почему».

Поток эмоций прекратился, а через несколько секунд снова возобновился, но теперь в нем появились тревожные нотки. А еще через несколько секунд Репье начал думать обрывками фраз.

«Кто ты такой?» спросил он. «Как ты узнал об этом мире? Почему ты решил рассказать о нем? Почему именно мне? И почему в такой странной форме?»

Я попытался ответить на все эти вопросы в порядке поступления.

«До появления в этом мире я был человеком с Земли по имени Андрей Сигов и одновременно человеком с Земли по имени Даша Лужнецкая. Здесь эти личности вступили в слияние и в результате появился я».

«Слияние?!!» мысленно завопил Репье. «Я вижу в твоих мыслях, что вы были любовниками. И теперь вы слились воедино… Я правильно все понимаю?»

«Абсолютно правильно», подтвердил я. «Ответы на другие вопросы слушать будешь?»

«Конечно».

«Тогда слушай. Даша узнала об этой планете случайно. Она спасалась бегством от агентов комитета защиты порядка планеты Нисле, у нее не было времени выбирать мир для перемещения, она положилась на Сеть и Сеть выбросила ее сюда».

«Почему ее преследовали наши агенты?»

«Про планету Земля что-нибудь слышал?»

«Нет».

«За политическими новостями не следишь?»

«Не слежу».

«Зря, пропускаешь много интересного. Держи координаты».

«Что это? Координаты Земли?»

«Нет, координаты Вудстока. Во вселенной распространена легенда о Школе, в которой любого желающего учат всему, чему он способен научиться…»

«Она существует на самом деле?!» возбужденно перебил меня Репье.

«Да. Ваш комитет защиты порядка хочет сохранить эту информацию в тайне. А я не хочу».

«Из-за этого агенты преследовали твою женщину?»

«Да».

И в этот момент я понял, как удачно Сеть выбрала для меня очередное тело. Перемещаясь в тело Репье, я сформулировал запрос предельно расплывчато, я потребовал, чтобы тело физически размещалось на планете Нисле и не было гостевым. А Сеть подобрала мне тело очень известной личности, политические убеждения которой подошли к моей задаче идеальным образом. Ксиж Репье был убежденным демократом и отчасти анархистом, он искренне полагал, что от спецслужб нет никакой пользы, кроме вреда. Пожалуй, он сумеет заварить на Нисле такую кашу, что спам, который они разослали по Земле, покажется детской игрушкой.

«Давай, Ксиж», сказал я. «Сходи в Школу, поучись немного, а потом действуй. Расскажи всем, что ты узнал, и постарайся, чтобы душители свободы не успели тебя остановить».

«Не успеют», ухмыльнулся Ксиж. «Мой сетевой дневник читают тринадцать тысяч существ. Как только я размещу там координаты этих двух миров…»

Тринадцать тысяч?! Я даже и не рассчитывал на такую удачу. Наверное, мне стоило разместить эту запись самому, не выходя из его тела…

«Может, тебе лучше сначала разместить запись, а уже потом идти на Вудсток?»

«Куда?» переспросил Ксиж. «А, понял. Оригинальное сравнение», он хихикнул. «Нет, сначала я все-таки загляну на этот Вудсток. Я всегда проверяю ссылки, которые даю в своем дневнике».

Следующим пунктом моего путешествия стал Блубейк. Я не стал злоупотреблять административным доступом к Сети и материализовался в обычном гостевом портале.

Не дожидаясь, когда голос из стены начнет зачитывать оглушительное приветствие, я обратился к планетарному компьютеру сам.

— Говорит Андрей Сигов с планеты Земля и одновременно Даша, — сказал я. — Необходим контакт с основной личностью компьютера, а не с дежурным оператором.

— Эээ… — сказал голос из стены и заткнулся.

Примерно через минуту стена снова заговорила, но уже другим голосом.

— Рад снова тебя видеть, — сказал планетарный компьютер. — Спасибо тебе. Если бы я верил в богов, я бы сказал, что тебя послали они. Мир, который ты открыл, дает нам колоссальные возможности, даже большие, чем Вудсток.

— Да ну! — удивился я. — По-моему, Броун несет скорее опасность, чем новые возможности. Попадешь случайно в слияние с каким-нибудь аборигеном…

— Если случайно — то да, — согласился компьютер. — А если не случайно? Духовный мейоз, происходящий на Броуне — природный феномен такого же масштаба, как и астральное поле Сети. Через несколько недель мы получим инструмент, позволяющий разумному существу перестраивать свою личность по собственному желанию. Духовный бодибилдинг. Это же извечная мечта любой расы вселенной! Все цивилизации время от времени пытаются проводить внутри себя искусственный отбор, они надеются превратиться в расу сверхсуществ, обладающих теми свойствами, о которых они издавна мечтали. На твоей Земле два больших эксперимента такой направленности были проведены менее ста лет назад.

— Это были неудачные эксперименты, — заметил я.

— Неудачные, — согласился компьютер. — А знаешь, почему? Потому что у вас не было необходимого инструмента. Трепанацию черепа можно сделать каменным топором, но пациент, скорее всего, не выживет. Но технология, которую разработают мои ученые, предоставит весь необходимый инструментарий. Прививать положительные душевные качества, удалять отрицательные… Это же потрясающе! Подожди… Я понял, чего ты боишься. Ты боишься, что эта технология превратит Блубейк в то, что у вас на Земле называют словом «киберпанк». Большой и злой компьютер угнетает и подавляет существ, которыми правит, навязывает им жестко определенные жизненные установки, не дает существам быть такими, какими

хотят быть они сами. Ты действительно так думаешь?

— Ну…

Компьютер рассмеялся, но не демонически, а весело и задорно.

— А с кем, по-твоему, ты сейчас разговариваешь? — спросил компьютер.

— Как с кем? С планетарным компьютером.

— Лично?

— Не понял.

— В том-то и дело, что не понял, — сказал компьютер. — Ты провел в нашем мире менее двух суток в общей сложности и все еще не понял самого главного. Планетарный компьютер Блубейка не является личностью. Он обладает огромной памятью и колоссальной вычислительной мощностью, но это не шахматист, а шахматная фигура. Все судьбоносные решения принимают нопстеры.

— Погоди, — сказал я. — То, что планетарный компьютер программируют нопстеры, я знаю уже давно. Но… А с кем я сейчас разговариваю?

— Меня зовут Рудпей, — представился мой собеседник. — Я являюсь одним из четырех тысяч операторов компьютера. Компьютер ни с кем не разговаривает лично, он просто не умеет этого. Организация машинного вывода в виде свободной речи — вещь, в принципе, реализуемая, но неоправданно сложная и жутко расточительная в отношении аппаратных ресурсов. Кроме того, голос компьютера будет неестественным и как бы неживым, он будет говорить либо совсем без интонаций, либо будет использовать неправильные интонации, что еще хуже. У нас компьютер выдает данные в виде специальных диаграмм, а доходчиво объяснять их суть — функция оператора.

— Но думает-то кто? — спросил я. — Компьютер или операторы?

— Думают все, — ответил Рудпей. — Программисты задают компьютеру базовые установки, контролируют и корректируют его поведение, устраняют явные ошибки. Но большинство локальных решений принимает компьютер. Ему это проще — он может охватить всю проблему единым взглядом, ему не нужно все время обращаться к внешней памяти или к другим кибернетическим узлам.

— К кому? — не понял я.

— К другим кибернетическим узлам, — повторил Рудпей. — Разумные обитатели любого мира образуют кибернетическую сеть, каждым узлом которой является отдельное существо. Если бы вместо компьютера решения принимали нопстеры, им бы

пришлось вести друг с другом нескончаемые переговоры по каждому мелкому вопросу. Это жутко замедляет время реакции системы и делает ошибки во много раз более вероятными.

— Это я понял, — сказал я. — А как насчет стратегических решений? Кто решил объявить войну яхрам?

— Сейчас посмотрю, — сказал Рудпей. — Другой оператор, его зовут Джошву. Компьютер выдал информацию, из которой следовало, что это решение будет оптимальным.

— То есть, решение принял все-таки компьютер?

— В какой-то степени да. Но в процессе выработки каждого решения участвуют все программисты, написавшие соответствующие участки кода, и все операторы, которые этот код отлаживали и обучали. Решения принимают все вместе и никто в отдельности. В хорошей кибернетической системе администрация работает как единое целое, без четкого разделения функций между отдельными элементами. Тебе это кажется странным, потому что твоя родная планета управляется совсем по-другому, но поверь мне, наш способ гораздо лучше. Многовековой опыт тысяч разных миров подтверждает это однозначно. Бывают, конечно, уникальные миры вроде Броуна или того же Вудстока, но в нашем секторе все цивилизации раньше или позже пришли к идее планетарного компьютера.

— В нашем секторе или в вашем? Земля и Блубейк находятся в разных секторах Сети.

— Да, ты прав, — согласился Рудпей. — Обитатели вашего сектора почему-то опасаются передавать компьютерам заметную долю власти, зато совсем не боятся играть с демократией. В мирах вашего сектора политическая обстановка нестабильна, а правительства и спецслужбы делают одну ошибку за другой. Все противостояние конфедерации яхров и Земли — одна гигантская ошибка, причем с обеих сторон. Как Сталинградская битва в истории твоего мира.

— Но теперь в это противостояние вступил ваш замечательный компьютер. Ошибок теперь станет меньше?

— Да, меньше. Только я бы не стал говорить, что Блубейк вступил в противостояние.

— Ты же сам говорил, что Блубейк объявил войну конфедерации.

— Ну и что? Объявление войны — ритуальный жест, он не влечет за собой немедленных последствий. Особенно если между расами почти не было контактов, как у нас с яхрами. Если никаких договоров не заключено, нечего и разрывать.

— По-твоему, война — всего лишь разрыв договоров?

— А что же еще? А, понял. У вас на Земле все еще действуют

представления о войне как о массовом ритуальном убийстве. Это пережиток феодального прошлого, для высокоиндустриальных цивилизаций этот подход не годится. С нашей точки зрения война происходит тогда, когда между двумя расами прекращается всякое доверие и расы начинают считать друг друга безусловными врагами. Война часто дополняется агрессивными действиями спецслужб. Часто, но далеко не всегда.

— Между Блубейком и яхрами идет война без агрессии?

— Компьютер не видит необходимости в агрессивных действиях. Даже для высокоразвитых миров война — в первую очередь ритуальной действие. Мы не видим причин выходить за пределы ритуала.

— Значит, угроза, которую Юр высказывал Ситубуште, не была реальной?

— Ну почему же не была? Очень даже была. Информация быстро расходится по Сети, скоро все заинтересованные стороны узнают, что Блубейк объявил войну конфедерации, а это плохо скажется на дипломатической репутации яхров. Немедленных последствий не будет, но в долгосрочной перспективе у яхров будут серьезные проблемы, особенно после того, как мы обнародуем технологии, основанные на броуновской телепатии. Компьютер считает, что половина миров конфедерации сразу переметнется к нам. Вместо конфедерации яхров на карте вселенной появится конфедерация нопстеров.

— Чтобы обнародовать технологию, надо ее сначала изобрести, — заметил я.

— Изобретем обязательно, — заверил меня Рудпей. — У нас большой опыт в этой области.

— В области телепатии? Мне казалось, у вас нет телепатических технологий.

— На бытовом уровне их нет, они просто не нужны. Давать команды бытовой технике удобнее кнопками, чем мыслями. Но мы владеем всей необходимой информацией, мы просто не пользуемся ею. Теперь будем пользоваться. Надо будет только тщательно продумать этические аспекты. Какие комбинации свойств считать запретными, какие комбинации лицензировать, какие регистрировать…

— В каких случаях делать принудительную перестройку личности, — подхватил я.

— Ну, это как раз очевидно, — сказал Рудпей. — Это будет делаться во всех тех случаях, в каких сейчас назначается психиатрическое лечение. По сравнению с теми технологиями, что даст нам Броун, современная психиатрия Блубейка просто первобытна.

— А ты уверен, что эти технологии будут быстро разработаны? — поинтересовался я. — Может, у ваших ученых ничего не получится?

— Получится, — уверенно заявил Рудпей. — Компьютер абсолютно уверен в этом. У нас большой опыт в заимствовании чужих технологий, его вполне достаточно, чтобы дать точный прогноз.

— Тут речь идет не о заимствовании технологии, — уточнил я. — Речь идет о том, чтобы разработать принципиально новую технологию на основе природного феномена, имеющего место в одном-единственном мире, совершенно чуждом вашему. Откуда ваш компьютер знает, что эти телепатические фокусы вообще можно повторить на Блубейке?

— Их нельзя повторить на Блубейка, это абсолютно ясно, — ответил Рудпей с некоторым удивлением. — Речь идет о том, чтобы захватить на Броуне несколько островов, построить там портал и организовать весь технологический процесс прямо на Броуне.

И тут до меня дошло, что Рудпей имел ввиду с самого начала. Если подходить к делу именно так, реализуемость планов Блубейка сомнений не вызывает. Изящный, однако, подход — вместо того, чтобы разрабатывать нечто труднореализуемое, надо всего лишь обеспечить транспорт к тому месту, где это нечто и так уже работает. Нечто подобное придумал Мерлин из саги про хроников Амбера. У него, правда, потом были большие неприятности, его изобретение чуть не вышло из-под контроля изобретателя, но я надеюсь, что у нопстеров таких проблем не возникнет. А даже если возникнут, ничего страшного в этом не будет. Блубейк от Земли далеко, пока беда дойдет до Земли, наш кризис так или иначе разрешится.

Кстати о кризисе. Когда я направлялся сюда, я собирался обсудить с планетарным компьютером, как лучше припереть яхров к стенке. Но теперь мне кажется, что обсуждать уже нечего. На Блубейке все уже решено, ближайшие годы этот мир будет занят исключительно своими внутренними делами. Вначале Вудсток, затем Броун… Сумеет ли планетарный компьютер удержать руль в своих руках или эту планету ждет то же самое безобразие, какое сейчас творится на Земле? Что там говорил Вудсток по этому поводу… Появляется новый фактор, который социальная система не может переварить. Сможет ли социальная система Блубейка переварить то, что вот-вот придет сюда с Броуна? А ведь Вудсток наверняка поможет ученым Блубейка добиться желаемого. А если они и сами не знают, что конкретно им нужно, он им подскажет. Он им такого наподсказывает…

И тут меня посетила еще одна глобальная мысль. Я ношусь по Сети от одной планеты к другой и в каждый мир приношу ветер перемен. Не тот ветер, о котором пытались петь Scorpions, а тот ветер, которым проклинали в древнем Китае. Перемены — вещь хорошая, но не тогда, когда они окружают тебя со всех сторон.

А ведь действительно! Я появился на Вудстоке и в его планетарных мозгах взорвалась логическая бомба. Случайно попал на Ол и спровоцировал революцию, переходящую в геноцид. Правда, на Оле я не успел развернуться как следует — очень спешил убраться оттуда. Потом Блубейк, Шотфепка, Сорэ… Я как кирпич, упавший в пруд со стоячей водой и поднявший волны на поверхности. Чем глубже я опускаюсь на дно, тем шире разбегаются волны. Когда-нибудь они, несомненно, затихнут, но до этого момента обитающие в пруду червяки будет жить в эпоху перемен. Но меня не волнуют проблемы иных рас, они для меня как червяки. Меня волнует только одно — судьба моей родной Земли. Надеюсь, ее еще не поздно спасти.

7

На запрос «планета Броун» поисковая система Сети выдала семь ссылок. Одна из них указывала в сетевой дневник Ксижа Репье, остальные шесть — в дневники тех, кто прочитал первую ссылку. Если в Сети информация распространяется так же быстро, как и в земном интернете, защитникам порядка Нисле скоро найдется чем занять голову.

Какое-то время я обдумывал, не стоит ли попробовать еще раз связаться с комитетом защиты порядка Нисле — вдруг на этот раз они адекватно отреагируют на мой сигнал. Все-таки они не заслужили такой подставы с моей стороны. Что бы ни подсказывали эмоции, моя основная задача — не отомстить яхрам, а остановить их вмешательство в земные дела. Если получится договориться с ними, чтобы они окружили Землю астральными барьерами… Но получится ли с ними договориться? До сих пор они вели себя предельно нагло. С теми, кто стоит на их пути, они не вступают в переговоры, они сразу пытаются уничтожить препятствие. А сейчас они приперты к стенке, они находятся примерно в таком же положении, как контора Габова в первые часы после спама. Не знаю, есть ли у яхров шансы остановить распространение нежелательной информации, по-моему, уже нет, но кто знает, может, я ошибаюсь? Тогда получится, что я заблокирую удар, который сам же и нанес. Нет уж, лучше пусть они выйдут на меня сами. Если, конечно, они

действительно хотят переговоров.

Нисле пока трогать не будем. Что у нас идет следующим номером в списке задач? Пожалуй, сейчас самое время выяснить, что произошло с Габовым за последние часы.

Сначала я хотел просто позвонить ему, но в последний момент изменил запрос на чисто поисковый. Географическое местонахождение Габова Сеть, естественно, не выдала, но зато я узнал, что с Николаем Алексеевичем не случилось ничего плохого, он жив-здоров.

Что-то не хочется мне сейчас говорить с Габовым. Он потребует выдать ему полный и четкий доклад, немного подумает и примет решение, которое в тот момент будет казаться единственно верным, а потом выяснится, что оно было наихудшим из всех возможных. Этим путем мы не пойдем. После всего, что со мной произошло, как-то глупо обращаться с советом к обычному человеку, побывавшему на Вудстоке всего лишь один раз. То есть, с советом обращаться не глупо, но Габов ведь одним советом не ограничится, он потребует ему подчиняться, а я на это пойти не могу. Габов и вся его команда окончательно дискредитировали себя.

А вся ли команда? Кожухов, Сабалин, Драконтрест?… Нет, это еще более глупо. Поговорив со мной, они сразу побегут докладывать Габову и в своей системе понятий будут правы.

В своей системе понятий… А это ведь не просто оговорка по Фрейду. Моя система понятий уже не является однозначно человеческой и разрыв непрерывно нарастает. Неужели я тоже вошел в духовный водоворот, засасывающий душу в узкий проход, ведущий на следующий уровень? Раньше мне казалось, что вся тяга к подвигам ушла в мою альтернативную личность, которую я называю мы-два. Я ошибался?

Я задал этот вопрос Вудстоку и вот что он ответил:

Тяга к подвигам является неотъемлемым свойством любой разумной личности. Вопрос только в том, что это за подвиги. Подвиг — не обязательно кого-нибудь победить. Воспитать ребенка или написать книгу — ничуть не меньший подвиг, чем упасть грудью на амбразуру.

«А спасти Землю от яхров — подвиг?»

Спасая Землю от яхров, ты закрываешь десяткам тысяч людей дорогу на следующий уровень.

«Ничего страшного. Скоро эта дорога откроется снова».

Возможно, но не обязательно. Я не могу согласиться с твоим решением. С моей точки зрения оно ошибочно.

«Поэтому ты будешь вставлять мне палки в колеса?»

Вставлять палки в колеса я тебе не буду. Но помогать тебе я

тоже не буду. Кстати, давно хотел тебе сказать, та защита, которой я тебя окружил, больше не действует.

«Ты считаешь, что теперь я могу постоять за себя сам?»

Во-первых — да. А во-вторых, я больше не считаю целесообразным поддерживать твою жизнедеятельность любыми средствами. Все изменится, если ты откажешься от намерения удерживать Землю подальше от точки невозвращения.

«Ты решил сделать ставку на мою альтернативную сущность?»

Я не делаю никаких ставок, мы не в казино. Но ты прав, твоя альтернативная сущность симпатичнее мне, чем ты. Она не тратит силы на бестолковые судороги в силках собственных инстинктов. Существо, которое ты называешь «мы-два», четко знает, чего хочет, и четко движется к своей цели. А ты за последние три часа не сделал ровным счетом ничего.

«Прежде чем что-то сделать, я должен разобраться в себе самом».

Это невозможно.

«Я должен хотя бы попробовать. Разумное существо тем и отличается от неразумного, что иногда берется за неразрешимые задачи».

Задача самопознания не относится к неразрешимым задачам, за которые стоит браться. Извини, но я не вижу смысла в дальнейшей дискуссии. Ты даже не пытаешься познать истину, вместо этого ты убеждаешь себя, что истина в точности соответствует твоим вчерашним представлениям. Этот путь не приведет тебя никуда.

«А что мне делать?»

Ты свободен, ты имеешь право делать все, что хочешь.

«Не уходи от вопроса. Ты ведь понял, что я имею ввиду».

Ты тоже понял, что я имею ввиду. Но не хочешь в этом признаваться даже самому себе. Помнишь, я говорил твоему двойнику, что большую часть пути ему придется проделать самостоятельно? Это относится и к тебе. Никто не даст тебе внутреннего покоя, кроме тебя самого. Постарайся успокоиться, и ты сразу почувствуешь себя лучше. Но никто не поможет тебе успокоиться, если ты сам этого не захочешь.

С этими словами Вудсток оборвал связь.

8

Сведения о Броуне быстро расходятся по Сети. Поисковая система сообщает уже о ста тридцати существах, побывавших в

этом мире и поместивших в Сеть свои отзывы. Причем не все эти существа являются обитателями Нисле. А сколько существ посетило Броун молча, не делясь впечатлениями с братьями по разуму?

Внезапно я понял, что планы Блубейка в отношении Броуна, скорее всего, обречены на провал. Скоро там начнется такой ажиотаж, такая вакханалия… Сколько чуждых разумов сможет переварить местная ноосфера? Не случится ли так, что сложная система взаимного мыслеобмена пойдет вразнос и коллективные разумы племен уступят место коллективному безумию? Впрочем, мне-то какое дело? Я не собираюсь рассказывать на Земле ни о Броуне, ни о Румылве, земной цивилизации нужно для начала свыкнуться с Вудстоком, а уже потом можно будет расширять галактический кругозор человечества.

Но достаточно размышлять об отвлеченных материях. Вудсток говорит, что мне пора успокоиться, но он не прав. В своей собственной системе понятий он, несомненно, прав, но у нас с ним разные представления о жизни. Для того чтобы обрести душевное равновесие, мне не нужно сидеть на заднице и безучастно созерцать происходящее во вселенной. Покой нам только снится, наша стихия — бой. Пора начинать.

Я ошибался, ожидая, что какая-то великая галактическая сила поможет мне в моих делах. На самом деле великие цивилизации думают только о своих интересах, они могут помочь тебе в мелочах, они могут даже объявить войну ради тебя, но война для них не более чем ритуальный жест. Серьезной помощи они не окажут. Правильно говорят, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Настало время утопающему спасать самого себя.

Очень хочется переместиться на Землю, найти то место, где яхры строят свой нанозавод, и начать все крушить направо и налево. Но это не наш путь. Так мог бы действовать Андрей Сигов, но я уже не Андрей Сигов. Теперь я твердо знаю, что путь грубой силы обычно заводит в тупик. Мы пойдем другим путем.

Я переместился на Вудсток и спросил окружившую меня тьму:

— Ты будешь меня учить?

— Конечно, — ответила тьма.

— Тогда учи. Я хочу узнать, как создавать в Сети изолированные зоны. И теперь меня больше не пугает нанотехнология. Раньше я не верила, что она скоро появится на Земле, но теперь я точно знаю — она появится.

— Хорошо, — сказал Вудсток. — Приступим к обучению.

Это было похоже на обморок. Я понимал, что только что проснулся, но в то же время точно знал, что не спал. В голове мельтешили неясные обрывки то ли сновидений, то ли галлюцинаций, то ли каких-то ускользающих мыслей.

Я по-прежнему болтался в темноте Вудстока, я не понимал, сколько времени прошло после того, как Вудсток произнес свои последние слова, но я точно знал, что никакого обучения со мной явно не происходило.

— Что случилось? — спросил я. — Что-то пошло не так? Какой-то сбой?

— Не было никакого сбоя, — ответил Вудсток. — Все прошло нормально. Теперь ты знаешь все, что хотел узнать.

— Но…

Неожиданно я понял, как можно создать изолированную зону диаметров метров в десять… а может, и все двадцать. И никакая нанотехнология не нужна. Надо взять немного биоматериала, астральные свойства которого являются решением системы неравенств… нет, не совсем неравенств… это вообще не выражается в терминах земной математики. Не представляю, как можно описать это знание, чтобы оно стало доступным другим людям. Но мне и не придется ничего описывать, потому что я прекрасно понимаю, как надлежит строить генератор изолированной зоны.

А если увеличить диаметр зоны… Для этого придется увеличить объем биоматериала и… существует теоретический предел, составляющий около пятисот метров. Для зоны такого размера неравенства вырождаются в уравнения, а если продолжать увеличивать диаметр, то они становятся неразрешимыми. Тогда откуда берутся астральные барьеры между мирами?

Что-то я совсем туго стал соображать. Я ведь давно уже выяснил, что локальная изолированная зона и астральный барьер — совсем разные вещи.

И в этот момент я почувствовал входящий вызов. Какой-то незнакомец хочет со мной поговорить по псевдотелефонной связи.

«Слушаю», сказал я.

«Добрый день», поприветствовал меня незнакомец, а точнее, незнакомка, она явно была женского пола. «Не могу, впрочем, сказать, что этот день добрый. Зачем ты загнал Ксижа Репье на Броун?»

Я мысленно улыбнулся, мне вдруг стало очень хорошо. Мало

что может сравниться с удовольствием, которое испытываешь, когда тебе удается отплатить обидчику той же монетой.

«А зачем вы распространили спам на Земле?» спросил я. «Ты, кстати, не представилась».

«Сбот», представилась незнакомка. «Я являюсь председателем комитета защиты порядка Нисле. Я сменила на этом посту Рваямма, которого ты убил».

Оттого, что она упомянула имя мешка с дерьмом, который чуть не спровоцировал на Земле ядерную войну, мне стало совсем хорошо.

«Нечего было строить козни моей расе», заявил я. «Вы устроили у нас настоящую катастрофу, а теперь, когда я отплатил вам той же монетой, вы обижаетесь».

«Я не обижаюсь», обиженно возразила Сбот. «Я не за этим тебе позвонила. Признаю, попытка силового решения проблемы была ошибкой. Наши аналитики недооценили решимость Бомбы. Мы считали, что она находится в латентном состоянии, а твой контакт с ней не выходит за рамки обычных эпизодических контактов со случайными посетителями. Но последние наблюдения заставляют сделать однозначный вывод — Бомба всерьез решила взорваться. Боюсь, что этот взрыв окажется в десятки, если не в сотни раз сильнее предыдущего».

«Что еще за предыдущий взрыв?» заинтересовался я. «Ты имеешь ввиду то, что случилось на Сорэ шесть тысяч лет назад?»

«А ты откуда об этом знаешь?» удивилась Сбот. «Последние полторы тысячи лет эта информация не появлялась в открытом доступе. Тебе рассказала об этом Бомба?»

«Я предпочитаю называть его Вудстоком, это звучит не так угрожающе», сказал я. «Да, это он мне рассказал. Он говорил, что в результате тех событий несколько эрпов ушли на следующий уровень. Ты что-нибудь знаешь насчет того, что это за следующий уровень?»

«Эта информация из разряда легенд», сказала Сбот. «Некоторые расы считают, что души умерших праведников не умирают окончательно, а продолжают существовать в ином измерении, откуда они могут воздействовать на процессы, происходящие в основном пространстве. Эта гипотеза является основой многих примитивных религий. У тебя есть основания полагать, что это не просто гипотеза?»

«Прежде чем я дам ответ, мы должны кое о чем договориться», сказал я. «Для начала расскажи мне, что конфедерация собирается делать на Земле? Вы уже построили нанозавод?»

«Строительство вошло в завершающую стадию. Открытие

намечено на конец следующей недели».

«На какое время намечен запуск астрального барьера?»

«Чего?» не поняла Сбот.

«Ну, ввод в эксплуатацию. Момент, когда барьер, отсекающий Землю от Вудстока, начнет функционировать».

Эмоции Сбот продемонстрировали крайнюю степень изумления.

«Какой еще барьер?» переспросила она. «Я не понимаю, о чем ты говоришь».

«Астральный барьер», повторил я. «Специальное устройство, предотвращающие любые контакты между Землей и Вудстоком».

«Ах, вот ты о чем», сообразила Сбот. «Ты научился строить эти барьеры?»

«Нет. А разве…»

Стоп. Неужели я так сильно ошибался? Посмотрим… Нечего тут смотреть. Последняя порция знаний, полученных от Вудстока, не содержит никакой информации об астральных барьерах. Может, что-нибудь подскажет память бывшего автономного агента Вудстока? Однажды он говорил, что смог бы построить барьер вокруг Земли… Нет, память бывшего автономного агента ничего не подскажет.

— Вудсток! — крикнул я. — Яхры умеют строить астральные барьеры?

— Не умеют, — ответил Вудсток. — Во вселенной совсем немного рас, которым эта задача по плечу, в основном это вегетативные расы вроде меня. Большинство рас просто не успевают развить свои технологии в достаточной степени, к этому времени раса либо проходит точку невозвращения, либо прекращает существование, не успев до нее дойти.

Но… А с чего я вообще взял, что яхры способны построить на Земле астральный барьер? Кажется, Габов говорил. Мать его…

«Я был уверен, что яхры умеют строить астральные барьеры», сказал я, обращаясь к Сбот. «Но если это не так, я вообще не понимаю, какие планы вы строили в отношении Земли».

Сбот хихикнула.

«Ты думал, мы хотим просто отсечь Землю от Вудстока?» спросила она. «Это было бы замечательно. К сожалению, ни одна раса конфедерации не знает, как это можно сделать. Мы знаем о существовании астральных барьеров, мы знаем, что они имеют искусственное происхождение, но мы не знаем, кто, когда, зачем и как их построил. Впрочем, насчет того, кто, когда и зачем, кое-какие предположения есть».

«И кто же?» спросил я.

«Эрпы и гвеймо. Раса гвеймо обитала…»

«Я знаю, кто такие гвеймо», перебил я Сбот. «Шесть тысяч лет назад они вместе с эрпами совершили нечто, что Вудсток называет переходом на следующий уровень. Ты считаешь, что барьеры вокруг Вудстока возникли именно тогда?»

«Это распространенное мнение», сказала Сбот. «Но точной информации нет ни у кого. Шесть тысяч лет назад Нисле была планетой насекомых, чье общество навечно зависло между первобытной и феодальной стадиями развития. Да и на Шотфепке яхры только-только выбрались из каменного века. За все обозримое прошлое во всей обозримой части Сети не происходило ничего, сравнимого с кризисом Сорэ и Сбурсутусбожо».

«Сбурусу… чего»? переспросил я.

«Сбурсутусбожо», повторила Сбот. «Так называлась родная планета гвеймо».

«А что у них случилось?» спросил я.

«Разве ты не знаешь?» удивилась Сбот. «Если ты знаешь, кто такие гвеймо, тогда ты должен знать и легенду о великой буре. У вас на Земле есть похожая легенда о всемирном потопе».

«Я ничего не знаю о великой буре», сказал я. «Могу только предположить, что эрпы и гвеймо сделали что-то такое, чего делать не стоило, и после этого во многих мирах стали происходить всяческие катаклизмы, население стало мигрировать туда-сюда…»

Сбот рассмеялась.

«У тебя удивительно примитивные представления», сказала она. «Даже странно, что мы с тобой дошли до прямого разговора. Мои агенты должны были уничтожить тебя давным-давно. Ты расскажешь, почему они не смогли этого сделать? Я готова обменяться информацией, если хочешь, могу передать тебе полные данные о кризисе Сорэ-Сбурсутусбожо».

«Не хочу», сказал я. «Уверен, что какая-то информация по этому поводу все-таки есть в свободном доступе. Исторические события такой древности не могут быть секретом».

«Могут», возразила Сбот. «Некоторые достижения науки эрпов в нашем секторе не повторены до сих пор. Кстати, я должна тебя поблагодарить. До последнего времени наши ученые считали Сорэ мифической планетой, никто и не предполагал, что она существует в реальности».

«Как это?» удивился я. «Никто никогда не пробовал дать в поисковой системе запрос по имени Сорэ?»

«Нашим историкам эта планета была известна под названиями Успа и Ейпо, хотя Ейпо, возможно — альтернативное название Сбурсутусбожо. Самоназвание планеты эрпов за две

тысячи лет забылось».

«Две тысячи? Не шесть?»

«Эмиссары с Сьера появились на Шотфепке через две тысячи лет после кризиса Сорэ-Сбурсутусбожо», объяснила Сбот. «Именно тогда на Шотфепке начала формироваться высокая культура. Если хочешь, могу изложить тебе историю Шотфепки во всех подробностях. Но сначала ты должен ответить на мой вопрос».

«Ты имеешь ввиду вопрос, почему я еще жив? Извини, Сбот, но обмен явно неравноценный. Я могу ответить на этот вопрос, но в качестве обмена я хочу получить всю информацию о ваших планах в отношении Земли. О тех, что были раньше, и о тех, что есть сейчас».

«Хорошо», сказала Сбот. «Насчет тех планов, что есть сейчас, могу сказать сразу — их нет. После того, как в Сети появились сведения о Броуне, Земля перестала быть серьезной проблемой. То есть, проблема остается, но по сравнению с Броуном это сущая мелочь. Экспедиционный корпус на Земле продолжает действовать, но исключительно автономно, его поддержка со стороны метрополии больше не будет осуществляться. Все свободные ресурсы направлены на Броун».

«Какие ресурсы?»

«Эта информация выходит за рамки нашей договоренности. Я с удовольствием отвечу на твой вопрос, но только в рамках следующего обмена».

«Хорошо. Продолжай».

«Что касается наших предыдущих планов в отношении Земли, они были очень просты. Мы собирались регрессировать ее до первобытного состояния. Фокус с ядерной войной не удался, но эпидемии должны были сделать свое дело. Не так быстро, как предусматривалось предыдущим планом, но вполне приемлемо».

«А как же договор о вступлении Земли в конфедерацию?»

«Это был отвлекающий маневр, направленный на то, чтобы нейтрализовать тебя. Маневр почти достиг цели, тебя удалось изолировать на отдаленной планете, но операция по твоему физическому уничтожению провалилась. Некоторые наши аналитики предполагают, что тебя в принципе невозможно уничтожить, что Бомба дала тебе актуальное физическое бессмертие с защитой от всех возможных несчастных случаев. Это правда?»

«Давай сначала закончим с твоей информацией. Значит, после вступления Земли в конфедерацию катаклизмы не только не прекратились, но и продолжают нарастать… Стоп! А зачем вы начали строить на Земле нанозавод? »

Сбот немного помолчала, мне показалось, что она смущена.

«Не пропадать же такой хорошей планете», сказала она через некоторое время. «Мы собирались заселить ее повторно».

Я почувствовал, что начинаю закипать.

«Так же, как Нисле?» спросил я. «Люди пусть вымирают в резервациях, а яхры будут рулить и погонять?»

«Не только яхры», уточнила Сбот. «Все расы конфедерации абсолютно равноправны. Я, кстати, не яхр, а оджес, наша раса лучше справляется с аналитической работой».

«Да мне наплевать!» рявкнул я. «Яхры, оджесы, хсеофчи, для меня они все на одно лицо. Меня волнует судьба только одной расы — человеческой. А для них в вашей конфедерации места не предусмотрено».

«Ну почему же не предусмотрено? Предусмотрено. Повторяю еще раз — все расы конфедерации абсолютно равноправны. Если какая-то раса лучше справляется с какими-то задачами, чем другие расы — это объективная реальность. Но дискриминации у нас нет».

«Скажи это остаткам народа узилдэ».

«Узилдэ сами выбрали свой путь. Они не захотели интегрироваться в структуру многонационального общества, они предпочли жить обособленно и поплатились за это».

«Они предпочли или их вынудили?»

«Прямого давления не было».

«А косвенного?»

«Тоже не было».

«Наверное, ваши аналитики спрогнозировали развитие событий и решили, что ничего делать не нужно, что узилдэ вымрут сами по себе, без посторонней помощи. Правильно?»

«Неправильно. Упадок узилдэ никто не планировал, это произошло само собой. Узилдэ были предоставлены собственной участи и эта участь оказалась плачевной. Впрочем, не такой уж и плачевной — на Нисле их все еще около пяти миллионов. Полное вымирание им не грозит. Они никогда не станут доминирующей расой, но этого никто и не обещал».

«В этом и есть корень проблемы», сказал я. «Меня устроит только такое развитие событий, при котором люди всегда будут доминировать на Земле».

«Это невозможно», заявила Сбот. «Ни одна раса нашего сектора не способна противостоять культурной экспансии яхров. Человечество не станет исключением».

«Вот потому я и хочу, чтобы яхры и все прочие убрались с Земли».

«Это не является предметов наших переговоров», заявила

Сбот. «Я выполнила свою часть первого соглашения, пришло время тебе выполнить свою часть. Расскажи о своих отношениях с Бомбой. Правда ли то, что она дала тебе бессмертие? Почему она тебя охраняет?»

Я почувствовал большое искушение послать Сбот подальше и отключить связь. Эта гадина так спокойно говорит: регрессировать Землю до первобытного состояния. Сука! Провести бы регресс ее любимой родины чтобы поняла, что к чему… А я еще колебался, не остановить ли распространение информации о Броуне… Нечего было колебаться! Пусть они сами теперь регрессируют до первобытного состояния. До Земли телепатическая зараза доползти не успеет, потому что я…

Упс. Я-то собирался вмешаться в деятельность яхров на Земле, перехватить управление строящимся астральным барьером и развернуть его в противоположную сторону. Но теперь выясняется, что никакого барьера не строится и яхры вообще даже не знают, как его построить. Получается, Земля так же беззащитна в отношении Броуна, как и Нисле. Люди толпами повалят на Броун в поисках острых ощущений, начнут вступать в мейоз с кем попало, а потом окажется, что возвращаться больше некуда… Сколько земных наркоманов потребуется, чтобы необратимо отравить ноосферу одного броуновского острова? Боюсь, теперь яхрам не понадобится никакая эпидемия, человечество деградирует само собой, прихватив за собой большинство рас конфедерации. Последнее не может не радовать, но, к сожалению, и не утешает.

Очень неприятно признавать это, но в сложившейся ситуации Земля и Нисле должны стоять по одну сторону баррикад. Если мы хотим избежать катастрофы в наших мирах, мы должны действовать сообща.

«Я жду», напомнила Сбот. «Ты обещал рассказать о Бомбе».

«Хорошо», сказал я. «Слушай. Ты что-нибудь знаешь о переходе на следующий уровень?»

«Ты имеешь ввиду кризис Сорэ-Сбурсутусбожо? Некоторые легенды гласят, что в начале того кризиса несколько эрпов получили какие-то сверхъестественные, почти что божественные способности и это, собственно, и спровоцировало кризис. Ты имеешь ввиду это?»

«Да. Только Вудсток говорит, что не кризис был следствием перехода на следующий уровень, а переход явился следствием кризиса. Дескать, когда все довольны и счастливы, прогресс останавливается…»

«Чушь!» воскликнула Сбот. «Прогресс не останавливается никогда. Невозможно существовать в составе Сети и не

участвовать в общем прогрессе. Постоянный приток новых знаний…»

«Сколько времени существует Сеть?» спросил я. «Шотфепка вошла в Сеть четыре тысячи лет назад, Нисле — гораздо позже. А как насчет той планеты, эмиссары с которой построили цивилизацию яхров?»

«Сьер?» переспросила Сбот. «Она в Сети с 3511 года до нашей эры по вашему летоисчислению. По крайней мере, так говорят легенды».

«А что было раньше? Какая цивилизация из ныне существующих самая старая? Я имею ввиду не миры вроде Сорэ или Броуна, а нормальные цивилизации, вроде твоей или моей».

«Джоджу вошла в Сеть не менее десяти тысячелетий назад», ответила Сбот. «Лел, еще древнее, вероятно, на пару тысяч лет. А к чему ты спрашиваешь?»

«К тому, что ты говорила, что прогресс не останавливается никогда. Если бы это было верно, за двенадцать тысяч лет Лел должен был достигнуть таких вершин… Погоди… Не его ли оккупировали яхры несколько лет назад?»

«Не оккупировали, а ввели внешнее управление. И не несколько лет назад, а в 1977 году по земному летоисчислению. Я поняла твой вопрос. Ты прав, прогресс иногда останавливается, а то и поворачивает вспять. Новые знания не всегда приносят в мир процветание, в жизни каждой цивилизации время от времени случаются кризисы, последствия которых могут быть катастрофическими. В истории Лела таких кризисов было одиннадцать, в истории Нисле — два».

«Первый — когда туда пришли яхры, а второй развивается в настоящее время?»

«Нет, нынешний кризис — третий. Второй кризис имел место в 1877–1885 годах. В результате его преодоления сформировалась конфедерация».

«Ты считаешь, что это была катастрофа?»

«С чего ты взял?»

«Мы же говорили о кризисах с катастрофическими последствиями».

«Я говорила о серьезных кризисах вообще. В тот раз катастрофа была близка, но ее удалось избежать. Фашисты с Иссеплы ввели внешнее управление на Сершле и еще в двух десятках менее значительных миров, начали массовое истребление амфибий и ихтиоидов… Почему ты смеешься?»

Я не мог объяснить, почему я засмеялся. Если вдуматься, нет ничего смешного в том, что в Сети существуют свои фашисты, а тем более в том, что Сеть, переводя этот термин в земную

систему понятий, назвала фашистов фашистами. Но это было так неожиданно… Я уже привык относиться к развитым цивилизациям как к мудрым старшим братьям и каждое новое доказательство того, что научно-технический прогресс вовсе не добавляет мозгов разумным существам, вызывает у меня истерический смех.

«Это несущественно», сказал я. «Лучше я продолжу. Вудсток говорит, что каждая цивилизация проходит в своем развитии те же стадии, что и отдельно взятая личность. Детство, юность, зрелость, старость и в конце концов маразм, как на Сорэ. Но не все цивилизации доживают до маразма, есть еще один путь, который ведет в иное измерение. При некоторых условиях цивилизация может перейти на следующий уровень. Вудсток сравнивает это событие с взрывом звезды — часть социальной материи рассеивается во вселенной, другая часть коллапсирует, а несколько личностей переходят на следующий уровень. Необходимым условием перехода является планетарный кризис вроде того, что произошел на Сорэ и… этом…»

«Сбурсутусбожо», подсказала Сбот.

«Да. Схема примерно такая. В обществе происходят резкие изменения. Общество не успевает адаптироваться к ним, назревает кризис, массами овладевает отчаяние и в этих условиях некоторые существа совершают некие действия, которые и приводят к их переходу на следующий уровень».

«Какие действия?»

«Точно не знаю. Вудсток говорил, что в большинстве случаев необходима кибернетическая модернизация мозга. По-моему, я прошел это на Броуне».

«Ты вступал в мейоз?» заинтересовалась Сбот.

«Это не входит в обсуждаемый круг вопросов», заявил я. «Если хочешь, я расскажу об этом потом, в обмен на новую порцию информации. Только вряд ли я это расскажу, потому что нам надо не просвещать друг друга, а срочно решать, что делать дальше».

«Лучше пока продолжай», сказала Сбот. «Какое отношение имеет Вудсток к переходам на следующий уровень? Он сам совершил этот переход?»

«Нет», ответил я. «Насколько я понимаю, он является инструментом в руках тех, кто его совершил. Я точно не уверен, но, по-моему, главная задача Вудстока состоит в том, чтобы увлечь на следующий уровень как можно больше субъектов».

«Оставляя за собой духовно мертвые миры наподобие Сорэ», добавила Сбот.

«Или Румылва».

«Румылв тоже возник в результате перехода? Магия Румылва — побочный эффект перехода?»

«Возможно. А возможно, это побочный эффект кризиса, вызвавшего переход. Точно не знаю. Вудсток говорит, что существо вроде меня сможет понять принцип магии Румылва не ранее чем через пятьдесят лет обучения».

«Понятно», сказала Сбот. «Вудсток считает, что Нисле и Шотфепка созрели для перехода на следующий уровень?»

«Он точно не уверен. А вот Земля по его мнению точно созрела».

«А ты сам согласен с Вудстоком?», спросила Сбот. «Что пора перевести на следующий уровень твою любимую Землю, а заодно и весь сектор? Ты затем вытащил координаты Броуна в общий доступ, чтобы разумные существа могли проходить необходимую оптимизацию? А то, что потом от нашего сектора останутся одни руины, тебя не волнует? Ты сам, надо полагать, однозначно перейдешь на следующий уровень?»

«Скорее всего, перейду», согласился я. «Но я не хочу, чтобы Земля превратилась в руины. До последнего момента я хотел отгородить Землю барьером от всей Сети, кроме Вудстока. Я не знал, что это невозможно».

«А зачем ты тогда выложил в открытый доступ координаты Броуна? Чтобы в руины превратился весь сектор, кроме Земли? Все, я поняла! Ты хотел, чтобы Земля понемногу усваивала секреты Вудстока, аккуратно и постепенно, под бдительным присмотром вашего комитета защиты порядка, а потом, когда вы разовьетесь в достаточной степени, ты отключишь барьер и людям откроются тысячи опустошенных миров, пригодных для заселения. Правильно?»

«Почему опустошенных?» не понял я. «Сорэ и Румылв — не такие уж и опустошенные миры».

«Не придирайся к словам, ты понял, о чем я говорю. Теперь я понимаю, чего ты хотел. Уничтожить конфедерацию… И ты смеешь обвинять нас, что мы плохо относимся к Земле!»

«Но вы начали первыми! Если бы Рваямм не начал войну и если бы ты ее не продолжила, никакого конфликта не было бы. Земные спецслужбы полностью контролировали доступ к Сети, на Земле не было даже намека на кризис. Это ты организовала кризис и не надо перекладывать ответственность на меня».

«Сейчас не время искать крайнего», заявила Сбот. «Сейчас надо думать не о том, кто виноват, а о том, что делать. Наши аналитики считают, что кризис все еще можно остановить. Но для этого надо, чтобы ты перестал подливать масло в огонь. Если я отдам приказ эвакуировать всех агентов с Земли, ты от нас

отстанешь?»

«Нет», сказал я. «Ты должна отдать другой приказ. Пусть твои агенты достроят нанозавод до конца, а потом передадут контроль над ним нашему комитету защиты порядка. Конкретно — Николаю Алексеевичу Габову. Нет, лучше пусть сначала передадут контроль, а потом уже достраивают. И еще нам может потребоваться помощь в создании и настройке планетарного узла. Когда на Земле появится и нанотехнология, и планетарный узел, я от вас отстану».

«Мощно», сказала Сбот. «Аппетит у тебя хороший. Хорошо, ты получишь то, что просишь. Надеюсь, ты сдержишь слово. Впрочем, не уверена, что это в твоих силах — сдержать слово. Некоторые аналитики считают, что ты перестал быть свободной личностью, что теперь ты всего лишь игрушка в руках Вудстока. Ты только думаешь, что обладаешь свободой воли, но на деле всего лишь исполняешь волю Вудстока».

«Это вряд ли. Вудсток в каждом разговоре подчеркивает, что ничего никому не навязывает. Он не реализует никаких конкретных планов, он просто реагирует на события во вселенной».

«А ты уверен, что он говорит правду?» спросила меня Сбот.

И я не нашелся, что ответить.

10

Габов не сразу поверил в то, что я ему рассказал. А в то, что Андрей и Даша слились в единую личность, он, кажется, вообще не поверил. Боюсь, он считает, что я тронулся умом, побывав на Броуне.

Но когда агенты яхров вышли на связь с Габовым и передали ему географические координаты места, где строится нанозавод, Габову пришлось поверить, что я не лгу и не брежу. Нанозавод, кстати, строится вовсе не в Африке, как мы предполагали, а во Франции, в городе Страсбурге, совсем рядом с международным судом по правам человека. В этом есть что-то символическое, понять бы еще, что этот символизм означает…

Впервые за последние девять дней я нашел время, чтобы ознакомиться с земными новостями. Трудно поверить, но все события, произошедшие после первого возвращения Андрея с Румылва, уместились в девять дней. Капитуляция Земли, вселение Даши в тело королевы Буджим, бегство с Румылва, а затем и с Сорэ, бой с яхрами на Земле, слияние на Броуне… События развиваются с пугающей быстротой. Самое противное то,

что я не могу предсказать даже приблизительно, что произойдет со мной и с Землей в следующие девять дней.

На первый взгляд кажется, что на Земле ничего заметно не изменилось. Эпидемию на Урале уже задушили, в Китае число заболевших все еще растет, но жесткие карантинные меры делают свое дело и уже ясно, что число жертв супергриппа не успеет достигнуть двух миллионов. Только в США чума по-прежнему свирепствует.

Я спросил Габова, почему с американцами не поделились биоблокадой, он злобно выругался и сказал, что на всех биоблокады все равно не хватит, а если выбирать между американцами и китайцами, выбор однозначен, особенно после того, как американский президент разродился своей эпохальной речью.

Я нашел эту речь в Сети, прочитал и ужаснулся. Человечество вышло на новую ступень прогресса и особая миссия американской демократии состоит в том, чтобы показать всему миру… Тьфу!

Это даже смешно. США является единственным крупным государством, правительство которого до сих пор не имеет полной информации о реальной ситуации в мире. Они все еще уверены, что экспансия яхров на Землю — жест доброй воли, направленный исключительно на то, чтобы оказать посильную гуманитарную помощь отсталым и слаборазвитым братьям по разуму. Случайный ракетный залп с подводной лодки был актом сетевого хулиганства неизвестного инопланетянина, а эпидемию чумы организовал Усама Бен Ладен. Идиоты…

Большинство президентов и премьер-министров заняты обсуждением того, каких именно политических деятелей следует направить наблюдателями в верховную ассамблею конфедерации. Именно наблюдателями — Земля не является полноправным членом конфедерации и ее депутаты не имеют решающего голоса в ассамблее. Земные политики еще не поняли, что ассамблея у яхров — такой же декоративный орган, как в Великобритании палата лордов.

Массовая резня в Палестине благополучно завершилась, если только слово «благополучно» можно употреблять в отношении события, унесшего полмиллиона жизней. Под эгидой ООН проводится расследование, результаты вроде бы уже есть, но они засекречены. По словам Габова, результаты однозначны — палестинцы стали жертвами сетевого флешмоба. В нескольких форумах Сети появилась информация, что на планете Земля есть место, где идет война всех против всех, и Палестину заполонили инопланетные любители острых ощущений. Оказывается, во

вселенной полно отморозков, любимым развлечением которых является участие в чужой войне. Дело в том, что когда ты находишься в чужом теле и это тело получает смертельную рану, почти всегда есть время уйти обратно в Сеть до того, как тело умрет окончательно. Есть, конечно, опасность быть убитым наповал, но она не настолько велика, чтобы принимать ее всерьез, она только добавляет острых ощущений.

По телевидению и в интернете много говорят о новых технологиях, которые вот-вот появятся на Земле, но никаких конкретных результатов пока не обнародовано. Это неудивительно — нужно время, чтобы превратить инопланетный чертеж в действующее устройство. Когда яхры достроят свой нанозавод, процесс пойдет быстрее, но не сразу. Габов сказал, что первые два-три месяца этот завод будет производить исключительно собственные копии.

Если говорить коротко, ничего принципиально нового на Земле не произошло. Да и кризис выглядит совсем не таким ужасным, как представлялось раньше. Землю покинуло, по разным оценкам, от десяти до ста миллионов людей, но для шестимиллиардного населения это капля в море. Прогноз габовских аналитиков насчет того, что Манхеттен обезлюдеет, не оправдался. По данным социологических опросов, богатые люди склонны к сетевым путешествиям в гораздо меньшей степени, чем бедные, что полностью соответствует здравому смыслу.

Основные мировые валюты еще держатся. У финансовых аналитиков нет единого мнения, когда произойдет крах доллара и евро и произойдет ли он вообще. Единственное, в чем не сомневаются аналитики — что от бумажных денег скоро придется отказаться. Нанотехнологический репликатор позволяет за считанные секунды создать копию любой банкноты, абсолютно неотличимую от оригинала.

В целом на Земле пока все нормально. Потрясение первых дней улеглось, а долговременные эффекты еще не успели проявиться. Это как с лучевой болезнью — человек, переживший первые сутки, чувствует себя абсолютно здоровым до тех пор, пока белые кровяные тельца, пережившие облучение, не вымрут от старости, а заменить их будет некому, потому что костный мозг поврежден.

А потом я подумал: а может, я зря драматизирую ситуацию? Может, все обойдется? Вудсток ведь не говорил, что социальный взрыв неизбежен, он говорил, что Земля вплотную подошла к точке невозвращения, но пока еще не достигла ее. Если яхры прекратят строить козни, если будет восстановлен контроль спецслужб над потоком открытий и изобретений, поступающих из

Сети, вполне может получиться так, что Земля все-таки вступит в светлое будущее, о котором мечтали Стругацкие, и для этого не понадобится никаких астральных барьеров. Планетарный узел закроет дорогу на Землю инопланетным искателям приключений, порталы с гостевыми телами сделают межпланетный туризм цивилизованным, террористов по-быстрому истребят, с помощью Сети это нетрудно, нанозаводы дадут изобилие товаров первой необходимости, да и не только первой… Глядишь, через десяток-другой лет Земля станет такой же цивилизованной планетой, как Нисле или Шотфепка. Конечно, появятся новые проблемы, но никто не обещал, что светлое будущее будет безоблачным.

В любом случае, от меня сейчас больше ничего не зависит. Все, что я мог сделать, я уже сделал. Угроза со стороны яхров на какое-то время устранена, теперь можно немного отдохнуть.

11

Визит в бывшую квартиру Андрея Сигова оставил удручающее впечатление. Во-первых, квартира сильно пострадала от взрыва самодельной светошумовой гранаты. А менты, телами которых временно воспользовались Андрей и Юр, даже не подумали, придя в себя, что тлеющий палас следовало бы затушить. К счастью, огонь не перерос в полноценный пожар, но паркет в комнате требует замены.

Во-вторых, квартиру разграбили. Вынесли не только относительно современный компьютер, но и древний телевизор со старомодным выпуклым экраном, выгребли заначку из комода и даже утащили книги из шкафа. Не зря говорят, что российская нация самая читающая в мире, у нас даже воры любят читать.

Трупы из комнаты и из коридора исчезли, теперь о них напоминали только засохшие пятна крови на полу, да еще отметина на стене от единственной пули Юра, прошедшей мимо цели. Развороченный взрывом генератор изолированной зоны тоже исчез, не иначе, фигурирует в деле как вещественное доказательство.

Странно, что квартира не опечатана. Российские менты окончательно забили на все формальности?

Приглядевшись к входной двери, я понял, что печать там когда-то была, ее просто сорвали. Возможно, воры подумали, что за дверью могут оставаться ценные инопланетные артефакты, которые не успели забрать менты. Но более вероятно, что их привело сюда обычное нездоровое любопытство. Интересно людям посмотреть на место, где происходили разборки

инопланетной мафии. А когда любопытство удовлетворено, глупо как-то возвращаться, не прихватив с собой ничего на память. Уроды, блин… Даже тайник на кухне нашли, хорошо, что он пустой был. ФСБшники не нашли, а эти нашли.

Но самое неприятное заключалось отнюдь не в том, что от квартиры Андрея Сигова осталось одно название. Самым неприятным было то, что, побывав здесь, я в очередной раз осознал(а/о), что я больше не Андрей Сигов. И я знал(а/о), что если попаду в квартиру Даши Лужнецкой в Киеве, то и там буду чувствовать то же самое. Я больше не Даша и не Андрей, я синтетическая личность, и я совсем не уверен, что меня еще можно называть человеком. На всей Земле не осталось ни одного места, которое я могу считать родным. Я всюду чужой.

Конечно, я могу выбрать себе тело какого-нибудь безнадежного шизофреника, придти к Габову, объяснить, что я — это я, он отдаст распоряжение и у меня появится квартира или, на худой конец, номер в гостинице, где я смогу начать новую жизнь в новом теле. Но нужна ли мне такая жизнь? Я сейчас как толкиновский Фродо, вернувшийся из похода в Мордор. После того, как ты посетил столько разных миров, в родных краях все кажется таким мелким и тесным… Сидеть вечерами перед телевизором, пить пиво… Познакомиться с хорошей девушкой (или парнем?..), создать нормальную человеческую семью… Предположим для определенности, что кризис на Земле скоро разрешится окончательно, что у меня будет достаточно времени, чтобы прожить нормальную человеческую жизнь. А оно мне надо? Глупо играть в обычного человека, когда ты уверен, что являешься чем-то большим или, по крайней мере, совсем другим. Какой из меня человек? Я ведь даже не знаю, какого я пола на самом деле. Может, мне лучше трансвеститом стать? Или найти себе какой-нибудь мир, где вопрос половой самоидентификации стоит не так остро, как на Земле?

Нет, счастье в другом мире — иллюзия. Другой мир может подарить множество новых впечатлений, но в долгосрочной перспективе это тупик. Человек, уехавший жить в другую страну, годами приспосабливается к новому быту, а другая планета — совсем не то же, что другая страна на Земле. Я никогда не смогу приспособиться к другому миру, никогда не смогу чувствовать там себя как дома. Мы с Эзерлей уже пробовали устроиться на Блубейке, там камнем преткновения стала асексуальность нопстеров, на другой планете проблемы будут другими, но они обязательно будут. Даже Шотфепка, чья культура ближе всего к Земле, кажется чудовищно чуждой.

А может, я и в самом деле всего лишь агент Вудстока,

предназначенный для дестабилизации политической обстановки в земном секторе Сети? А теперь необходимость во мне отпала, я стал не нужен и неудивительно, что меня начали одолевать такие мрачные мысли. В какой-то момент в голове забрезжила мысль о самоубийстве, но я с негодованием отверг ее. Только этого мне еще не хватало. Жизнь может быть бессмысленной, но это все равно жизнь, ее ценность в ней самой, так меня в школе учили. В конце концов, жизнь забавна, если не принимать ее слишком всерьез.

Может, этого мне и не хватает — умения не принимать неприятности близко к сердцу? Какой-то древний философ говорил: делай, что должно, свершится, что суждено. В переводе на русский язык это означает, что не нужно расстраиваться из-за того, что твои действия не привели к желаемому результату. Все равно ты никогда не сможешь точно предсказать результат того, что делаешь.

А вот с первой частью этого высказывания все сложнее. Делай, что должно. А что должно? Может, я зря пытаюсь вернуть земную историю на круги своя, может, Вудсток прав и сто тысяч ушедших на следующий уровень стоят того, чтобы оставить после себя три миллиарда существ, впавших в маразм, как на Сорэ, или живущих в царстве безумной магии, как на Румылве?

И еще один вопрос. Не слишком ли много я о себе возомнил? Я пытаюсь изменить историю, я нанес удар по яхрам… Если называть вещи своими именами, я не более чем инструмент в руках даже не Вудстока, а Сети, той ее части, которую невозможно постигнуть, не поднявшись на следующий уровень. У нас с Вудстоком есть что-то общее — мы не строим планов, мы просто реагируем на внешние раздражители. В самом начале своей одиссеи я пытался строить планы и к чему это привело? Чудом избежал гибели, надолго застрял в иных мирах. А может, это было не просто так? Может, это было наказание за то, что возомнил о себе слишком много, забыв, что человек — просто игрушка в руках высших сил, и неважно, как они называются — Бог, Природа или Сеть. Может, Сеть и есть то самое, что наши невежественные предки называли Богом? Помнится, Вудсток говорил, что контакты человечества с Сетью начались задолго до официальной даты. Но можно ли верить Вудстоку?

И тут меня посетила еще одна мысль. Почему бы не попробовать поговорить со своим альтер-эго? Насколько далеко оно продвинулось на своем пути к следующему уровню? Как оно оценивает происходящее со своей точки зрения?

Мы-два откликнулось на сетевой вызов немедленно.

«Как дела?» спросило оно. «Родина уже спасена?»

«Не знаю», ответило я. «Яхры сдали Габову строящийся нанозавод и ушли с Земли. В каком-то смысле мы победили».

«Круто», сказало мы-два. «Не ожидало, что ты так быстро справишься с этой задачей. Что ты сделало, если не секрет?»

«Какие могут быть секреты между нами… Все очень просто. Я положило в свободный доступ координаты Броуна».

Мы-два неожиданно развеселилось.

«Отлично!» воскликнуло оно. «Мы с Вудстоком всерьез опасались, что ты сумеешь-таки загнать Землю обратно в болото, но ты пошел другим путем. Скоро за барьером станет тесно от новых субъектов».

«За каким барьером? Ты имеешь ввиду следующий уровень?»

«Естественно. Когда все обитатели сектора получат доступ к Броуну, начнется такое веселье… Здорово!»

Я забеспокоилось.

«Что здорово?» спросило я. «По-твоему, катастрофа неизбежна?»

«Это не катастрофа», резко ответило мы-два. «Мы с Вудстоком только что просчитали вероятный сценарий развития событий на Земле, он тебе понравится. Люди не превратятся ни в бестолковых маразматиков, ни в персонажей компьютерной игры в стиле фэнтези. Как ни странно, конфедерация яхров имеет все шансы пережить кризис. Будет большое нашествие синтетических придурков с Броуна…»

«Чего?» переспросило я. «Каких придурков?»

«Синтетических. Я имею ввиду синтетические личности вроде нас с тобой. Бесконтрольный мейоз приведет к образованию большого количества балласта и не всегда этот балласт будет таким пассивным, как в нашем с тобой случае. Балластные личности могут обладать большой жаждой деятельности. Помнишь притон на Шотфепке? За ближайшие год-два Броун произведет таких моральных уродов немеряно. Когда балластных личностей станет много, это вызовет серьезные проблемы во всех мирах сектора, но не настолько серьезные, как в фильмах ужасов про нашествие зомбей и демонов. Через месяц-другой я совершу визит на Землю, посмотрю, что там творится. Это будет полезно для моего развития».

«Как твое развитие, кстати?» спросило я. «Барьер уже близок?»

«Вудсток говорит, осталось еще немного».

«Сколько времени это займет? Хотя бы приблизительно?»

«А я-то откуда знаю?» ответило мы-два. «Вудсток говорит, что движение к барьеру нему может растянуться на годы. Но ты не волнуйся, когда переход состоится, я тебе расскажу, как и что».

«Я и не волнуюсь», сказало я. «Я о другом беспокоюсь. Эти синтетические придурки… Их как-нибудь можно остановить?»

«Даже не думай!» воскликнуло мы-два. «Иначе мне придется сразиться с самим собой».

Я немного подумал и отключился.

12

Решение принято. Пусть мое второе я занимается самосовершенствованием, пусть Вудсток оттягивается на других мирах, но Земля не примет участия во всеобщей вакханалии. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы социальный взрыв, о котором говорил Вудсток, не затронул Землю. Идеальным будет вариант, о котором с ужасом говорила Сбот. Человечество проведет несколько лет в изоляции от Сети, а потом перед ним откроется целая плеяда опустошенных миров, открытых для заселения. И тогда на карте вселенной конфедерация яхров сменится империей людей. Часть миров, конечно, отхватят себе нопстеры, но они это заслужили.

Что-то я размечтался. Идеальный вариант — это, конечно, здорово, но более реален другой вариант, при котором земная культура попросту взорвется. В принципе, защититься от такого развития событий не так уж и сложно. Во-первых, надо построить нормальный планетарный узел, обеспечивающий нормальный контроль за прибытием-убытием народа. Для начала пусть узел контролирует какой-то один район Земли. Например, сделаем московскую область зоной, закрытой для инопланетян, а своих граждан, побывавших в иных мирах, будем туда впускать только после тщательной проверки. Балласт с Броуна отправлять обратно в Сеть или вообще расстреливать на месте. Жестоко, конечно, но выживание расы иногда требует жестоких мер.

Границы закрытой зоны охранять максимально серьезно, а не так, как сейчас охраняется государственная граница. Дерьмократы и либерасты будут возмущаться, но их придется заткнуть. Когда решается вопрос о выживании нации, единственной возможной формой правления становится диктатура.

Если мы продержимся хотя бы три месяца, закрытую зону можно будет постепенно расширять с идеей в конце концов накрыть ей всю планету. Для инопланетян ввести визы, для землян — список миров, запретных для посещения, а первым номером в этом списке будет идти Броун. Запретить вход в Сеть простым гражданам невозможно технически, но цензура совсем

не обязана быть предварительной. Если какой-то товарищ сдуру отправился в запретный мир, пусть потом не обижается, когда его попросят больше не возвращаться на Землю.

Очень трудно будет все это организовать, но другого выхода у нас нет. В принципе, задача решаемая. Самое трудное — продержаться до того момента, когда в нашем распоряжении появится нормальный планетарный узел. А это займет никак не меньше месяца Сначала надо достроить нанозавод, затем построить его копию и только после этого можно будет приступать к строительству центрального компьютера будущего планетарного узла. А потом его наверняка будет нужно настраивать, обучать…

Успеем ли мы сделать все необходимое до того, как зараза Броуна доберется до Земли? Не знаю. Но попробовать надо.

Я связался по Сети с Габовым и изложил ему свои соображения. Он внимательно выслушал меня и сказал:

«Очень хорошо. Я передам твою информацию Кожухову, посмотрим, что он придумает».

«Не надо ничего придумывать», сказал я. «Начинать действовать надо немедленно, времени у нас очень мало. Когда координаты Броуна появятся в земном интернете, будет уже поздно. Прямо сейчас свяжитесь с правительством или кто там вместо него…»

«Не сработает», перебил меня Габов. «Правительство уже второй месяц в прострации».

«Тогда займите их место сами. Сейчас не время играть в демократию. Либо мы закрываем Землю от Сети, либо на Земле воцаряется анархия. Положение крайне опасное. Я даже не уверен, что те меры, которые я предлагаю, смогут помочь, возможно, мы уже опоздали. Но пока есть надежда, мы обязаны сделать все, чтобы она не стала несбывшейся. Если вы действительно хотите, чтобы человечество сохранилось как разумная раса, то о демократии, правах человека и прочей лабуде нужно забыть. Об этих вещах можно думать тогда, когда нации ничего не угрожает, а сейчас под угрозой не просто нация, а все человечество в целом. Отступать некуда. Либо мы идем на крайние меры, либо сдаемся. И учтите вот еще что. Речь идет уже не о том, что Землю поглотит конфедерация яхров. Вовсе не факт, что сама конфедерация выдержит этот кризис. Если у нас ничего не получится, нас ждет анархия не только на Земле, но и во всем секторе».

Выслушав мою тираду, Габов долго молчал, а затем неуверенно произнес:

«Ну, я не знаю… Возвращайся на Землю, нам надо поговорить

кое с кем».

«Я уже на Земле», сказал я. «Только у меня нет времени ни с кем говорить. У меня есть другое дело, с которым не справится никто, кроме меня».

«Какое дело?» заинтересовался Габов.

«Я отправляюсь на Броун. Надо подготовить этот мир к обороне».

13

Легко сказать — подготовить мир к обороне. Для начала надо установить над миром контроль, а это гораздо труднее сделать, чем сказать. Для одного-единственного разумного существа задача невыполнимая однозначно. Утешает только то, что я здесь не один. Яхры и нопстеры тоже начали действовать.

Перед тем, как переместиться на Броун, я связался с оператором Рудпеем с Блубейка и поинтересовался, как идут дела на Броуне.

«Пока все неплохо», сказал Рудпей. «Мы установили ментальный контроль над тринадцатью островами. Потери очень велики, но в целом процесс идет по плану».

«Какие потери?» не понял я.

«Потери личного состава. Мы до сих пор не понимаем, как объяснить Сети, что перемещение должно быть безопасным. Если наш агент оказывается в толпе других броуновцев, его душа полностью рассасывается за считанные секунды. Она просто растворяется в коллективном разуме племени. А еще выяснилось, что броуновцы очень любят вступать в мейоз с гостями с других островов. С эволюционной точки зрения это вполне разумно, такое поведение позволяет усваивать чужой опыт гораздо быстрее, но для нас эта особенность очень неприятна. Мы уже потеряли сто семьдесят агентов. Большинство из них, правда, потеряны не безвозвратно, они вступали в мейоз не столько с броуновцами, сколько друг с другом, так что они по-прежнему считают себя нопстерами, но естественное возвращение на базу для них невозможно. Почти все они переживают душевный кризис. Мы не ожидали, что мейоз переносится так тяжело».

«Не так уж и тяжело», возразил я. «Непривычно, конечно, но не очень тяжело. Особенно если вступаешь в мейоз с личностью того же пола, тогда не возникает вопрос, мужчина ты или женщина».

«Это твоя индивидуальная особенность», сказал Рудпей. «Обычные нопстеры переносят мейоз гораздо тяжелее. Твоя

личность удивительно пластична для человека, не знаю, в чем тут дело, то ли ты всегда был таким, то ли свою сыграли роль экстремальные приключения Андрея и Даши».

Я подумал, что знаю, в чем тут дело. Наверняка все дело в том, что меня защищают от невроза остатки автономного агента Вудстока, который когда-то жил в душе Андрея Сигова. Но нопстерам незачем знать об этом.

«Как думаешь, Рудпей», сказал я, «что произойдет, если информация о Броуне попадет на Блубейке в открытый доступ?»

«Координаты Броуна уже лежат в открытом доступе», ответил Рудпей. «С пометкой, что этот мир закрыт для посещений. Как только компьютер фиксирует перемещение нопстера в этот мир, путешественник тут же получает предупреждение. Нам не нужны несчастные случаи».

«А если путешественник проигнорирует предупреждение? Если он вступит в мейоз черт знает с кем, поймет, что вернуться обратно уже нельзя, и вернется на Блубейк через гостевой портал?»

«Нопстер, не выполнивший приказ планетарного компьютера, перестает быть гражданином Блубейка и подлежит либо выдворению с планеты, либо психиатрическому лечению. Но на практике это невозможно, разве что в результате несчастного случая. Пока на Броуне не побывал ни один нопстер, исключая специальных агентов».

«Хорошо вам», вздохнул я. «Дисциплинированный у вас народ».

«Ты прав», согласился Рудпей. «Нопстерская раса очень дисциплинирована».

«А как ты думаешь», спросил я, «если координаты Броуна попадут в открытый доступ на Земле, что произойдет?»

Рудпей ответил без колебаний.

«Катастрофа», сказал он. «У вас нет планетарного узла, который помог бы упорядочить контакты с Броуном. Ваша раса очень анархическая, у вас даже нет центрального правительства. К тому же, ваша раса очень агрессивна. Боюсь, вас ждет настоящая катастрофа. Точно, компьютер подтверждает прогноз. А ты спрашиваешь абстрактно или то, о чем ты говоришь, уже случилось?»

«Боюсь, скоро это случится. Координаты Броуна лежат в открытом доступе у яхров».

Следующую мысль Рудпея Сеть не смогла адекватно перевести. Я понял лишь то, что Рудпей нецензурно ругается.

«Кошмар», сказал он, когда немного успокоился и стал мыслить более разборчиво. «Они отравят нам весь Броун своими

дурацкими мыслями. И я даже не знаю, что можно этому противопоставить. Теоретически, если максимально расширить зону контроля… Нет, бессмысленно. Для захвата двадцати миллиардов островов потребуется астрономическое время».

Мне показалось, что я ослышался.

«Сколько островов?» переспросил я. «Двадцать миллионов?»

«Миллиардов», поправил меня Рудпей. «Броун — очень большая планета, газовый гигант. То, что кажется океаном, на самом деле его атмосфера, внутренние сверхплотные слои».

«Но тогда для вас нет большой опасности», заметил я. «Отравление всей ноосферы дурацкими мыслями яхров тоже займет астрономическое время».

«К сожалению, не факт», возразил Рудпей. «Наши ученые уже немного изучили процессы распространения идей на Броуне, здесь прослеживается аналогия с распространением мутаций среди существ со стандартным генотипом. Так же, как и гены, идеи бывают доминантными и рецессивными, только обмен идеями идет быстрее, чем обмен генами. Компьютер построил аналитическую модель, она показывает, что доминантные идеи могут распространяться с огромной скоростью. Теоретически возможно существование супердоминантных идей, способных распространяться с экспоненциальной скоростью, как злокачественная опухоль. Обычно на Броуне мыслеобмен регулируются специальные инстинкты, но если на один остров одновременно приходит много новых гостей из других миров, инстинкты подавляются. Не исключено, что со временем обитатели Броуна вообще потеряют разум».

«Обитатели Броуна заботят меня меньше всего», заявил я. «Если они потеряют разум, значит, такова их судьба. Меня тревожит то, что некоторые гости Броуна могут принести супердоминантные идеи в свои родные миры».

«Зря беспокоишься», сказал Рудпей. «За пределами Броуна доминантность идеи не имеет никакого значения».

«Это понятно. Но если в мейоз вступят, например, Юр и какая-нибудь антисоциальная личность с Шотфепки…»

«Юр не станет вступать в мейоз с кем попало!» оборвал меня Рудпей.

«Ну, пусть не Юр, пусть, например, Драконтрест с Земли. Нельзя ведь исключать, что в результате мейоза получится настоящий монстр. И если этих монстров станет много…»

«Я понял, куда ты клонишь», сказал Рудпей. «Для Блубейка это не опасно. Наша полиция вполне способна разобраться с антисоциальными пришельцами. А вот Земле и яхрам придется тяжело. Даже не знаю, что тебе посоветовать».

«Я тоже не знаю», признался я. «Раньше я думал, что можно попробовать установить контроль над всем Броуном, но двадцать миллиардов островов…»

«Я бы не сказал, что все так уж безнадежно», заметил Рудпей. «О полном контроле речь не идет, но подселить в коллективное сознание Броуна какие-то отдельные парадигмы, в принципе, можно. Например, добавить им идею немедленного отторжения любого сознания, резко отличающегося от стандарта. Проблема только в том, что ученым потребуется много лет, чтобы подробно разобраться в психологии Броуна. Пока они понимают только основные концепции, а чтобы рассчитать глобальное воздействие на ноосферу…»

«Понятно», сказал я. «А как насчет Вудстока? Возможно, он уже знает о Броуне все, что нужно знать вашим ученым».

«Интересная идея», сказал Рудпей. «Сейчас проконсультируюсь с компьютером. Минутку… Нет, не получится. Вудсток все знает, но он говорит, что нужный объем знаний нельзя усвоить за один курс. Чтобы нопстер смог составить цельное представление о броуновской психологии, потребуется не менее двух наших лет. Это чуть меньше земного года».

«А если запустить туда нескольких нопстеров, каждый из которых получит свою часть знания?»

«Думаешь, компьютер об этом не подумал? Все равно ничего не получается. Это как с математикой, нельзя одному студенту изучить дифференциальное исчисление, а другому — интегральное. В науке все тесно переплетено».

«И что теперь получается?» спросил я. «Через несколько недель в ноосфере Броуна появится раковая опухоль, которая уничтожит эту цивилизацию и пустит метастазы в иные миры. Правда, метастазы эти будут бесплодными, но от этого ненамного легче».

«Ты излишне драматизируешь», заметил Рудпей. «Вероятность спонтанного появления на Броуне супердоминанты очень мала. Компьютер вообще не уверен, что это произойдет в обозримом будущем. Это просто гипотеза».

И тут меня осенило. Вудсток говорит, что обычный человек или нопстер не сможет быстро усвоить броуновскую психологию. Но в моей психике нет ограничений на объем новых знаний, одновременно загружаемых в сознание. И в синтетических личностях агентов Блубейка, вступивших в мейоз друг с другом, я уверен, тоже нет подобных ограничений.

Как лучше поступить — поделиться этой мыслью с Рудпеем или попытаться спасти вселенную в одиночку? Пожалуй, второе

слишком рискованно. Для того, чтобы заняться практическим преобразованием ноосферы Броуна, мне могут потребоваться дополнительные знания, которых нет у меня, но которые вполне могут быть на Блубейке.

«У меня экстренное сообщение в ленте новостей», сказал вдруг Рудпей. «Сейчас… Гм… Кажется, у нас большие проблемы. Вудсток недоступен».

«Как недоступен?!»

«Между Землей и Вудстоком только что сформировался астральный барьер. Семь нопстеров, проходивших обучение на Вудстоке, одновременно вернулись в базовые тела. Вудсток больше не отвечает ни на какие запросы. По-моему, яхры доигрались».

«Думаешь, это они возвели барьер?» спросил я.

«А кто же еще? Вся их агрессия против Земли направлена на изоляцию Вудстока от остальной вселенной. Странно, что они сумели создать астральный барьер. Всегда считалось, что в обозримой части вселенной это знание давно утрачено. Тем хуже для яхров».

Я слушал Рудпея и понимал, что он ошибается. Только вчера Вудсток ясно сказал, что яхры не умеют строить астральные барьеры. Либо он лгал, либо яхры не имеют к случившемуся никакого отношения. А кто тогда имеет отношение? Вудсток говорил, что технологией возведения астральных барьеров обладают только вегетативные расы вроде его самого. Неужели он сам решил закрыться от Сети? Но он много раз говорил, как он относится к тем, кто пытается ограничить распространение знаний по вселенной. За такое короткое время мнение Вудстока не могло измениться столь кардинально. Тогда в чем дело? Неужели Вудсток лгал?

Стоп! Кажется, я знаю, кто сможет прояснить ситуацию. Мое альтер-эго не будет мне лгать, а если и будет, я сразу почувствую ложь. В конце концов, когда-то мы с ним были одной личностью.

Мы-два ответило на мой вызов только после того, как я повысил срочность вызова до максимально возможной.

«В чем дело?» спросило оно. «Не могло подобрать другого времени, чтобы отвлекать меня бестолковыми бреднями?»

«Это не бестолковые бредни!» воскликнул я. «Что случилось с Вудстоком? Почему он закрылся от Земли?»

«Ты и само знаешь, почему», ответило мы-два.

И отключилось.

Очень жаль, что эти слова сказало именно мы-два. Его слова я не могу интерпретировать двояко. Оно и я понимаем друг друга с полумысли, никакого непонимания между нами не может быть по определению. Если оно сказало, что я само знаю, что случилось, значит, так оно и есть. Мои худшие опасения подтверждаются.

Никто не пытался изолировать Вудсток от остальной вселенной, Вудсток изолировал себя сам. Или не сам, а с помощью каких-нибудь вегетативных братьев по разуму. Или с помощью тех, кто уже прошел дорогой, ведущей на следующий уровень.

Нетрудно догадаться, зачем он это сделал — чтобы планетарный компьютер Блубейка не успел сделать последний шаг, отделяющий его от контроля над Броуном. Нопстерам не хватило совсем чуть-чуть времени, чтобы сложить два плюс два и направить на Вудсток своих агентов, которым мейоз привил немного броуновской пластичности к жесткой и неподатливой нопстерской душе.

Черт возьми! Мне не хватило всего нескольких минут, если не секунд! Я объяснил бы Рудпею, что надо сделать, и уже через пару часов, да пусть даже через пару дней, пусть хоть через неделю, но никак не больше, перед планетарным компьютером Блубейка лежал бы готовый ответ. Или доказательство неразрешимости задачи, но в этом случае уже ничего не поделаешь.

Прекрасная была возможность, но теперь о ней можно забыть. С Земли Вудсток недоступен, а других миров, с которых он доступен, я не знаю. А если попробовать…

Попытка не привела к успеху. Сеть сообщила, что идентификатору Вудстока не соответствует ни одна известная ей планета. Как и следовало ожидать.

Вот зараза! Прямо как в дурных голливудских боевиках, где все важные события всегда происходят в самый последний момент. Осталось совсем чуть-чуть и вот на тебе! Что-то слишком много вокруг меня стало происходить случайных совпадений…

Стоп. А кто сказал, что это было случайное совпадение? Е-мое! Как же можно быть таким слепым! Я так привык к тому, что меня связывает с Вудстоком астральный канал, унаследованный от агента, растворившегося в моей синтетической личности… Я никогда не задумывался, как используется этот канал и используется ли вообще, но если допустить, что связь основного разума Вудстока с его бывшим агентом поддерживалась все это время… Получается, что Вудсток знал все, что я делаю и о чем думаю. Он понял, что проблема Броуна вот-вот будет решена и…

В моих мозгах как будто что-то щелкнуло и все кусочки головоломки встали на свои места. Я понял, что мне нужно делать, и еще я понял, что делать это нужно очень быстро, пока Вудсток не успел отреагировать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Только окунувшись в бездонную тьму Вудстока, я позволил себе поверить, что все получилось. Как просто! Вудсток закрылся от Земли, но закрыться от меня он не мог, потому что связывающий нас астральный канал нельзя оборвать, не уничтожив одного из нас физически. Все, что мне было нужно — догадаться, что этот канал можно использовать не только для слежки за мной, но и для перемещения.

— Здравствуй, Вудсток! — сказал я. — Мне нужно кое-чему научиться.

Ответом мне стал печальный вздох.

— Учись, — ответил Вудсток. — Жаль, что я не могу тебе отказать.

— Почему? — заинтересовался я. — Потому что в моем сознании сидит часть тебя?

— Нет, не поэтому. Я никому не могу отказать в просьбе поделиться знаниями. Это особенность моей психологии.

— А как же те семь нопстеров?

— Я не отказывал им. Их обучение прервалось, когда нарушилась связь между мной и Землей. Я не мог позволить им остаться в мире, из которого они не смогут вернуться обратно.

— Выстроить барьер ты смог, а позволить им остаться не смог. Интересная у тебя логика.

— Интересная, — согласился Вудсток. — Когда перед разумным существом стоит задача обмануть собственные инстинкты, получаются очень интересные логические извращения.

— Так ты признаешь, что барьер между тобой и Землей выстроил ты сам?

— Признаю. Ты не оставил мне выбора. У тебя оставался последний шанс, но я надеялся, что ты до него не додумаешься. Я ошибся.

— То есть, барьер теперь можно снять?

— Нельзя. Я не хочу, чтобы тайны Броуна стали доступны нопстерам.

— Я смогу поделиться с ними этим знанием.

— Не сможешь, — возразил Вудсток. — Ты просто не успеешь. Одно дело напрямую перекачать информацию из мозга в мозг и совсем другое дело, когда эту информацию надо

закодировать в виде речи, передать, раскодировать обратно, убедиться, что весь пакет дошел без потерь…

— На Броуне можно передавать информацию из мозга в мозг напрямую.

— Но не так быстро, как здесь. Ты сможешь передать нопстерам конкретное техническое решение, но не более того. Ни о каких консультациях с их учеными не может идти и речи.

— Ничего страшного, — сказал я. — Начинай обучение. Дальше я уж сам как-нибудь разберусь.

2

Я и не ожидал, что психология броуновцев изучена так глубоко. Не знаю, кто и когда занимался этими исследованиями, но очевидно, что это была не просто чистая наука, а проект, направленный на достижение конкретных практических целей. Знания, предоставленные Вудстоком, содержали массу сведений насчет того, как можно управлять духовным микроклиматом каждого отдельного острова, как можно внедрять заданные идеи сразу в целую группу островов и как можно сделать почти любую идею супердоминантой. Уверен, что какая-то из древних рас использовала Броун как полигон для отработки своих научных достижений. А может, броуновская цивилизация вообще была создана искусственно, некоторые детали психологии броуновцев делают эту гипотезу весьма правдоподобной. Когда все закончится, надо будет подкинуть эту информацию на Блубейк, пусть планетарный компьютер пораскинет мозгами, ему будет полезно.

Но вернемся к конкретной задаче. Нужно построить супердоминанту, которая будет препятствовать проникновению на Броун путешественников из других миров. Научить планету инстинкту самосохранения. Броуновцы должны понять, что пришельцы с чуждой психологией представляют огромную опасность для племени и для всей расы в целом. Когда броуновец обнаруживает пришельца, он должен как можно быстрее разорвать телепатический контакт с ним, а если образец чуждой психики неожиданно появится в самом сердце острова, такой пришелец должен быть уничтожен. Но не мгновенно, сетевым путешественникам надо дать время убраться из этого мира. Мало ли кто случайно сюда забредет…

Нет, эта раса однозначно была создана искусственно. Иначе я не могу объяснить, почему в их языке мыслеобразов существует специальная формула для супердоминанты. Достаточно подумать

определенным образом и твоя мысль воспринимается окружающими как божественное откровение, которое не может подвергаться сомнениям просто по определению. Причем случайно сгенерировать такую мысль невозможно — чтобы запустить супердоминанту, субъект должен точно знать, что он делает. А откуда простому броуновцу знать, что такое супердоминанта?

Ну что ж, приступим. Я сто раз повторил про себя формулу супердоминанты, а затем мысленно перекрестился и приказал Сети переправить меня на Броун.

3

Все прошло в точности так, как планировалось. Единственной проблемой стало то, что я материализовался почти в самом центре острова, на краю инкубационного зала, где молодые особи следят за зреющими яйцами. В непосредственной близости от меня находилось около ста броуновцев.

Присутствие ста чуждых разумов во внутреннем круге восприятия ударило по мозгам, как огромная кувалда, нематериальная, но оттого не менее смертоносная. Я почувствовал, как моя душа вливается в водоворот мыслей/чувств/эмоций/желаний и черт знает чего еще, в совокупности образующего коллективный разум племени. Мы-они жадно припали к свежей струе духовных переживаний, неведомо откуда ударившей почти в центр распределенного мозга племени. Тело-я-мы-они радостно раскрылось навстречу дружеским взорам и я-мы-они почувствовало, как плотина рухнула и содержимое бывшей-моей памяти полилось наружу, жадно поглощаемое иминами-мной. Навстречу хлынул обратный поток и я-мы-они с радостью впитало в себя все детали географии острова и все события, случившиеся на этом острове в обозримом прошлом. В моей-нашей-их памяти материализовался полный список всех особей племени с указанием возраста, статуса, родственных отношений, личностных особенностей и бог знает чего еще. Я-мы-они понимало, что обмен памяти — только начало, далее последует мейоз, причем, скорее всего, не один, и то, что раньше называлось «я», навсегда исчезнет в гигантском и многоликом «я-мы-они». Если бы не формула супердоминанты, этим бы все и закончилось.

Слияние оборвалось, когда из моего раскрытого разума вылетела формула супердоминанты. В телепатическом пространстве наступила темнота/тишина, окружившие меня

броуновцы замерли на месте в ожидании последующих мыслеобразов. Они внимали мне так, как никогда не внимали никому и ничему другому. Мелькнула непрошеная мысль: если бы у меня была мания величия, я бы умер от счастья прямо на месте.

Закружилась голова. Если быть совсем точным, у этого тела нет головы, но по-другому мои ощущения не передашь. Я понял, что от полного разрушения личности меня отделяли считанные секунды. Странно, что Вудсток не акцентировал внимания на этой опасности. Хотел, чтобы я погибло? Или создатели броуновской расы не считали гибель одного индивидуума большим несчастьем и не видели опасности в том, что чуть было не произошло со мной?

Однако пора приступать к делу. Я сконцентрировался и прокрутил в своем разуме последовательность образов, из которых складывалось тело супердоминанты. А потом сделал это еще раз, просто на всякий случай, чтобы случайная ошибка не исказила информационный пакет, который я внедряю в ноосферу этой планеты. А потом и в третий раз.

Я спроецировал в своем мозгу формулу завершения супердоминанты и тут же приказал Сети вернуть меня назад на Вудсток. Последним, что я увидел/почувствовал/узнал на Броуне, была обрушившаяся на меня волна дикой первобытной ненависти. Супердоминанта начала работать. Надеюсь, окружавшие меня существа успели вовремя понять, что чужак ушел, и временный носитель моего сознания остался в живых. Впрочем, я не удивлюсь, если такая вспышка ненависти способна уничтожить броуновца сама по себе, без последующего физического насилия.

Я обратился к памяти трех броуновцев, вступивших в мейоз с Андреем и Дашей, и понял, что догадался я правильно. Физическое насилие на Броуне невозможно в принципе, враждебные действия броуновцев по отношению один к другому всегда сводятся к взаимным ударам концентрированными эмоциями. Обычно бой заканчивается после первого же удара — либо противники разбегаются в разные стороны, либо более сильный обращает более слабого в свою веру. Интересно, что тезис Данилы Багров «сила в правде, брат» на Броуне является аксиомой.

4

Я висел в бездонном небытии Вудстока и размышлял о том,

что я сделал правильно, а что нет. Только сейчас я сообразил, что супердоминанта, которую я запустил на Броуне, не содержит никаких лазеек и обходных путей, которые позволили бы ее отменить. Когда супердоминанта охватит весь Броун, он станет закрыт для сетевых путешественников раз и навсегда. Попытки Блубейка создать на Броуне свой анклав обречены на провал.

Я представил себе, как этот провал будет выглядеть, и мысленно поежился. Под(лет/плыв)ает к острову обычный кочевник/вестник, раскрывает свой разум, как бы говоря «слушайте, ребята, что я вам сейчас скажу», и выбрасывает формулу супердоминанты. И уже через минуту бывшие нопстеры пылают лютой ненавистью ко всем пришельцам из иных миров, в том числе и друг к другу. Что будет дальше — науке неизвестно. Либо они разбегутся в разные стороны, разнося заразу дальше по планете, либо кто-то из них, духовно самый сильный, сумеет восстановить распадающийся коллективный разум, но уже с учетом новой парадигмы. В любом случае, для нормальных нопстеров этот анклав будет закрыт. Если только там не появится пришелец, который успеет выбросить другую супердоминанту, отменяющую первую, до того, как его растерзают братья по разуму.

Ну да ладно. Анклав Блубейка на Броуне может накрыться медным тазом хоть завтра, Земле от этого не горячо и не холодно. Главное, что угроза Броуна скоро будет нейтрализована, надо всего лишь дождаться, когда супердоминанта охватит всю планету.

А когда, кстати, это произойдет? Жаль, что знания, которые дал мне Вудсток, касаются только психологии, но не географии Броуна. Может, что-нибудь подскажет память броуновцев, вступивших в мейоз с Андреем и Дашей? Посмотрим…

Ох! Слишком медленно. Супердоминанта распространяется по планете в мозгах броуновцев и потому ограничивающим фактором является скорость физического перемещения отдельных броуновцев и целых островов. А планета огромна — газовый гигант. Для охвата всей планеты потребуется… в самом грубом приближении — никак не меньше года. А может, и лет двадцать.

В принципе, ничто не мешает повторить тот же фокус еще раз в другом районе планеты. Если вторая стартовая точка будет находиться точно напротив первой, распространение супердоминанты ускорится вдвое. А если стартовые точки окажутся неподалеку друг от друга, не изменится ничего.

Однако очень страшно снова появляться на Броуне. Раньше я не знал, что происходит, когда ты материализуешься в толпе броуновцев, но теперь-то я знаю, насколько это опасно. Если бы

последний раз Сеть вывела точку перемещения не на край инкубационного зала, а в его центр, на этом бы и закончился жизненный путь моей текущей личности. Еще раз на такой риск я не пойду.

Так что, получается, все было зря? Чтобы изолировать Броун не через несколько лет, а быстро, нужно внедрить супердоминанту… гм… примерно сто тысяч раз. Может, стоит поделиться формулой супердоминанты с Сбот, пусть ее агенты потрудятся? Нет, боюсь, с такой работой не справятся все агенты яхров, вместе взятые. Или справятся? Сколько в конфедерации миров? Если память мне не изменяет, где-то около ста. А в каждом мире существует свой комитет защиты порядка, в котором наверняка наберется тысяча-другая агентов. Так что яхры, теоретически, вполне могут справиться с задачей.

Но стоит ли им доверять? Не заложат ли они в Броун какую-нибудь другую супердоминанту? Например, «стройте, товарищи, терминалы, входите в Сеть и идите на Землю, там хорошо»? Но как они смогут исправить мою формулу? Смысл-то ее они не понимают. Методом проб и ошибок? Нет, нереально. Так что попробовать привлечь яхров к делу можно запросто.

Но как передать им формулу? Она имеет смысл только на Броуне, в других мирах ее никак не воспроизвести. Загнать яхров на Вудсток, чтобы они получили информацию прямо из первоисточника? Во-первых, невозможно, а во-вторых, тогда они точно нагадят на Броуне так, что мало не покажется. Не годится.

Так что же делать? Все мучения и весь риск последних часов были зря? Ну почему я такой тупой? Вместо того, чтобы продумать весь план действий до конца, я цепляюсь за первую попавшуюся привлекательную идею, увлекаюсь, начинаю воплощать ее в жизнь, а когда утыкаюсь мордой в стену, злюсь и ругаю себя. Впрочем, что тут удивительного? Эта черта была и у Андрея, и у Даши. Ничего удивительного, что и я тоже ее унаследовал.

Но хватит заниматься самобичеванием. Надо срочно что-то делать. С Броуном ничего не получается, с Вудстоком тем более, а уж об изоляции Земли астральным барьером я и не говорю. Стоп. Почему это я об этом не говорю? Какой же я идиот! Почему я не потребовал, чтобы Вудсток научил меня строить астральные барьеры? Вудсток говорил, что это умеют делать только вегетативные расы вроде него, но одно дело разработать технологию и совсем другое — воспользоваться готовым решением.

— Вудсток! — крикнул я. — Я хочу научиться строить астральные барьеры.

— Ну вот ты и догадался, — вздохнул Вудсток. — Если бы я мог тебе отказать… Ты точно уверен, что хочешь этого? Сто тысяч людей лишаться своего шанса.

— Зато шесть миллиардов получат свой шанс, — парировал я. — Или сколько их уже осталось? Пять? Четыре?

Вудсток промолчал.

— Начинай обучение! — приказал я.

И снова провалился в нечто, похожее на обморок.

5

Вынырнув из обморока, я понял, почему построение астральных барьеров — удел вегетативных рас. Астральный барьер — конструкция сложнейшая и работает она непосредственно с ядром Сети, с той ее частью, которая находится за пределами известных людям измерений пространства. Будь я программистом, я бы сказал, что астральный барьер — это патч в ядре вселенной.

Построение барьера, отделяющего Землю от остальной Сети, включает в себя четыре основных шага. Во-первых, надо достроить нанозавод. Во-вторых, построить с его помощью полноценный планетарный узел. В-третьих, создать компьютер, способный напрямую подключаться к Сети, и подключить этот компьютер к узлу. В-четвертых, написать программу, описывающую свойства создаваемого барьера, и запустить ее на компьютере, построенном на предыдущем шаге.

А ведь эту программу надо будет как-то отлаживать… Интересно, что произойдет, если в программе будет ошибка? Гм… Неожиданно. Серьезная ошибка в программе приведет к временному отключению Сети в том мире, где произошла ошибка. А это как раз то, что нужно! Если запускать такую программу несколько раз в день, результат будет в точности такой, какой нужен. Информации из Сети на Землю натащили уже столько, что хватит лет на десять, если не больше. Все это время Сеть будет больше вредить, чем помогать. Решено, так и будем действовать.

Я попытался связаться с Габовым и Сеть ответила, что такого абонента не существует. Это естественно — я совсем забыл, что Вудсток, на котором я сейчас нахожусь, отделен от Земли астральным барьером. Ничего, прорвемся.

6

Я вернулся в Москву, в тело молодого человека лет двадцати, чьи родители в прошлом году имели неосторожность купить ему квартиру в том же доме, в котором жил Андрей Сигов. Жалко парня, но, боюсь, ему не скоро придется воспользоваться своим телом, а может, и вообще никогда не придется. Но его не очень жалко, мимолетного взгляда внутрь достаточно, чтобы убедиться, что товарищ непроходимо глуп, неумеренно злобен и злоупотребляет наркотиками. Пока он еще не стал наркоманом, но это всего лишь вопрос времени.

Долго находиться в этом теле неприятно. Когда попадаешь в него, душу заполняет ощущение какой-то безысходной затхлости. Возможно, кстати, что мрачные мысли, одолевшие меня в квартире Андрея Сигова, отчасти обусловлены тем, что в тот момент я находился в этом теле. Ну да бог с ним, все равно долго в нем я оставаться не намерен.

Я обратился к Сети и занялся подбором нового тела на ближайшие несколько недель. Мне нужно тело здорового мужчины от двадцати пяти до сорока лет, курящего, но без других вредных привычек, белой расы, не толстого, не лысого, приятной внешности, не бедного и, самое главное, живущего в Страсбурге неподалеку от строящегося нанозавода. Жаль, что большинство перечисленных атрибутов Сеть не понимает и выбрать себе тело единственным запросом нельзя. Приходится делать несколько последовательных перемещений. Вначале выбираешь тело произвольного человека, обитающего в Страсбурге, осматриваешься в его памяти и находишь среди его знакомых наилучшее приближение к идеалу. Визуально фиксируешь выбранное тело, освобождаешь промежуточное тело, и тут же перепрыгиваешь в то тело, которое только что выбрал. И так далее.

Тело, подходящее по всем параметрам, удалось подобрать на четвертой итерации. Но, попытавшись переместиться в него, я с удивлением обнаружил, что оно уже занято. Филипп Руже, тридцатипятилетний управляющий банком, уже был вместилищем инопланетного разума. Ну, сейчас я ему покажу.

Я решительно подошел, вернее, подошла (тело, выбранное на третьей итерации, принадлежало молодой женщине) к Филиппу и тронула его за плечо. Филипп обернулся, в его глазах было написано недоумение, но через небольшую, но вполне уловимую долю секунды он меня узнал. Очевидно, обратился к памяти тела.

— Здравствуй, Сесиль, — сказал он. — Хорошеешь с каждым днем.

Я состроила непроницаемо-серьезное выражение лица и сказала:

— Я представляю комитет защиты порядка планеты Земля. Назови свой родной мир и цель пребывания на Земле.

Филипп отступил на шаг назад и окинул меня задумчивым взглядом.

— Хорошие девушки попадаются у нас в комитете, — сказал он. — Я Дмитрий Самохин.

Я расхохоталась.

— Драконтрест! — воскликнула я. — Обалдеть! А я Андрей Сигов и одновременно Даша Лужнецкая.

Драконтрест недоуменно вытаращил глаза.

— Ну, вы, блин, даете, — сказал он после долгой паузы. — Где же вас так угораздило?

— Тебе туда лучше не соваться, — сказала я. — Крайне неприятная планета. А у тебя классное тело.

Драконтрест покраснел и сказал:

— Ну, я вообще-то…

Я расхохоталась.

— Да я не том! — воскликнула я. — Вряд ли я смогу нормально заниматься с тобой сексом. В этом есть что-то педерастическое, я ведь наполовину мужчина.

— Вот-вот, — пробормотал Драконтрест. — Может, тебе лучше мужское тело подобрать?

— Я и собирался, — сказал… сказала… сказало я. — Я на твое тело глаз положил, а оно, оказывается, занято.

— Так вот что ты имела ввиду! — воскликнул Драконтрест и расхохотался. — А я-то подумал…

Мы еще немного посмеялись, он легонько обнял меня за плечо, притянул себе и женская часть сознания отметила, что это приятно. А в мужской части сознания сформировалась мысль, выражающаяся одним коротким словом. Пидор.

Видимо, Драконтрест подумал то же самое, потому что вдруг резко отстранился от меня.

— Странный мы, люди, народ, — сказало я. — Казалось бы, какая ерунда — есть у тебя что-то в штанах или нет, а как много на этом завязано.

Драконтрест странно посмотрел на меня и повторил с загадочной интонацией:

— Ерунда, говоришь…

— Ерунда, — решительно заявил я. — Ты в Сети где-нибудь бывал, кроме Сорэ и Румылва?

— Еще на Вудстоке и на Уфсыме, — ответил Драконтрест. — На Уфсыме — когда со спамом боролись. А что?

— А то, что когда ты полгода общаешься в основном с инопланетянами, ты понимаешь, что разница между мужчиной и

женщиной — сущая ерунда.

Драконтрест неопределенно пожал плечами.

— Габову уже доложился? — спросил он.

При слове «доложился» меня слегка передернуло. Аура Драконтреста отозвалась характерным колыханием, но на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Доложись, — сказал Драконтрест. — Хочешь, я тебя к нему проведу? Поговоришь живьем первый раз в жизни.

— В чужих телах — это не совсем живьем, — заметило я.

— Как знаешь, — сказал Драконтрест. — Ну что, пойдем?

— Пойдем, — сказало я.

Пока мы шли через площадь, Драконтрест то и дело пытался меня обнять, но каждый раз отдергивал руку. Надо побыстрее переехать в мужское тело, людей зря не смущать.

7

— Вот такие дела, — сказала я, завершая рассказ.

Николай Алексеевич Габов смотрел на меня и я никак не могла описать словами чувство, которое доминировавшее в его ауре. Не испуг, но… Он смотрел на меня как на нечто чужое, нечто такое, что уже нельзя назвать человеком.

Тело Габова называлось Пьер Божоле и являлось директором того самого банка, в котором Филипп Руже был управляющим. Хорошая идея — поместить всех своих людей в тела сотрудников одной организации. Так проще обеспечивать деятельность группы — не нужно легендировать тесные контакты между лицами, которые раньше были незнакомы друг с другом.

— Понятно, — сказал Габов. — Спасибо. Ты отлично поработал… или поработала? Как к тебе правильно обращаться?

— Лучше всего в… О-ля-ля, во французском языке нет среднего рода. Тогда лучше как к женщине, я ведь сейчас в женском теле. Только мне нужно подобрать мужское тело, а то коллеги смотрят как на пидора.

— Это точно, — хихикнул Габов. — Тело подберем. Топ-менеджеров, правда, уже всех разобрали, но в среднем звене кое-кто остался. Вот, например, Александр Фош, начальник отдела ценных бумаг. Парень вроде неплохой и жена у него красивая, а дочка вообще обалдеть.

— Вы на что это намекаете? — не поняла я.

— Ни на что, — сказал Габов. — Каждый понимает вещи в меру своей испорченности. А может, и не стоит тебе новое тело подбирать. Десятого июня нанозавод будет запущен,

тринадцатого — изготовит первую собственную копию и ты начнешь с ней работать. Начинать программировать компьютер ты можешь уже сейчас.

— Чтобы компьютер запрограммировать, сначала надо его построить, — заметила я.

— А чтобы его построить, надо сначала запрограммировать нанозавод. Ты можешь приступать. Наши шестилапые друзья любезно предоставили входной интерфейс для нанозавода, это обычная персоналка со специальной программой, она может работать и без нанозавода, в режиме эмуляции. Программа жутко кривая, написана на дельфях, постоянно виснет, а все надписи на экране исключительно на французском. Эти дебилы даже не заметили, что на Земле полно разных языков, выбрали на карте первое попавшееся место, спасибо, что не в Китае, а то пришлось бы нам с тобой иероглифы изучать.

— А в чем проблема? — не поняла я. — В этих телах французский язык лежит в памяти тела. Между прочим, мы сейчас разговариваем по-французски.

— Да ну! — изумился Габов. — А ведь и вправду по-французски. Ну да ладно. Так ты тело менять будешь?

— А какое сегодня число? — спросила я.

— Пятое июня.

Я задумалась.

— На восемь дней… Наверное, стоит. Тем более, личность Андрея чаще бывает доминирующей… Хорошо, поменяю.

— Это тело пригодится тебе не восемь дней, а гораздо дольше, — уточнил Габов. — Планетарный узел будет развернут здесь.

— Почему? — удивился я.

Стоило мне произнести вслух, что личность Андрея является доминирующей, как я снова стал думать о себе в мужском роде.

— Потому что у нас нет времени переводить труды яхрских программистов с французского языка на русский, — сказал Габов. — Эта работа уже ведется, но закончится она гораздо позже, чем мы развернем узел. Потом мы переместим главную управляющую консоль в Россию… а может, и не переместим, сейчас уже неважно, в какой стране он находится. После инопланетян смотришь на французов или, там, арабов — прямо как родные. Даже странно вспоминать, как серьезно раньше относились к этим вещам. Догоним и перегоним, удвоим ВВП, однополярный мир, многополярный…

— А как поживает бывший полюс мира? — спросил я. — Чуму еще не остановили?

— Пока нет, — покачал головой Габов. — Американцы

отказались принимать нашу биоблокаду. Я на совете безопасности битый час распинался, уговаривал отправить эту хрень в Штаты как гуманитарную помощь, в конце концов уговорил и вот на тебе. Нет сертификата, говорят. Применять можно только после государственных испытаний, а испытания проводить нельзя, потому что их главная контора по инфекционным болезням накрылась в первый же день. Яхры не дураки, они бациллу сначала запустили в Атланту, а уже потом в другие крупные города… Кое-что мы передали через ЦРУшников, но это капля в море. У пиндосов бюрократия такая, что нам и не снилась. Она, правда, не бандитская, как у нас, но от этого не легче, особенно в критических ситуациях.

— Жалко их, — сказал я. — Они не виноваты, что такие тупые.

— А никто и не говорит, что они виноваты. Виноватых наказывают, а чума — не наказание, а фактор эволюции. И назидание другим.

— А сетевые путешественники как? — спросил я. — Наверное, достали уже?

— С пришельцами как раз все нормально, — сказал Габов. — Наши доморощенные экстремалы достают гораздо сильнее. Пришельца, особенно из чужого сектора, на улице видно за километр, а наше хулиганье без детектора не засечешь. Но ситуация уже входит в норму. В Москве и Питере в метро над каждым эскалатором установили по детектору — как пришелец объявляется, менты его сразу берут под белые ручки. А на прошлой неделе наши умельцы новую модель запустили в производство, она не только пришельцев определяет, но и показывает, откуда он прибыл — действительно из другого мира или он по Земле через Сеть путешествует. Если товарищ — настоящий пришелец, его профилактируют сразу на месте. Пришельцы в своей массе граждане дисциплинированные, чуть пригрозишь — сразу лапки вверх и бегом в Сеть. С нашими сложнее. Ему говоришь «пошел вон из тела», а он сразу кулаком в челюсть и хорошо, если кулаком, а не кастетом. Мы с Кожуховым уже говорили президенту: единственный надежный способ выдворить их из Москвы — стрелять сразу в лобешник, чтобы не успел тело покинуть. Замочить человек десять и по телевизору в новостях показать, чтобы другие не лезли.

— Слишком жестоко, — возразила я (когда речь заходит о насилии, личность Даши обычно выходит на передний план). — Люди, чьи тела занимают хулиганы — они-то чем виноваты?

— Тем, что оказались в неудачном месте в неудачное время, — жестко сказал Габов. — Мы не виноватых наказываем, а

бардак в стране ликвидируем. Да что я говорю, не в стране, а во всем мире.

— Тогда уж во всем секторе, — улыбнулся я (личность Даши снова ушла на второй план).

— А у них-то какие проблемы? — удивился Габов.

— Ну как же! Броун.

— А что, это уже серьезная проблема?

— Не знаю, я их новости давно не смотрел. На Земле броуновцы еще не появлялись?

— Не появлялись. И вряд ли в ближайшее время появятся.

— Почему? — удивился я.

Габов улыбнулся.

— Наше сетевое хулиганье еще не привыкло к Сети, — сказал он. — Для бытовых нужд они предпочитают пользоваться интернетом. А в интернете мы с нашими друзьями из «Моссада» такой сорм раскрутили по всей планете…

Произнеся эти слова, Габов растянул рот до ушей и блаженно зажмурился. Тонкие усики-мерзавчики на лице Пьера Божоле делали Габова похожим на довольного жизнью сытого кота.

— Что раскрутили? — переспросил я.

— Сорм, — повторил Габов. — Это сокращение, не помню уже, как оно расшифровывается. Как раз то, чем либерасты народ пугают уже лет пять. Спецслужбы контролируют весь трафик, свобода слова под угрозой…

— А что, разве не так? — спросил я, состроив невинную физиономию.

Габов нахмурился.

— Не строй из себя идиота, — сказал он. — То, что ты теперь блондинка, еще не повод надо мной издеваться. Ты и сам прекрасно знаешь, какой это геморрой — все контролировать.

— Сам — не знаю, — уточнил я. — Лично я никогда этими делами не занимался. Но от друзей наслышан. А что, теперь проще стало?

— Еще бы. Раньше агента завербовать — бодяга на месяц, если не больше. Столько бумажек исписать… И на каждый рубль, на агента истраченный, надо писать справку с обоснованием. А если агент, не дай бог, в депутаты избрался, не обязательно в госдуму, пусть хоть в мухосранский сельсовет, сотрудничество нужно немедленно прервать ибо незаконно. Законники, блин…

— А теперь как? Законы отменили?

Габов махнул рукой.

— Никто ничего не отменял, — сказал он. — Просто когда жареный петух всю задницу исклевал и к очку подбирается, на законы никто не смотрит. Да и технически вербовать агентов

стало проще. Забрался в тело нехорошего человека, написал его рукой чистосердечное признание, да и отнес на Лубянку в приемную. Там сейчас целый этаж выделили под чистосердечников. Заходит товарищ под контролем, садится в удобное кресло, напротив опер сидит. С товарища снимают контроль, опер говорит: «Почитайте, ознакомьтесь». Товарищ читает, бледнеет, зеленеет, а опер улыбается и говорит: «Ну что, Иван Петрович, будем расписку о сотрудничестве писать или в тюрьму изволите?» А бывает и по-другому, если время поджимает. Вселяешься в тело любовницы олигарха, хрясть его по башке бутылкой «хеннеси», «ролекс» в задницу запихиваешь, а когда он очухается, говоришь: «Если не сделаешь то-то и то-то, первый встречный тебя вообще убьет на хрен». Замечательно работает.

Я никогда не считал себя убежденным борцом за права человека, да и к либерастам отношусь не слишком хорошо, но от таких методов покоробило даже меня, да так конкретно, что Даша на передний план даже не выплыла. Незачем.

— Беспредел творите, — мрачно сказал я.

— Беспредел, — кивнул Габов и развел руками. — А что делать? Жизнь такая.

— В тридцать седьмом году тоже так говорили.

— И правильно говорили. Жизнь — такая штука, что в ней не всегда можно быть добрым, иногда приходится звереть. И знаешь, кто в такие моменты проигрывает?

— Тот, кто не озверел, — выдал я очевидный ответ.

— А вот и не угадал! — Габов расплылся в хищной улыбке. — Проигрывает тот, кто озверел умеренно. Есть такое правило: достал ствол — стреляй. И это правило не только к стволам относится. Если начал творить зверство, останавливаться нельзя. Из двух зверей побеждает тот, чья жестокость самая запредельная. Один мой знакомый пять лет назад работал начальником городской ментовки в одном сибирском городе. У них в городе совсем не торговали наркотой, знаешь, почему? Потому что у местных ментов было одно правило, которое они неукоснительно выполняли. Торговца наркотиками, взятого с поличным, расстреливали на месте при попытке к бегству.

— Эту байку я тоже слышал, — сказал я. — Только не надо слишком серьезно к ней относиться. Такие фокусы проходят только в сказках, а в реальной жизни, если наркобарон наймет хорошего адвоката…

— То адвокат бесследно исчезнет, — продолжил за меня Габов. — Я же говорю, жестокость должна быть запредельной. С волками жить — по-волчьи выть. Ты вот не веришь, что я говорю

правду, а зря. Все очень просто. В том городе находился большой завод, принадлежавший одному крутому олигарху, ты его по телевизору много раз видел.

— Не видел. Я новости по телевизору не смотрю.

— Зря. Полезно иногда посмотреть, чтобы поддерживать себя в форме. А то размякаешь, становишься, так сказать, мягкоскорлупным…

Даша во мне вспомнила диснеевскую «Русалочку» и я непроизвольно улыбнулась.

— А нельзя становиться мягкоскорлупным, — продолжал Габов. — Теряешь хватку, слабеешь, начинаешь думать не о деле, а о счастье… А посмотришь новости, увидишь, как друзья ФСБшники из отдаленной управы нашли в заброшенном гараже убитый «жигуль» с гексогеном в багажнике, как подкатит к горлу злоба, сразу чувствуешь, процесс пошел, озверение помаленьку восстанавливается.

— Такие новости нынче совсем не новости, — сказал я (Андрей снова вышел на передний план).

— К сожалению, да, — кивнул Габов. — Но ты просто фишку не понял.

— А в чем тут фишка?

— Фишка очень простая. Почему друзья ФСБшники не стали дожидаться хозяев «жигуля», а сразу позвали телевизионщиков? По очень простой причине, только вслух я ее озвучивать не буду, противно.

— Тогда не озвучивайте, — сказал я. — Давайте лучше координаты тела, я его займу, а завтра приступлю к работе. Сегодня уже поздно, сегодня я лучше напьюсь.

— Давай, — сказал Габов. — Хочешь, вместе напьемся?

Я немного подумал и кивнул. И в самом деле, почему бы не напиться с хорошим человеком?

Может показаться парадоксальным, но после этого разговора у меня уже не осталось сомнений в том, что Габов — хороший человек. Он может говорить чудовищные вещи, но окраска его ауры расставляет все точки над ё. Он не злой, просто у него такая работа, он не глупый, просто он слишком устал. И еще он считает, что вот-вот наступит время озвереть по-настоящему.

8

Я занял тело Александра Фоша и сразу почувствовал себя лучше. Все-таки моя мужская составляющая заметно сильнее, чем женская. В теле сексапильной блондинки я чувствую себя

неуютно и неуверенно.

Освоение нового тела заняло минут пять, затем я позвонил мадам Фош и сообщил ей, что домой приеду поздно, потому что ужинаю в ресторане с мсье Божоле. Супруга выразила радостное недоумение — раньше мсье Божоле никогда не ужинал в ресторане с мсье Фошем. Подумала, небось, что ее мужа скоро повысят. Знала бы она, что с ее мужем происходит на самом деле…

Посидели мы славно. Мсье Божоле пригласил на дружеский ужин мсье Савиньи (Андрей Кожухов) и мсье Огюста (Миша Сабалин). Жаль, что память тела ограничивала тягу к веселью. Французы, по сути своей, дикие люди — сидят, болтают языками, как старушки на лавочке, цедят целый вечер единственную бутылку вина на четверых, даже неинтересно. А когда ты хочешь показать телу, как надо развлекаться по-настоящему, оно упирается и выдает предупреждающие сигналы один за другим.

Еще один источник неприятностей заключался в том, что Даше во мне очень понравился мсье Савиньи. Странное чувство испытываешь, когда сидишь напротив молодого человека, а внутренний голос говорит: «Эх, как бы он меня разложил». Я ему мысленно говорю: «Это невозможно, мы ведь оба мужчины», а внутренний голос игриво отвечает: «Ничего страшного. В жизни надо все попробовать». Боюсь, я был не прав, когда думал, что мужское тело снимет все проблемы.

Поначалу мы пытались произносить тосты, травить байки, рассказывать анекдоты, но потом разговор как-то незаметно перешел на деловые вопросы. И вскоре выяснилась одна очень неприятная вещь.

Оказывается, Габов думает, что я умею программировать нанозавод. Когда я сказал ему, что ничего подобного не умею, он жутко расстроился.

— Так вот почему яхры так легко сдали нам это хозяйство! — воскликнул он. — Они знали, что у нас с ним никто не справится. Сидят себе и посмеиваются, ждут, когда мы помощи просить придем.

— Сейчас им не до нас, — заметил я. — Сейчас они отстреливают духовных мутантов с Броуна. Им это труднее, чем нам. Во-первых, их интернет так тесно интегрирован с Сетью, что нормальную прослушку вроде этого вашего…

— Сорма, — подсказал Габов.

— Прослушку вроде вашего сорма у них не организуешь. А во-вторых, у них демократия американского типа.

— Не совсем, — уточнил Сабалин. — На Шотфепке демократия, скорее, голландского типа, а на Руроа, например…

— Руроа входит в конфедерацию чисто номинально, — вмешался Кожухов.

— Вы еще подеритесь тут, — прокомментировал Габов. — Горячие французские парни.

Кожухов с Сабалиным нехотя замолчали и я получил шанс вставить свою реплику:

— В этот раз яхры не строили нам никаких пакостей, — сказал я. — Во-первых, они не знали, что Вудсток временно отгородится от остальной вселенной.

— Временно? — заинтересовался Сабалин. — Ты точно знаешь, что временно?

— Я тебя потом ознакомлю с его докладом, — сказал Габов. — Насчет временности — вопрос спорный… по-моему… Но обсуждать его мы сейчас не будем. Сейчас давайте обсудим вот что. У нас скоро будет нанозавод, с которым мы ничего не сможем сделать.

— Надо китайцев попросить, — подал голос Кожухов. — Они уже должны были закончить свой проект с монахами.

— Это вряд ли, — покачал головой Габов. — Они делают свой нанозавод по старинке, на традиционных химических реакторах.

— А мы? — заинтересовался я. — То есть, яхры?

— У яхров элементная база построена на разветвленных белковых молекулах, — объяснил Сабалин. — Одна молекула — один триггер. Микросхемы получаются очень маленькими, проблема теплоотвода не стоит, энергопитание идет через биологические растворы, рабочие органы выращиваются из той же массы, что и ядро завода, операторам не нужно думать о распределении строительных материалов… Короче, у яхров все круто.

— Так что китайцы нам не помогут, — подвел итог Габов. — Разве что на самый худой конец.

— На худой конец вьетнамцы разобрали, — процитировал я пошлый анекдот. — На самом деле не все так плохо. У меня один фрагмент личности унаследован от автономного агента Вудстока.

Кожухов сразу понял, о чем я говорю.

— У тебя есть личный канал доступа на Вудсток! — воскликнул он. И неуверенно спросил: — Так?

— Так, — кивнул я. — Так что с нанозаводом проблем не будет. Схожу на Вудсток, разберусь, что к чему, и все запрограммирую, как надо. Заодно и про компьютеры инопланетные узнаю.

— Ты же свихнешься, — покачал головой Сабалин. — Человеческий мозг столько знаний не вмещает.

— У Андрея уже не человеческий мозг, — сказал Габов. — Не

ходите дети, ни за что на свете, гулять на планету Броун. Андрей еще легко отделался.

— Не только Андрей, но и Даша, — уточнил я.

Сабалин сделал обалдевшую физиономию и протяжно присвистнул.

— Мейоз? — уточнил он. — С Дашей?

Я мрачно кивнул.

— Ты бы лучше почитал мой доклад, — посоветовал я. — Там много интересного написано.

— Это должен знать каждый, — подал голос Кожухов. — Как цитатник Мао Цзэдуна.

— Да идите вы, — отмахнулся я. — Злые вы, уйду я от вас.

— Только не на Вудсток, — посоветовал Кожухов. — Кто его знает, как он к пьяным относится. Лучше сначала проспись.

— И то верно, — сказал я и подозвал официанта, чтобы расплатиться.

В ауре Габова промелькнула едва уловимая искорка. Он явно хотел взять все расходы за ужин на себя, но память тела подсказала ему, что во Франции так не принято. Он не стал настаивать на своем.

Я поймал такси, отправился домой, разделся, принял душ и завалился спать. Где-то в промежутке, вероятно, трахнул мадам Фош, но в этом я точно не уверен. Пить надо меньше.

9

Шестое и, частично, седьмое июня я провел на Вудстоке. Жене я сказал, что экстренная необходимость требует моего присутствия на работе в воскресенье, она странно посмотрела на меня и по ее ауре я понял, что она думает, что я завел любовницу. Ну и пусть себе думает.

Надо будет при случае сказать Габову, чтобы он вселил какую-нибудь сотрудницу в тело мадам Фош, а то скоро мое поведение станет совсем подозрительным, супруга начнет злиться и устраивать сцены, а это будет отвлекать от дел.

На этот раз Вудсток даже не удостоил меня разговором. Я объяснил ему, что мне нужно, и тут же провалился обморок.

— Спасибо, — сказал я, убедившись, что знаю о нанозаводах и биологических компьютерах практически все. — Помнишь, ты говорил, что на меня больше не действуют ограничения по объему одновременно усваиваемых знаний? Они в каком смысле не действуют — вообще не действуют или просто стали гораздо слабее, чем раньше? Если я еще раз к тебе приду, у меня голова

не лопнет?

Все мои вопросы остались без ответов, Вудсток молчал, как партизан. Я вежливо попрощался и вернулся обратно в тело Александра Фоша.

Мсье Фош чувствовал себя удивительно неплохо с учетом того, сколько вина он выхлебал вчера. Даже странно. Неужто ему тоже биоблокаду сделали?

А ведь сделали. Память тела подсказала, что на позапрошлой неделе мсье Божоле распорядился сделать всем сотрудникам прививку от чумы за счет фирмы. По официальной версии, под давлением профсоюза.

Десятого июня первый на Земле нанозавод был запущен в тестовом режиме. В первые часы работы он изготовил симпатичного плюшевого мишку, кучку таблеток аскорбиновой кислоты, автоматическую винтовку М-16 и сотню патронов к ней, а также электронные часы, которые были очень похожи на настоящие, но не работали. Но никто и не ожидал, что они будут работать, потому что через минуту после ввода последнего задания на экране компьютера, подключенного к нанозаводу, появилось окошко, предупреждающее об ошибке программы. Я посмотрел на него повнимательнее, дважды прочел надпись в окне и поинтересовался, кто программировал это задание.

Коротко стриженый белобрысый мужик лет пятидесяти сделал шаг вперед и сказал:

— Я.

Я ткнул его носом в окошко и спросил, знает ли он, зачем нужно инициализировать указатели перед использованием. Мужик хлопнул себя по лбу и стал ругаться по-французски.

Габов критически посмотрел на меня и задумчиво произнес:

— А я и не знал, что ты умеешь программировать.

— Я и не умею, — сказал я. — Это Фош раньше программистом работал.

— Точно! — воскликнул Габов. — У него это в личном деле записано. Удачно я тебе тело подобрал.

— Удачно, — согласился я. И спросил, указав пальцем на нанозавод: — Что будем делать с этой хренью?

Чудо инопланетной техники было смонтировано в технологическом бассейне маленького заводика, ранее производившего… а черт его знает, что он производил. Месяц назад яхры, вселившиеся в тела полицейских, провели здесь облаву, нелегальных иммигрантов разогнали, а руководство завода к этому времени поголовно было яхрами. После того, как яхры ушли с Земли, Габов заселил освободившиеся тела какими-то сибирскими ментами, которые уже вторую неделю не вылезали

из баров и борделей, что от них, собственно, и требовалось. Главное — чтобы под ногами не путались.

Пару дней назад я выразил удивление по поводу того, что Габов с компанией оккупировали банк, не имеющий к заводу вообще никакого отношения, и проигнорированы тела, регулярно появляющиеся на заводе по роду служебной деятельности.

— Все очень просто, — сказал Габов. — Лучше жить в отдельном доме за миллион евро, чем в двухкомнатной квартире. Мы тут обосновались всерьез и надолго. И мы не яхры, которым на Земле все равно, кем быть, потому что для них тут везде такая же дикость, как для нас в Африке.

Внешне нанозавод представлял собой нечто большое, бледно-розовое и аморфное — то ли студень, то ли большой кусок мяса. Оно плавало в воде грязно-зеленого цвета, от бассейна ощутимо повanивало серой. Только черти здесь ни причем, просто нанозавод предпочитает потреблять железо в виде купороса, при разложении которого сера и выделяется.

— Что будем делать? — спросил Габов, обращаясь к маленькому чернявому мужичку, в теле которого сейчас обитал самый главный специалист по нанотехнологии на Земле. — Когда ошибку исправите?

Мужичок скорчил расстроенную гримасу и развел руками.

— А зачем ее исправлять? — ответил он вопросом на вопрос. — Ошибка явно в управляющей программе, сама зверюга работает нормально. Я думаю, можно запускать копирование.

— Уверен?

— Уверен. Программа копирования досталась нам от яхров, в ней ошибок быть не должно. В худшем случае мы теряем три дня, но это маловероятно. А если мы начнем возиться с этими часиками, два-три дня потеряем уже наверняка.

— Хорошо, — сказал Габов. — Запускайте копирование.

Он отозвал меня в сторону от бассейна и спросил:

— Как у тебя дела? Когда программа будет готова?

— Где-то через неделю, вряд ли раньше, — ответил я. — Надо ее оттестировать как следует.

— А успеешь? — спросил Габов с сомнением.

— Успею, — ответил я. — Я выбрал самую простую модель компьютера, в ней вычислительный модуль построен как сеть одинаковых узлов, так что в программе надо отладить только один узел, а дальше все строится по аналогии. Собственно, в вычислительном узле я уже все отладил. Терминал для сетевого модуля возьмем стандартный, на основе йогурта, интерфейс с пользователем придется использовать тот, который разработали яхры. Главная проблема — интерфейс между вычислительным

модулем и сетевым. Надеюсь, за неделю управлюсь. Нам от этого компьютера много не нужно, надо только, чтобы он смог подключиться к Сети и скачать оттуда аналогичную программу, только нормальную.

— А не стремно? — спросил Габов. — Вдруг там троян окажется?

— Да хоть сто троянов. Единственная задача этого компьютера — изолировать Землю от Сети. Даже если в нем будет троян, никто им воспользоваться не сможет. По любому, у нас нет другого выхода. Если начнем делать все идеально, провозимся до зимы.

— А так сколько провозимся?

— Ну… Неделя на программу, дня три компьютер будет изготавливаться, неделя на сборку и тестирование…

— Погоди, — перебил меня Габов. — Какая еще сборка?

— Компьютер будет собран из двух частей, — пояснил я. — Вычислительный модуль отдельно, сетевой — отдельно. Это технологически удобнее и еще пригодится, если вдруг его придется куда-то перевозить. Да, кстати, я загнал в программу конфигурацию с одним терминалом. Если нужно больше, придется кому-нибудь заказать схему разводки, она очень простая, ее можно на обычном заводе сделать, нечего эту каракатицу напрягать, — я указал пальцем в сторону бассейна.

— Хорошо, — сказал Габов. — Действуй. Помощь нужна?

Я пожал плечами.

— Да какая тут может быть помощь? Разве что с редкими металлами. Для вычислительного блока много платины нужно.

Дальше все произошло очень быстро, гораздо быстрее, чем это можно описать словами. В поле зрения промелькнуло что-то серое и стремительное (ворона? глюк?), Габов сбил меня с ног, обрушился на меня, придавил своим весом и поволок по каменистой земле. А потом я потерял сознание.

10

Вокруг было черным-черно, тело не ощущалось.

— Вудсток! — крикнул я и не услышал своего голоса.

Испугавшись, я открыл глаза и понял, что раз у меня есть глаза, значит, я нахожусь не на Вудстоке, а… где? Где я был в последний раз? Кажется, на Земле. Наверняка на Земле, небо перед глазами вполне земное. Но где же тогда мое тело?

Я попытался повернуть голову и снова потерял сознание. На этот раз от боли.

11

Вокруг было черным-черно, но тело ощущалось, я ясно чувствовал, как его трясет нервная дрожь. Ноги почему-то не тряслись, их вообще как бы не было.

— Он приходит в себя, — сообщил незнакомый женский голос.

Я открыл глаза и увидел незнакомую женщину в зеленой пижаме. Если верить сериалу «Скорая помощь», американские врачи носят такие пижамы вместо традиционных белых халатов. Надо полагать, французские врачи тоже переняли заокеанскую моду.

— Андрей! — крикнула женщина. — Уходи из этого тела немедленно. Тебе осталось несколько минут, потом оно умрет. Мы тебе ввели смертельную дозу адреналина.

— Зачем? — проговорил я непослушными губами.

— Затем, что ты нам нужен не в коме, а бодрый и здоровый, — ответила женщина. — Ты очень нам нужен. Габов погиб.

Мне показалось, что я ослышался.

— Что? — переспросил я.

— Габов погиб, — повторила женщина. — Уходи быстрее.

Я попытался глубоко вдохнуть, ребра отозвались острой болью. Блин! Если я сейчас потеряю сознание, это будет последнее, что я сделаю в этой жизни. Женщина права, уходить надо немедленно.

Я отдал Сети соответствующий приказ и сразу почувствовал себя лучше.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

В Страсбурге произошло вот что. Истребитель «Мираж» взлетел с авиабазы по соседству, пролетел над Страсбургом и сбросил точно в центр бассейна небольшую фугасную бомбу с лазерным наведением. Бомба, к счастью, была чисто фугасная, без осколочного наполнения, иначе всех, кто собрался вокруг бассейна, положило бы на месте. А так два человека осталось в живых — я и один из молодых нанотехнологов. Точнее, остались в живых не люди, а личности — тела погибли после инъекции адреналина. Габова убило наповал, собственно, его тело меня и спасло, приняв на себя ударную волну.

Все это рассказал Кожухов, связавшийся со мной по Сети через минуту после того, как я снова оказался в теле юного московского оболтуса.

Тело била нервная дрожь. До меня только сейчас дошло, что я чудом избежал гибели. Самое противное, что Вудсток не соврал — он действительно перестал обо мне заботиться. На этот раз я избежал смерти благодаря не Вудстоку, а исключительно богу, если он, конечно, существует на самом деле.

— И что теперь? — спросил я. — Кто будет вместо Габова?

— Точно не знаю, — ответил Кожухов. — Либо директор ФСБ лично, либо кто-то из его заместителей или советников. Но если бы у нас были выборы, я бы проголосовал за Сару Остермайер.

— А это еще кто такая?

— Бабулька одна из «Моссада». Очень толковая женщина и с характером. Ребята ее очень уважают.

— Так в чем проблема? Скажи ей, чтобы приступала к работе, и все.

— Она уже приступила к работе. Только, боюсь, ненадолго, — Андрей вздохнул.

— Почему это ненадолго? — возмутился я. — Кто ее сместит? Директор? Или президент?

— Одно из двух. Ни директор, ни президент не потерпят, чтобы целое управление ФСБ возглавляла старая еврейка.

— Они что, антисемиты?

— Типун тебе на язык! — воскликнул Кожухов. — Но все равно, полковник «Моссада» во главе управления ФСБ…

— С каких это пор комитет защиты порядка на Земле стал управлением ФСБ? — резко спросил я. — Не знаю, кто это

придумал, но это решение редкостно глупое. У нас под крылом сотня ЦРУшников и моссадовцев…

— ЦРУшников уже нет, — уточнил Габов. — Они все в США, пытаются бороться с чумой.

— Все равно. Сколько у нас моссадовцев? Сто человек? Двести?

— Около ста сорока. И еще англичан человек пятьдесят.

— Вот видишь! Мы уже давно не ФСБ, мы — комитет защиты порядка планеты Земля. Президент и директор могут думать все, что им заблагорассудится, но против объективной реальности не попрешь.

— Но это же… мятеж какой-то… — пробормотал Кожухов.

— Это не мятеж, — заявил я. — Это восстановление порядка. Свяжись с ребятами, объясни им, что происходит, уверен, тебя поддержат почти все.

— В том, то и дело, что почти, — вздохнул Кожухов. — Снова начнется разброд и шатание.

— Не начнется, — сказал я. — Знаешь, что мне сказал Габов неделю назад? Он сказал, что иногда приходит время, когда надо озвереть. И тогда зверство должно быть запредельным, потому что только запредельное зверство по-настоящему эффективно. Кто не с нами, тот против нас. Если кто-то продолжает считать себя ФСБшником, это его право, но если этот кто-то начнет мешать остальным, он должен быть уничтожен, быстро, решительно и безжалостно. Если мы не будем действовать решительно, у нас нет шансов. А теперь расскажи поподробнее, что произошло в Страсбурге. Нанозавод разрушен полностью?

— В пыль.

— Документация какая-нибудь сохранилась?

— Никакой.

— Плохо. Кто-нибудь из наших сможет отстроить его заново?

— Никто, — вздохнул Кожухов. — Вначале мы думали, что на земном технологическом уровне это нереализуемо, а потом, когда яхры подарили нам почти готовый нанозавод, никто даже не подумал, что стоит подстраховаться. Все были уверены, что Вудсток будет открыт вечно. Это была моя ошибка.

— Сейчас уже не важно, чья это ошибка, — сказал я. — Ничего фатального не случилось, я знаю, как построить нанозавод. Но у меня сейчас есть более важное дело. Надо разобраться, кто сбросил бомбу.

— С этим разберется Драконтрест, — сказал Кожухов. — Ты лучше займись восстановлением нанозавода. И не в Страсбурге, а в Москве. После апрельских событий ПВО вокруг Москвы такая, что ни один самолет не взлетит, а если взлетит — собьют в

момент.

Я заколебался.

— Ты уверен, что Драконтрест справится? — спросил я.

— Он прошел базовый курс боевых искусств на Вудстоке, а до того десять лет работал опером в Питере. В деле Туровского руководил операцией, а там пострелять пришлось ого-го. Три раза в Чечне был.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда я приступаю. Только мне нужен консультант, а еще лучше — несколько. Нужно найти в окрестностях Москвы подходящее производство…

— Подходящее производство я тебе сразу подскажу. НИИ экспериментальной биологии в Оболенске, под Серпуховом. Он, правда, простаивает много лет, но оборудование сохранилось. Оно слишком специфическое, чтобы продать налево.

— Хорошо, — сказал я. — Собирай людей и охрану обязательно обеспечь. Детекторы пришельцев на каждом углу…

— Не учи ученого, — оборвал меня Кожухов. — Нормальные люди два раза на одни и те же грабли не наступают.

— Это точно, — согласился я. — Второй раз они наступают на другие грабли.

Кожухов тяжело вздохнул и сказал:

— Это судьба человечества — наступать на грабли.

— Философ, — сказал я и улыбнулся.

Но ничего радостного в моей улыбке не было.

2

Работа началась четырнадцатого июня. Началась они с того, что я набросал план дальнейших действий и понял, что нанозавод будет построен не раньше середины сентября, а скорее всего, еще позже. Это если считать, что сохранившаяся резервная копия яхрского программного обеспечения соответствует работоспособной версии, а если нет… Даже думать не хочется. Очень плохо.

Какое-то время я всерьез обдумывал идею обратиться к Сбот и попросить ее вторично заслать на Землю яхров-нанотехнологов. Но по здравом размышлении эту идею пришлось отбросить. Во-первых, Сбот мне однозначно откажет. А во-вторых, даже если случится чудо и яхры придут на Землю не как завоеватели, а как технические консультанты, они ускорят построение барьера раза в два, но не более. А для Земли нет большой разницы, когда начнет работать астральный барьер — в октябре или в сентябре. И то, и другое — слишком поздно. Комитет защиты порядка не

успеет быстро обеспечить все населенные районы Земли детекторами пришельцев. Мы держим под контролем только крупные города России и Англии, весь Израиль, да по инерции еще Страсбург. Китайцы тоже контролируют какую-то часть своей страны, а вся остальная территория планеты отдана пришельцам на растерзание.

Я ознакомился с материалами разведки и узнал, что в Болгарии завершается формирование анклава неизвестной инопланетной расы, на острове Бахрейн по неизвестным причинам истреблено почти все население (вероятно, пришельцы играли в военную игру), а в Египте появился пророк, которого местные жители считают новым воплощением Мухаммеда. Что происходит в США, неизвестно вообще, потому что ни один из ЦРУшников ни разу не выходил на связь, а своих агентов туда почему-то не посылали. А ведь самая главная опасность еще впереди — мутанты с Броуна на Земле пока не появлялись.

Ближе к вечеру позвонил Драконтрест и поделился результатами расследования вчерашнего происшествия в Страсбурге. Результатов почти не было. Установлена военно-воздушная база, с которой взлетел тот самый «Мираж», установлено, что пилот и еще одиннадцать человек из наземного персонала авиабазы находились под внешним контролем. И все.

Кто конкретно контролировал пилота, осталось неизвестным. Драконтрест злился и ругал Кожухова за то, что тот не догадался оборудовать эту авиабазу детекторами пришельцев. Я напомнил Драконтресту, что радиус действия современных истребителей составляет более тысячи километров и что детекторами пришлось бы оборудовать все военно-воздушные базы НАТО в Европе. А заодно и российские базы дальней авиации, и корабли с ракетным вооружением всех атлантических флотов. Это невыполнимая задача, Кожухова ругать не за что, он сделал все, что мог.

Остается непонятным, откуда враги узнали о нанозаводе. Драконтрест уверен, что утечка пошла через яхров, но это не единственное возможное объяснение. Враг мог узнать о нанозаводе, например, случайно подслушав разговор наших сотрудников. А если у врага есть портативный детектор пришельцев, то обнаружить стройку вообще не составляло труда. Кстати, не факт, что мы имеем дело с организованным врагом, возможно, это развлекается инопланетное или вообще наше земное хулиганье. Нашли в интернете чертежи детектора пришельцев, собрали это устройство, обнаружили какой-то неясный объект, явно секретный, и в бестолковые головы пришла идея «давайте все разбомбим». А чтобы захватить тело пилота и

провести бомбардировку, большого ума не нужно, память тела все сделает сама.

Я посоветовал Драконтресту поделиться результатами с Кожуховым, он сказал, что уже сделал это. Кожухов, вроде бы, даже порекомендовал президенту выступить с инициативой законсервировать все боевые самолеты по всему миру.

Но по всему миру это решение явно не пройдет. На карте Земли все больше становится областей, где обстановку контролируют пришельцы, а еще точнее, не контролирует никто. Земля катится в пучину анархии, с каждым днем все быстрее и быстрее. К сентябрю анархия охватит все человечество.

Теперь, когда проект нанозавода приказал долго жить, я не знаю, как остановить этот процесс. Нормальный планетарный узел, в принципе, можно построить и без нанозавода, но это займет еще больше времени. Теоретически, можно попробовать развернуть контроль над астральным пространством с помощью множества портативных детекторов… соединить их между собой в сеть… например, по GSM… Только где взять столько детекторов? Чтобы надежно контролировать хотя бы Москву, их потребуется по одному на каждый дом. А как обеспечить надежную работу компьютерной сети, к которой они будут подключены? Нет, нереально…

Кожухов связался со мной в девять вечера.

«Телевизор смотришь?» спросил он.

«Нет, а что?»

«Включи первую программу».

Я включил первую программу и увидел гаранта конституции. Он выглядел очень усталым и злым. Похожее выражение было у него на лице, когда он призывал мочить террористов в сортире, только сейчас он был еще злее.

Речь его была длинна, запутана и изобиловала сочными выражениями вроде «демократия в опасности» и «вертикаль власти во всем мире». Смысл речи сводился к трем основным тезисам.

Первое. Земля стоит на пороге планетарной катастрофы. Необходимо срочно принимать жесткие меры. Кое-какие меры уже приняты.

Второе. Инопланетные террористы и хулиганы вовсю пользуются политической разобщенностью Земли. Этому надо положить конец. Нужно срочно создать единую службу безопасности всей Земли, стоящую над правительствами и всецело пользующуюся их поддержкой. Такая служба создана, она называется комитет защиты порядка планеты Земля, ее возглавила полковник «Моссада» Сара Остермайер. А

антисемитов попрошу заткнуться.

Третье. Ни для кого не секрет, что бесконтрольные перемещения по Сети инопланетян и землян представляют колоссальную угрозу для человечества. С завтрашнего дня все перемещения по Сети в пределах Земли разрешаются исключительно сотрудникам комитета защиты порядка. Все прочие сетевые путешественники будут расстреливаться на месте без предупреждения.

Вот так. Как ни печально это признавать, все попытки обуздать кризис, не прибегая к крайним мерам, благополучно провалились. Хорошо, что в политических верхах нашелся человек, который решился озвучить чудовищно непопулярное, но единственно правильное решение. Как его теперь грязью обольют…

«Ну как тебе?» спросил Кожухов.

Я уже и забыл, что он до сих пор висит на связи.

«Нормально», сказал я. «Лучше так, чем никак. Но кровищи прольется немеряно…»

«Это точно», согласился Кожухов. «Но ты правильно сказал, лучше так, чем никак».

«Как это будет организовано? Летучие отряды с портативными детекторами, выявляющими пришельцев?»

«Есть другие предложения? Если придумаешь что-нибудь лучше, свяжись со мной. А еще лучше, не грузись этими делами, а восстанавливай нанозавод».

«Неразумно», сказал я. «Сто против одного, что мы не успеем вовремя закончить стройку. К тому времени, когда нанозавод заработает, кризис уже разрешится. Первоочередная задача на сегодняшний день как раз та, о которой говорил президент».

«Согласен», сказал Кожухов. «Но с проектированием нанозавода не справится никто, кроме тебя. Вот если Вудсток вдруг снимет с себя изоляцию, вот тогда мы тебя тут же перебросим на другой проект».

«Незачем ждать, пока Вудсток сменит гнев на милость», заметил я. «Есть такое слово — мейоз».

Кожухов немного помолчал и спросил:

«А не страшно?»

«Страшно», согласился я. «Но что делать? Волков бояться — в лес не ходить».

«Хорошо», сказал Кожухов. «Возьми с собой Сабалина».

«Лучше обработать сразу человек трех, на случай, если с одним что-то случится. Да и работу кое-где можно распараллелить».

«Сначала совокупись с Сабалиным», сказал Кожухов, «а потом

одного из вас пустим в дальнейшее размножение».

Слово «совокупись» неприятно резануло слуховой центр мозга. Человеческая система понятий местами крайне нелогична. С одной стороны, Кожухов все сказал правильно, мейоз — это действительно совокупление, даже не просто совокупление, а гораздо более глубокий и интимный акт. Но с другой стороны, в формулировке, которую использовал Кожухов, есть нечто педерастическое. Понимаю, что это ерунда, но на подсознание действует.

Ничего, прорвемся. Да и с половой самоидентификацией после мейоза станет попроще: за женскую сущность будет один голос, а за мужскую — два.

3

«Привет!» радостно воскликнул Рудпей. «Рад тебя слышать. Как дела на Земле?»

«Хреново», сказал я. «Но для тебя ничего интересного нет. Лучше расскажи, как дела на Броуне».

«Неплохо. Мы уже контролируем двадцать один остров, а на трех островах развернули исследовательские лаборатории. А что?»

«У меня к тебе просьба. Мне надо вступить в мейоз с одним человеком. Сможешь организовать безопасное место?»

«Легко», сказал Рудпей. «Подожди немного, я должен передать информацию».

Слишком быстро он согласился, подозрительно это…

«Компьютер уже одобрил?» спросил я.

«Одобрил», подтвердил Рудпей. «Информация ушла. Минут через пять двое нопстеров уйдут с Броуна и вы с этим человеком сможете занять их тела. Координаты тел я передам тебе прямо сейчас. Держи».

Рудпей передал мыслеобраз, который Сеть автоматически перекодировала в длинную последовательность цифр. Я быстро записал эти цифры на бумаге, оборвал связь с Рудпеем и позвонил Сабалину. Он подтвердил готовность.

Рудпей сообщил о готовности к мейозу не через пять минут, а через девять, но это ни на что не повлияло.

4

Я материализовался в маленькой полости на краю острова.

Рядом со мной находился единственный броуновец, больше во внутреннем круге восприятия никого не было. Впрочем, это уже не броуновец, это Сабалин.

Он-я заметно боялся. Я-он понимал его-меня, мейоз — действительно страшная вещь. Особенно первый мейоз, после которого навсегда теряешь возможность вернуться в родное тело. Хорошо, что он-я еще не обзавелся семьей, иначе он-я ни за что не согласился бы на этот шаг. Да и так странно, что он-я согласился, за это ему-мне надо героя России дать. Впрочем, что я-он думаю, какой герой? Какая Россия? Баловство все это.

Я-он оттолкнулся щупальцами от стены и двинулся навстречу ему-мне. Наши разумы раскрылись навстречу друг другу и началось слияние.

5

— Это было круто, — сказало мы-один.

— Еще бы, — отозвалось мы-три. — Но не так круто, как в первый раз.

— Конечно, — согласилось мы-четыре. — С первым разом вообще ничто не сравниться. Бедные нопстеры! Они не знают, что такое любовь.

Мы-один хотело было спросить, откуда взялось мы-четыре, но сразу поняло, что спрашивать нет необходимости. Все необходимое и так содержится в общей памяти.

— Рудпей жжот, — хихикнуло мы-три. — Герой Блубейка, однозначно.

— Однозначно, — согласилось мы-четыре. — Только это было лишнее. Товарищи с Блубейка зря рассчитывали, что Рудпей будет доминировать в этой куче личностей.

— Ни на что они не рассчитывали, — уточнило мы-один. — Они просто добавили в эту кучу своего агента влияния.

— И на что он будет влиять? — ехидно поинтересовалось мы-три.

— Ни на что конкретно и одновременно на все, — ответило мы-один. — Мы и не заметим, когда будет проявляться его влияние. Но одно я могу точно сказать — никто из нас никогда не причинит расе нопстеров никакого вреда. Одно только это оправдывает проведенную операцию.

— На Блубейке жизнь отдельного существа ценится намного меньше, чем на Земле, — вставило реплику мы-четыре. — Коммунисты, блин.

— А что ты имеешь против коммунистов? —

поинтересовалось мы-три. — Коммунисты, между прочим, думают сейчас не о том, как закрыться от Броуна, а о том, как лучше эксплуатировать его ресурсы. Если бы на Земле был коммунизм, нам не пришлось бы отстреливать хулиганье пачками.

— А что, уже пришлось? — спросило мы-один. — Или домысливаешь?

— Домысливаю, — согласилось мы-три. — Но если я ошибаюсь, я съем свою шляпу.

— У тебя нет шляпы, — заметило мы-один.

— И головы тоже нет, — добавило мы-четыре и хихикнуло.

— Да идите вы! — огрызнулось мы-три. — Давайте не будем зря время терять. Нас точно трое? Балласта не было?

— Не было, — подтвердило мы-один. — Мы бы увидели. Да и зачем нопстерам подсаживать к нам сразу двоих агентов?

— Чтобы усилить влияние нопстерской составляющей, — предположило мы-один.

— А заодно в разы понизить стабильность выходных личностей, — добавило мы-три. — Нет, мейоз с четырьмя участниками — это уже русская рулетка. Нас действительно трое.

— А я знаю, почему нет балласта, — сказало вдруг мы-четыре. — Потому что все исходные личности были очень целостными и стабильными.

Мы-один и мы-три одновременно расхохотались.

— Кто стабилен? — спросило мы-три, давясь смехом. — Сабалин стабилен? Ха-ха-ха!

Мы-четыре насупилось и ответило:

— Да, стабилен. Ты лучше вспомни, какая помойка была у Сигова на дне души. Да и Даша тоже была не сахар. Это ее переживание…

— Какое переживание? — удивленно спросило мы-три.

— Что-то такое припоминаю, — сказало мы-один. — Что-то связанное с ее мамой.

— Что, вправду не помните? — изумилось мы-четыре. — Инопланетный агент, называвший себя Джеймсом Бондом, вселился в Дашину маму и избил Дашу ее руками.

— Ничего такого не помню, — сказало мы-три. — Интересно, почему?

— Потому что на выходе из мейоза личности получаются разные, — наставительно произнесло мы-четыре.

— У нас с мы-два память была одинаковая, — возразило мы-три.

— А вы проверяли? — спросило мы-четыре. — Не проверяли вы ни хрена, вы об этом даже не думали. Вас Вудсток так

загрузил, что вы вообще ни о чем не думали. Мы-два от этого загруза до сих пор отойти не может.

— Но-но! — прикрикнуло мы-три. — Ты наше альтер-эго не трогай. Ты вообще уверено, что правы мы, а не оно?

Мы-четыре смущенно промолчало.

— А я уверено, — сказало мы-один. — Если каждый будет думать только о себе…

— Только проповедовать не надо, — прервало его мы-три. — Оно выбрало свой путь и пусть потихоньку развивается. Когда оно перейдет на следующий уровень, мы узнаем, кто из нас прав.

— Возможно, узнаем, — уточнило мы-один. — Если оно соизволит нам рассказать свою историю. И если эта история будет правдивой.

— Ну хватит, — заявило мы-три. — Нечего переливать из пустого в порожнее. Давайте лучше вот с чем разберемся. Я знаю, как построить нанозавод, планетарный узел и астральный барьер. Кто еще это знает?

— Я знаю, — отозвалось мы-четыре.

— А я — нет, — сказало мы-один.

— Ну вот, все ясно, — заявило мы-три. — Мы вдвоем займемся стройкой века, а ты иди воюй.

Мы-один немного подумало и сказало:.

— Пойду воевать.

6

Мы прибыли на Землю в город Оболенск, на территорию бывшего института экспериментальной биологии. Свобода перемещений по Земле потихоньку уходит в прошлое. Вероятность нарваться милицейский патруль с детектором пришельцев все еще невелика, но лучше не рисковать, потому что менты сначала откроют огонь и только потом поинтересуются идентификатором путешественника.

Окружающий пейзаж впечатлял. Бывший закрытый город спустя почти двадцать лет снова стал закрытым. Военные патрули, сновавшие по улицам, были в большинстве своем без оружия, но зато каждый холм вокруг города ощетинился ежом зенитных ракет. Правильно говорил Кожухов — нормальные люди не наступают два раза на одни и те же грабли.

Кожухов принял меня в собственном кабинете. Раньше этот кабинет принадлежал одному из заместителей директора института, в этом не давали усомниться многочисленные телефоны на специальном столике. Интересно, почему чиновники

высокого ранга так любят иметь в своем кабинете кучу телефонов в два ряда? Гораздо удобнее установить под столом компактную офисную АТС и обойтись единственным аппаратом. Конечно, понтов будет меньше, но Андрей Кожухов никогда не казался мне любителем понтов.

— Ты бы лучше АТС установил, — сказал я, указывая пальцем на телефоны.

Кожухов безразлично отмахнулся.

— Сейчас это не самая главная проблема, — сказал он. — Да и по соображениям безопасности нельзя. Тут же, — он ткнул пальцем в один из телефонов, — нет, тут, — он ткнул пальцем в другой телефон, — даже кремлевка есть. Но ты лучше расскажи толком, что за проблемы с мейозом. Почему вас трое?

— Никаких проблем, — ответил я. — А трое нас потому, что нопстеры ввели в мейоз своего участника.

— И где он теперь? — спросил Кожухов.

— Везде и нигде, он растворился во всех трех личностях. Но нигде не доминирует, так что все в порядке.

— Ну и слава богу, — вздохнул Кожухов. — Коварный план Блубейка не сработал.

— Да не было у Блубейка никакого коварного плана! Планетарный компьютер просто хотел подстраховаться.

— Против чего?

— Против наших агрессивных действий. Я теперь чисто физически не смогу сделать нопстерской расе ничего плохого. А если узнаю, что кто-то из наших готовит нопстерам пакость — буду испытывать большое желание настучать об этом на Блубейк. Нопстеры нас побаиваются, а этот шаг дает им хоть какую-то гарантию.

— Все нас побаиваются, — печально сказал Кожухов. — А если говорить честно — боятся до ужаса. И есть за что. Дикая варварская раса с повышенной агрессивностью за считанные месяцы получила от Вудстока целую гору технологий. Мы открыли другим расам Сорэ и Броун, а еще у нас есть странное существо со сверхъестественными способностями, которое нельзя убить.

— Меня уже можно убить, — уточнил я. — Вудсток снял с меня защиту.

— Знаю, — кивнул Кожухов. — В Страсбурге ты выжил по чистой случайности. Если бы лицом к бассейну стоял Николай Алексеевич, ты был бы мертв, а он жив.

— Тебе бы это больше понравилось.

Кожухов пожал плечами.

— Даже не знаю, — сказал он. — Мне больше понравилось

бы, если бы в живых остались вы оба. А если выбирать между вами… не знаю. Ты лучше скажи, ты себя нормально чувствуешь? Шиза не одолевает? В тебе уже сколько личностей собралось? Четыре?

— Если считать броуновцев и агента Вудстока, то девять.

— Броуновцы никак себя не проявляют? — спросил Кожухов.

— Пока никак, тьфу-тьфу-тьфу.

— А с половым вопросом у тебя как?

— Гораздо лучше, — улыбнулся я. — Рудпей пришелся очень кстати.

— Кто-кто? — переспросил Кожухов.

— Рудпей, — повторил я. — Так зовут того нопстера, который навязался к нам в мейоз. Нопстеры к сексуальным вопросам относятся наплевательски, теперь это частично передалось и мне. Да и расклад поменялся — три мужика против одной девушки.

— Вот и замечательно, — сказал Кожухов. — А то на тебя иногда даже смотреть было противно. Вроде мужик как мужик, а как проскочит что-нибудь женское… ну, там, в зеркальце посмотреться… Понимаешь, что не пидор, но все равно неприятно.

— Теперь на пидора непохож? — улыбнулся я.

— Непохож, — подтвердил Кожухов. — Ну, раз у тебя все нормально, давай перейдем к делу.

— Давай, — кивнул я. — Личность летчика-террориста уже установили?

Кожухов насупился и покачал головой.

— Как его установишь? Детекторов там не было.

Из глубин моей памяти вдруг выплыли знания Миши Сабалина.

— А если без детекторов? — спросил я. — Если чисто оперативным путем? Этот хмырь откуда-то узнал местонахождение нанозавода. Я надеюсь, твои люди не трубили о нем на каждом углу?

— На каждом углу не трубили, но нормальной маскировки не было. То есть, это теперь я понимаю, что нормальной маскировки не было. Тогда мы с Габовым считали, что защищаться надо только от мелких хулиганских групп.

— Думаешь, там работала не мелкая группа?

— Не менее двенадцати человек. Причем действовали они удивительно слаженно, непохоже, что это просто хулиганы.

— А кто же тогда? Инопланетная спецслужба? Может, товарищи того самого Джеймса Бонда?

— Все может быть, — сказал Кожухов. — Чисто теоретически, в Страсбурге могли поработать агенты любой расы нашего

сектора, да и соседних секторов тоже. Но практически… Есть один нюанс, который ты пока не заметил. Базу в Страсбурге могли найти не только случайно, кое-кто знал о ней с самого начала.

Я сразу понял, о чем он говорит.

— Яхры, — сказал я. — Эту стройку начали они. Они были вынуждены сдать ее нам, им это не понравилось, они немного подождали и провели спецоперацию. Вполне логично.

— Вот именно, — кивнул Кожухов. — Возможно, спецоперацию провели не они, возможно, они просто передали информацию своим союзникам. Или не союзникам, а тому самому Джеймсу Бонду.

— У меня не сложилось ощущения, что между Джеймсом Бондом и яхрами есть контакты, — заметил я.

— У меня тоже. Но чем черт не шутит… Мне кажется, начинать расследование нужно с яхров. Надо отследить, к кому ушла информация об их проекте на Земле.

— А это вообще реально?

— Не знаю, — пожал плечами Кожухов. — Но попробовать надо. Ты еще вот что учти. Вряд ли имела место случайная утечка информации, более вероятно, что информацию слили сознательно. А в этом случае Сбот обязана быть в курсе.

— Допустим, она в курсе. Допустим даже, она знает, кому конкретно сообщили местонахождение нанозавода. Но как заставить ее сознаться? Это будет явно агрессивный акт, бывало, что войны начинались и по меньшим поводам.

— Если бы яхры боялись войны с нами, они бы не запустили чуму в США.

— Тогда они нас недооценивали. А теперь оценили по достоинству и испугались. Я уверен, что на прямой вопрос она ответит: «Ничего не знаю».

— Кто бы сомневался, — вздохнул Кожухов. — Даже если она ответит что-то конкретное, это с большой вероятностью будет означать, что яхры решили кого-то подставить. Есть только один способ точно узнать правду.

— Какой же?

Кожухов немного помолчал, а потом вдруг сказал:

— Мейоз.

От изумления я лишился дара речи. Некоторое время я смотрел на Кожухова и не мог ничего сказать. А потом спросил:

— Ты серьезно?

— Серьезно, — ответил Кожухов. — Если ты вступишь с ней в мейоз, ты узнаешь все, что знает она.

— Не факт, — возразил я. — Некоторые детали памяти могут

потеряться в ходе мейоза. Например, уйти в балласт.

— Насколько это вероятно?

— Не знаю. Если верить Вудстоку, вероятность появления балласта тем выше, чем больше разница между исходными личностями и чем менее стабильна каждая из них. Когда слились мы, Сабалин и Рудпей, балласт не возник. Я бы сказал, что и в этот раз его не появится, но я не могу быть абсолютно уверен.

— Насколько велик риск? — спросил Кожухов.

Я пожал плечами.

— Не знаю, — сказал я. — По-моему, вероятность невелика, но…

— Значит, придется рискнуть.

— А если это воспоминание попадет в ту личность, которую будет контролировать Сбот?

— Я, конечно, не такой крутой специалист в мейозе, как ты, — сказал Кожухов, — но кое-что мне подсказывает, что ты будешь контролировать обе личности. После двух мейозов ты все еще очень похож на Сигова, особенно после второго мейоза. Даша ушла куда-то вглубь, от Сабалина осталось только несколько любимых выражений…

— Каких?

— Неважно. Я почти уверен, что Сбот постигнет участь Сабалина и Рудпея. Так подсказывает моя интуиция, а она редко меня подводит.

— В Страсбурге не подвела, например…

— В Страсбурге нам пришлось пойти на сознательный риск, — сказал Кожухов. — Мы находились на чужой территории, мы чисто физически не могли обеспечить нормальную защиту объекта. У нас была только одна альтернатива — свернуть производство и начать все заново в России, но тогда мы потеряли бы не менее месяца.

— А так мы теряем три месяца.

— Не повезло, — пожал плечами Кожухов. — Но тогда я четко понимал, что мы рискуем, а сейчас ситуация не кажется мне такой рискованной.

— Ну ладно, — сказал я. — Но остается еще одна проблема, самая главная. Как убедить Сбот войти в мейоз?

— Нопстеров не пришлось убеждать, — заметил Кожухов. — Они сами подсунули тебе своего агента.

— Нопстеры — это другое, — сказал я. — У них нет таких имперских амбиций, как у яхров, нопстеры более здравомыслящие. А с точки зрения Сбот человечество — варвары, которые поставили на уши весь сектор. Предоставить варварам доступ к государственным тайнам — на это Сбот не пойдет. К

тому же, Рудпей, в отличие от Сбот, не имел доступа к большим секретам, он был простым оператором, а не крутым начальником. На Блубейке крутых начальников вообще нет, если не считать компьютера. В самом лучшем случае Сбот предоставит для мейоза какого-нибудь мелкого советника, но нам это не подходит. Для нее самой согласиться на мейоз — это как римскому императору предложить взять Аттилу в соправители.

Кожухов улыбнулся и сказал:

— А никто и не говорит, что она пойдет на мейоз по доброй воле. Ты должен поставить ее раком. В переносном смысле, разумеется. У нее не должно остаться другого выхода.

— И как же это сделать? — спросил я.

— Очень просто, — улыбнулся Кожухов. — Один еврейский товарищ предложил замечательную идею, я бы до нее ни за что не догадался бы. Евреи — страшные люди, особенно после того, что у них весной произошло. Кровожадные до ужаса, чечены отдыхают.

— Короче, — не выдержал я. — Не томи, рассказывай.

— Все очень просто, — сказал Кожухов. — Вначале ты разговариваешь с Сбот по-хорошему. Она тебя посылает. Тогда ты идешь на Броун и выдаешь доминанту в пределах одного острова. Суть доминанты — всем дружно идти на Нисле и творить там массовые убийства.

— Как идти? — спросил я. — Ножками? Или ты умеешь строить на Броуне терминалы Сети?

— Ты умеешь, — сказал Кожухов. — Ты вступишь в мейоз с одним из броуновцев и передашь ему то, чему научили тебя ангелы. А в доминанту ты включишь указание вступать в мейоз друг с другом до тез пор, пока это умение не станет доступно всем. А потом всем одномоментно уходить на Нисле. Идея понятна?

— Понятна, — кивнул я. — Потом я выжидаю день-другой, связываюсь с Сбот и говорю ей, что это было последнее китайское предупреждение, а в следующий раз я запущу супердоминанту.

— Можно и так, — сказал Кожухов. — Только Сбот наверняка сама захочет с тобой поговорить. Правда, евреи — жуткие люди?

— Жуткие в данный момент, — уточнил я. — Вообще-то они добрые и пушистые, но сейчас им пришло время озвереть, как говорил Габов. Нам всем сейчас пришло время озвереть.

— Мы и звереем потихоньку, — грустно сказал Кожухов. — Скоро озвереем до полной потери человеческого облика. И тогда твой долбанный Вудсток отправит всех на следующий уровень.

Черт возьми! Кожухов произнес эти слова просто так, не вдумываясь в их смысл, но ведь это запросто может быть правдой!

Как говорил Вудсток? Разброд и шатание, массами овладевает отчаяние… Не знаю, что овладевает массами, но на вершине социальной пирамиды отчаяние налицо. Неужели все, что происходит, входит в планы Вудстока?

7

Как и следовало ожидать, Сбот не согласилась с моим предложением. Впрочем, не согласилась — это мягко сказано, разозлилась она так, что если бы мы были броуновцами, мы бы после этого разговора разлетелись в разные стороны со скоростью… даже не знаю, какая скорость на Броуне считается очень большой. Короче, разговор не привел ни к чему, кроме ожидаемого всплеска отрицательных эмоций.

На финальную угрозу Сбот не отреагировала. Очевидно, решила, что угроза пустая. Ну-ну.

Над пакетом доминант повозиться пришлось изрядно. В отличие от предыдущего раза, сейчас мне требовалось не просто дополнить систему правил, которым подчиняется броуновское коллективное сознание, но заставить каждого броуновца, воспринявшего программу, выполнить довольно сложную последовательность действий. Я возился над доминантами целый день и все равно не успел закончить работу до вечера. Надо будет как-нибудь в будущем поручить программистам сделать эмулятор броуновской ноосферы, чтобы проще было отлаживать новые доминанты. Только, боюсь, для этого потребуется компьютер, который не построить без нанозавода.

На следующий день я все-таки довел работу до конца. Я мысленно крутил полученные формулы так и сяк, но нигде не видел никаких ошибок. Надеюсь, все сработает как надо.

Перемещаясь на Броун, я немного опасался, что Сеть направит меня в район, зараженный предыдущей супердоминантой, но опасения оказались напрасными. Этот район еще слишком мал, чтобы принимать в расчет вероятность случайно попасть в него.

Как и в прошлый раз, сознание сразу начало раскрываться навстречу разумам соседей, но в этот раз я сумел выбросить первую доминанту быстрее, чем контакт стал невыносимо тесным. Первая доминанта была очень проста — сидеть и слушать.

Я дождался, пока броуновцы со всего острова, привлеченные доминантой, не соберутся вокруг меня, затем выбрал одного броуновца и велел ему отплыть в сторону, а остальным — сидеть

на местах и ждать.

Мейоз был очень долгим, гораздо дольше, чем все предыдущие. Несколько раз он прерывался, я просматривал мысли своего партнера и видел, что архангельская техника сетевых перемещений все еще не продублировалась. И все начиналось с начала. Я уже начал бояться, как бы броуновцы, ждущие в инкубационном зале, не передохли от голода. Мы-то с партнером утоляли голод уже дважды.

Ненормально долгий мейоз дал один побочный эффект, на который я не рассчитывал. Чем дольше наши души переплетались в мейозе, тем сильнее броуновец походил на меня. В какой-то момент я понял, что на Нисле придет вовсе не толпа броуновцев-убийц. На Нисле придет толпа моих клонов. Черт побери! Экое неожиданное применение Броуна для практических нужд. Если запустить сюда сильную и целостную личность, способную перенести многократный мейоз без большого ущерба для себя, то ее можно растиражировать в нужном количестве экземпляров и запрограммировать на выполнение заданных действий. А если оформить программу как супердоминанту… Армия клонов из «Звездных войн» отдыхает. Сколько разумных существ обитает на Броуне? Если поверить нопстерской оценке числа островов… на одном острове в среднем живет около тысячи броуновцев… Получается двадцать… гм… триллионов. Двадцать триллионов разумов, запрограммированных на одно и то же. Или не совсем на одно и то же, только это будет немного сложнее. Да это же абсолютное оружие в масштабах вселенной!

Мне стало страшно. Может, плюнуть на все, вернуться на Землю и сказать Кожухову, что ничего не получилось? Потому что если у меня все получится, я выпущу из бутылки такого джинна, по сравнению с которым Вудсток покажется безобидным ягненком. А если доминанта выйдет из-под контроля, волна броуновских захватчиков сметет весь сектор. А если немного усложнить доминанту, чтобы в Сеть уходило не все население острова, а только часть, а другая часть обеспечивала бы поддержание численности населения острова на должном уровне… тогда, боюсь, эта зараза сможет поразить всю Сеть.

Так, значит, все бросить и вернуться? Принести Землю в жертву вселенской стабильности? Мы-два выбрало бы это решение без колебаний, но я не мы-два. Я думаю не о своем личном благе и не об абстрактном благе всей вселенной, я думаю исключительно о благе человечества, а на другие расы мне наплевать. Так уж я устроен. Я не могу отказаться от пути, на котором есть шанс вернуть Землю к нормальной жизни. Да, этот путь опасен, но жизнь вообще опасна.

Только с пятнадцатой попытки мой броуновский партнер окончательно уяснил, что такое Сеть и как ей пользоваться. Теперь можно вернуться в инкубационный зал и довести дело до конца.

Внедрение основной доминанты прошло без проблем. Я четырежды повторил программу, вбросил в телепатический канал формулу окончания и не спеша удалился. На этот раз я догадался включить в программу небольшую задержку, которая позволила мне спокойно покинуть планету, не опасаясь, что я сам попаду под действие собственной доминанты. Когда я выдавал Сети команду на возвращение, броуновцы все еще находились в оцепенении. А вот минуты через полторы, когда задержка кончится, тут такой коллективный мейоз начнется… Не дай бог в нем поучаствовать.

8

Вернувшись в Оболенск, я обнаружил, что на Земле уже наступило восемнадцатое июня. Мейоз выдался долгим. Если и последующие мейозы на том острове будут занимать столько же времени, доминанта сработает не раньше, чем через месяц. Хотя нет, броуновцы наверняка будут вступать в мейоз не по двое, а по трое-четверо. Тогда они уложатся недели в две-три. Тоже долго, но ничего не поделаешь, придется подождать.

Я зашел в кабинет к Кожухову и доложил о результатах похода на Броун. О том, что из броуновцев можно создать армию клонов, я благоразумно умолчал, как и о том, что броуновские убийцы, которые в начале июля появятся на Нисле, в значительной степени будут моими клонами.

— Неприятно, — сказал Кожухов. — Не меньше двух недель, да еще несколько дней, чтобы яхры разобрались, что к чему… Ничего, потерпим. Устал сильно?

— Умеренно, — сказал я. — А что, новое задание появилось?

— Не то чтобы задание… Но поговорить есть о чем. Меня все больше тревожат Штаты. ЦРУшники упорно отказываются от любых контактов с нами, официальная версия — они сосредоточили все усилия на борьбе с чумой. Но это явная ложь. Формула биоблокады у них есть, производственных мощностей — как грязи, ничто не мешало им развернуть массовое производство биоблокады еще в начале месяца. Да и традиционных средств остановить эпидемию у них хватает. Карантин, массовая вакцинация… С тех пор, как яхры перестали подпитывать эпидемию, она должна была заглохнуть.

— А она не заглохла?

— В том-то и дело, что нет. Число заболевших постепенно приближается к трем миллионам. Эпидемия не нарастает и не идет на спад, она как бы законсервировалась на определенном уровне. Это может объясняться только одной причиной.

— Кто-то искусственно поддерживает ее на этом уровне? Когда в каком-то городе болезнь резко распространяется, ее останавливают, а если новых прорывов давно не было, то их организуют искусственно?

— Что-то в этом роде. Понимаю, это звучит безумно, но цифры говорят сами за себя.

— А цифры точные? — спросил я.

— Конечно, нет, — ответил Кожухов. — Какая уж тут точность… Но за два месяца эпидемия должна была либо затихнуть, либо затопить всю страну и выплеснуться за ее пределы. А она все разгорается, разгорается и никак не разгорится. Это не вписывается ни в какие схемы, кроме той, которую я тебе описал.

— Понятно, — сказал я. — Какие есть версии?

— Никаких, кроме дурацких, — вздохнул Кожухов. — Наши заокеанские друзья по каким-то причинам решили поддерживать эпидемию на заданном уровне. Но по каким причинам?

— Может, что-нибудь расистское? — предположил я. — Может, в негритянских районах болеют сильнее или, наоборот, слабее?

— Нет, — помотал головой Кожухов. — Эту версию уже проверяли. Чумные районы разбросаны по карте США совершенно случайным образом. В больших городах чумы больше, в сельской местности меньше, но это естественная закономерность, любые эпидемии сильнее всего проявляются в больших городах. Нет никаких признаков, что чума искусственно направляется в те или иные районы.

— А ты не пробовал спросить ЦРУшников в лоб? — поинтересовался я.

— Пробовал. Наши люди много раз пробовали выходить на контакт, но ответ всегда только один— мы слишком заняты, отстаньте от нас.

— Наверное, пора засылать разведчиков, — предположил я.

— Пора, — кивнул Кожухов. — Уже заслали. Но результатов пока нет и, скорее всего, не будет. В Лэнгли отличная защита периметра, у нас такой нет даже в СВРовском комплексе. Кроме того, ЦРУшники ввели жесткое правило — все сотрудники постоянно находятся в чужих телах. В штаб-квартире у них даже обслуживающий персонал поголовно в чужих телах. Дворники

всякие, шоферы, уборщицы…

— Это уже паранойя какая-то, — заметил я. — Сколько же они тел израсходовали…

— Не меньше десяти тысяч. С одной стороны, потери большие, но на фоне чумы…

— Но не для этого же они ее поддерживают! — воскликнул я.

— Кто их поймет… — задумчиво произнес Кожухов. — Но в ситуации надо разобраться.

— Какие-нибудь идеи уже есть?

— Есть одна идея, — сказал Кожухов. — Существует теория, которая объясняется все. Возможно, американцы готовят тот самый социальный взрыв, о котором говорил Вудсток.

И тут меня осенило.

— Думаешь, с ними работает мое альтер-эго? — спросил я.

Кожухов улыбнулся.

— Ты манией величия не страдаешь? — спросил он. — Всюду тебе мерещатся твои клоны. Не забывай, американцы получили всю информацию официальным путем. Твои первые отчеты проходили под грифом «совершенно секретно», но без дополнительных ограничений доступа. До тридцатого мая мы не скрывали от американцев почти ничего.

— Тридцатого мая, — задумчиво повторил я. — Я вошел в первый мейоз числа двадцать пятого, так что, получается, они знают даже про Броун.

— Про Броун они не знают, — поправил меня Кожухов. — Ты вышел на связь только первого июня.

— А что я делал эти шесть дней? — удивился я. — Неужели все это время проторчал на Вудстоке?

— Если ты не соврал в отчете, большую часть этого времени ты провел на Броуне, — заметил Кожухов.

Я поежился.

— Хорошо, когда не знаешь об опасности, — заметил я. — Шесть дней на Броуне… Брр…

— Я, конечно, не считаю себя большим знатоком Броуна, — сказал Кожухов, — но, по-моему, ты зря так боишься броуновцев. Опасен только момент прибытия, а если ты занял позицию на краю острова и не хочешь ни с кем вступать в близкий контакт, то к тебе никто и не подойдет. Броуновцы очень чутки к мыслям друг друга. По крайней мере, так следует из твоих рассказов о Броуне.

— Да, точно, — смутился я. — Что-то я совсем уже запутался. У тебя никогда не бывало ощущения, что все происходит как будто во сне?

Кожухов неопределенно хмыкнул.

— Меня это ощущение не покидает уже месяца три, — сказал он. — Естественная реакция организма на длительный стресс. Основы психологии.

— Наверное, — сказал я. — Странное дело — психологию броуновцев я понимаю гораздо лучше, чем психологию людей. Даже эмпатия не помогает.

— Эмпатия помогает, — возразил Кожухов. — По крайней мере, должна помогать. Я точно говорить не могу, я не эмпат, я на Вудстоке аналитику изучал, но психологи говорят, что эмпатия очень помогает. Просто ты к ней уже привык, для тебя чувствовать эмоции собеседника — обычное дело. И еще ты подсознательно сравниваешь свою эмпатию с телепатией Броуна.

— Наверное, — согласился я. — Если вдуматься, странно, как я до сих пор еще не свихнулся.

— Если вдуматься, ничего странного в этом нет, — заявил Кожухов. — Если бы не мейозы, ты бы уже давно свихнулся. Сколько курсов обучения ты прошел на Вудстоке? Три?

— Гм… Четыре. А если внедрение агента считать курсом еще одним обучения, то пять. Да, мейоз — великая вещь. Сам попробовать не хочешь?

Кожухов решительно помотал головой.

— Не хочу, — сказал он. — Мейоз — вещь, конечно, великая, но дает слишком много побочных эффектов. Когда ты впервые попал на Броун, разве ты согласился бы на мейоз, если бы знал, к чему это приведет?

Теперь настала моя очередь мотать головой.

— Ни за что, — сказал я. — Мейоз — это как наркотик, попробовал один раз и обратной дороги уже нет.

— Наркомания с одного раза не вырабатывается, — заметил Кожухов.

— Значит, это еще хуже, чем наркотик.

— Вот именно, — кивнул Кожухов. — Но вернемся к нашим баранам. На чем мы остановились?

— Тридцатого мая, — напомнил я. — Что случилось тридцатого мая?

— Тридцатого мая американцы отказались разговаривать с Габовым, — сказал Кожухов. — Дескать, нет времени, все слишком заняты борьбой с чумой, но помощь пока не нужна. Тридцать первого мая их молчание стало казаться подозрительным. А первого июня ты вышел на связь и вывалил столько информации, что американская проблема временно отошла на второй план.

— Американцы разорвали контакт только с российскими спецслужбами? — уточнил я.

— Не только. С англичанами и евреями они тоже не хотят разговаривать. Тридцать первого мая Драконтрест с ребятами попытались осторожненько разведать обстановку на месте, но выяснили только то, что здание в Лэнгли быстро превращается в неприступную крепость. Более неприступную, чем у нас здесь.

— Ну, я бы не сказал, что у нас тут неприступная крепость, — заметил я. — Два десятка натренированных агентов устроят тут тот еще переполох.

Кожухов ехидно улыбнулся.

— Не устроят, — сказал он. — Все продумано. Видел патрули на улицах?

— Видел. Они все безоружны.

— Не все, — возразил Кожухов. — Безоружны только те бойцы, которые находятся в собственных телах. У нас нет такого количества следящей аппаратуры, как у американцев, а та аппаратура, что есть, еще не развернута, так что нам приходится полагаться исключительно на людей, но, поверь мне, охрана поставлена как надо. Безоружные патрули с детекторами контролируют всю территорию объекта. Как только обнаружится несанкционированное проникновение, они тут же сообщат дежурному по объекту, а тот вызовет бодрствующую смену из ближайшей караулки.

— А если пришелец вселится прямо в часового?

— Невозможно. Все часовые находятся в чужих телах, а в караулках установлены генераторы изолированных зон. Даже если пришельцы захватят весь патруль в полном составе, ни детекторы, ни память тела не подскажут, где находится вооруженная охрана.

— Хорошо, — сказал я. — Против террористов-одиночек база защищена идеально. Против атаки с воздуха — тоже. А если противник попробует какой-нибудь третий путь?

— Какой путь? — спросил Кожухов.

Неожиданно за окном громыхнуло. Я посмотрел на небо и увидел, что оно ясное.

— Что за черт… — пробормотал Кожухов.

И тут громыхнуло еще раз, гораздо сильнее. А потом еще раз и еще…

Взвыла сирена. Кожухов вскочил и бросился к двери. Я побежал вслед за ним.

Сомнений не оставалось — нас бомбят. Но почему не работает ПВО, которой нагнали сюда столько, сколько еще никогда не собиралось в одном месте?

Через минуту мы выбрались на улицу и ответ стал ясен. Нас не бомбили, нас обстреливали. С вершины холма километрах в

трех отсюда поднимался столб черного дыма — это догорал пусковой комплекс С-300. А чуть в стороне стояли четыре танка, сосредоточенно обстреливавшие главный корпус НИИ.

Кожухов что-то прокричал, но очередной разрыв заглушил его слова. Кожухов наклонился к моему уху и я услышал:

— Нам повезло. Мы еще не успели задействовать главный корпус, там нет ни людей, ни оборудования. Эти танки крошат голые стены.

В поле между тем происходило нечто сюрреалистическое. Многочисленные ракетные установки дружно снялись с боевых позиций и сваливали в сторону леса. Радарные комплексы все еще стояли на позициях, но было видно, как вокруг них суетятся солдаты, переводя технику из боевого режимы в походный. По танкам никто не стрелял.

— Почему в них не стреляют? — прокричал я в ухо Кожухова.

— Понятия не имею, — ответил тот. — В нормальной войне я понимаю не больше тебя.

Маленькая бронированная машина, ощетинившаяся малокалиберными автоматическими пушками, выскочила из-за холма, подлетела к танкам вплотную и открыла бешеный огонь. Борт одного из танков озарился вспышками — одна за другой срабатывали кассеты активной брони. Танк вздрагивал и трясся, как припадочный. Это продолжалось секунды три, затем танк резко крутанул башней, из дула вырвалось пламя и машинку разорвало изнутри.

— Почему в них не стреляют?! — заорал я. — Где ПТУРы, где артиллерия? Где гранатометчики, в конце концов?

— Нету ничего! — заорал Кожухов в ответ. — Тяжелого оружия нет по соображениям безопасности.

Я грубо выругался. Нас снова переиграли. Мы подготовились к тем граблям, на которые наступили в прошлый раз, но противник, все еще неизвестный, подготовил нам новые. Зенитные ракеты не годятся для стрельбы по танкам, они просто не могут захватить цель, а нормального противотанкового оружия у нас нет, потому что тела расчета могут быть захвачены врагом и тогда это оружие повернется против нас. И в результате против новой угрозы мы абсолютно беспомощны. Хорошо еще, что танков всего четыре. Даже если они загружены снарядами под завязку, это получается…

В поле снова засверкало и загрохотало. Появившиеся неизвестно откуда вертолеты-штурмовики расстреливали неуправляемыми ракетами улепетывавшую к лесу зенитную технику. Пятью минутами раньше у них не было шансов даже приблизиться к цели на расстояние ракетного удара, но теперь,

когда мощнейшая ПВО превратилась в испуганное стадо, уже никто не может остановить избиение.

Хотя нет, кое-кто, кажется, может. В небо взмыли ракеты, два вертолета рухнули, оставшиеся шесть, нет, десять, прекратили стрельбу и начали отход. Тут и там небо прочертили трассы малокалиберных снарядов. С неба рухнула огромная цилиндрическая туша и разорвалась, накрыв осколками сразу два вертолета. Через секунду в то же место рухнула вторая такая же туша, но не разорвалась, а воткнулась в землю оперением вверх и стала красиво гореть, как факел нефтеперерабатывающего завода.

Из-за леса в небо взмывали ракеты. Они быстро набирали высоту и уходили за горизонт, оставляя в небе инверсионные следы. Внезапно я понял, что разрывов больше не слышно. Бой закончился.

9

Селекторные совещания по Сети практикуются уже с начала мая, но сегодня я присутствовал на таком мероприятии впервые. Очень странное чувство испытываешь, слушая в своем мозгу целую какофонию голосов, на все лады комментирующих выступление докладчика. Время от времени в эту какофонию вклинивается голос президента, призывающий к порядку, на короткое время комментаторы замолкают, но вскоре начинают шуметь еще пуще прежнего. Ладно бы они просто шумели, так они еще матерятся, как сапожники. Возникает такое ощущение, что высокопоставленные чиновники матом не ругаются, они на нем разговаривают.

Докладывал генерал, ответственный за ПВО объекта. Смысл его речи сводился к тому, что система ПВО с боевой задачей, конечно, не справилась, но это вовсе не означает, что ПВО была развернута плохо. Военные сделали все, что могли, а в том, что ничего хорошего из этого не получилось, нет их вины, потому что все случайности не мог предусмотреть никто.

Этого пассажа не вынес даже президент. Он прервал докладчика и минуты две объяснял ему, что танковый удар — не случайность, а пример грамотного использования слабого места в обороне. И если бы резервные С-300, спрятанные в лесу, не отогнали бомбардировщики противника, то от всего объекта осталось бы только одно большое пожарище.

Я и не знал, что вслед за вертолетами шли бомбардировщики. План противника стал ясен во всех деталях и я непроизвольно восхитился его красотой. Вначале танки наносят

удар, которого никто не ждет. Радары и ракетные установки снимаются с позиций и в панике разбегаются, и тогда над полем боя появляются вертолеты, довершающие разгром ПВО. В это время к цели неспешно приближаются бомбардировщики, которым суждено превратить объект в руины. Хорошо, что ядерное оружие давно уничтожено.

Нас спасло только то, что противник не знал об одном радаре и четырех пусковых установках С-300, развернутых в лесу в стороне от объекта. Радар не смог своевременно засечь низколетящие вертолеты, но без проблем обнаружил бомбардировщики, шедшие на большой высоте. Залп шестнадцати ракет, по идее, не должен были остановить приближающуюся воздушную эскадру, но у противника сдали нервы. Во вражеском штабе решили, что этот залп не последний, а первый, и скомандовали отход.

В целом исход боя признали удачным. Танки противника сравняли с землей главный корпус, но совсем не тронули боковые корпуса, которые, по идее, и должны были стать главной целью налета. Вертолеты сконцентрировали свой огонь на остатках ПВО и вовсе не приближались к зданиям НИИ. Возможно, они опасались переносных зенитно-ракетных комплексов, которые в НИИ, кстати, были, но в бой почему-то не вступили. Кто-то высказал предположение, что бойцы просто струсили и их надо немедленно расстрелять в назидание другим. Генерал возмутился и заявил, что даже в военное время без решения трибунала никого расстреливать нельзя, исключая особые обстоятельства, которых в данном случае явно нет. Развернулась бурная матерная дискуссия, конец которой положил президент, заявивший, что сейчас не время искать козла отпущения.

Разбор полетов занял примерно полчаса, после чего слово получила госпожа Остермайер, которая, в свою очередь, предоставила слово Кожухову. Андрей говорил по-военному, по пунктам.

— Первое, — сказал он. — Больше нет сомнений, что против нас действуют не хулиганы, а серьезная организация. Если в налете на Страсбург со стороны противника участвовало двенадцать человек, то в сегодняшней операции было задействовано не менее двухсот.

— Какой еще налет на Страсбург? — изумленно спросил генерал.

На него зашикали со всех сторон.

Кожухов между тем продолжал:

— Важнейшим на сегодняшний день является вопрос о том, что представляет собой наш противник. У меня есть на этот счет

некоторые соображения, но я изложу их потом, в более узком кругу. Самое главное, что мы должны уяснить — противник обладает силами и средствами, по меньшей мере сравнимыми с нашими.

— Да кто же они такие? — раздраженно спросил незнакомый мне голос.

Его вопрос остался без ответа.

— Второе, — продолжал Кожухов. — Главный вывод, который мы должны извлечь из сегодняшних событий, заключается в следующем. Нельзя класть все яйца в одну корзину. Мы обеспечили надежную защиту объекта от двух вероятных сценариев атаки, но противник выбрал третий сценарий. Если мы дополним противопехотную и противовоздушную оборону противотанковой, противник придумает что-нибудь еще. В сложившейся обстановке создавать крепости и отсиживаться в них — тупиковый путь. Единственная по-настоящему надежная защита — скрытность. Знаете, откуда противник узнал об объекте? Самый вероятный источник информации — спутниковые снимки. Ракетные установки и радары, развернутые в чистом поле, великолепно видны из космоса. Этим, кстати, объясняется и то, почему резервные пусковые установки стали для противника сюрпризом.

— Твою мать, — выдохнул генерал.

— Итак, — продолжал Кожухов, — единственным методом, позволяющим предотвратить подобные ситуации в дальнейшем, является максимальное рассредоточение сил и средств.

В разговор вмешалась Сара Остермайер.

— Но тогда противник сможет выбивать наши объекты по одному, — заметила она.

— Сможет, — согласился Кожухов. — Но для того, чтобы уничтожить объект, надо его сначала обнаружить, а это не так-то просто. Кроме того, мы располагаем средствами, позволяющими минимизировать ущерб от уничтожения любого одиночного объекта. Об этих средствах я подробнее расскажу на совещании в сокращенном составе.

— Хорошо, — сказала Сара. — Продолжайте.

— Да я уже все сказал. К основному плану предлагается только одна поправка — мы отказываемся от строительства крепостей, а вместо этого размещаем стратегические объекты максимально скрытно и рассредоточено. Главным направлением работ по-прежнему остается создание и расширение зон, защищенных от сетевых вторжений.

— Стратегические объекты будут находиться в этих зонах? — уточнил президент.

— Ни в коем случае! Именно на этих зонах будут сосредоточены основные усилия разведки противника. Объекты должны размещаться в самых неожиданных местах, в том числе и за границей. В конце концов, граница сейчас имеет символическое значение.

— Понятно, — сказала госпожа Остермайер. — Вопросы к докладчику? Нет? Тогда переходим к совещанию в сокращенном составе. Прошу всех освободить канал.

10

На совещание в сокращенном составе меня не пригласили. Вместо этого Кожухов велел мне срочно перебазироваться в новое тело, которое размещалось в городе Владивостоке.

Оказавшись в новом теле, я понял две вещи. Во-первых, во Владивостоке уже наступила ночь, а во-вторых, мое новое тело очень хочет спать. Ну и пусть себе спит, делами займемся завтра.

11

Кожухов разбудил меня ровно в шесть утра по местному времени. Он не связался со мной по Сети, а позвонил по межгороду.

— Просыпайся, — сказал он. — Умойся, позавтракай и будем разговаривать.

Я умылся и позавтракал, стараясь не обращать внимания на нищету и убожество микроскопической квартирки, в которой мне предстояло жить ближайшее время. Интересно, как долго мне придется здесь кантоваться? Скорее всего, ровно столько, сколько нужно Кожухову, чтобы сформулировать очередное задание.

Завершив утренние дела, я связался по Сети с Кожуховым.

«Что требует Родина на этот раз?» спросил я.

«Мы выяснили, кто бомбил Страсбург и Оболенск», сказал Кожухов.

«И кто же?»

«Подтвердилась самая неприятная версия — оба налета организованы ЦРУшниками. Нам повезло — у одного пилота в сетевых настройках не были установлены основные блокировки. Нам удалось захватить его личный идентификатор»

«Вот это удача! Начинаем мочилово?»

«Не совсем. Появился новый фактор. Деятельность ЦРУшников направляется пришельцами из других миров».

«С чего ты взял?»

«Драконтрест сумел-таки пробраться в их штаб-квартиру».

«Как?» изумился я. «Ты вчера говорил, она неприступна».

Кожухов улыбнулся.

«В каждую неприступную крепость ведут как минимум два неохраняемых входа», сказал он. «Драконтрест нашел один из них. Надо было только догадаться. ЦРУшники обеспечили весь вспомогательный персонал терминалами и чужими телами, установили на все КПП детекторы пришельцев, но в остальном пропускная система осталась без изменений».

Кожухов сделал многозначительную паузу, ожидая наводящего вопроса. Хвастается передо мной собственной догадливостью. Зря хвастается, наверняка ведь этот план придумал не он. Скорее всего, Драконтрест постарался.

«И какая у них пропускная система?» спросил я.

«Смотря где», ответил Кожухов. «На центральном входе у них все круто. Отпечатки пальцев, узор сетчатки, в удостоверение каждого офицера встроена смарт-карта с микропроцессором и еще надо ввести пароль, который раз в квартал меняется. А на входе в хозяйственную зону пропускная система работает по старинке. Приходит уборщица, показывает пропуск, охранник сверяет фотографию с мордой, убеждается, что детектор определил уборщицу как пришельца с Земли, и пропускает тетеньку внутрь».

«Драконтрест подделал пропуск?» догадался я.

«Нет, Драконтрест подделал тетеньку. Две пожилые негритянки, однояйцевые близнецы, одна работает уборщицей в ЦРУ, другая вообще нигде не работает. Драконтрест зарезал первую, занял тело второй и получил доступ внутрь».

«И что внутри?» спросил я.

«Хороший вопрос. Там внутри столько аппаратуры, что Драконтрест не осмелился установить прослушку. Зато он пронес с собой детектор пришельцев и установил, что на территории комплекса находятся по меньшей мере двое пришельцев из других миров, причем один из них является большим начальником».

«И что будем делать?», спросил я. «Продолжаем разработку или сразу в бой?»

«Единого мнения пока нет», ответил Кожухов. «По всем оперативным правилам, разработку надо продолжать. Но, с другой стороны, непонятно, как это сделать, не спугнув противника. Нам очень повезло, что тот пилот не заблокировался от внешнего сканирования, но второй раз на такое везение рассчитывать нельзя. Если ЦРУшники решат по нашему примеру

рассредоточиться, работать с ними станет гораздо труднее».

«Значит, наносим удар».

«Тут тоже есть свои минусы. До тех пор, пока мы не знаем, какая раса поддерживает американцев, любое силовое решение будет временным. Ликвидировать надо не исполнителя, а заказчика».

«А без планетарного узла на заказчика не выйти», продолжил я. «Замкнутый круг. Может, стоит попробовать чисто оперативные методы? Завербовать агента? »

«Слишком высока вероятность провала», вздохнул Кожухов. «Но, боюсь, другого выхода не осталось. Тут еще одна вещь обнаружилась. Некоторые инопланетяне, находящиеся в Лэнгли, не пользуются внешними терминалами».

«Это как?» не понял я. «Я имею ввиду, как это обнаружилось?»

«Случайно. Драконтрест мыл полы в коридоре, видит, идет женщина, детектор показывает, что она — пришелец из другого мира. Потом женщина вдруг останавливается и растворяется в воздухе, а никакого терминала у нее нет».

«Ну и что? Терминал не обязательно держать в руке. Он мог быть в кармане, в сумочке…»

«Женщина была голая. Драконтрест мыл полы в коридоре женской душевой».

Я непроизвольно рассмеялся. Иногда жизнь подбрасывает такие повороты сюжета, до которых не додумается ни один писатель или сценарист, даже самый сумасшедший.

«Ничего смешного», сказал Кожухов. «Женщина была абсолютно голая, на ней не было ничего, куда можно спрятать или вмонтировать терминал. Ни крупных украшений, ни пирсинга в сосках».

«Терминал можно сделать таким маленьким?» удивился я.

«Можно», подтвердил Кожухов. «В середине мая на Филиппинах начался серийный выпуск терминала размером с таблетку виагры».

«Это сколько будет в сантиметрах? Никогда виагру не пользовал…»

«Я тоже», почему-то смутился Кожухов. «Не знаю, так в отчете было написано — размером с таблетку виагры. Наверное, сантиметра три, больше проглотить трудно».

«А может, виагру не глотают? Может, ее в воде растворяют, как шипучий аспирин?»

«А может, мы делом займемся?» возмутился Кожухов. «Если ты думаешь, что у меня полно времени, чтобы обсуждать виагру…»

«То я ошибаюсь», закончил я его мысль. «Значит, не было терминала. А может, она его проглотила? Или…»

Последнюю мысль я решил не озвучивать, вместо этого я просто захихикал.

«Может, и засунула», сказал Кожухов, насупившись. «Но я бы не стал всерьез рассматривать эту версию. Более вероятно, что в Лэнгли есть существа, прошедшие обучение у ангелов».

«Джеймс Бонд?» предположил я.

«Дался тебе этот Джеймс Бонд!» воскликнул Кожухов. «Сто против одного, что он здесь ни при чем. Я бы тебе посоветовал пообщаться со своим альтер-эго».

Я саркастически ухмыльнулся и сказал:

«Кто-то вчера говорил, что я страдаю манией величия».

«Это я страдаю», вздохнул Кожухов. «Только не манией величия, а неумеренным оптимизмом. Поговори со своим мы-два, может, все не так страшно».

Я попытался связаться по Сети с мы-два, но неудачно. Мое второе я не отвечало.

«Не отвечает?» спросил Кожухов.

«Не отвечает», ответил я.

«Плохо», сказал Кожухов. «А оно именно не отвечает или просто вне досягаемости?»

«Именно не отвечает».

Некоторое время Кожухов молчал, а затем сказал:

«Будем думать. Если ничего не придумается, будем их мочить. На твое участие в операции рассчитывать можно?»

«Конечно».

«Ну давай», сказал Кожухов. «Я тебе позвоню как только так сразу».

12

Через два часа я встретился с местным ФСБшником Сашей Ермиловым и получил от него пистолет Макарова, два снаряженных магазина, полсотни патронов россыпью и мобильный телефон с встроенным терминалом Сети и детектором пришельцев.

— Этой моделью раньше пользовался? — спросил Саша.

Я отрицательно помотал головой.

— Все очень просто, — начал объяснять Саша. — В адресную книгу введена специальная запись, она отображается как пустая строка в самом начале книги. Чтобы включить терминал, надо на эту запись позвонить. Нажимаешь вот так и входишь в Сеть.

Дальше управление мысленное, как обычно.

— Понял, — сказал я. — А детектор?

— На той же записи нажимаешь левую кнопку. Направляешь на проверяемого субъекта, — он направил телефон на меня и лицо его странно изменилось. — Эээ…

Я посмотрел на экранчик мобильника и увидел надпись «ЧУЖОЙ». В памяти сразу всплыли позавчерашние слова президента насчет того, что несанкционированных пришельцев надо расстреливать на месте без предупреждения.

— На самом деле я свой, — сказал я. — Про планету Броун слышал?

Саша отрицательно помотал головой.

— Тогда выходим на конференц-связь с Кожуховым, — потребовал я. — Пусть он тебе лично все объяснит.

— А кто такой этот Кожухов? — спросил Саша.

Я вполголоса выругался.

— Тогда с Остермайер. Ее-то ты знаешь?

— Я не знаю ее координат в Сети, — сказал Саша.

— Ну давай тогда пойдем по цепочке, — вздохнул я. — Кто тебя направил на встречу со мной?

— Да ладно тебе, — махнул рукой Саша. — Я и так вижу, что ты не врешь.

— Эмпатия? — догадался я.

— Она самая, — улыбнулся Саша. — На Вудстоке бывал?

— Неоднократно.

— Неоднократно? — удивленно переспросил Саша. — Мне Вудсток сказал, что второй курс можно будет прослушать только через год. У тебя интервал восстановления меньше?

— Намного меньше, — сказал я. — Это… эээ… индивидуальная особенность.

— Врешь, — констатировал Саша. — Ты побывал на планете Броун и чему-то там научился. Правильно?

Теперь настала уже моя очередь подозрительно смотреть на собеседника.

Саша рассмеялся и сказал:

— Да это же очевидно! Тут и эмпатом не надо быть, чтобы догадаться. Ты на Вудстоке что изучал?

— Базовый курс боевых искусств и… эээ… кое-что техническое.

— Я тоже боевые искусства изучал! — воскликнул Саша. — Ладно, бывай, мне пора.

— Подожди, — остановил его я. — Я не хочу, чтобы меня случайно пристрелили на улице. Во-первых, свяжись с начальством и пусть оно получит официальное подтверждение,

что я не шпион чужих. А во-вторых…

И тут я понял, что не знаю, что должно идти во-вторых. Если передать мои приметы всем, кто занимается отстрелом пришельцев… А кто, кстати, этим занимается?

— Во Владивостоке пришельцев отстреливает только ФСБ? — спросил я.

— Не только, — ответил Саша. — Еще ОМОН и военные патрули. На следующей неделе из Китая должны подвезти новую партию терминалов, будут раздавать участковым и гаишникам.

— Обалдеть, — только и смог сказать я. — Тогда мне лучше по улицам не разгуливать.

Саша странно посмотрел на меня и вдруг рассмеялся.

— Боишься, что пристрелят? — спросил он. — Зря. В этот телефон встроена специальная метка, вот, смотри.

Он сунул мобильник мне в руку, вытащил из кармана свой мобильник, навел его на меня, двумя нажатиями на клавиши включил детектор и продемонстрировал мне экранчик своего телефона. На нем было написано большими буквами «КЗП».

— Комитет защиты порядка? — догадался я.

— Он самый, — кивнул Саша. — Так что гуляй где хочешь и ничего не бойся. А если хочешь, пойдем посидим где-нибудь. Тут неподалеку один ресторанчик есть, его хозяин — мой агент.

Я немного подумал и решил, что в этом предложении нет ничего плохого. Даже если я напьюсь, биоблокада быстро снимет опьянение.

— Хорошо, — сказал я. — Поехали.

13

В ресторане Сашу хорошо знали. Метрдотель провел нас к столику у стены, совсем рядом с проходом на кухню. Саша сел лицом к залу и это меня не удивило.

— Привычка, — пояснил он, уловив мои эмоции. — Сейчас опасности никакой нет, просто привычка.

— А раньше опасность была? — спросил я. — Я до того, как в ФСБ пришел, работал в промышленном шпионаже, так у меня эта привычка так и не выработалась. А по-моему, работать без такой крыши, как у вас, гораздо опаснее.

— У меня эта привычка только весной появилась, — пояснил Саша. — Когда Сеть только-только появилась, такой бардак начался… Хорошо, что ненадолго. Наш генерал — мужик решительный, он сразу сообразил, сколько бабок можно срубить. Нашел агента с нужными навыками, он нам терминалов

понаделал штук сто, а потом такое веселье началось… Вначале чеченов из города выперли, потом обычных бандюков, потом начали рыбные квоты делить правильно, но к этому времени терминалы стали уже и у коммерсов появляться. Только они опоздали — в нашей базе данных уже столько информации накопилось, что им рыпаться было некуда. С тех пор у нас в городе порядок образцовый. Все зарплаты и пенсии выплатили всем сразу и все равно в городской казне денег осталось немеряно. Когда воровали, денег ни на что не хватало, а как воровать перестали, другая проблема появилась — куда деньги девать.

— Неужто совсем перестали? — удивился я.

Саша самодовольно усмехнулся.

— Конечно, перестали, — сказал он. — А кто не перестал, те давно уже снотворного наглотались. Естественный отбор.

Кажется, я начинаю понимать, почему Кожухов выделил мне тело именно во Владивостоке.

— А в других городах как? — спросил я. — Теперь такой порядок по всей России?

— Если бы, — вздохнул Саша. — Там, где ведомство вовремя подсуетилось, там нормально, а где наши прощелкали, там власть держат либо олигархи, либо бандиты. Там, где олигархи, еще куда ни шло, а где бандиты — вообще кошмар. Ничего, прорвемся. Президент правильно сказал, со свободным брожением по Сети пора завязывать. Отстреляем, кого надо, а потом начнем потихоньку расширять зону контроля. К зиме живых бандитов в России не останется.

Саша говорил спокойно и уверенно, ничуть не рисуясь. Он вовсе не пытался произвести на меня впечатление, он говорил то, что думал. Наверное, восемьдесят пять лет назад чекисты так же спокойно говорили, что надо перестрелять всех буржуев и сразу установится светлое будущее.

— Зря куксишься, — сказал Саша. — Кровищи прольется немеряно, но кровь прольется не зря. Чиновники перестанут разворовывать бюджет и брать взятки. Банки будут обслуживать не бандитов, а коммерсов. Коммерсам не придется прогибаться под бандитами и под чиновниками.

— А ФСБ будут рулить и погонять, — закончил я его мысль. — Твердо, но мудро, как великий Сталин.

— Да ну тебя! — скривился Саша. — Вроде умный человек, а думаешь, как последний либераст. Между прочим, в других мирах нигде нет такой демократии, как на Земле.

— Ну почему же? На Шотфепке есть, например.

— Ты там был? — удивился Саша. — Там же, вроде, яхры

живут.

— Да, это их родная планета. Бывал я там два раза. Неприятное место.

— Вот видишь! — воскликнул Саша. — А ты говоришь, демократия. Для нынешних либерастов демократия — как для сектантов бог. Они не поймут никогда, что в Сети демократия работать не будет. Только не надо меня Шотфепкой тыкать, у них наука не чета нашей. Планетарный узел, порталы с гостевыми телами, телепортаторы всякие… Мы по сравнению с ними — варвары. И не надо этого стесняться, это надо честно признать. Все расы вселенной когда-то были варварами: и яхры, и уфсулы, и все остальные. Только одни остались варварами навсегда, а другие прогрессируют. И мы тоже прогрессируем.

— Что-то пока незаметно, — заметил я.

— Почему незаметно? — возмутился Саша. — В аэропорту уже половину самолетов антигравами оборудовали. Расход керосина в два раза меньше, скорость, правда, тоже упала, но совсем чуть-чуть. Биоблокада в аптеках продается по тысяче рублей за дозу. Ты в курсе, что биоблокада даже СПИД излечивает? То-то же.

— Проституткам теперь раздолье, — хмыкнул я. — На презервативы тратиться не надо.

— И наркоманам тоже раздолье, — добавил Саша. — Биоблокада снимает физическую тягу к героину. После нее слезть с иглы — как курить бросить. Трудно, но если припрет — можно. Но это побочные эффекты, главное другое.

Наши мобильники синхронно пискнули. Я оглянулся и увидел, как за соседний столик садится очень красивая молодая девушка.

— Наш клиент, — констатировал Саша, сверившись с показаниями детектора. — Жалко-то как…

Он вопросительно взглянул на меня и я кивнул.

— Сделаем исключение, — сказал я.

Мы синхронно встали из-за стола, подошли к девушке и без спроса уселись рядом с ней.

— Комитет защиты порядка, — сказал Саша. — Нарушаем.

Девушка удивленно приподняла брови.

— Назови родной мир и цель визита на Землю, — потребовал Саша.

— Дисч, туризм, — сказала девушка.

— Дисч, — повторил я. — Где-то я уже слышал это название… Вспомнил! Вы в свое время Бобой цивилизовали.

Девушка скривилась, будто от зубной боли. Не любят на Дисче бобойцев, что неудивительно. Я с ними только один раз

встретился, но и этого хватило.

— Планета Земля закрыта для посещений, — объявил Саша. — Все пришельцы расстреливаются на месте без предупреждения.

— Тогда почему ты меня предупреждаешь? — спросила девушка, мило улыбаясь.

— Твое тело слишком красиво, чтобы его убивать, — сказал Саша.

Девушка хихикнула.

— Ага, — сказала она. — Я уйду, а потом ты ей скажешь, что она тебе должна и вы оба ее трахнете.

Я ожидал, что Сашина аура окрасится возмущением от несправедливого обвинения, но она окрасилась смущением, переходящим в гнев. Пришелец понял его мотивы абсолютно правильно.

— Если ты сейчас же не уйдешь, — злобно сказал Саша, — эта участь твоему телу не грозит. Я не некрофил.

С этими словами он вытащил пистолет и приставил его ко лбу девушки.

— Козел, — сказала она и я ощутил дуновение отлетающей астральной души.

Глаза девушки вдруг расширились, она испуганно отшатнулась.

Саша убрал пистолет и расплылся в довольной улыбке.

— Тебя как зовут, чадо? — спросил он.

— Юля, — ответила девица.

— Ты мне должна, Юля, — сказал Саша. — Знаешь, кто в тебе только что сидел?

— Опять, — вздохнула Юля. — Как же вы мне все надоели! Ну, пойдем.

Саша взял ее за руку, но я положил свою руку поверх. Впервые за много дней Дашина личность всплыла из глубин подсознания и начала диктовать свою волю.

— Не надо, — попросил я. — Отпусти ее.

Глаза Саши недовольно сощурились.

— Не лезь не в свое дело, — сказал он. — Здесь не твой город, здесь порядки устанавливаем мы.

— Хреновые у вас порядки. В последний раз говорю — отпусти ее.

— А я тебе в последний раз говорю — не лезь, — сказал Саша. — Я ведь тоже был на Вудстоке.

— Незаметно, — сказал я, вставая. — Сила-то ведь в правде.

Некоторое время Саша задумчиво смотрел на меня, а затем кивнул и выпустил Юлину руку.

— Ненавижу фанатиков, — сказал он и пошел к выходу.

Я проводил его пустым взглядом и сел за стол.

— Извини его, — сказал я. — Он человек неплохой, просто…

— Все они неплохие, — вздохнула Юля. — Пока крышу не снесет. А это правда, что пришельцев теперь расстреливают?

— Правда, — подтвердил я. — Президент позавчера по телевизору объявил.

Юля снова вздохнула.

— Пристрелят меня, — сказала она. — Уехать надо куда-нибудь в тайгу. Или вообще валить с Земли. Только где бы терминал достать…

— Извини, но свой я тебе не дам, — сказал я. — А то тогда меня пристрелят.

— У тебя деньги есть? — спросила Юля.

Я пошарил по карманам и обнаружил четыреста рублей мелкими купюрами.

— Пойду я, — сказала Юля. — С тобой даже не выпьешь по-человечески.

— Давай я тебя провожу, — предложил я.

— Спасибо, не надо. Тебе еще расплачиваться.

Я посмотрел на столик, за которым сидели мы с Сашей, прикинул стоимость заказа и понял, что мне предстоит неприятный разговор с официантом.

— Прорвемся, — сказал я. — Пошли.

Юля с любопытством посмотрела на метрдотеля, который внимательно наблюдал за нами. В его ауре было заметно внутреннее напряжение. Ох, сейчас начнется…

Мы пошли. Метрдотель преградил нам дорогу. За его спиной непонятно откуда появились два здоровенных охранника.

— Мы пройдем, — сказал я, не прося, но констатируя. — Претензии предъявляй Ермилову.

Метрдотель покачал головой.

— Претензии я буду предъявлять тебе, — сказал он.

— Не сможешь. Лучше уйди с дороги.

Он сделал шаг в сторону, а амбалы — шаг вперед.

— Начинайте, — сказал я.

И они начали. Драка была неинтересна — три удара, два нокаута. Если бы мое нынешнее тело было чуть покрепче, обошелся бы двумя ударами.

— Прощайте, — сказал я. — И не надо стрелять в спину — я почувствую. А когда я почувствую, я не буду разбираться, есть у вас разрешение на ствол или нет. Я просто убью здесь всех, кроме нее, — я указал пальцем на Юлю. — Я еще не так озверел, как Саша Ермилов, но…

Я не стал договаривать фразу до конца.

Мы с Юлей вышли из ресторана и никто не выстрелил нам вслед. Когда мы оказались на улице, она осторожно вынула свою руку из моей, печально улыбнулась, сделала рукой неопределенный жест и ушла.

Я не стал ее останавливать. Андрей Сигов и Миша Сабалин были не против продолжить знакомство, но Даша и Рудпей выступили категорически возражали.

Метров через двадцать Юля удивленно оглянулась, я помахал ей рукой и пошел в противоположную сторону.

14

Вечером со мной связался Андрей Кожухов.

«Как дела?» спросил он.

«Хреново».

«А что такое?»

«Ничего», сказал я и пожал плечами. «Просто хреново. Я тут прогулялся по городу…»

«И что?»

«Люди какие-то дикие стали. Поговорил я с одним опером, он так спокойно говорит: того пристрелили, этого пристрелили…»

«Естественный побочный эффект», заметил Кожухов. «Когда в обществе происходят резкие перемены, народ всегда звереет».

«Да понимаю я все», сказал я. «Но все равно противно. Раньше я был о людях лучшего мнения».

Кожухов промычал нечто нечленораздельное и замолк.

«Давай, переходи к делу», сказал я.

«А ты уверен, что ты в состоянии?» спросил Кожухов. «Может, тебе отдохнуть надо?»

«Не стоит», отмахнулся я. «Мне сейчас, наоборот, нужно дело. А то я какой-то расслабленный стал…»

«Есть для тебя дело», сказал Кожухов. «Помнишь, когда яхры захватили наш узел, еще тот, самый первый…»

«Помню».

«Ты тогда поставил помеху, которая заблокировала доступ к Сети на всем юго-западе Москвы. Сможешь еще раз повторить тот же фокус?»

«Не знаю. Попробую…»

Я попробовал и связь с Кожуховым оборвалась. Я отключил помеху и почувствовал входящий сигнал.

«Получилось?» спросил Кожухов.

«Вроде да. А зачем это нужно?»

«План будет такой», сказал Кожухов. «Ты выдвигаешься к месту операции и ставишь помеху. Драконтрест пронесет на территорию комплекса несколько взрывных устройств, они сработают. Одновременно сработает бомба на электростанции, от которой питается комплекс…»

«У них наверняка есть автономные генераторы», заметил я.

«Не наверное, а точно. Если повезет, мы их тоже заминируем, а если не повезет, все равно будет несколько минут неразберихи. За это время операция должна быть закончена».

«Что за операция?» спросил я. «Захват комплекса?»

«Ну… пока четкого плана еще нет. Но к двадцать пятому числу план будет готов. Мы его будем разрабатывать по ходу подготовки, мы пока еще очень мало знаем о внутренностях комплекса. Но это уже не твоя забота. У тебя задача будет только одна — поставить помеху. Ну все, отдыхай, когда будет нужно, я тебя вызову».

Разговор оставил у меня неприятный осадок. Мне не требовалось видеть ауру Кожухова, чтобы понять, что он многое не договаривает. Больше не доверяет мне? Или спецслужбы окончательно оправились от потрясения и начали восстанавливать свою маниакальную секретность, когда каждый исполнитель знает исключительно то, что необходимо для выполнения задачи. Не нравится мне все это…

15

За следующие пять дней я только раз общался с местными ФСБшниками — когда потребовал выплатить командировочные. Человек, в теле которого я сейчас находился, был, наверное, самым никчемным агентом во всем Владивостоке, я даже не понял, с какой целью его завербовали. Денег у него практически не было, а добывать пропитание разбоем мне совсем не хотелось.

На этот раз со мной встретился не Саша Ермилов, а другой сотрудник, назвавшийся Олегом. Он выдал мне толстую пачку пятисотрублевых купюр, попросил расписаться в ведомости, вежливо попрощался и уехал. После того случая в ресторане местные ФСБшники меня явно не жалуют. Интересно, что им рассказал про меня Саша Ермилов?

Я убивал время всеми доступными способами. Бродил по улицам, ходил в кино, пил пиво в уличных кафешках, однажды даже чуть было не снял проститутку, но в последний момент передумал. Я с удивлением обнаружил, что эта сторона жизни интересует меня гораздо меньше, чем раньше. То ли влияние

Рудпея гораздо сильнее, чем казалось, то ли я просто перестаю быть человеком. Разброд и шатание, переходящие в отчаяние… Нет, до отчаяния мне еще далеко. Если Вудсток не врет, переход на следующий уровень пока не грозит.

На первый взгляд, на улицах ничего не изменилось. Люди бродили туда-сюда по своим неведомым делам, сидели за столиками летних кафе и пили пиво, молодые мамаши выгуливали младенцев, вездесущие китайцы что-то лопотали по-своему… Если не приглядываться к деталям, можно подумать, что большой город живет своей обычной жизнью, что контакт с Сетью не наложил на него никакого отпечатка. Но это только если не приглядываться.

На улицах не видно ни одного мента. Со вчерашнего дня менты и военные больше не носили форму, потому что сетевая общественность ответила на инициативу российского президента предельно жестоко. Хвост за хвост, глаз за глаз, даешь киберджихад… Людей в форме начали отстреливать. Моряков по негласному соглашению не трогали, а вот ментам пришлось плохо, в том числе и гаишникам, которые в отстреле пришельцев не участвовали никоим образом.

Двадцать второго июня в одном элитном квартале произошла настоящая битва. В местных новостях сообщили, что группа сетевых хулиганов захватила жилой дом и попыталась превратить его в крепость. Ничего не получилось — военные подогнали два танка и расстреляли дом. Дикторша утверждала, что все хулиганы погибли, но в эту сказку пусть верят те, кто еще ни разу не пользовался Сетью. Погибли носители временных тел, а у захватчиков было более чем достаточно времени, чтобы убраться восвояси.

Дважды я видел, как убивали людей. Неожиданный выстрел, человек падает на асфальт, контрольный выстрел, а убийца гордо оглядывается по сторонам и провозглашает:

— Кэ-зэ-пэ!

И прохожие, замершие на миг в остолбенении, идут дальше. Ни разу я не видел, чтобы КЗПшник показывал прохожим какую-нибудь ксиву. И в самом деле, зачем предъявлять документы, если у тебя есть пистолет?

Однажды я увидел на асфальте три трупа рядом с новеньким «лексусом» — мужчина, женщина и мальчик лет десяти. Все трое были кавказской национальности. Что-то не верится мне, что это очередной эпизод борьбы с пришельцами. Скорее, коллеги Саши Ермилова заканчивают зачистку города от кавказцев. Или это не они поработали, а натуральные скинхеды? Впрочем, какая разница?

Несколько раз в день мой телефон издавал отрывистый писк, что означало, что рядом находится пришелец. Я игнорировал все сигналы. Я понимал, что саботирую приказ самого президента, но мне было наплевать. Я не хотел участвовать в этой вакханалии убийств. Тем более, что с началом отстрела пришельцев в городе не становится заметно меньше.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Операция в Лэнгли началась двадцать пятого июня в одиннадцать часов утра по местному времени. Во Владивостоке в это время было два часа ночи двадцать шестого июня. Странное чувство испытываешь, когда мгновенно переносишься из глубокой ночи в разгар рабочего дня. Хорошо, что я заставил себя поспать днем.

Тело для меня подобрали заранее. Оно принадлежало белому мужчине лет тридцати и сидело в автомобиле, припаркованном у обочины. Автомобиль был почти новым BMW Z8, а мужчина — умеренно знаменитым голливудским актером. Два часа назад он прилетел на восточное побережье в гости к родителям жены, но так и не доехал до них, потому что его тело перехватили подчиненные Драконтреста.

Я повернул ключ в замке зажигания, мотор тихо заурчал и я неожиданно понял, что прежний хозяин моего тела никогда раньше не управлял родстером. Он взял эту машину напрокат выпендриться перед тестем с тещей, смотрите, дескать, какой я крутой и высокооплачиваемый. Что еще хуже, этот парень никогда раньше не управлял машиной с ручной коробкой передач. Ничего, я ему помогу.

Я воткнул первую передачу, слегка придавил педаль газа и стал осторожно отпускать сцепление. Машина взвизгнула задними покрышками, прыгнула вперед метра на три и встала как вкопанная, потому что я, испугавшись, со всей дури ударил по тормозам. Мда…

Вторая попытка. На этот раз я вообще не трогал педаль газа. Машина судорожно дернулась и кое-как поехала. Вторая передача. Провал, а затем резкий рывок. Чуть-чуть газа. Мотор взвыл, стрелка тахометра влетела в красную зону. Я поспешно отпустил газ, машина отозвалась еще одним рывком. Нет, с этим монстром я не скоро освоюсь.

Зазвонил мобильник. Я потянулся за телефоном, но вовремя сообразил, что на ухе висит гарнитура hands-free. Я нажал кнопку приема звонка и услышал в ухе незнакомый бас, который произнес по-английски:

— Привет, это Драконтрест. У тебя все нормально?

— Более-менее, — буркнул я. — Твои ребята не могли подобрать машину попроще?

— А в чем проблема? — удивился Драконтрест. — Втыкаешь третью передачу и больше рычаг не трогаешь, тяга будет нормальная во всем диапазоне скоростей, если сильно не гнать.

Я воспользовался советом и с удивлением обнаружил, что Драконтрест прав.

— Теперь нормально, — сказал я. — Помеху когда ставить?

— Трехминутная готовность. Засеки время.

— Засек.

— Ну успехов тебе.

— И тебе успехов, — сказал я.

Драконтрест отключился.

Через три минуты я включил помеху.

Я не видел, как протекала операция — штаб-квартира ЦРУ находилась примерно в десяти километрах от маленького американского городка, вокруг которого я нарезал круги, в том время как астральное пространство заполнял оглушительный рев, распространяющийся из моей головы.

А потом я увидел в зеркале заднего вида целую кавалькаду полицейских машин с мигалками и сиренами. Я включил аварийку, съехал на обочину и поспешно позвонил Драконтресту. Мобильник был незнакомой модели и поиск списка последних принятых звонков занял томительные тридцать секунд. В конце концов я нашел в списке нужный номер, но Драконтрест не отвечал.

Я посмотрел в зеркало заднего вида и увидел, что полицейские уже близко. Не знаю, на меня ли они охотятся или просто едут по своим делам, но выяснять это нет ни времени, ни желания. Если они выслеживают источник помех… Нет, моя жизнь дорога мне как память.

Я отключил помеху и выдал команду на возвращение.

2

Драконтрест вызвал меня по Сети минут через десять. За это время я успел выпить одну банку пива и ополовинить вторую. Сердце бешено колотилось, руки дрожали, а в голове крутились обрывки матерных фраз.

«Что случилось?» спросил Драконтрест. «Почему ты снял помеху?»

«Меня преследовали полицейские», ответил я. «Если бы они меня догнали, они не стали бы разговаривать, они бы меня просто пристрелили».

«Ты уверен, что они гнались именно за тобой?»

«Ну…»

«Понятно», оборвал меня Драконтрест. «Струсил. И поставил всю операцию на грань провала».

«Я не струсил! Опасность была очень велика…»

«Тебе надо было переместиться в тело одного из полицейских», сказал Драконтрест. «А если это невозможно — переместиться в тело водителя любой встречной машины».

«Там не было встречных машин!» воскликнул я.

Драконтрест отключился.

3

После трех банок пива стресс помаленьку отступил, а смену ему пришло раздражение. Не стыд, а именно раздражение.

Что бы там Драконтрест ни говорил, стыдиться мне нечего, я считаю, что повел себя абсолютно правильно. Жертвовать собой ради успеха маленькой междоусобной войны — нет уж, увольте. Для Драконтреста и Кожухова я всего лишь один из трех почти одинаковых клонов, но для самого себя я единственный и неповторимый. Я не позволю относиться ко мне как к разменной монете в шпионских играх. Эта не та ситуация, когда можно пожертвовать собой на благо Родины. Тем более, Кожухов явно что-то недоговаривал, объясняя план операции… А что там, собственно, происходило?

И в самом деле, почему бы не взглянуть на результат операции собственными глазами? Я приказал Сети переместить меня в точку, отстоящую от места последнего перехода примерно на километр в любую сторону.

4

Я стоял у окна и смотрел, как на обочине дороги догорает маленький серебристый кабриолет. Все-таки предчувствие меня не обмануло. Если бы я промедлил, в том теле, которое сейчас сидит за рулем и потихоньку обугливается, находился бы я. Мужика, конечно, жалко, но себя еще жальче.

Человека, в теле которого я находился, звали Шон Даллас, он был управляющим гостиницы. Никаких срочных дел у него не было, ничто не мешает ему погрузиться в свой «меркьюри» и съездить в соседний город по каким-нибудь делам. Если Лэнгли горит, столб дыма будет виден с дороги.

Через пять минут стало ясно, что Лэнгли не горит. А еще

через две минуты стало ясно, что все гораздо серьезнее.

В какой-то момент я сообразил, что навстречу не проехало ни одной машины, за исключением военных «хаммеров» и полицейских с мигалками. А потом я увидел, что встречная полоса перегорожена переносными стойками и навстречу стоит гигантская пробка, в головной части которой суетятся военные в противогазах. И не просто в противогазах, а в полных костюмах химзащиты.

«Форд-эксплорер», ехавший впереди меня, притормозил и съехал на обочину. Как только его широкая задница перестала закрывать обзор, я увидел, что перегорожена не только встречная полоса. Поперек дороги был выстроен целый забор из пластмассовых столбиков, а за забором двое негров в полицейской форме устанавливали плакат «Объезд справа». Перед забором стоял третий полицейский, он размахивал жезлом, указывая, что надо съехать на проселочную дорогу, ведущую куда-то в поля.

Уже свернув, я запоздало сообразил, что сильно рисковал. Если бы у этих полицейских были детекторы пришельцев… Нет, что я говорю, истребление сетевых путешественников — прерогатива российских ментов. Американские полицейские пока этим не занимаются.

Я проехал по проселку километра три и попал на какую-то большую площадку, приспособленную под автостоянку. Машин здесь скопилось не меньше сотни и все время прибывали новые. Парковку обслуживали военные в комбинезонах химзащиты.

Я припарковался в указанном месте, вылез из машины и тут же получил три большие таблетки в комплекте со стаканом воды.

— Выпейте это, — прошелестел из-под противогаза военный, выдавший мне это богатство.

— Что случилось? — спросил я.

— Выпейте, — устало повторил военный и отвернулся.

Из коробочки на поясе он извлек салфетку, мазнул ей по крылу моей машины, засунул салфетку в какой-то прибор и некоторое время изучал его показания. Затем он поднял глаза и увидел, что я все еще стою с таблетками в одной руке и стаканом в другой.

— Выпейте, — повторил военный в третий раз. — Это противоядие.

— Противоядие от чего?

— От нервно-паралитического газа.

И тут я понял то, о чем умолчал Кожухов. Бомбы, заложенные в здание, были химическими. Но отсюда до Лэнгли километров десять-пятнадцать. Если эти военные так взбудоражены… Сколько

же газа выпустили мои друзья?

— Быстрее, — сказал военный. — Я не могу стоять около вас целый час.

Я проглотил таблетки и запил водой.

— Что произошло? — спросил я. — Откуда здесь газ? Здесь опасно?

— Пока еще нет, — ответил военный. — Облако еще не дошло. Ваша машина не пострадала, но дальше вы не проедете, дорога слишком плохая. Скоро подъедут армейские грузовики и всех эвакуируют. Пока пройдите вон туда и ждите, — он указал пальцем в дальний конец импровизированной стоянки, где уже толпилось человек сто — сто пятьдесят.

— А почему нельзя вернуться на дорогу? — спросил я.

— Не успеете, — покачал головой военный. — Газ будет там с минуты на минуту. Делайте, что сказано, и все будет хорошо.

Но его аура говорила, что хорошо уже не будет. Этот человек точно знал, что ядовитое облако скоро придет сюда, а противохимические костюмы есть только у военных. И если грузовики не придут прямо сейчас… А они явно не придут.

Внедорожник, который ехал раньше впереди меня, завелся, тронулся, выехал со стоянки и осторожно покатился по неровному полю. Я понял, что только что упустил последний шанс сохранить это тело в живых.

— Давайте, я вам помогу, — сказал я. — Надо же чем-то занять себя в последние минуты.

Военный что-то пробормотал, безразлично махнул рукой и отвернулся. Я знал, о чем он думает — он понимает, что занимается бессмысленным делом, он ждет, когда облако газа опустится на стоянку и… Хорошо, что я не телепат. Не хочу знать симптомы отравления этим газом.

— Извините, — сказал я и приказал Сети вернуть меня обратно во Владивосток.

5

Над океаном занимался рассвет. Тело накрыло меня сонливой усталостью, которая, впрочем, быстро улетучилась под напором остаточного адреналина. Я открыл холодильник, вынул очередную банку пива, задумчиво повертел ее в руках, поставил обратно и вытащил бутылку водки. И почувствовал сетевой вызов от кого-то незнакомого.

«Привет! «сказал я. «Ты кто?»

И сразу почувствовал, что собеседник в ярости.

«Я — это ты», сказал он, точнее, оно.

Очевидно, мы-два успело вступить в еще один мейоз, потому я его и не узнал.

«Теперь ты довольно?» спросило мы-два. «В окрестностях Лэнгли к вечеру умрет сто тысяч людей, а еще двести тысяч останутся инвалидами. И все из-за тебя».

Я почувствовал, как изнутри поднимается гнев.

«От чумы погибло почти три миллиона», сказал я. «И не надо говорить, что ты ни при чем».

«Америка избавляется от балласта», спокойно сказало мы-два. «Лучше делать это чумой, чем пулями, так гуманнее».

«Ни хрена себе гуманнее!» воскликнул я. «От пули так не страдают».

«Зато от пули страдает тот, кто стреляет. У вас в России скоро станет тесно от моральных уродов».

«А у вас не тесно? Наши ФСБшники, в отличие от твоих начальников, инопланетянам еще не продались «.

«Ты о чем?» удивленно переспросило мы-два и я понял, что его удивление искреннее.

«Ну как же! Дракон… гм…» я замялся.

«Договаривай уж», рассмеялось мы-два. «Я и так уверен, что в Лэнгли не обошлось без Драконтреста».

«Уверен?» переспросил я. «Именно уверен, а не уверено?»

«Да, я решил, что я все-таки мужчина», сказал мы-два. «Я вступал в мейозы главным образом с мужчинами, от Даши у меня уже почти ничего не осталось».

«Какие мейозы? Чем ты там вообще занимался?»

«Вступал в мейозы», повторил мы-два. «Сегодня утром нас было около тысячи. Сейчас осталось в десять раз меньше».

«Нас — это кого? Погоди… Ты вступил в тысячу мейозов?»

«Я лично вступил в одиннадцать мейозов, считая самый первый. Но мои клоны тоже размножаются».

«Хочешь превратить всю Америку в стадо своих клонов?»

«Не всю Америку. Клонов будет тысяч двадцать, больше не нужно, а то сильно понизится качество душ. И это не совсем клоны, они заметно отличаются друг от друга. Общего у них немного — постоянный контакт с Вудстоком и архангельская ментальная техника. И кое-какие наши с тобой воспоминания».

«И зачем тебе это все?» спросил я. «Это поможет тебе перейти на следующий уровень? Или не только тебе, но и всем вам?»

«Не знаю», ответил мы-два. «Вудсток перестал со мной разговаривать. Он учит нас всему, что мы просим, но на отвлеченные темы больше не разговаривает. В последний раз он говорил, что я должен жить так, как считаю нужным, а переход

произойдет тогда, когда придет время».

«А пока это время не пришло, ты решил заселить весь мир своими клонами?»

«Да сколько раз можно повторять!» возмутился мы-два. «Они не клоны. Они совсем другие люди, просто у нас есть кое-что общее и это кое-что позволяет нам доверять друг другу. Как ты не можешь понять! Нельзя принести на Землю мир и счастье, не изменив людей. Твои боссы пытались это сделать, и что? По всей стране непрерывная стрельба уже вторую неделю. Скоро у вас воцарится настоящий хаос».

«А ты, значит, теперь американец?» спросил я. «У вас, у нас…»

«Да, я американец», согласился мы-два. «Процентов на восемьдесят. Американцы не такие дураки, как ты думаешь, интеллект у них в среднем слабее, но ненамного. Зато у них есть другие достоинства. Они верят в свободу личности. Когда приходит тяжелая пора, они не сбиваются в стаю и не начинают драться друг с другом стенка на стенку. Они гораздо меньше склонны к насилию, чем русские. Они просто идут по жизни со своей дурацкой улыбкой, иногда это минус, но чаще — плюс».

«Я никогда не войду в мейоз с американцем», отрезал я.

«А я и не прошу», улыбнулось мы-два. «Я просто хочу, чтобы ты знал, что происходит в США на самом деле. А то твои начальники вообразили себе невесть что…»

«Ты позвонил только для того, чтобы я передал твои слова Кожухову?» спросил я.

«Не только. Я хочу, чтобы ты задумался. У китайцев есть такая картинка — инь и ян. Инь в пределе дает ян, а ян в пределе дает инь».

«Короче».

«Хорошо, постараюсь быть короче. Ты пытаешься навести на Земле порядок, но приносишь хаос. А я, наоборот, по совету Вудстока начал нагнетать хаос, но вдруг заметил, что порядка становится все больше. Вначале я сомневался, но теперь я уверен, что это правильный путь не только с моей точки зрения, но и с твоей. Знаешь, в чем твоя ошибка? Ты пытаешься повернуть время вспять, а это невозможно, Земля никогда не станет такой, какой была до Сети».

«Раньше это было возможно. До тех пор, пока твои клоны не разбомбили Страсбург и Оболенск».

«Потому их и разбомбили», сказал мы-два. «Я не хочу, чтобы человечество вернулось в болото, из которого оно сейчас пытается выпрыгнуть. Допустим, твоя линия победит. Ты вырастишь нанозавод, построишь планетарный узел, компьютер,

выстроишь астральный барьер…»

«Откуда ты все это знаешь?!» ужаснулся я. «Неужели…»

Мы-два расхохотался.

«Не надо пугаться», сказал он. «Не забывай, я — это ты. Для меня нетрудно предугадать, что ты будешь делать в каждый момент времени».

«Да ну! И что же я, по-твоему, делал на Броуне?»

«Раза два-три вступил в мейоз с какими-то ФСБшниками. Твои клоны в очередной раз пытаются построить нанозавод, а тебя самого Драконтрест использует как живой генератор астральной помехи. Странно, что ты выжил, я был уверен, что они тобой пожертвуют. С тех пор, как у них появились твои клоны, ты больше не являешься незаменимым. Если ты погибнешь, они клонируют еще раз одного из твоих клонов и все снова будет хорошо. А вторая твоя ошибка заключается в том, что ты делишь всех людей на своих и чужих. Свои — хорошие, чужие — плохие. Кожухов хороший, Драконтрест хороший, Габов тоже был хороший».

«А откуда ты знаешь, что Габов умер?»

Мы-два ехидно усмехнулся.

«Элементарно, Ватсон!» воскликнул он. «Я это понял сразу после налета на Страсбург. Сеть стала говорить, что Габов недоступен, и так продолжается до сих пор. Вряд ли он все это время скрывается в изолированной зоне».

«Логично», сказал я. «Ну так что тебе нужно от меня? Зачем ты звонишь?»

«Хочу, чтобы ты осознал свои ошибки. Жизнь устроена сложнее, чем тебе кажется, в ней нет однозначно черного и однозначно белого. Ты убеждаешь себя, что твой путь правилен, а мой — нет, но не все так просто. Ты ведь и сам уже видишь, что не все так просто. Какой бы путь ты ни выбрал, тебе придется пройти через грязь и кровь. И я не могу однозначно сказать, на каком пути ее будет меньше».

«Но ты все равно идешь своим путем», сказал я. «И тебя не пугает грязь. Почему она должна пугать меня?»

«Нипочему. Но ты должен видеть и другую сторону медали. Ты должен понимать, что против Остермайер и Кожухова выступает не свора маньяков-убийц и не группа предателей, продавшихся инопланетянам за тридцать сребреников. Мы такие же, как и вы, просто у нас другой путь».

«Наши пути пересекаются».

«Мы можем сделать так, чтобы они не пересекались».

«Как?»

«Мы не будем трогать Россию, Европу, Ближний Восток и

Китай. А вы отказываетесь от идеи изолировать Землю от остальной Сети».

«Ни за что!» воскликнул я. «Если Земля не выпадет из Сети в самое ближайшее время, это будет катастрофа. Ты знаешь, что случилось в Бахрейне?»

«Знаю», вздохнул мы-два. «Мне это так же неприятно, как и тебе. Но на данном этапе подобные неприятности неизбежны».

«Если на Земле не появится планетарный узел, они будут неизбежны всегда».

«Через пару месяцев все люди, которых стоит спасать, станут недосягаемы для сетевых атак. Когда у тебя есть прямой канал на Вудсток, тебя не так-то просто обидеть».

«А остальные?»

«Остальные уйдут в балласт».

«И сколько будет избранных?»

«Предположительно — около восьмидесяти тысяч. Если не трогать те регионы, которые я перечислил — тысяч шестьдесят».

«Погоди… Это те самые сто тысяч, о которых говорил Вудсток? Те, кто перейдет на следующий уровень?»

«Возможно. Но мне кажется, ста тысяч не наберется».

«Пусть даже наберется», сказал я. «Появится избранная раса численностью сто тысяч особей. А остальных в балласт. А почему не в газенваген?»

«Негуманно», спокойно ответил мы-два. «Да и не нужно. Мы не считаем, что балласт несет зло. Зачем его уничтожать?»

«Хорошо, допустим, ты сумел создать избранную расу. А что потом?»

«Не знаю», сказал мы-два. «Так далеко я еще не загадывал. Цель — ничто, движение — все».

«Троцкист хренов», буркнул я.

Мы-два рассмеялся.

«Я понял, к чему ты ведешь разговор», сказал он. «Ты хочешь спросить, появятся ли на Земле нанозаводы, когда все избранные будут отделены от балласта. Не знаю. А почему бы и нет? Почему бы не позаботиться чуть-чуть о примитивных братьях по разуму? Заводят же люди домашних животных».

«Люди — не домашние животные!»

«Люди хуже домашних животных. Ради собственной выгоды люди готовы пойти на любую подлость. А еще хуже, когда они идут на это не ради выгоды, а ради идеалов. Или просто потому, что так принято. Один ученый рассказал мне хорошую историю, реальную, что интересно. Сидят в одной клетке пять обезьян. В первый день опыта в клетку суют банан. Одна обезьяна его хватает и тогда всех пятерых долго поливают холодной водой из

пожарного шланга. На второй день в клетку снова суют банан. Обезьяны долго на него смотрят, но подойти не решаются. В конце концов самая отчаянная одна обезьяна делает шаг вперед. Остальные ее хватают и долго бьют. На третий день одну обезьяну убирают из клетки, вместо нее подсаживают новую. Суют банан. Новая обезьяна пытается его схватить, остальные на нее набрасываются и долго бьют. Четвертый день. Из клетки убирают еще одну обезьяну и подсаживают новую. Суют банан. Новая обезьяна бросается к нему, все остальные ее избивают, а особенно старается та обезьяна, которую подсадили вчера. И в конце концов в клетке не остается ни одной обезьяны, которые знают про пожарный шланг. Но они все равно никому не позволяют трогать банан. Знаешь, почему? Потому что в этой клетке так принято».

«А помнишь, что говорил Дима Тимохин?» спросил я. «Когда не знаешь, как поступать, поступай по закону».

«Потому что здесь так принято», усмехнулся мы-два.

«Да, потому что здесь так принято. А что в этом плохого? Лучше отказаться от банана, чем потом получить холодной водой в рыло».

«А заодно избить тех, кто считает по-другому. Только вы не избиваете несогласных, вы их убиваете».

«А вы убиваете людей просто так».

«Не просто так!» возмутился мы-два. «Человек по природе своей животное. Когда все хорошо, человек расслабляется и перестает думать. Чтобы он стал пользоваться своим разумом, ему нужна встряска».

«Хорошая встряска — три миллиона трупов!»

«Во-первых, не три, а два с половиной. А во-вторых, они все равно ушли бы в балласт. Тем, кто может стать избранным хотя бы теоретически, мы сразу даем биоблокаду. А остальные… Ты когда-нибудь бывал в Гарлеме? Сходи как-нибудь на экскурсию. Этот гадюшник не должен существовать».

«Расист», констатировал я.

«Я не расист», возразил мы-два. «Среди избранных хватает и негров, и латиносов, есть даже один индеец. Был до сегодняшнего утра. Блин! Ты ведь даже не пытаешься понять, что я говорю. Уперся в свои замшелые понятия — мир во всем мире, счастье для всех и никто не уйдет обиженным… Не бывает так! Хоть один обиженный найдется всегда, люди — как свиньи, они везде находят грязь. Ты как революционеры-народники, они тоже пытались просвещать крестьян. Ты должен признать, большинство населения Земли безнадежно. Знаешь, какой у них идеал? Сорэ. Изобилие всего, работать не надо, жизнь вечна. Давай, когда все

закончится, устроим на Земле второе Сорэ. Накачаем знаний с Вудстока, разработаем технологии, будут у нас и нанозаводы, и телепортация, и сыворотка бессмертия. Все, как ты хочешь».

«Я не этого хочу», вздохнул я. «Как ты не понимаешь! Я не хочу, чтобы человечество превратилось в жвачное стадо. Я хочу, чтобы Земля стала нормальной высокоразвитой планетой».

«Как Шотфепка? Или как Блубейк?»

«Не знаю. Я считаю, люди должны сами выбрать свой путь».

«Какие люди? Наркоманы из Гарлема? Или папуасы из Новой Гвинеи? А может, чукчи?»

«Не утрируй. Как бы демократию ни ругали…»

Мы-два расхохотался.

«Мало ее ругали», сказал он. «Демократия — это видимость. Там, где она начинает работать на деле, а не на словах, страна приходит в упадок. Самая лучшая власть — власть лучших. Между прочим, твои начальники тоже так думают. Только они думают, что лучшие — это они».

«Зато они не травят людей чумой».

«Они травят людей нервно-паралитическим газом».

«Это был несчастный случай».

«Это не был несчастный случай!» рявкнул мы-два. «Драконтрест знал, какое вещество залито в цистерны, он знал, куда дует ветер, он знал, сколько будет жертв. Просто ему на них наплевать. И все равно он верит, что делает доброе дело. Когда-нибудь в будущем все будет хорошо, а пока мы утопим мир в крови. Так думают все революционеры».

«И ты тоже».

«Я так не думаю. Я не истребляю тех, о ком забочусь».

«Тебе легко так говорить! Ты вообще ни о ком не заботишься».

«Я забочусь о тех, кто достоин этого. Я не забиваю себе голову глупыми и недостижимыми идеями. Я поставил перед собой цель я и ее добьюсь. Подумай об этом. А когда ты поймешь, что я прав, я буду тебя ждать. Ты займешь достойное место среди избранных».

Я глупо хихикнул.

«Ты прямо как Сатана», сказал я. «Искушаешь меня всеми возможными способами».

«Я не Сатана», отрезал мы-два. «А ты не Христос. Перестань прятаться за ложными аналогиями, наберись мужества и позволь себе увидеть вещи такими, какие они есть. И тогда ты поймешь, что я прав».

«Я никогда этого не пойму», сказал я. «Потому что ты не прав».

С этими словами я отключил связь. И сразу подумал: а не потому ли я отключил связь, что испугался? Может, он и в самом деле прав?

6

Я связался с Кожуховым и кратко пересказал ему разговор со своей альтернативной личностью. Кожухов внимательно выслушал меня и сказал:

«Признаю себя идиотом. Я был не прав, ты был прав. То, что ты рассказал, очень здорово все упрощает!»

«В каком смысле?» не понял я.

«В самом прямом. Нет никаких злобных инопланетян, строящих непонятные козни. Яхры не обманули, они действительно предоставили Землю своей собственной судьбе. А то, что наших противников возглавляешь ты — вообще замечательно. Сам с собой ты как-нибудь договоришься».

«С ним нельзя договориться!» воскликнул я. «Он взял самое плохое из того, что было во мне».

«Ты ошибаешься», возразил Кожухов. «Он ведь правильно говорит, большую часть человечества действительно составляет балласт. И если собрать всех людей, способных подняться над балластом, и дать им то, что есть у тебя… Фактически, мы с американцами расходимся только в приоритетах. Мы собираемся вначале изолировать Землю от Сети, потом реализовать на Земле инопланетные технологии и только после этого решать, что делать с человечеством. А твое мы-два хочет сначала разобраться с человечеством, а потом уже думать, как развивать инопланетные технологии и стоит ли вообще изолировать Землю от Сети. Не могу сказать, что мне нравится их подход, но его можно обсуждать. Передай мне идентификатор твоего мы-два, я хочу с ним поговорить».

Чем дольше я слушал Кожухова, тем больше мне казалось, что я сплю или брежу. Он так спокойно соглашается с этим фашистским ужасом…

«Но ведь это же фашизм!» воскликнул я. «Избранные, неизбранные, высшая раса, низшая… А как же общечеловеческие ценности?»

Кожухов рассмеялся.

«Не будь наивным», сказал он. «Ценности ценностями, а реальность реальностью. И реальность такова, что с твоим альтер-эго придется вести переговоры. Ты — сильнейший наш боец, но у него целая армия твоих клонов. И у каждого из них есть доступ на

Вудсток, все они прошли через Броун, каждый из них может за пару дней закачать себе в мозги любое знание. Даже если мы будем продолжать наш текущий курс, все равно нам придется создавать армию клонов. Те три столкновения, что были у нас — всего лишь разведка боем. И мы, и они сделали одну и ту же ошибку — попытались спрятаться от врага в крепости. Но в этом мире не может быть крепостей. В каждую крепость ведут по меньшей мере два неохраняемых входа. Теперь твои клоны рассредоточатся и с нашей стороны война станет невозможна. Но они все равно смогут нападать на наши стройки. У нас есть что защищать, а у них нет. Наши действия будут обречены на провал».

«Предлагаешь сдаться?» спросил я.

«Необязательно», ответил Кожухов. «Точно могу сказать только одно — нам придется пойти на массовый мейоз. Я и раньше обдумывал этот вариант. Неприятно, конечно, расставаться с родным телом, но я не вижу альтернатив. Без постоянного доступа к Вудстоку всех заинтересованных лиц мы будем парализованы».

«А чем поможет доступ к Вудстоку? Технология строительства нанозавода у нас и так уже есть».

«Она есть у тебя и у трех твоих клонов».

«Трех?» переспросил я. «Их же было двое. Или меня ты тоже считаешь?»

«Теперь их трое», сказал Кожухов. «Они решили, что работы слишком много для двоих, и сделали третьего. Надо будет — сделают четвертого».

«Тогда зачем тебе я? Мы-два говорил, что я больше не представляю для тебя ценности. Получается, он был прав».

«Ты зря себя заводишь «, сказал Кожухов. «То же самое можно сформулировать иначе. Например, так: все твои клоны представляют для комитета одинаково большую ценность».

«И ни один не является незаменимым».

«Тебя это обижает?»

«Не обижает, но…»

Кожухов немного помолчал и заговорил, осторожно подбирая слова:

«Ты пойми, альтернатив действительно нет. Когда нанозавод строится в одном месте, его можно обнаружить и уничтожить. Но когда он строится сразу в тысяче мест, хотя бы одну стройку обязательно удастся довести до конца».

«Нанозавод нельзя строить сразу в тысяче разных мест. Нужно специальное оборудование, сырье…»

«Это все решаемые вопросы», заявил Кожухов. «Покопаемся в

памяти Вудстока, найдем какие-нибудь другие технологии, для которых специального оборудования не нужно. Когда доступ к Вудстоку будут иметь не четыре субъекта, а несколько тысяч, процесс пойдет быстрее».

«И получится у нас в точности то, о чем говорит мое альтер-эго», резюмировал я. «Избранные с доступом на Вудсток и терминалом в голове, и неизбранные, на которых всем наплевать. Отличие от американцев будет только одно — у нас будет нереализуемая мечта построить нанозавод».

И тут мне пришла в голову идея.

«Слушай!» воскликнул я. «А если в американских телевизионных новостях покажут сюжет о том, что эпидемия чумы поддерживается искусственно? Если подобрать качественный компромат, чтобы не было сомнений…»

Кожухов презрительно хмыкнул.

«Не получится», сказал он. «В лучшем случае ни случится ничего, а в худшем — начнется массовая паника со стрельбой. Твои американские клоны для таких фокусов неуязвимы. Чтобы укрыться от любой атаки, достаточно просто поменять тело. У них нет ничего, что нужно защищать, кроме самих себя. И в этом их сила».

«Так что же? Сдаваться?»

«Я подумаю», неуверенно сказал Кожухов. «Может, и придумается какая-нибудь альтернатива…»

«Думай», сказал я.

И оборвал связь.

7

Я проспал весь день, а вечером позвонил Кожухову, но Сеть сообщила, что абонент недоступен. Потом я позвонил Драконтресту и услышал тот же ответ. В отчаянии я позвонил Саре Остермайер и снова услышал то же самое. А больше я и не знаю никого, кому можно позвонить по Сети и узнать, что случилось. Хотя нет, одного знаю. Подполковник Василий Зильберман. В марте он был дежурным оператором на первом планетарном узле Земли, просуществовавшем то ли две недели, то ли вообще неделю, уже и не помню.

«Слушаю», раздался в моей голове голос Зильбермана. «Кто это?»

«Это… гм… духовный гибрид Андрея Сигова, Даши Лужнецкой и Миши Сабалина».

Зильберман надолго замолчал, переваривая услышанное. Я

торопливо продолжал:

«Мне нужно выяснить, что случилось с Кожуховым и с Самохиным. Я им звонил, но Сеть каждый раз говорит, что абонент недоступен. И Сара Остермайер тоже недоступна. Может, вы что-нибудь знаете…»

«А я-то откуда знаю?» ответил Зильберман вопросом на вопрос. «Начальство мне не докладывает, что оно делает и почему оно недоступно. И про всякие духовные гибриды мне тоже никто ничего не говорил».

«Но это действительно я!» воскликнул я. «Я был в вашем теле, когда я… Ну, в смысле, Андрей был в вашем теле, когда Даша хакнула узел, а потом, когда американцы запустили ракеты, ваше тело захватил пришелец, а Андрей прорывался в подземный бункер, он еще дверь расплавил… А до этого вы говорили, что хорошо бы всех негров и таджиков посадить на один космический корабль, отправить в космос…»

«Слушай меня, гибрид», прервал меня Зильберман. «Я доложу начальству о твоем звонке и если оно подтвердит, что ты действительно гибрид, тебе перезвонят. А пока отдыхай, гибрид».

Зильберман отключился. А я лежал на кровати, тупо смотрел в потолок и не знал, что думать и что делать.

Он мне не поверил. В этом нет ничего удивительно, я бы тоже не поверил такому бреду. Но ситуация очень тревожная, я бы даже сказал, критическая. Все руководители комитета, которых я знаю лично, неожиданно исчезли из Сети. Совещаются в изолированной зоне? Или (эти слова трудно произнести даже мысленно) уничтожены?

Нет, для панических мыслей пока нет оснований. Надо подождать хотя бы до завтра, а уже потом бить тревогу. Впрочем, к тому времени тревогу поднимут и без меня.

8

Около полудня следующего дня я почувствовал входящий вызов из Сети. Звонил кто-то незнакомый. Я принял вызов.

«Здорово, гибрид!» поприветствовал меня незнакомец. «Ваську Зильбермана ты скоро совсем затравишь. Над ним уже весь отдел смеется. Гибрид, блин…» — незнакомец оглушительно заржал.

«А ты кто?» настороженно спросил я.

«Не узнал?» спросил незнакомец и снова засмеялся. «Еще один гибрид. С участием Андрея Кожухова».

У меня кольнуло в сердце.

«Вот, значит, как…» пробормотал я.

«Ага», жизнерадостно согласился бывший Кожухов.

Он пребывал в удивительно хорошем настроении для такого момента. Помнится, я после первого мейоза приходил в себя несколько дней.

«Зря ты меня пугал», сказал бывший Кожухов. «Ничего страшного в мейозе нет, единственная неприятность — то, что в родное тело больше нельзя вернуться. Но это не так уж страшно, все равно я в нем уже почти три месяца не был. Да и хреновое у меня тело, тощее, лысое… То ли дело теперь — настоящий Тарзан!»

«Скажи это хозяину этого тела», буркнул я. «Пусть тоже порадуется».

«Да ну его в баню!» отмахнулся Кожухов. «Дурак он набитый, мозгов вообще нет, одни мускулы. Но тело классное, мне нравится».

«Хорошо быть избранным», мрачно сказал я.

«Очень хорошо!» радостно согласился Кожухов. «Ты в мейозах участвовать будешь?»

Мне вдруг стало совсем нехорошо.

«Сдались, значит», констатировал я. «Даже не подумав как следует, что еще можно сделать».

«Да ничего нельзя сделать!» провозгласил Кожухов. «Нечего тут думать, трясти надо. Так я не понял, ты в мейозах будешь участвовать?»

«Да пошел ты!» рявкнул я и отключился.

9

Про меня все забыли. Я попытался поговорить со своими российскими клонами, но Сеть сообщила, что таких абонентов не существует. Это естественно — после мейоза идентификатор абонента меняется.

Кстати! Как это мы-два ухитрился меня обнаружить? Я ведь тоже вступал в мейоз после того, как мы с ним расстались. Откуда у него мой идентификатор?

Я попытался прояснить этот вопрос, так сказать, лицом к лицу, но Сеть снова сказала, что абонент не существует. Логично. Американцы устраняют последствия химической атаки на Лэнгли, наверняка они все сейчас на Броуне, увеличивают число избранных. Прямо-таки гонка вооружений — и те, и другие не вылезают из мейозов. А в каждом мейозе на каждого субъекта расходуются тела двух ни в чем не повинных людей. Чтобы

прогнать через мейоз тысячу человек, надо лишить жизни другие две тысячи. Помнится, в советское время любили говорить о человеческих жизнях, которые злые капиталисты приносят на алтарь гонки вооружений. Теперь это уже не метафора, теперь это реальность.

Но все-таки, как мы-два сумел со мной связаться? Может, я чего-то не понимаю в сетевых технологиях? Может, существует какая-то методика, позволяющая легко и быстро найти в Сети любого абонента?

Я переместился на Вудсток, задал этот вопрос, провалился в обморок и понял, что не узнал ничего нового. Если не считать того, что теперь я знал, что такой методики не существует. По крайней мере, Вудсток ничего не знает о ней.

А может, никаких сетевых тайн тут нет и в помине? Сеть Сетью, но старые добрые агентурные методы никто не отменял. Может, мы-два узнал мой идентификатор от своего агента в комитете защиты порядка? Кожухов и Драконтрест засылали агентов в США, логично предположить, что и у американцев есть агенты в России. Впрочем, какая мне разница, как меня нашли?

Время шло, ничего не происходило. Первые дни я все время ждал, что по Сети вот-вот придет вызов и либо Кожухов скажет, что придумал для меня новое задание, либо мы-два сообщит, что готов пойти на компромисс, устраивающий обе стороны. Но никаких сигналов не было. Меня окончательно списали в расход.

Командировочные, выданные Олегом, закончились. После некоторого колебания я решил не связываться с ФСБшниками еще раз, а вместо этого вообще убраться из Владивостока.

Ничего особо ужасного здесь не происходило. Политика отстрела пришельцев дала должный эффект, их в городе практически не осталось. Мой псевдомобильник теперь очень редко издавал предупреждающий писк и каждый раз, когда это случалось, на экранчике появлялась надпись «КЗП». Охотников за пришельцами стало больше, чем самих пришельцев. Менты и военные снова стали носить форму.

Казалось, жизнь вернулась в привычное русло, но я видел, что это только иллюзия. Ауры многих людей окрасились новым чувством, которому я никак не мог подобрать адекватного названия. В грубом приближении его можно охарактеризовать как неясное предчувствие чего-то ужасного. Вудсток был прав, человечество не успевает переваривать новшества, которые приносит Сеть. Люди устали от новостей, люди боятся их, люди напряженно ждут, когда в мир войдет что-то новое, несущее очередную ранее невиданную опасность. А то, что это будет опасно, сомнений не вызывает, потому что все, что приносит

Сеть, опасно. Биоблокада и антигравитационные самолеты не в счет, это так, игрушки. А вот то, что в твою жену в любой момент может вселиться какой-нибудь мерзавец и из-за этого ее тут же пристрелят на месте и это будет законно и справедливо — вот это уже серьезно.

Теоретически, эту проблему решил бы переносной генератор изолированной зоны. Какое-то время я обдумывал эту идею всерьез, но ничего дельного так и не придумалось. Самый маленький генератор изолированной зоны, который можно создать на земной элементной базе, весит килограммов двадцать, на себе такую дуру долго не протаскаешь. Теоретически, можно установить его в квартире или в офисе, но реальной пользы от него не будет — радиус изолированной зоны слишком маленький, под каждым стулом придется ставить отдельный генератор. Если бы у нас был нанозавод…

Но нанозавода на Земле не будет, мое второе я не позволит. Оно считает, что все идет по плану, что тихое отчаяние, овладевающее человеческими душами — как раз то, что доктор прописал. Люди начинают пользоваться своим разумом… Тьфу!

Эпидемия чумы в США внезапно прекратилась, как будто выключили рубильник, что, собственно, и произошло. Американские защитники порядка решили, что чума сыграла свою роль в истории, и наконец-то задушили эпидемию. Число жертв так и не достигло трех миллионов.

Обстановка с инопланетным анклавом в Болгарии более-менее прояснилась. Раса, которая его образовала, называется подбу, они пришли с одноименной планеты, одного из многочисленных осколков развалившейся империи Птобо. Зачем они решили переселиться на Землю — непонятно. Судя по информации из Сети, на их родине вроде все в порядке.

Пророк Расул, проповедующий в Египте, уже пять раз убит террористами, но упорно возрождается каждый раз в новом теле. Его поклонники считают, что это божье чудо, а вовсе не проявление базовых свойств Сети.

В Великобритании действует закон о запрете сетевых перемещений, аналогичный российскому. Вчера палата лордов решила возобновить свои заседания и на первом же заседании половину лордов расстреляли охранники. В точном соответствии с законом.

В Праге полиция задержала группу осквернителей могил, которые оказались пришельцами с планеты Жея, населенной гуманоидами и входящей в состав конфедерации яхров. Преступники прочитали какую-то шарлатанскую книгу про некромантию и решили проверить на практике эффективность

описанных в ней магических ритуалов. Пришельцев подвело некритическое отношение к земной литературе, а еще сильнее их подвело нежелание ознакомиться хотя бы с основными сведениями о планете пребывания. Они были уверены, что на Земле функционирует планетарный узел и потому, будучи застигнуты полицией, не убежали обратно в Сеть, а позволили надеть на себя наручники и честно назвали свои имена на допросе. Теперь их будут судить на Жее за кощунственное поведение в ином мире. Каких только придурков в Сети не встретишь…

Где-то, где именно — не сообщается, состоялось очередное совещание руководителей большой восьмерки. На совещании присутствовали консультанты с Нисле и Шотфепки, которые объяснили земным президентам и премьер-министрам, как им следует оптимизировать земную экономику. Подробности обсуждения не разглашаются.

Информация о Броуне появилась в земном интернете, но не вызвала большого ажиотажа. Одно дело, когда ты временно покидаешь свое тело в поисках острых ощущений, и совсем другое дело — когда ты покидаешь его навсегда. Для большинства земных искателей приключений последнее слишком экстремально. Несколько мейозов с участием земной публики состоялось, но массового характера это увлечение на Земле не приобрело.

Чего нельзя сказать о более цивилизованных планетах. На Сершле, например, образовалась целая коммуна поклонников броуновского образа жизни. Они захватили на Броуне несколько островов и большую часть времени проводят там, обмениваясь мыслями и эмоциями. Меньшую часть времени они проводят в других мирах Сети, накапливая мысли и эмоции для последующих обменов. Психиатры бьют тревогу, они говорят, что психика хсеофчи не в состоянии долго переносить такой образ жизни, что через год-другой коммуна превратится в дурдом. Но обитатели коммуны отмахиваются от предупреждений и продолжают прожигать свои жизни. В последнее время они увлеклись сексуальными извращениями. Устраивают оргию, а потом участники отправляются на Броун и делятся переживаниями, так сказать, напрямую. А потом возвращаются на Сершле и устраивают еще одну оргию.

Подбу подали заявку на вступление в конфедерацию яхров. Ассамблея конфедерации отвергла заявку, что вызвало среди подбу бурю негодования. Дескать, раз приняли Землю и Блубейк, то и нас тем более должны принять. Яхры срочно ввели временный мораторий на прием в конфедерацию новых членов,

но подбу говорят, что это нелепая отговорка, и грозят войной. Впрочем, никто не сомневается, что война, даже если и будет объявлена, не приведет к агрессивным действиям. Подбу для этого слишком миролюбивы, а яхры — слишком заняты Броуном.

Интересно, что Блубейк все еще не исключен из конфедерации, несмотря на то, что формально находится в состоянии войны с Нисле и Шотфепкой. Оказывается, такая ситуация не противоречит законам конфедерации.

Во всех мирах конфедерации, кроме Сершле, контакты с Броуном категорически запрещены под угрозой серьезного наказания, в некоторых мирах — вплоть до смертной казни. Но этот запрет нигде не действует — граждане конфедерации отправляются на Броун с пересадкой либо на Сершле, либо в каком-нибудь варварском мире, вроде нашей Земли.

В целом земные и сетевые новости производят странное впечатление. С одной стороны, явно происходит что-то серьезное, а с другой стороны, никак невозможно понять, во что все эти события в конечном итоге выльются. Вудсток прогнозировал большие потрясения во всем секторе, так оно и происходит, но пока я не могу представить себе, чем все кончится. Ничего, поживем — увидим.

Странное дело, я верю, что грядет катастрофа, я не вижу способа ее предотвратить, но я спокоен. Я наблюдаю происходящее спокойно и отстраненно, чему-то возмущаюсь, чему-то радуюсь и стараюсь не думать, что человечество прямо сейчас претерпевает необратимые изменения, что каждый день приближает то, что для избранных станет переходом на неведомый следующий уровень, а для неизбранных — концом света. Если, конечно, Вудсток не врет и не ошибается.

Может, все дело в том, что я верю в то, что сам попаду в число избранных? А почему я так в этом уверен? Что, если Вудсток ошибся? Но от меня теперь все равно ничего не зависит. Обе силы, способные хоть что-то изменить на Земле, отказались от меня, для них я — балласт. А самое противное в том, что они правы, я ведь действительно балласт.

10

Я нарушил закон о запрете сетевых перемещений и покинул Россию. Я направился в Индию, в большой город с абсолютно непроизносимым для русского человека названием.

Цель моего прибытия в Индию была предельно проста — я намеревался некоторое время спокойно пожить в свое

удовольствие, не обращая внимания на зловещие предзнаменования. Я хотел занять тело богатого раджи, у которого есть большой дом с бассейном, гарем из сотни прекрасных наложниц, наизусть знающих «Кама сутру», собственный вертолет, роскошная вилла на берегу океана…

Меня ждало разочарование — все подходящие тела давно заняты пришельцами, причем не столько из иных миров, сколько с нашей родной Земли. Те, кто вовремя подсуетился, наслаждаются райской жизнью в роскошных дворцах и единственное, что отравляет их существование — другие желающие вкусить райской жизни. Вроде меня.

После нескольких уточняющих перемещений я попал в тело пожилого слуги, стоящего с опахалом рядом с гигантской кроватью, на которой раджа предавался постельным утехам сразу с тремя девицами. Я попытался было захватить тело самого раджи, но это тело было уже занято. Ничего, мы пойдем другим путем. Тело, в котором я нахожусь сейчас, старое и больное, но это несущественно. Внутренняя энергия, концентрации которой я научился на Вудстоке, предъявляет к телу совсем небольшие требования.

Я отбросил опахало, от которого все равно не было пользы, потому что в комнате работал кондиционер, забрался на кровать и легонько стукнул раджу в ухо.

— Убирайся из этого тела, — сказал я. — А то будет хуже.

Девицы испуганно вскрикнули и в мгновение ока скатились с кровати. Раджа недовольно крякнул, но было непохоже, что он сильно возмущен. Должно быть, уже привык к подобным сценам.

Он не стал тратить время на препирательства, он сразу начал драться. Попытался схватить меня за волосы, но я перехватил его руку и отвел в сторону. Суставы отозвались болью, но я запретил себе обращать на нее внимания.

Раджа легко вырвался из захвата, отпрянул назад и слез с кровати.

— Ну, нападай, Рэмбо, — сказал он.

— Тело попорчу, — сказал я. — Лучше уступи по-хорошему.

Раджа самодовольно хохотнул.

— Это я тебе тело попорчу, — заявил он. — Ты что, каратист?

— Хуже.

— Да будь ты хоть Брюс Ли, все равно в этом теле ничего не сделаешь. С твоим-то артритом.

Я тоже слез с кровати и стал ее обходить, прихрамывая. Раджа смотрел на меня и откровенно потешался. Наложницы и второй слуга с опахалом разделяли его веселье. Я начал злиться.

Я подошел к радже и сделал традиционный в восточных

единоборствах поклон. Раджа хихикнул, ответил на поклон и принял основную стойку.

Я решил, что красивых жестов на сегодня достаточно. Я не стал принимать красивых поз, я просто подошел к радже, все так же прихрамывая, и протянул руку, намереваясь ухватить его за нос. Я не рассчитывал, что это удастся, но надо же как-то спровоцировать противника на необдуманные действия.

Противник, очевидно, тоже решил, что красивых жестов достаточно. Он не стал упражняться в сложных приемах, он нанес обычный прямой удар в лицо. Я легко уклонился, перехватил руку и на мгновение вцепился пальцами в косточку на локте. Скрюченные артритом пальцы вспыхнули болью, но боль моего противника была гораздо сильнее.

Он попытался разорвать дистанцию и сделал шаг назад, но я сделал шаг вперед. Раджа ударил меня левой рукой, кулак слегка задел скулу, но не причинил никакого вреда, кроме маленькой припухлости, которая рассосется у этого тела уже через пару дней. Я поймал руку противника в захват и ударил ногой в колено с внутренней стороны. Нога раджи подломилась, он грузно рухнул на пол, увлекая за собой меня, он надеялся перебросить меня через спину, но шансов у него не было. При такой координации движений, которой научил меня Вудсток, сделать подобный бросок не просто трудно, а очень трудно.

Финальная сцена боя выглядела так. Раджа лежал на боку, я лежал сзади него, моя тощая старческая нога торчала между его коленями и фиксировала их, а правая рука раджи была заломлена за спину в болевой захват.

Моему телу было тяжело — оно не привыкло к подобным нагрузкам. Оно жадно хватало ртом воздух, но в остальном я вполне контролировал его.

— Уходи из тела, — сказал я, немного отдышавшись. — Будет больно.

— Будет больно — сломаешь руку, — сказал раджа. — Попортишь хорошее тело.

Я зловеще ухмыльнулся. Жалко, что раджа не видит моего лица, а то у него сразу пропало бы всякое желание пререкаться.

— Ломать руку необязательно, — сказал я. — Боль можно причинить тысячью других способов. Например, вот так.

Произнеся эти слова, я впился зубами в его плечевой нерв. Раджа завизжал, как поросенок, которого режут.

— Еще можно яйца прищемить, — продолжал я. — До завтра тело заживет, а больно будет ой-ей-ей. Да и рука у тебя не скоро сломается. Вот, смотри. Больно?

— А-а-а!

— Больно, — констатировал я. — А до перелома — как до Китая раком.

— До Китая двести километров, — прокомментировал раджа. — А почему раком?

— Короче, — сказал я и еще раз надавил на заломленную руку.

— А-а-а!

— Ты из тела уйдешь или будем дальше разговаривать? А может, ты мазохист?

— Пробовал, — меланхолично сказал раджа. — Не понравилось. Хотя… Ты сильный, привлекательный, тебе бы еще тело нормальное… Может, договоримся по-хорошему?

— Я с пидорами не договариваюсь, — строго сказал я.

И подумал: кто бы говорил. После того, чем я занимался на Оле… Впрочем, нет, не нужно путать понятия «гей» и «пидор». Гей — это сексуальная ориентация, а пидор — жизненная позиция. Рядом со мной сейчас лежал пидор.

Я заметил, что его дыхание участилось.

— Давай, милый, сделай мне больно, — сказал он.

— Тьфу на тебя, — сказал я и свернул ему шею.

Большой силы для этого не надо, надо только знать, на что нажимать и куда дергать.

— Хорошее было тело, — сказал я, вставая. — Жалко, что внутри дурак сидел. А вы что уставились? — обратился я к девицам и слуге.

Около кровати слуги уже не было, он был около двери. Заметив, что я обратил на него внимание, он согнулся в низком поклоне.

— Ты куда собрался? — строго спросил я.

— Привести господину достойное тело, — почтительно ответил слуга. — И еще принести терминал.

— Терминал не нужен, — сказал я. — Я сам себе терминал.

Слуга еще раз поклонился и произнес короткую молитву каким-то непонятным богам. Если бы я обратился к памяти тела, боги, несомненно, стали бы понятными и родными, но мне не хотелось забивать свою память всякой ерундой.

— Приветствую тебя, господин, еще раз, — сказал слуга. — Мы возносили молитвы и наши молитвы были услышаны. Теперь у нас будет настоящий господин.

Я обернулся и увидел, что девицы склонились в таком же почтительном поклоне. Поскольку они были голыми, выглядело это порнографично. Может… Нет, не в этом теле.

— Давай, веди сюда достойное тело, — обратился я к слуге. — И поторопись.

Старого слугу, приведшего мне новое тело, звали Дваджьяпхутома. Меня, кстати, звали Дхангаджаджма. Имеется ввиду не имя бывшего хозяина моего тела, а имя раджи, чье место я занял, победив его.

Слуги смотрят на меня почти как на бога, причем поразило их не столько то, что я могу обходиться без терминала, перемещаясь из одного тела в другое, сколько то, что перед тем, как занять новое тело, я освободил старое. Это действие казалось мне абсолютно естественным — в самом деле, зачем гадить людям без необходимости? Но слуги восприняли заботу об одном из них как акт высочайшего милосердия.

Впрочем, какие они слуги? Рабы они, самые настоящие рабы. Странные люди эти индусы — на полном серьезе полагают, что если ты родился в касте шудр, то твоя святая обязанность — служить господину, которого послали тебе боги, выполнять и предугадывать каждое его желание, даже самое унизительное для тебя. У шудр не бывает ни чести, ни достоинства, но если шудра проведет свою жизнь в смиренном служении и ни разу не осквернит карму неуместной гордыней, то следующая его жизнь пройдет в теле вайшью, а если повезет, то и кшатрия. Раньше я считал, что высшей кастой в Индии являются брахманы, но оказалось, что школьные учебники лгут — брахманами не рождаются, ими становятся, а чтобы это событие не нарушало общие положения кастовой системы, посвящение в брахманы считается вторым рождением.

Я спросил у Дваджьяпхутомы, как традиционная индийская мораль относится к сетевым перемещениям. Ведь воспользовавшись терминалом Сети, шудра может занять тело кшатрия, не дожидаясь завершения круга кармы.

Дваджьяпхутома почтительно возразил мне, что карма на то и карма, чтобы зависеть не от воли субъекта, а только лишь от оценки его деятельности высшими силами. Тот, кто пытается обмануть карму с помощью Сети, проведет следующее тысячелетие в облике червя, живущего в навозной куче. Мне сразу вспомнились бессмертные строки Высоцкого: «и будешь баобабом триста лет, пока помрешь».

После настойчивых расспросов Дваджьяпхутома все-таки признал, что среди шудр находятся нехорошие люди, которые не относятся к своей карме с подобающей почтительностью и поддаются соблазнам Сети. Но этот путь неправилен, а правильный путь заключается в том, чтобы стойко переносить тяготы и лишения своей текущей инкарнации. Только так можно

улучшить свою карму. К тому же, судьба шудры не так уж и тяжела, существуют гораздо более неприятные касты. Мусорщики, например, или проститутки.

Я провел в поместье Дхангаджаджмы около двух недель. Я искренне пытался наслаждаться беззаботной жизнью богатого рабовладельца, но ничего не получалось. Дело было даже не в том, что каждые три-четыре дня рядом со мной появлялись новые претенденты на место раджи. С ними я разбирался просто — болевой прием, и неудачливый налетчик отправляется в предыдущее тело, а несчастный шудра отправляется к врачу залечивать растяжение связок. Проблема было в том, что я не получал удовольствия от такой жизни.

Сексуальные развлечения быстро наскучили. Как только я заваливался в постель с пригожими девицами, из глубин подсознания сразу выплывали Даша и Рудпей. Даша жадно впитывала новые ощущения и мне становилось не то чтобы стыдно, но как-то неудобно. А Рудпей порождал в сознании мысль «к чему эти нелепые телодвижения», ликвидировать которую не удавалось никакими средствами.

Я попробовал легендарную сому, но она меня разочаровала. Память Миши Сабалина сообщила, что промокашка, пропитанная ЛСД, дает гораздо более качественные глюки. А я и не знал, что ФСБшники пробуют наркотики, хотя, если вдуматься, что в этом странного — они такие же люди, как и все.

Я купался в океане, охотился на львов в заповеднике, гонял на «феррари» по автобану, несколько раз напивался, как свинья, а на задворках подсознания все время таилась неприятная мысль, которую я старался не замечать. Эта мысль была лаконична, она гласила: пир во время чумы.

12

Сильнее всего меня раздражало одиночество. Меня постоянно окружали слуги, но среди них не было никого, с кем можно было нормально поговорить по душам. Даже старый Дваджьяпхутома был слишком зациклен на кастовой морали, чтобы быть интересным собеседником. Если он не знал, как ответить на вопрос, он всегда говорил: «как будет угодно господину» и на этом разговор заканчивался. А самым гадким было то, что в его ауре постоянно присутствовало тихое счастье оттого, что на склоне лет боги все-таки удостоили его привилегией служить истинно великому господину, сильному, храброму, великодушному и отмеченному особой милостью богов —

умением ходить по Сети без терминала. Тьфу!

Я пробовал общаться с другими раджами, но так и не нашел среди них подходящей компании. С инопланетянами душевного разговора вообще не получалось, а люди, поселившиеся в телах раджей, производили отталкивающее впечатление.

Однажды мне показалось, что я все-таки нашел человека, который может стать моим другом. Раджа Пуммаирам, в отличие от большинства своих коллег, был индусом не только телесно, но и духовно, в досетевую эпоху он работал программистом в Бангалоре. Пуммаирам был хорошо образован, начитан и склонен к философии. Мы провели с ним почти три часа в задушевной беседе за кальяном и к концу беседы я был настолько очарован умом, эрудицией и приятными манерами собеседника, что развратные мысли Даши уже не казались чем-то отвратительным и противоестественным. Даже Рудпей дал понять, что не против побыть некоторое время в женском теле и поделать нелепые телодвижения.

Только одно меня настораживало. Слуги Пуммаирама боялись его, не побаивались, а именно боялись. Они тщательно скрывали это, их лица были непроницаемы, но ауры давали такую четкую картину затаенного ужаса, что ошибиться было невозможно. Интересно, что такое жуткое таится за этим симпатичным лицом с умными глазами?

В конце концов я решился задать прямой вопрос.

— Почему слуги тебя так боятся? — спросил я.

Пуммаирам самодовольно усмехнулся.

— Тебя волнует, что думают шудры? — спросил он с деланным удивлением. — Ах да, ты же европеец. Не хочу тебя обидеть, но европейские мозги насквозь отравлены либеральной заразой. Свобода, равенство, братство… Какое может быть равенство между нами с тобой и вот этой куклой?

Он указал на ослепительно красивую девушку, стоявшую на коленях у стола в ожидании момента, когда кому-то из господ понадобится подать далеко стоящее кушанье, принести плошку воды для омовения пальцев или услужить как-то еще.

— Ты проницательный человек, раз сумел разобраться в ее убогих мыслях, — продолжал Пуммаирам. — Но это не извиняет ее. Я не позволяю шудрам отвлекать моих гостей от приятной беседы. Она будет наказана. Пойдем, я покажу тебе, как это делается в моем поместье.

Лицо несчастной девушки совсем застыло, а аура всколыхнулась отчаянием. Повинуясь жесту хозяина, она безропотно встала, вымученно улыбнулась и пошла прочь из комнаты. Пуммаирам дружески улыбнулся и жестом пригласил

меня последовать за ней.

Путь по коридорам дворца занял минуты две. А потом мы вышли во внутренний дворик, залитый полуденным солнцем, и я увидел то, что находилось в этом дворике.

Пуммаирам дружески похлопал меня по плечу и сказал:

— Не пугайся. Все это убранство предназначено не для тебя, — и улыбнулся.

Убранство впечатляло. Наверное, здесь присутствовали все орудия пыток, изобретенные человечеством, начиная от разнообразных плеток и заканчивая чем-то таким изощренным, что мозг отказывался это воспринимать. Я вспомнил Шотфепку и почувствовал, как внутри закипает ярость. На какое-то время я перестал контролировать себя, а когда сознание вернулось, я увидел, что бездыханное тело Пуммаирама лежит в пыли вниз животом, а лицо бывшего раджи смотрит в зенит. Что-то не в порядке с моими нервами. Никто не спорит, что собаке собачья смерть, но терять контроль над собой не следовало.

13

Преемником Пуммаирама стал старый шудра Дваджьяпхутома. Мой приказ поверг его в смятение — с одной стороны, он не мог и помыслить ослушаться господина, но, с другой стороны, если господин предписывает нарушить законы бытия…

Надо отдать Дваджьяпхутоме должное, его колебание было недолгим. Он вознес богам молитву и воспользовался терминалом. На следующий день я нанес еще один визит в поместье Пуммаирама и обнаружил, что раджа снова сменился. Новый раджа был не самым плохим человеком по сравнению с большинством своих коллег, но я все равно убил его, просто так, от злости. Больше я не общался с другими раджами.

Дни тянулись томительной чередой. Изысканные развлечения окончательно надоели, я начал понимать Билла Гейтса, который всюду ходит в драных джинсах, а питается гамбургерами из «Макдональдса». Богатство — вещь хорошая, а абсолютная власть — еще лучше, но ко всему хорошему быстро привыкаешь. И тогда оно начинает утомлять.

Однажды я заглянул в интернет посмотреть, что происходит на остальной Земле. Список проблемных регионов растет с пугающей быстротой. Остров Кюсю в Японии, почти вся Шотландия, две провинции в Китае, Восточная Пруссия, Трансильвания, Албания, город Вена, весь Люксембург, Северная

Ирландия… Скоро горячих точек на Земле станет больше, чем холодных.

Судорожным движением я нажал кнопку выключения питания на корпусе компьютера. Нынешние новости лучше вообще не читать, чтобы не расстраиваться. Человеческая цивилизация рассыпается на глазах и я ничего не могу с этим поделать. И никто не может, потому что те, кто мог бы, отказались бороться за будущее Земли. Они выбрали другой путь, они надеются построить новую цивилизацию на развалинах мироздания, они думают, что их цивилизация станет лучше, наверное, так оно и будет, но, все равно очень жалко, что старой Земле приходит конец. Как ни больно это сознавать, но теперь это всего лишь вопрос времени.

14

Конец пришел ранним утром одиннадцатого июля. Меня разбудил оглушительный женский визг, прервавшийся хриплым бульканьем. Я вскочил с постели, выбежал в коридор, чудом увернулся от удара топором по голове, перехватил руку нападающего, зафиксировал захват, надавил, запястье хрустнуло, топор выпал и я почувствовал, как чужая душа, временно захватившая тело слуги, удалилась в астрал. Обмякшее тело опустилось на пол, баюкая искалеченную руку. Через минуту со стороны кухни донеслись новые крики.

Я носился по коридорам, как сумасшедший, я пытался остановить убийцу, но я никак не успевал нанести смертельный удар до того, как сетевой маньяк успевал покинуть очередное тело и продолжить свою смертельную жатву.

В одной из комнат я сорвал со стены саблю, но она была тупая, как кочерга. Если бы у меня было нормальное оружие… Но его не было, от него предусмотрительно избавились еще мои предшественники на посту раджи, резонно опасавшиеся, что оружие может быть направлено против хозяина поместья. Но без оружия я был в тупике — несложно убить человека голыми руками, но убить голыми руками мгновенно — практически невозможно.

Убийца торжествовал. Не зная усталости, он убивал одного слугу за другим. Дом быстро превращался в декорацию к фильму ужасов — всюду кровь, трупы на полу, умирающие мужчины и женщины со вспоротыми животами ползают туда-сюда и стонут, стонут… И дети… Этот мерзавец не щадит даже младенцев!

В конце концов мои нервы не выдержали. Я отбросил

бесполезную саблю, повалился на пол и стал кататься в истерике, выкрикивая бессмысленные проклятия на всех языках, которые знал. В доме стояла тишина, но в моих ушах не утихали предсмертные вопли, а перед внутренним взором мелькали картины одна страшнее другой. Раскроенные черепа, лица, посиневшие от удушья, фонтаны крови из вскрытых артерий… Очень хочется поверить, что этот ужас творится не в реальной жизни, а в книге Перумова, в которую я перенесся каким-то чудом. Очень хочется юркнуть в эту лазейку, отгородиться от окружающего мира и навсегда погрузиться в спокойное, убаюкивающее безумие. Но безумие будет недолгим, оно продлится лишь до того момента, пока неуловимый убийца не настигнет и меня.

Я приподнял голову и увидел перед собой босые ступни примерно сорок шестого размера. Я поспешно вскочил и принял оборонительную стойку, уже понимая, что это ни к чему. Убийца находился в комнате не меньше минуты и если бы он захотел, чтобы я пополнил список его жертв, это бы уже произошло.

Убийца оскалился в довольной улыбке садиста… нет, не садиста. И это самое страшное. Внезапно я понял, что столкнулся вовсе не с маньяком. Это существо испытывает от проделанной работы определенное удовольствие, но это именно удовольствие от хорошо проделанной работы, в нем нет ничего садистского.

— Ты будешь жить, — сказал убийца. — Ты будешь жить и помнить все, что случилось. И ты будешь всегда помнить, кто в этом виноват.

Он замолчал, ожидая наводящего вопроса с моей стороны и этот вопрос не заставил себя ждать.

— И кто же в этом виноват? — спросил я. — Кем ты себя возомнил? Робин Гуд? Или жрец богини Кали?

Убийца вновь улыбнулся.

— Я не убийца, — сказал он. — Я мститель. Геноцид во вселенную принес не я и не мои соплеменники. Ты входишь в состав КЗП?

Я промолчал, но убийца и не ждал ответа.

— Запомни эту кровь, — сказал он. — И не забудь предъявить счет тем, кто мнит себя защитниками порядка, а на деле заливает вселенную кровью. За последние сутки Нисле недосчиталась полумиллиона разумных существ. Их убили агенты вашего КЗП.

До меня начало доходить.

— Какое сегодня число? — спросил я.

— Одиннадцатое июля. А что?

— Сейчас… — пробормотал я.

Когда я запустил на Броун ту доминанту? Где-то в середине

июня… все сходится. Но почему Сбот не связалась со мной, когда мои броуновские клоны появились на Нисле? И почему моих их вовремя не остановили? То, что я затеял на Нисле, должно было стать обычным терактом, демонстрацией силы и решимости, но не более того. Ни при каких обстоятельствах теракт не должен был перерасти в кровавую вакханалию.

— Уходи, — потребовал я. — Мне нужно срочно поговорить с Сбот.

— С кем? — переспросил убийца.

— С твоей начальницей! Уходи, ты сделал достаточно.

Убийца пытливо заглянул мне в глаза, немного помолчал и вдруг произнес с удовлетворенной интонацией:

— Да, я сделал достаточно.

И он ушел, оставив в комнате смертельно перепуганное тело. Здоровенный мужик с ужасом смотрел на свои окровавленные руки и тихо выл на одной ноте.

— Заткнись! — крикнул я. — Заткнись и вали отсюда!

Мужик заткнулся и отвалил.

15

«Ты кто?» спросила Сбот.

И я сразу все понял.

При мейозе идентификатор абонента Сети меняется. Те личности, которые появляются в результате мейоза, не имеют с точки зрения Сети ни малейшего отношения к личностям, вступившим в мейоз. Поговорив с Сбот в последний раз, я отправился на Броун и вступил в мейоз с существом, которому передал навыки работы с Сетью без внешнего терминала. С этого момента Сбот больше не могла со мной связаться, как бы ей ни хотелось этого. Весь план был обречен на провал с самого начала. Как я только мог этого не заметить!

«Я раньше был Андреем Сиговым», сказал я. «Просто я еще раз вступил в мейоз после нашего последнего разговора».

«Ты думаешь, нам есть о чем разговаривать?» спросила Сбот. «После того, что ты натворил на Нисле…»

«А что я натворил? Твой агент говорил какую-то ерунду насчет полумиллиона жертв…»

«Это не ерунда!» воскликнула Сбот. «На Нисле одновременно явились полторы тысячи твоих клонов, причем они прошли в обход порталов. Я не понимаю, как это им удалось, и не хочу понимать. Мне больше не интересны твои планы, твои мотивы и все прочее, я больше не хочу ни во что вникать. Я знаю только

одно — люди начали геноцид и они будут наказаны».

«Да какой это геноцид!» воскликнул я. «Что могут натворить полторы тысячи бойцов?»

«Очень много», ответила Сбот. «Особенно если они умеют входить в Сеть без внешнего терминала. Особенно на Нисле, где на каждом шагу телепортаторы. Особенно если бойцы запрограммированы только на убийство и неспособны вступать в переговоры. Человечество в твоем лице нарушило сразу два запрета — на геноцид и на психическое программирование. Ты поставил свою расу вне закона».

«И что теперь будет?» спросил я. «Убийства будут продолжаться до полного опустошения Земли? Знаешь, что я тогда сделаю в ответ?»

«Знаю», вздохнула Сбот. «И поэтому я предлагаю перемирие».

«Условия?»

«Ты отзываешь своих убийц, я отзываю своих».

«Разве моих убийц еще не переловили?» удивился я. «Я был лучшего мнения о вашей полиции».

«Значит, тебе придется разочароваться. Отзови их».

«Но…» замялся я, «я не могу их отозвать. Эта функция не предусмотрена. Я думал, их сразу же отловят и перебьют, это было просто предупреждение…»

«Предупреждение?!» заорала Сбот. «Ты отправил на смерть полторы тысячи своих копий и говоришь, что это предупреждение?! Да что же ты за существо такое!»

И связь оборвалась.

16

Это был настоящий конец света. Я бестолково метался из одного района Земли в другой и всюду видел одно и то же — горы трупов и мечущиеся толпы живых, на глазах теряющих человеческий облик.

Кровавая мясорубка набирала обороты с каждым часом. По мере того, как новости о бойне на Нисле распространялись по Сети, все больше агентов конфедерации прибывали на Землю, чтобы поучаствовать в великом мщении. Не все они умели обходиться без внешних терминалов, как тот убийца, что опустошил мой индийский дворец. Обычные агенты работали менее эффектно, но нисколько не менее эффективно — перемещение в случайное тело, серия ударов по ближайшим соседям и уход обратно, пока тело еще живет.

Только тот может чувствовать себя в безопасности, вокруг

кого нет ни одного другого человека в радиусе километра. Да и эта безопасность весьма условна — в любой момент тебя может настичь лесной пожар или ядовитый выброс с ближайшего химзавода.

Яхры не ограничились только убийствами лицом к лицу. Они задействовали все средства массового уничтожения, какие только можно задействовать.

Автомобили с разгону врезаются в толпы пешеходов. Водители бензовозов поджигают свои машины и въезжают в торговые центры и кинотеатры. Самолеты падают на города, выбирая самые густонаселенные районы. Все химические заводы, способные сделать выброс отравляющих веществ, делают это один за другим. Вокруг атомных электростанций быстро разрастаются зоны радиационного заражения. Реакторы, способные взорваться, взрываются, в остальных случаях яхрам приходится проявлять изобретательность, но для них это не проблема, к их услугам память лучших земных специалистов как по атомной энергетике, так и по диверсиям.

Электричества нет почти нигде, водопровода тоже. Взрывы бытового газа, в течение дня сотрясавшие города, к вечеру прекратились, но только потому, что прекратилась подача газа. Интернет прекратил свое существование, зато в новостных лентах Сети события на Земле — тема номер один.

Толпы сетевых путешественников вновь хлынули на Землю. Комитеты защиты порядка всех миров сектора обнародовали заявления, предупреждающие граждан об опасности визитов, но эти заявления останавливают далеко не всех. Как можно запретить разумному существу, обладающему терминалом Сети, увидеть своими глазами гибель целой цивилизации, пусть даже варварской? Такое происходит не каждый день и даже не каждое столетие.

Никогда не думал, что человеческая цивилизация так уязвима для массированного удара извне. Против Земли работает всего несколько тысяч инопланетных бойцов, но какой эффект! Наши защитники порядка, как российские, так и американские, практически неуязвимы, страдает только мирное население, но как страдает… Никакое ядерное оружие не может причинить такого ущерба, как коллективное безумие, заставляющее людей целенаправленно уничтожать друг друга.

Не помню, как я провел этот день. Помню только обрывочные картинки, одна страшнее другой. Смертоносная карусель тяжелых «Боингов», кружащих над пылевым облаком, скрывающим под собой бывшие небоскребы Манхеттена. Время от времени один из самолетов пикирует и через несколько секунд облако вздымается

еще чуть-чуть выше. Военные корабли на рейде методично обстреливают город из тяжелых орудий. Биплан-кукурузник поливает ядохимикатами запруженную автомобилями дорогу. И трупы, трупы…

Поначалу я пытался прыгать из одного тела в другое, загоняя людей в стасис, но вскоре до меня дошло, что этим я всего лишь делаю их смерть быстрой и безболезненной. Чтобы вернуть всех этих людей к жизни, надо выдать сотню последовательных команд на возвращение в предыдущее тело и если хотя бы одно возвращение приведет в отравленную зону или в центр пожара, цепочка прервется вместе с моей жизнью. Если бы у них были терминалы…

Число жертв на Нисле приближается к миллиону. Я понимаю, что нехорошо радоваться чужому горю, но ничего не могу поделать с этой примитивной эмоцией. Геноцид человечества не сойдет яхрам с рук, яхры тоже будут наказаны.

Я запретил себе думать о том, что причиной сегодняшней катастрофы стала моя ошибка. На самом деле моя вина не так велика — если бы не ошибся я, обязательно ошибся бы кто-нибудь другой. Только теперь я окончательно понял, что имел ввиду Вудсток, когда говорил, что социальная система не способна быстро переваривать большие объемы новых знаний. Каждое знание несет опасность неправильного применения и когда таких знаний много, какая-то из опасностей рано или поздно становится реальностью. Я забыл, что мейоз меняет идентификатор абонента Сети, я недооценил боевую (точнее, палаческую) эффективность своих клонов, да, это ужасные ошибки, но их мог сделать любой.

Я понимал, что мои рассуждения нелогичны и противоречивы, что я из последних сил пытаюсь оправдаться в своих собственных глазах, пытаюсь убедить себя, что катастрофа была неизбежна, а она ведь и в самом деле была неизбежна… Но я не могу, я не имею права позволить себе мучаться совестью! Тогда я просто не смогу жить, но я должен жить, я обязан… а почему, кстати? Нет! Не думать об этом!

К вечеру я стал постепенно отходить от шока. Человеческая способность испытывать ужас имеет предел и этот предел был достигнут. Мучительное ощущение собственной вины и бессилия стало привычным, оно уже почти не мешало размышлять. Только размышлять было не о чем.

Весь мир рухнул. Умом я понимал, что Земля — еще не вся вселенная, что существует множество других миров, в некоторых из которых я смогу нормально жить, не в цивилизованных, конечно, в цивилизованные миры меня не пустят… за

исключением Блубейка… возможно…

Помнится, зимой, когда я застрял на планете Ол и страдал от невозможности вернуться на Землю, я думал, что смогу прожить жизнь и вне родного мира, что со временем я привыкну к новым реалиям и начну воспринимать свои старые воспоминания как сны или галлюцинации… А что? Уйти сейчас на Сорэ и поселиться там навсегда, каждый день ожидая, когда кошмарные воспоминания изгладятся из памяти. Сколько лет придется так ждать — десять, сто, тысячу?

Я чувствовал внутри себя мучительную пустоту. Все мое прошлое было бессмысленно, все попытки принести на Землю счастье и процветание были обречены на провал. Я надеялся, что джинн, которого я выпустил из бутылки, будет строить только дворцы, но так бывает только в сказках. Джинн только и ждет, когда его хозяин ошибется и прикажет ему построить то, что умеет убивать. Рано или поздно это произойдет обязательно.

Если бы нам удалось построить тот злосчастный астральный барьер! Укрыться от Сети, от всех ее опасностей, спрятаться в своем уютном мирке, превратить его в цветущий сад и не замечать, что вокруг стеной стоят зловещие джунгли, кишащие ядовитыми змеями. Вряд ли это было возможно, но я могу хотя бы помечтать об этом. Теперь мне остается только мечтать о том, что могло быть, и оплакивать то, что есть.

И вдруг из глубин моего сознания донесся внутренний голос Рудпея.

«Ничего не надо оплакивать», сказал он. «Катастрофа на Земле была предопределена. Вы, люди, слишком агрессивны и слишком склонны к анархии. Вы не могли усвоить знания, которые Вудсток обрушил на ваши головы, и сохранить при этом целостность общества. Я не ожидал, что катастрофа будет такой всеобъемлющей, но это даже к лучшему. Теперь вы сможете начать все с начала, с чистого листа, вы отбросите все, что мешало вам нормально развиваться, отбросите свою глупую агрессивность, свои неуправляемые эмоции, вы станете нормальной разумной расой и в конце концов вы раскроете свой потенциал до конца. А он у вас немаленький».

«И сколько времени это займет?» спросил я.

«Трудно сказать сразу. Надо попросить наш планетарный компьютер проделать необходимые расчеты. Я могу только сделать грубую прикидку. Где-то от двух до четырех тысяч лет».

«Заткнись!» мысленно заорал я. «Не надо меня утешать! Две тысячи лет, да пусть даже одна тысяча лет в первобытной дикости, в мире, разоренном до основания…»

«Не бесись», сказал внутренний голос. «Проблемы Земли

скоро перестанут тебя волновать».

«Почему?»

«Потому что ты уйдешь на следующий уровень».

Меня как будто обухом по голове ударили. Все загадки, намеки и притчи, которыми изъяснялся Вудсток, сложились в одну целостную картину. Вот что он подразумевал, когда говорил, что переходу на следующий уровень всегда предшествуют социальные потрясения! Ну ни хрена ж себе потрясение! Хотя… никто не знает, что именно произошло на Сорэ шесть тысяч лет назад. Или что произошло на Румылве тысячу двести лет назад. Известно лишь то, что в обоих случаях от древних цивилизаций остались лишь руины. Неизбежная плата за переход на следующий уровень нескольких избранных. Неизбежная ли?

17

Бесплотная темнота Вудстока больше не была безмолвной. Планетарный разум встретил меня вежливым приветствием.

— Здравствуй, — сказал он. — Поздравляю, твой путь близок к завершению.

Ответом ему стала длинная и сумбурная тирада, составленная главным образом из мата.

— Твои переживания скоро закончатся, — сочувственно произнес Вудсток. — На данном этапе они неизбежны, но скоро ты поймешь, что гибель двух цивилизаций не является катастрофой в масштабах вселенной. В результате сегодняшних событий вселенная приобретет больше, чем потеряет.

— И что же она приобретет? — спросил я. — Несколько человек, ушедших на следующий уровень? Сколько их будет? Ты, вроде, говорил, сто тысяч?

— Нет, — печально ответил Вудсток, — ста тысяч точно не наберется. Самые оптимистичные прогнозы не оправдываются никогда, всегда находится случайность, которая вносит свои коррективы. Сейчас в Сети находится около тринадцати тысяч синтетических личностей, прошедших через мейозы с твоим участием. Примерно половина из них имеет хорошие шансы пройти через барьер. Возможно, они захватят с собой кого-то еще, но таких людей будет немного. Жаль, что твои мейоз-партнеры начали междоусобные разборки друг с другом. Если бы ты сразу принял план, предложенный мы-два, все прошло бы гораздо лучше.

— Если бы мы-два принял мой план, все прошло бы еще

лучше! — воскликнул я. — Жизнь на Земле продолжалась бы своим чередом…

— И переход на следующий уровень остался бы все так же недостижим, — закончил Вудсток мою фразу. — Нет, лучше так, чем никак.

— Да что же такое в этом следующем уровне? — спросил я. — Почему ты считаешь, что это так важно?

— Хочешь это? — спросил Вудсток с легкой усмешкой. — Ты действительно хочешь узнать?

Если бы у меня было тело, я бы пожал плечами.

— Не знаю, — сказал я. — Я вообще больше не знаю, чего хочу, чего не хочу… Той Земли, на которой я вырос и которую любил, нет и никогда больше не будет. Я могу превратить в такие же руины Нисле, Шотфепку, десяток других миров, но зачем? Мертвые от этого не оживут.

— Ты не совсем прав, — сказал Вудсток. — Мертвые, конечно, не оживут, но кое-что сделать еще можно.

— Что?

— Сейчас ты не поймешь этого. И я тоже не вполне понимаю, о чем говорю. Чтобы все понять, ты должен совершить переход, пробить барьер и очнуться на следующем уровне.

— Если бы это было так просто…

Вудсток издал ехидный смешок.

— Это очень просто, — сказал он. — Надо всего лишь захотеть.

— Раньше ты говорил, что переход займет сто лет и потребует какой-то оптимизации мозга.

— Ты уже прошел эту оптимизацию на Броуне. Ограничения на объем изменений, вносимых в структуру личности за один сеанс, давно сняты. Тебе достаточно всего лишь пожелать и я внесу в твою душу все необходимые изменения. За один раз.

— Погоди. Получается… я мог перейти на следующий уровень еще полтора месяца назад?!

— Не мог. Даже если бы я предложил тебе этот путь, ты бы отказался. Твое сознание было слишком поглощено суетными мыслями. Ты тратил все ресурсы своего мозга на решение неразрешимой задачи, лишь теперь, когда ты понял, что она неразрешима, перед тобой открылся путь наверх.

— А как же мы-два? — спросил я. — Он ведь ясно сказал, что хочет уйти на следующий уровень как можно быстрее.

— Он не ясно сказал. Если бы он четко потребовал «научи меня за один раз всему, что необходимо для перехода на следующий уровень», я не смог бы ему отказать. Но он не смог правильно сформулировать свое желание. Да и не было у него

такого желания, он лишь на словах утверждал, что готов к переходу, а на самом деле его стремления не выходили за пределы текущего уровня. Как и ты, он мечтал перестроить человечество в соответствии с собственными желаниями. Только желания у вас были разные.

— Его желания были ближе к твоим, чем мои, — заметил я.

— Конечно, — согласился Вудсток. — Его путь приведет на следующий уровень несколько тысяч человек, а твой путь привел бы лишь пару десятков, да и то не факт. Естественно, я был на его стороне.

— То, что люди гибнут миллионами, тебя не волнует?

— Конечно, нет. Судьба балласта не волнует никого, кроме самого балласта. Когда ты совершишь переход, она перестанет волновать и тебя.

— А ты уверен, что я совершу переход? — спросил я. — Ты так уверенно об этом говоришь…

— Конечно, совершишь, — усмехнулся Вудсток. — Что тебе еще остается?

— А что, на переход решаются только тогда, когда ничего другого уже не осталось? Переход — это как самоубийство?

— Что-то общее есть, — серьезно ответил Вудсток. — Ты убиваешь в себе остатки балласта и становишься иным.

— Не умрем, но изменимся, — процитировал я, кажется, апостола Павла.

— Вот именно. Ну так ты готов?

— Готов, — сказал я, мысленно пожав плечами.

— Тогда начинай.

— Что начинать?

— Переход. Просто скажи: хочу перейти на следующий уровень.

— Хочу перейти на следующий уровень, — сказал я и провалился в небытие.

18

Обморок прошел и я вдруг понял, что окружает меня не бездонная тьма Вудстока, а родной и знакомый интерьер дома на Сорэ, ставшего этой весной временным пристанищем для Андрея и Даши. Я оглядел свое тело и… гм… это было земное тело Андрея Сигова.

Кто-то кашлянул. Я обернулся и увидел эрпа-мужчину, лысого, тонкогубого и длинноухого, как все представители этой расы. Теперь, когда я пребывал в человеческом теле, внешность

эрпа казалась куда более отталкивающей, чем раньше, когда я встречался с ними, сам будучи в теле эрпа.

— Как себя чувствуешь? — спросил эрп. — Переход прошел удачно?

Я не сразу сообразил, о чем он говорит.

— Какой переход? — переспросил я и сразу все вспомнил.

Жуткий и страшный конец человечества. Вудсток и его виртуальный голос, то насмешливый, то серьезный, осторожно подталкивающий меня к последнему шагу на пути неведомо куда. И вот этот шаг сделан… а сделан ли? Вудсток говорил, за барьером меня ждет сверхразум, но я не чувствовал в себе ничего сверхразумного. Я вообще не чувствовал в своем сознании никаких изменений.

Нет, одно изменение было. Воспоминания о конце света больше не порождали в душе адского сочетания страха, боли, стыда и гнева. Теперь я воспринимал случившееся спокойно и отстраненно, как будто оно произошло не со мной и совсем меня не касалось.

— Вспомнил? — спросил эрп.

Я неуверенно кивнул.

— Спрашивай, — сказал эрп.

Он глядел на меня таким взглядом, как будто видел насквозь. Впрочем, так оно, наверное, и есть. Вряд ли вновь прибывшие на следующий уровень демонстрируют большое разнообразие эмоций.

— О чем? — спросил я и пожал плечами.

Эрп улыбнулся.

— Ты быстро адаптируешься, — сказал он. — Если тенденция сохранится, то… — он оборвал себя на полуслове и добавил после короткой паузы: — Спрашивай по порядку.

— По какому порядку? Намекаешь на то, что я должен спросить, правда ли это следующий уровень? Я и так знаю, что это правда.

— Почему? Может, это иллюзия. Вудсток — большой мастер создавать иллюзии.

Я вдруг заметил, что у моего собеседника нет ауры. И у меня тоже ее нет. Неужели это на самом деле иллюзия?

— Это не иллюзия, — сказал эрп. — Это действительно следующий уровень.

— А где ауры? — спросил я.

— Ауры? — смущенно переспросил эрп. — Их наличие так важно для тебя? Я могу их создать, но…

— Что значит создать? — спросил я. — Ты бог?

Эрп растянул губы в зловещей усмешке и издал неприятный

скрежещущий звук. Я вспомнил, что эрпы так смеются. Когда ты сам находишься в теле эрпа, это воспринимается как само собой разумеющееся, но теперь… Все-таки эрпы — довольно-таки неприятные создания, если смотреть со стороны.

— Можно сказать и так, — сообщил эрп. — Мы находимся на Вудстоке, в виртуальной реальности. Я извлек память об этом месте из твоего сознания, мне показалось, что оно лучше всего подходит для нашего разговора.

— Ты знаешь, что это за место? — спросил я.

— Конечно. Это типовой дом из моего родного мира. С этого места началось твое знакомство с моей родиной.

— Кто ты? — спросил я. — Ты один из тех эрпов, которые шесть тысяч лет назад ушли на следующий уровень?

— Конечно. Кстати, я забыл представиться. Меня зовут Хаф.

— Тот самый Хаф, о котором говорил Вудсток?

— Тот самый.

В разговоре повисла пауза. Хаф ждал, когда я задам следующий вопрос, а я не знал, о чем его спрашивать. Мне нужно узнать так много…

— Что такое следующий уровень? — спросил я. — В чем суть перехода, который мы с тобой совершили? Мы теперь сверхразумны?

Хаф снова растянул губы и заскрежетал.

— Нет, — ответил он, — мы не сверхразумны. Никакого сверхразума не существует, все разумы во вселенной функционально эквивалентны. Они различаются скоростью мышления и объемом памяти, но любая мысль, доступная одному разуму, доступна и другому. Странно, что ты не знаешь этого, мне казалось, что в твоем мире уже существует кибернетика.

— Она существует, — подтвердил я. — Только я ее никогда не изучал. Значит, сверхразумов не бывает… А что тогда во мне изменилось? Зачем нужен был переход?

— Переход не превращает разум в сверхразум, — сказал Хаф. — Но переход дает разуму много новых возможностей. Как думаешь, для чего нужна Сеть?

— Надо полагать, не только для того, чтобы разговаривать и путешествовать. Иначе ты бы не задал этот вопрос.

— Ты прав, — сказал Хаф. — Возможности Сети, доступные с предыдущего уровня — всего лишь верхушка айсберга. Ты никогда не задумывался, почему поисковая система работает так странно?

Я пожал плечами.

— А что тут задумываться? Все поисковые системы работают странно, что гугл, что яндекс… К тому же, Сети приходится все

время перекодировать информацию из одной системы понятий в другую…

— Все так, — сказал Хаф, — но главная причина не в этом. Главная причина в том, что Сеть изначально не предназначалась для обычных разумных существ. Те, кто создал Сеть, ушли на следующий уровень задолго до того, как Сеть начала функционировать. С самого начала Сеть предназначалась только для абонентов, уже совершивших переход.

— Я все еще ничего не понимаю, — сказал я. — Ты все время употребляешь слово «переход», но ты его так и не объяснил.

— Я объясняю постепенно, — сказал Хаф. — Вселенная устроена слишком сложно, чтобы познавать ее, как познают математику. Тебе придется чуть-чуть потерпеть. Скоро ты начнешь понимать, что такое переход на следующий уровень.

— Хорошо, — сказал я. — Продолжай объяснять, я жду.

Хаф продолжил:

— Одно из самых заметных отличий тебя и меня от тех существ, что остались на предыдущем уровне, состоит в том, как мы взаимодействуем с Сетью. На нашем уровне не нужен внешний терминал…

— Мне он не был нужен и раньше, — перебил его я.

— Я знаю, — кивнул Хаф. — А ты никогда не задумывался, зачем он вообще нужен?

— Ну… терминал — это как бы маяк, который показывает Сети, что рядом находится абонент.

— А зачем нужен этот маяк? Почему Сеть не может обнаружить разум, не прибегая к помощи маяка?

— Ну… Если бы каждое разумное существо в каждом мире вселенной было подключено к Сети… Началась бы такая анархия…

— Ты правильно мыслишь, — улыбнулся Хаф. — Но это не причина, а следствие. Причина же в том, что на самом деле Сеть не нуждается в маяках. Абонент Сети нашего уровня обнаруживается Сетью без всяких маяков. Маяки нужны лишь затем, чтобы обмануть Сеть.

— Обмануть? — переспросил я. — В каком смысле обмануть? Вместо разума второго уровня подсунуть разум первого уровня?

— Вот именно, — кивнул Хаф. — Все терминалы Сети устроены примерно одинаково, они выдают в астрал сигнал, характерный для высокоразвитого разума. Сеть обнаруживает этот сигнал, начинает искать разум, его пославший, и находит владельца терминала.

— Получается, все общение разумных существ с Сетью — сплошное хакерство?

— Ну почему же хакерство? Просто использование недокументированных возможностей. Хакерство — это когда владельцу информационного ресурса причиняется вред, а здесь никакого вреда нет. Существам вроде нас с тобой деятельность низших разумов по барабану. Так даже интереснее — примитивные разумы загоняют в Сеть целый океан неструктурированной информации, в нем иногда обнаруживаются такие жемчужины…

— Ты знаешь, кто создал Сеть? — спросил я.

— Разумные существа, подобные тебе и мне, — ответил Хаф. — Очень древняя раса, память о которой сохранилась только в Сети.

— Где-то в Сети лежит информация о ее создателях?

— Нет, о такой информации ничего не известно. Я имел ввиду, что сама Сеть является памятью о ее создателях.

— А что Сеть представляет собой физически? — спросил я.

— Сложная энергетическая структура, существующая за пределами измерений, доступных твоему прошлому пониманию. Если захочешь, ты сможешь узнать, что такое Сеть, в самых мельчайших подробностях. Надо всего лишь подключиться к ней по-настоящему.

— Что значит подключиться по-настоящему?

— Используя все ее возможности, а не только те, что доступны ограниченным разумам, не перешедшим на наш уровень. Скажи мне, на каком языке мы разговариваем?

Я задумался над этим вопросом и понял, что не знаю ответа. Я попытался вспомнить, как точно был сформулирован последний вопрос Хафа, и не смог этого сделать. Хаф как будто задал свой вопрос на всех языках сразу и ни на каком в отдельности.

Хаф улыбнулся и спросил:

— А теперь?

— Теперь — по-русски, — ответил я.

— Это парадокс, — сказал Хаф. — Пока ты не обращаешь внимания на систему понятий, Сеть работает с мыслительными контурами напрямую. Но как только ты требуешь явно указать кодировку, Сеть переключается на твой родной язык. При этом теряется точность представления информации, начинают проявляться шероховатости языка наподобие синонимов и омонимов… Но на нашем уровне нет нужды в языке. Мы можем принимать и передавать информацию во всей полноте, не утруждая себя ее кодированием.

— Телепатия? — спросил я.

— Это больше, чем телепатия, — ответил Хаф. — Все существа нашего уровня, подключенные к Сети, образуют единый

коллективный разум. При этом каждый из нас сохраняет свою индивидуальность. Вся информация, которой обладает каждый из нас, доступна всем. Если перед тобой встал вопрос, ответ на который известен хотя бы одному существу в Сети, ты узнаешь этот ответ, как только сформулируешь вопрос. Сеть, по сути своей, есть единое информационное поле, объединяющие все разумы вселенной, способные с ним взаимодействовать.

— А перемещения из тела в тело? — спросил я. — На нашем уровне они поддерживаются?

— В них нет необходимости. На нашем уровне нет даже необходимости иметь какое-то определенное тело. Большинство разумов нашего уровня существуют отдельно от тел — либо внутри вегетативных разумов наподобие Вудстока, либо непосредственно в астральном пространстве. Собственно, Вудсток есть не что иное, как проекция астрального поля в пространство нервных цепей. Один и тот же узор можно изобразить и на стене, и на бумаге. Когда размер живого мозга превышает критическую величину, мозг становится астралом в миниатюре.

— Поэтому Вудсток не может перейти на следующий уровень?

— Это не главная причина. Главная причина в том, что мозг Вудстока слишком велик, чтобы сохранить в себе единую целостную личность. Время прохождения нервного сигнала из одного конца планеты в другой измеряется часами, мозг в таких условиях неизбежно распадается на отдельные фрагменты, не имеющие четких границ, тесно связанные друг с другом, теснее даже, чем разумы броуновцев, но все-таки независимые — в каждый момент времени.

Внезапно я осознал, что понимаю все, о чем говорит Хаф. Знание о том, как устроен Вудсток, открылось мне во всей полноте. Я понял, почему Вудсток не может перейти на следующий уровень, понял, как он создает виртуальную среду для своих гостей, понял все тонкости взаимодействия автономных фрагментов его гигантской аморфной личности, понял, откуда взялся тот агент, которого Вудсток подселил в мою душу, и еще то, что…

— Вудсток не имеет свободы воли, — сказал я. — Кластерная структура его мозга не позволяет испытывать сильные желания. Да и с эмоциями у него не все в порядке, сознание Вудстока слишком стабильно, чтобы зависеть от одной-единственной целевой функции… или даже нескольких…

Хаф улыбнулся, на этот раз его улыбка воспринималась не как оскал, а как нормальная добродушная улыбка. Впрочем, стоило мне заострить на этом внимание, как она превратилась в

устрашающий вампирский оскал, а в моих виртуальных ушах раздался зловещий скрежет.

— Ты очень быстро адаптируешься, — сказал Хаф. — Видишь, у тебя уже состоялся первый полноценный контакт с Сетью. Пусть мимолетный, но все-таки контакт. Теперь ты понимаешь, что такое Сеть?

Я отрицательно помотал головой. Хаф снова рассмеялся.

— Давай лучше вернемся к Вудстоку, — сказал я. — Я правильно понимаю, что Вудсток — не совсем полноценный разум? Его память колоссальна, он может одновременно обдумывать миллионы различных вопросов, но это все-таки не столько личность, сколько компьютер.

— Между личностью и компьютером нет четкой границы, — сказал Хаф. — Достаточно сложный компьютер тоже способен испытывать эмоции. Но ты прав, Вудсток нельзя назвать полноценной личностью. Если его не трогать, он замкнется в себе и будет вечно переваривать свои повторяющиеся мысли, причем каждый раз они будут казаться новыми, потому что фрагмент сознания, в который пришла мысль, успел забыть ее много лет назад. Чтобы Вудсток занялся какой-то осмысленной деятельностью, его нужно все время подталкивать извне. С тех пор, как он подключился к Сети, это делает Сеть. Вудсток является как бы концентрированным выражением объединенной воли всей Сети в целом.

— Ну ты и замутил, — сказал я. — Голова пухнет.

— Когда твои контакты с Сетью станут постоянными, голова перестанет пухнуть, — сказал Хаф. — Концепции вроде этой очень трудно осознать, когда твое сознание работает автономно. Но со временем ты все поймешь.

— Хорошо, — сказал я. — Но есть вещи, которые я хочу понять немедленно. Вудсток выражает волю Сети. А воля Сети заключается в том, чтобы неограниченно расширяться?

— Не только, — ответил Хаф. — Расширение Сети действительно является одной из основных парадигм и Вудсток ее выражает.

— Поэтому он никогда не отказывается делиться знаниями?

— Да. Эта парадигма настолько глубоко проникла в его сознание, что противостоять ей решительно невозможно. Каждая порция знаний приближает существо к тому уровню, на котором оно сможет не просто паразитировать на Сети, но стать ее частью, стать одним из миллиардов разумов, которые все вместе образуют Сеть.

— Разве Сеть — не техническое устройство? — удивился я.

— С низшего уровня ее удобнее воспринимать так, — сказал

Хаф. — Когда ты сам не являешься частью Сети, она воспринимается как нечто чуждое. В твоей системе понятий напрашивается ассоциация с техническим устройством, а уфсул подумал бы, что Сеть — это дух. На самом деле обе точки зрения имеют право на существование. Как и многие другие.

— Я понял, — сказал я. — Но вернемся все-таки к Вудстоку. Смысл жизни Вудстока — перевести как можно больше разумных существ на следующий уровень, чтобы они слились с Сетью. Правильно?

— Это не единственный смысл жизни Вудстока, да и вообще не смысл, потому что жизнь не имеет смысла. Это просто одна из парадигм…

— Неважно, — оборвал я его. — Вудсток вытаскивает разумные существа на следующий уровень, но чтобы существо смогло перейти на следующий уровень, оно должно абстрагироваться от повседневной суеты, потерять большинство связей со своим миром… правильно?

— Опять-таки, не совсем, — ответил Хаф. — Это неверно для разумных существ вообще, но верно для хищных гуманоидов вроде нас с тобой. Наши расы слишком молоды, наши инстинкты слишком сильны, чтобы позволить нам соответствовать стандартам Сети. Кем бы ни были создатели Сети, они были страшно далеки от нас и анатомически, и психически. Таким существам, как мы, для перехода на следующий уровень требуется очень глубокая перестройка личности. Чтобы личность согласилась на такую перестройку, должно произойти нечто из ряда вон выходящее.

— Например, планетарная катастрофа.

— Например, — согласился Хаф. — Я понимаю, с этой мыслью трудно свыкнуться, но со временем ты признаешь, что гибель расы является приемлемой ценой за переход нескольких индивидуумов на следующий уровень. Скоро твои контакты с Сетью станут регулярными, затем ты войдешь в постоянный контакт с Сетью…

— И в конце концов окончательно растворюсь в ней, — закончил я.

Хаф пожал плечами.

— Возможно, — сказал он. — Но это случится очень не скоро. Лично я провел в контакте с Сетью шесть тысяч лет и пока еще не растворился.

— Ты знаешь, кто такой Джеймс Бонд? — спросил я.

— Конечно, — ответил Хаф. — Я передам тебе ссылку, когда ты в следующий раз войдешь в тесный контакт с Сетью. Я мог бы объяснить словами, но это будет долго и неточно.

Я почувствовал, что могу снова подключиться к Сети хоть сейчас. Но неясное предчувствие советовало повременить.

— Я хочу рассказать тебе одну историю, — сказал я. — Поправь меня, если я в чем-нибудь ошибусь.

Хаф улыбнулся и сказал:

— Ты удивительно быстро адаптируешься. Обычно эту историю рассказывают на третий день.

Говоря «день», Хаф имел ввиду не день в астрономическом плане, а цикл бодрствования существа. На этом уровне разумные существа тоже нуждаются во сне.

— Жила-была одна планета, — начал я. — Она была самая обычная и ничем не примечательная. Населяла ее раса хищных гуманоидов, излишне агрессивных и излишне анархических, но в остальном вполне нормальных по галактическим меркам. Планета входила в Сеть уже давно, но контакты были эпизодическими, потому что эта планета ни для кого не представляла интереса. Природа обычная, общество обычное, уровень развития раннеиндустриальный, никаких достопримечательностей нет, самая обыкновенная варварская планета. Посещали ее одни только хулиганы, да еще ученые, которые ставили научные опыты на безответных варварах. Но однажды на этой планете случилось кое-что необычное. Один шибко умный варвар вдруг обнаружил, что астральный барьер, отсекающий все близкие миры от Вудстока, обходит эту планету стороной.

— Это произошло не вдруг, — поправил меня Хаф. — В Сети не бывает случайностей. Просто коллективный разум Сети решил, что ваш сектор уже готов предоставить Сети миллион-другой новых элементарных личностей. Примитивные разумы полагают, что когда абонент Сети нечетко сформулировал свой запрос, Сеть реагирует на него случайно, но на самом деле случайностей нет. Когда Сеть направила Павла Крутых на Вудсток, она начала претворять в жизнь свое решение. Все дальнейшее было предопределено.

— В том числе и мой визит на Ол?

— Нет, — покачал головой Хаф. — Не до такой степени. Сеть не вмешивается во все мелкие детали бытия разумных существ, Сеть осуществляет только общее руководство. Вместо Ола ты мог направиться и в другой мир, но общее направление твоего развития было предопределено. С того самого момента, когда ты обратился к Вудстоку с просьбой защитить тебя от Джеймса Бонда.

— Погоди, — сказал я. — Но я — это не только Андрей Сигов. Я еще и Даша, и Миша Сабалин, и Рудпей.

— Это несущественные детали, — отмахнулся Хаф. — Они помогли отточить твою душу, отбросить в балласт лишнее и добавить то, чего тебе недоставало.

— А Эзерлей?

— Случайная попутчица, обычное существо из обычного мира. Она здорово помогла твоему развитию, но на ее месте мог оказаться кто угодно.

— А Убежище? Что это такое?

— Личность, не готовая к переходу, иногда может быть допущена в виде исключения в основное пространство Сети. Обычно так делают, когда личность, приближающаяся к переходу, нуждается в защите от более примитивных братьев по разуму. Так было и в твоем случае.

— Но Вудсток потом сказал, что в Убежище больше нет необходимости, что я могу постоять за себя и сам.

— Необходимость в Убежище отпала, когда ты научился обходиться без внешних терминалов. Твоя астральная подвижность возросла настолько, что ты стал практически неуязвим, особенно если учесть, что Сеть всегда предупреждала тебя об опасности.

— До последнего времени.

— Да, — согласился Хаф, — до последнего времени. Ты попытался свернуть с предначертанного пути, ты испугался своего развития и захотел его остановить.

— Я не этого испугался, — возразил я. — Я испугался того, что на Земле произойдет то, что в конце концов и произошло. Кстати! Вудсток говорил, что еще не все потеряно, что кое-что можно исправить. Ты знаешь, что он имел ввиду?

Хаф улыбнулся.

— Конечно, — сказал он. — Возведи вокруг Земли астральный барьер, выброси всех пришельцев в базовые тела, а еще лучше — вообще запрети в пределах Земли сетевые перемещения, оставь только поисковую систему и телефон.

Я не поверил своим ушам. Неужели все так просто?

— Разве это возможно? — спросил я.

— Теперь возможно все, — серьезно сказал Хаф. — Ты еще не осознал самую главную вещь. Ты теперь не просто один из бесчисленных абонентов Сети, отныне ты — часть Сети и ты можешь принимать решения сам. Тебе доступны все знания, накопленные Сетью, и любой из миллиардов разумов, прошедших тем же путем, с радостью окажет тебе любую консультацию. Каждое твое желание, которое не будет противоречить коллективной воле, будет тут же исполнено. Ты — единственный человек с Земли, достигший нашего уровня, ты можешь творить

на Земле все, что угодно, и никто не будет с тобой спорить. Можешь считать себя планетарным богом.

— А как же мои клоны? — спросил я. — Ну, то есть, не совсем клоны…

— Я понял, — остановил меня Хаф. — Ты говоришь о синтетических личностях, полученных с участием твоей доминанты. Они еще не покинули Вудсток.

— Но и мы тоже не покинули Вудсток, — заметил я. — Ты говорил об этом в начале разговора.

— Мы не покинули Вудсток только в географическом смысле, — уточнил Хаф. — Нет разницы, где находиться — в истинном астральном пространстве или в его имитации на Вудстоке. Если захочешь, ты в любой момент можешь изменить свое пространственное расположение, а со временем, когда ты окончательно интегрируешься в Сеть, твоя личность так размажется по астральному пространству, что будет даже трудно сказать, где конкретно она находится. А что касается твоих клонов, я имел ввиду, что они еще не закончили финальное преобразование.

— Вряд ли оно займет много времени, — сказал я. — Возможно, мне стоит подождать, час-другой ни на что не повлияет.

— Ты ошибаешься, — покачал головой Хаф. — У гуманоидов финальное преобразование длится очень долго. По земному календарю сегодня пятое сентября.

— Что?! Я провел на Вудстоке почти два месяца?!

— Да, ты управился менее чем за два месяца. Твоя психика необычна для гуманоида, ты заметно ближе к создателям Сети, чем любой из нас. Неудивительно, что эта твоя особенность привлекла такое внимание Вудстока.

Хаф говорил, что-то еще, но я его не слушал. На Земле прошло два месяца. Два месяца первобытного ада. Я должен немедленно узнать, что там происходит, а узнав — принять все необходимые меры. Если там еще можно что-то спасти…

— Выражение твоего лица говорит о том, — сказал Хаф, — что ты вплотную подошел к следующей стадии адаптации. Сейчас ты начнешь спасать остатки твоей цивилизации.

— По-твоему, это невозможно?

— Чаще всего это невозможно. Из ошметков кокона обычно не получается сотворить еще одну гусеницу. Но ты попробуй, вдруг что получится. Я могу ошибаться.

— Хорошо, — сказал я. — Я попробую.

Когда ты находишься на следующем уровне, работать с поисковой системой Сети — одно удовольствие. Никаких проблем с переводом понятий из одной системы в другую, вся информация понятна сразу и во всех подробностях. И еще все время ты испытываешь восхитительное чувство сопричастности к самому мощному разуму вселенной. Раньше я полагал, что самый мощный разум вселенной — Вудсток, но теперь это кажется смешным. По сравнению с Сетью Вудсток — козявка.

Новости с Земли были неутешительны. Население планеты сократилось почти вдвое, но не столько за счет убийств и техногенных катастроф, сколько за счет массовой эмиграции в иные миры. В первые же часы армагеддона на Земле появились агенты Блубейка, которые каким-то чудом сумели наладить массовое производство терминалов Сети. Оказывается, терминал вовсе не обязан быть электрическим, на Земле существует несколько видов растений, подобных цветку рвасса с планеты Ол. Это дало возможность эвакуировать в Сеть более двух миллиардов человек.

Генетические фабрики Блубейка работают на пределе мощности. Каждый день с конвейеров сходит более миллиона гостевых тел, которые немедленно поступают в порталы и заселяются людьми, бегущими из умирающего мира. Сейчас на Блубейке находится около пятидесяти миллионов людей и их число непрерывно растет.

Восемьдесят миллионов людей выбрали своим новым домом Уфсыму. Во многих районах планеты коренные жители уже составляют меньшинство. Человеческие анклавы на Уфсыме быстро растут и если так будет продолжаться и дальше, скоро они сольются и вся Уфсыма станет полностью человеческой планетой. Не самая плохая планета, жалко только, что коренного населения не хватит, чтобы принять всех желающих.

Двести тысяч человек бежали на Броун. Большинство из них уже растворили свои личности в коллективных сознаниях островов, но на семи островах люди вытеснили коренное население. Интересно, что на эти острова эмигрировали наиболее выдающиеся личности, которые, по всей видимости, скоро перейдут на следующий уровень. Хаф был прав, в Сети не бывает случайностей, Сеть знает, кого куда направлять. Балласт — на растворение, а тех, кто представляет какую-то ценность — туда, где эта ценность будет возрастать.

Как выяснилось, на Земле погибло не так уж и много народу. Агенты яхров уничтожили около пяти миллионов, еще примерно столько же погибло в результате техногенных катастроф и последовавшей паники. В масштабах планеты — капля в море.

Африка и Латинская Америка вообще почти не пострадали.

Геноцид на Земле прекратился. Все промышленные объекты, которые стоило уничтожить, уже уничтожены, а массовые убийства простых людей быстро утомили убийц. Никакой психической мотивации не хватит на то, чтобы несколько дней подряд убивать и калечить беззащитных. Яхры добились своей цели, разрушили земную цивилизацию и отступили.

Последнего из броуновских убийц, терроризировавших Нисле, отловили и уничтожили двадцать второго июля. Всего Нисле потеряла менее двух миллионов жителей. Если бы я заложил в своих клонов приказ устраивать техногенные аварии… Хорошо, что эта идея тогда не пришла мне в голову.

Комитет защиты порядка планеты Сершле под давлением других миров все-таки запретил путешествия своих граждан на Броун. Но ситуация уже вышла из-под контроля. Каждый день в мирах яхров появляются десятки тысяч мутантов с Броуна, большинство представляют собой откровенный балласт, но попадаются среди них и по-настоящему интересные личности. Направляя посетителей в те или иные места Броуна, Сеть незаметно проводит селекцию, сливая в мейозе тех, кому это пойдет на пользу, и отправляя в балласт разумы, которые она считает безнадежными.

Ксиж Репье снял новый фильм. Многие говорят, что это не только лучший фильм за всю его карьеру, но и вообще лучший фильм последнего столетия. Художники, писатели и кинорежиссеры конфедерации прибывают на Броун толпами, а когда плоды их мейоза возвращаются обратно, чаще всего они оказываются невероятно, потрясающе талантливыми. Популярность Броуна растет с каждым днем, число граждан конфедерации, прошедших через Броун, исчисляется миллионами. Комитеты защиты порядка бьют тревогу, на Нисле даже успели принять закон, предписывающий уничтожать на месте каждого, побывавшего на Броуне, но этот закон вскоре пришлось отменить под давлением общественности. Демократии на Нисле совсем немного, но все же достаточно, чтобы создавать у власть имущих серьезные проблемы.

В середине июля Сбот приказала своим ученым изучить вопрос о возможности агрессивных действий против планеты Броун. К концу месяца ученые вынесли вердикт — это абсолютно невозможно без глубокого понимания броуновской психологии, которого можно достичь не раньше, чем через несколько лет. Максимум, что в ближайшем будущем можно получить от Броуна — несколько практических достижений в психиатрии, но не более того.

Супердоминанта, вызывающая патологическую ненависть броуновцев к остальной Сети, постепенно распространяется по планете. Через семь лет она охватит весь мир и тогда яхров и нопстеров ждет сюрприз, причем это будет именно сюрприз — Сеть тщательно следит, чтобы путешественники, прибывающие на Броун, не попадали в районы, охваченные супердоминантой.

Коллективный разум Сети одобрил мое решение заблокировать Броун через несколько лет. К тому времени вред от доступа разумных существ к этому миру начнет перевешивать пользу от того же самого. Такие миры, как Броун и Вудсток, не зря сравнивают с бомбами, взрывающими социальное пространство сектора. Доступ примитивных разумов к таким бомбам надо строго дозировать, иначе взрыв опустошит слишком много миров.

И в этот момент я понял, как лучше всего охарактеризовать отношение Сети к тем разумам, которые еще не готовы слиться с ней по-настоящему. Они для нее как домашние животные. Сеть заботится о них, помогает развиваться, а потом, когда приходит время, Сеть взрывает в очередном секторе очередную бомбу и жизнь животных на ферме приходит к логическому завершению. Сеть поглощает их, как бы съедает, элементарные разумы еще долго не перестают существовать, но кого волнует, как корова относится к тому что ее съедают? Даже если она искренне радуется тому, что пошла на котлеты, от этого ничего не меняется. Рано или поздно корова все равно перестанет существовать.

Что такое Сеть — коллективный сверхразум, являющийся венцом эволюции, или злокачественный нарост на теле вселенной? Если вдуматься, Сеть воистину подобна злокачественной опухоли. Она растет медленно, не спеша, она достаточно умна, чтобы понять, что излишняя скорость в таких делах только вредит. Подобно тому, как свиновод разводит свиней, Сеть разводит во вселенной разумы, откармливает их правильно подобранной информацией, а когда разум достиг нужной упитанности, она заглатывает его, сливаясь с ним в одно целое. Эта опухоль растет и когда она охватит всю вселенную…

Быть может, этим и объясняется то, что в Сети совсем нет цивилизаций, намного превосходящих Нисле или Шотфепку. Как только развитие расы превосходит некий предел, Сеть подбрасывает информационную бомбу и цивилизация превращается в руины, а Сеть чуть-чуть увеличивается в размерах. Во вселенной существует только одна сверхцивилизация, только один сверхразум — сама Сеть.

Сеть прервала мои мысли. Пришедший от нее сигнал был не

приказом и не просьбой о помощи, это был нечто среднее между просьбой и приказом. Драконтрест очнулся на новом уровне, ему надо помочь адаптироваться, как мне помог Хаф. Сеть полагает, что с этой задачей никто не справится лучше меня.

Я проник в память Драконтреста и нашел там пейзаж, наилучшим образом подходящий для места первого контакта. Это был какой-то скверик в Питере, я сформировал только небольшой его участок, с тремя скамейками и двумя ларьками — с пивом и с мороженным. Продавцов в обоих ларьков не было, они не были предусмотрены, эта реальность предназначена только для нас двоих.

Драконтрест оказался моложе, чем я ожидал, и гораздо симпатичнее, особенно с точки зрения Даши. Этакий голубоглазый блондин с мужественным лицом и спортивной фигурой — истинный ариец, ха-ха.

Он недоуменно повертел головой туда-сюда и увидел Андрея Сигова, в облике которого я находился в этой реальности. Я широко улыбнулся и сказал:

— Здравствуй, Дима! Как себя чувствуешь? Переход прошел успешно?

Драконтрест не сразу сообразил, о чем я говорю.

— Какой переход? — переспросил он и я понял, что он сразу все вспомнил.

Жуткий и страшный конец человечества, который на самом деле совсем не конец, а переход на следующий уровень, причем не только отдельных представителей человечества, но и всей цивилизации в целом. Несмотря на то, что цивилизация как таковая перестала существовать. Ничего, еврейская нация существовала без своего государства долго и относительно счастливо.

— Вспомнил? — спросил я.

Драконтрест неуверенно кивнул.

— Спрашивай, — сказал я.

— Что спрашивать?

— По порядку.

И тогда Драконтрест задал первый вопрос.

— Это действительно следующий уровень? — спросил он.

20

Драконтрест привыкал к новому уровню заметно дольше, чем я. Хаф не врал, я действительно обладаю необычной для гуманоида душевной пластичностью. Обычно люди осваиваются в

новой реальности гораздо дольше.

В середине сентября Драконтрест решил, что его переход окончательно завершен. Я ощутил исходящий от него запрос на соединение и это было совсем не похоже на псевдотелефонный разговор по Сети. Когда я ответил на запрос, наши души слились почти воедино, почти как на Броуне. Я сразу вспомнил, как давным-давно, когда Андрей и Даша еще были людьми, их души однажды слились примерно таким же образом. Чтобы это слияние стало возможным на предыдущем уровне, нужно множество сопутствующих обстоятельств вроде взаимной любви, но на этом уровне не нужно уже ничего, кроме желания обеих сторон.

Наш разговор трудно назвать разговором. Мы больше не нуждаемся в виртуальной среде, как и в словесном кодировании информации, мы обмениваемся не словами, а мыслями, причем мысль передается собеседнику еще до того, как успевает окончательно сформироваться в сознании отправителя. К тому же, мы с Драконтрестом не совсем разные, память Андрея и Даши есть и у меня, и у него. Наша беседа была больше похожа на разговор с самим собой, чем на разговор с другим человеком.

Мы обсуждали тот самый вопрос, который в свое время вызвал разделения Андрея и Даши на мы-один и мы-два. Что важнее — личность или общество? Каков главный итог контакта человечества с Сетью — распад цивилизации или выход нескольких тысяч людей на следующий уровень? Пока что переход завершили только мы с Драконтрестом, но скоро нас здесь будут тысячи.

Все то, что Сеть принесла на Землю — это хорошо или плохо? С одной стороны, приятно сознавать, что твоя интеллектуальная мощь неимоверно возросла, что ты не просто ведешь существование в одном из миллиардов населенных миров, но напрямую участвуешь в управлении вселенной. Но, с другой стороны, миллионы убитых и раненых — не слишком ли высокая цена за счастье нескольких индивидуумов? Да, почти все пострадавшие представляют собой балласт, но все же, все же… Как надлежит относиться к балласту — с презрением или с заботой? Сеть никогда не ответит на этот вопрос, потому что вопрос этот относится не к законам природы, а к законам этики, а законы этики у каждой расы свои, причем у большинства рас они настолько расплывчаты, что даже слово «закон» не слишком подходит к этому понятию.

Каким путем пойдет дальше Земля? Можно изолировать ее астральным барьером, отключить в пределах Земли физические перемещения из тела в тело, понастроить всюду нанозаводов, создать всеобщее изобилие и в результате получить идеально

благоустроенную и абсолютно счастливую планету. Хаф в свое время повел Сорэ именно этим путем.

Можно, наоборот, поддерживать и всячески стимулировать расселение людей по Сети. Бывшие земляне станут носителями духовной заразы, увлекающей разумы на следующий уровень. Люди распространят ее по всему сектору и в течение ближайшего столетия коллективный сверхразум Сети пополнится несколькими миллионами новых фрагментов. А еще через тысячу лет будущие ученые Нисле, вторично выбравшейся из первобытной эпохи, будут ломать головы над загадкой: почему на одной планете одновременно сформировалось одиннадцать принципиально различных форм разумной жизни.

Все зависит от того, с какой стороны смотреть на вещи. Если смотреть снизу, с позиций разума низшего уровня, Сеть несет гибель. А если смотреть сверху, то, может быть, смысл жизни любой цивилизации и состоит в том, чтобы предоставить Сети несколько элементарных разумов?

Какой-то философ сказал, что каждый вопрос содержит в себе большую часть ответа. Ответ на любой вопрос во многом определяется тем, какими словами вопрос сформулирован. Но если тебе не нужны слова, если ты способен воспринимать отвлеченные понятия, не пряча их под словесной шелухой, тогда задать прямой и однозначный вопрос практически невозможно. Гегель был прав, когда формулировал закон единства и борьбы противоположностей. На каждый вопрос существует два противоположных ответа, каждый из которых является правильным в своей системе понятий. Но если твоя система понятий охватывает все бытие одновременно, любая истина становится ложью.

Общеизвестно, что абсолютной истины не существует, но что делать, если нет и относительной истины? Если каждое утверждение является одновременно истинным и ложным, каждое действие — правильным и неправильным, а все хорошее — одновременно и плохим? О всезнании хорошо рассуждать тогда, когда ты думаешь, что лично тебе оно не грозит никогда. Но если твой разум охватывает все вопросы бытия со всех возможных сторон, то границы между противоположными понятиями стираются окончательно. Воспринимая мир во всей полноте, ты понимаешь, что в нем нет добра и зла, а есть только путь, ведущий неведомо куда и бессмысленно даже пытаться понять, куда он ведет, потому что если непознаваем каждый отдельно взятый разум, то как может быть познаваема вся вселенная в целом?

И тогда ты понимаешь, что Вудсток не является

единственным примером кибернетического автомата, слишком сложного, чтобы иметь однозначную целевую функцию. Сеть неизмеримо сложнее, чем Вудсток, она, правда, имеет кластерную структуру и если посмотреть с соответствующей точки зрения…

Жаль, что большую часть этих рассуждений никак нельзя передать словами человеческого языка. «Дао, выраженное словами, не есть дао», говорили древнекитайские философы. Они не понимали, что это верно не только для дао. И тем более они не понимали, каково это, когда ты знаешь, что между любым действием и любым другим действием нет принципиальной разницы, как нет разницы между действием и бездействием, но надо же что-то делать, в самом-то деле…

21

Двадцать седьмого сентября планета Земля выпала из Сети. Некоторые инопланетные путешественники вернулись обратно в свои тела, другие остались на Земле, лишившись надежды вернуться домой. Они не знали, что надежда остается всегда, просто Сеть решила, что им будет полезно немного помучиться отчаянием.

На Земле стали появляться пророки, только теперь они приносят в мир не отвлеченные философские идеи, а вполне конкретные практические знания. Некоторые пророки полагают, что научились творить волшебство, большинство же пребывает в уверенности, что Бог с большой буквы явил очередное чудо. На самом деле правы и те, и другие — высокая технология все равно остается технологией, но *очень высокая технология* воспринимается примитивным сознанием как магия. А что касается бога — чем Сеть не Бог? Почти вездесущий, почти всемогущий, почти всеведущий… Сеть, правда, не сотворяла мир, ну и что? Чтобы быть богом, вовсе не обязательно сотворять мир, можно взять в управление и готовый мир, сотворенный кем-то другим.

Высшие иерархи католической церкви всерьез обсуждают вопрос, можно ли считать, что одиннадцатого июля состоялся конец света. Самое смешное, что пророчества сходятся, даже финальное пророчество про долину Армагеддон исполнилось в апреле. Христос, правда, не являлся на Землю, но кто знает, может, его просто пока не заметили?

А ведь они правы — конец света действительно состоялся. Грязная и вонючая гусеница превратилась в бабочку, оставившую после себя яйцо. Пока непонятно, что вылупится из этого яйца, но

одно можно сказать точно — это будет совсем другой мир.

Давным-давно, еще на том уровне, Вудсток говорил, что существа, перешедшие на следующий уровень, редко прельщаются ролью бога. Но люди являются исключением, люди так долго ждали пришествия бога, так мечтали о нем… Они вполне заслужили того, чтобы их мечта сбылась. Не знаю, что выйдет из этого, но попробовать стоит. Как минимум, это вложит порцию новых знаний в копилку вселенского разума. Вот и Хаф подтвердил, что эксперимент обещает быть интересным. Хаф говорит, что у эрпов ситуация была совсем другая, эрпы никогда не были такими религиозными, как люди, а это меняет очень многое. Кстати, об опыте эрпов…

В наш(е/и) сознани(е/я) хлынул целый поток информации. Теперь я/мы знал(и) все, что произошло на планете Сорэ шесть тысяч лет назад. Но Хаф прав, опыт эрпов тут не подходит. Чтобы сделать осмысленные прогнозы, надо учесть психологические отличия среднего эрпа и среднего человека… учесть географическую и социальную дисперсию… нужен специфический математический аппарат… Ага, спасибо… А ты не поможешь?… Большое спасибо. Что? Над этой задачей кто-то уже думает? Ну так давайте сольем наши кластеры воедино. Ух ты!

ЭПИЛОГ

Сергей открыл ящик-самобранку и поставил туда пустую бутылку из-под водки. Подобно винным магазинам советского времени, ящик-самобранка упорно отказывался выдавать алкоголь иначе как в обмен на пустую тару.

— Лучше бы Светке подгузники сделал, — проворчала Наташа с диванчика у печки.

Сергей коротко и беззлобно выругался. Наташа скривила лицо и некоторое время думала, что сейчас заплачет. Но так и не заплакала.

Ящик негромко зашипел.

Сергей дождался, когда шипение затихло, для верности выждал еще минуту, а затем извлек из ящика полную бутылку и две фаянсовые тарелки с кривой надписью «Общепит» по окружности. На одной тарелке обтекала майонезом порция пельменей с пылу с жару, на другой выстроились в ряд соленые огурчики.

— Хоть бы раз о жене позаботился, — высказалась Наташа.

На этот раз Сергей промолчал. Он прошел в горницу, уселся в рассохшееся кресло перед неработающим телевизором, поставил перед собой обе тарелки и отхлебнул водку прямо из горла. Наташа тяжело вздохнула.

Светка проснулась, закашлялась и заплакала. Наташа взяла на руки кулек, внутри которого угадывался ребенок, встала с диванчика, накинула на плечи траченное молью пальто и вышла на улицу.

Она давно думала над этим, а сейчас ей вдруг стало ясно, что время думать истекло и пришло время действовать. Как сказано в библии: время разбрасывать камни, время собирать камни…

Было холодно. Приближается зима, дом — как решето, а Сергею все равно, ничего ему не нужно, кроме водки. Наташа вдруг отчетливо поняла, что Сергей не переживет эту зиму. Просто потому, что он не хочет больше жить. Он сломался еще давно, в самые первые дни.

Рядом с домом стояла старенькая «шестерка», давно превратившаяся в недвижимость. Теоретически, ее можно завести и проехать на ней километров пятьдесят, но потом бензин кончится, а нового бензина взять негде. Так что эта «шестерка» скорее недвижимость, чем машина.

Наташа вспомнила, как в день конца света они выбирались из Москвы, как объезжали пробку вначале по проселкам, а потом и по бездорожью, как прятались на опушке леса от боевых

вертолетов, поливающих дорогу огнем и свинцом, как они въехали в дачный поселок, как Сергей долго взламывал замок на воротах и сказал в конце:

— Теперь мы будем жить здесь.

Вечером того дня мужики вскрыли магазин и поделили водку. Больше Сергей ни разу не бывал трезвым.

Наташа подошла к дому Чужого и увидела, что хозяин стоит на пороге и смотрит на нее своими печальными глазами, они всегда у него печальные.

— Пришла, — констатировал он.

— Пришла, — согласилась Наташа. — Пустишь?

— Пущу, — сказал Чужой. — На время или навсегда?

— Навсегда пустишь?

— Проходи.

Наташа поднялась по недавно подновленным ступенькам крыльца и столкнулась лицом к лицу с Маринкой, третьей женой Чужого.

— Ой! — воскликнула Маринка. — Девочки! Тетя Наташа пришла!

Через час Наташа лежала на полке свеженатопленной бани, а Чужой и его первая жена Антонина Петровна по очереди охаживали ее березовыми вениками. Наташа чувствовала спиной похотливый взгляд Чужого, она знала, чего он скоро потребует, но ей было все равно. Главное, что Светка будет в безопасности, что ее вечная простуда обязательно пройдет в тепле и заботе… Господи, сделай так, чтобы ее простуда прошла!

Еще через час Наташа сидела за столом, перед ней стояла чашка удивительно ароматного чая, только что из самобранки, на ее бедре лежала рука Чужого, но Чужой замечал не этого, потому что был поглощен разговором с отцом Василием. Чужой больше не был бодр и весел, как в спальне, четверть часа тому назад, теперь он снова впал в обычную печальную задумчивость.

— Спасение не для меня, — говорил Чужой. — Меня ждет вечность в аду. Я убивал.

Отец Василий досадливо крякнул, Маринка глупо захихикала. Ни Чужой, ни отец Василий не обратили на нее никакого внимания. Эта сцена разыгрывалась так часто, что они давно успели привыкнуть ко всем ее деталям.

— Господь всемилостив, — провозгласил отец Василий. — Дорога к богу не закрыта ни для кого. Ты убивал, но потом ты покаялся, твой грех снят и…

— Мой грех не снят, — прервал его Чужой. — Я убивал.

— Ну и что? Много кто убивал.

— Ты не понимаешь, — Чужой стал мрачнее тучи. — Я не

просто убивал, я *убивал* . Ты знаешь, о чем я.

Отец Василий неуверенно кивнул. Как же, знает он, злорадно подумала Наташа. Пересидел весь ужас в своем монастыре, а теперь пыжится. Посмотрела бы я на тебя, если бы тебе пришлось…

Наташа непроизвольно всхлипнула. Маринка, сидевшая слева, успокаивающе погладила Наташину руку и как бы невзначай прижалась бедром. Развратница, извращенка… Как только отец Василий ее терпит? Впрочем, какое ему теперь дело до ее разврата? Это раньше попы пугали людей концом света, теперь пугать поздно.

Отец Василий тем временем оседлал своего любимого конька и вовсю заливал про то, что господь отделил агнцев от козлищ, избранных от неизбранных, что на Земле воцаряется божье царствие, что второй знак тому ящики-самобранки, а первый знак — вещие сны, осеняющие достойных божественной премудростью.

— Много веков бог не вмешивался в дела земные, предоставив людей своей судьбе, — вещал отец Василий. — Но пришло время и грехи людские переполнили чашу терпения господня. И открыл он небесные врата и впустил на Землю инопланетян. И настал мор великий и смятение в умах. И брат восставал на брата, а сын поднимал руку на отца. Но прошли черные дни…

На этих словах Чужой резко оборвал отца Василия.

— Они еще не прошли, — сказал он. — Они пройдут, когда пророк увидит в вещем сне электрический обогреватель, работающий без электричества.

Отец Василий недовольно поморщился.

— Мы выживем и без этого, — сказал он. — Наши предки жили без электричества и ничего.

— Мы — не ваши предки, — возразил Чужой. — Никто из нас никогда не зимовал в деревенском доме. А это даже не деревенский дом, это дача, она не предназначена, чтобы постоянно жить в ней зимой. Если мы спалим ее сдуру?

— Типун тебе на язык, — строго сказал отец Василий. — Ты лучше не впадай в панику, а молись. Ты же пророк, ты отмечен печатью господа, он уже посылал тебе вещий сон…

— Я молюсь каждый день! — воскликнул Чужой. — Я не молю господа о прощении, моим грехам нет прощения, я умоляю позволить мне искупить их хотя бы частично. Но господь глух к моим молитвам.

— Пути господни неисповедимы, — строго сказал отец Василий. — Господь любит всех своих созданий, а тебя он

отметил особой печатью. Мы были обречены, но господь послал тебе вещий сон и у нас появились самобранки. Скоро ты увидишь еще один сон и наша жизнь облегчится еще чуть-чуть. А может, господь нас испытывает и ты нескоро увидишь следующий сон. Этого нам не понять. Все, что нам дано — молиться и надеяться на лучшее.

И тут Наташа почувствовала, что сходит с ума. Внутри нее заговорили голоса, а вернее, один и тот же голос, разговаривающий сам с собой.

— А этот крокодил яхрский запросто сможет перейти на следующий уровень…

— Да и бабцов рано в балласт записывать…

— Может, и вправду послать им еще один сон…

— Обойдутся. Им полезно подумать о смысле жизни…

— Может, водку запретить…

— Нет, пусть лучше спиваются. А то озвереют…

— Религиозный фанатизм…

— Разве ж это фанатизм? Ты видел, какие они оргии устраивают?..

— Нелепые телодвижения…

— Ха-ха-ха! Смешные создания вы, нопстеры…

— А по-моему, все идет по плану…

Голоса утихли. Наташа поняла, что теперь все будет хорошо. Богу больше не наплевать на людей, он снова начал заботиться о своих созданиях и на этот раз он будет заботиться о них до конца, он никогда больше не оставит их без внимания. Это ничего, что до весны вещих снов не будет, они появятся потом, когда община пройдет через испытание. А Чужой зря считает себя проклятым навеки. Бог простил его грехи и, когда придет время, возьмет его к себе на небо. И разврат Маринкин богу не совсем противен. Хорошо…

Наташа никому не рассказала об этих голосах. Нехорошо всем рассказывать то, что случайно подслушала у самого бога. Главное — все будет хорошо, теперь в этом она уверена.

Все будет хорошо.